

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1909.

№№ IX—X.

МАЙ—КНИЖКА ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ:	Стр.
Индивидуалистическое міросозерцаніе Леонида Андреева. <i>Епископа Георгія</i>	285—310
Обзоръ русскихъ сектъ и ихъ толковъ. (Продолженіе). <i>Протоіерей Т. Буткевича</i>	311—344
Христіанскій взглядъ на жизнь и самоубійство. <i>Священника Николая Загоровскаго</i>	345—386
Основныя начала ветхозавѣтнаго священства и пророчества. <i>Владимира Троицкаго</i>	387—425
Евангельское ученіе о любви къ ближнимъ. <i>Священника Петра Скубачевскаго</i>	426—449
Воздержаніе, какъ основа прантической дѣятельности христіанина. <i>Д. Брянцева</i>	450—456
Гоголь, какъ религіозная личность. <i>В. Талинкина</i>	457—471
Моральный прогрессъ и регрессъ по библейскимъ даннымъ (Пятонинію). <i>Б. М.</i>	472—479
Методъ истиннаго познанія. <i>А. М.</i>	480—496

II. ОТДѢЛЪ ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Высочайшія награды.—Высочайшія приказы.—Списокъ лицамъ духовнаго званія, кои Святейшимъ Синодомъ удостоены награжденія, за заслуги по духовному вѣдомству, ко дню Рожденія Его Императорскаго Величества.—Приказъ Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора.—Епархіальныя извѣщенія.—Присоединеніе къ православію.—Празднованіе двадцатипятилѣтія церковно-приходскихъ школъ.—Воззваніе отъ комитета по сооруженію памятника И. К. Айвазовскому.—Воззванія.—II Слово произнесенное въ день перенесенія Озерянской Чудотворной иконы Божіей Матери. *Священника Иоанна Котова*.—Простая рѣчь священника къ народу, о прославленіи и жизни предподобной княгини-инокини Анны Кашинской. *Священника Г. Ворсуни*.—Пять лѣтъ ученія въской духовной семинаріи. *І. Н.*—Основное начало христіанской нравственности. *Священника 201-го резервнаго Лебединскаго полка Лустина Пылулевскаго*.—Рѣчь депутата отъ Харьковской губ. *Протоіерея Ал. Станиславскаго*.—Миссіонерскій листокъ. По поводу открытія миссіонерскаго кружка во имя св. Николая въ с. Знаменскомъ, Изюмскаго уѣзда, въ день торжества православія. *Священника Михаила Бляева*.—Открытіе миссіонерскаго кружка въ с. Принольѣ, Изюмскаго уѣзда. *Св. А. К.*—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—Стр. 497—508.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Соборная пл., въ зд. Присут. мѣсть.

1909.

ЖУРНАЛЪ „ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ будетъ заключать въ себѣ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлю въ этомъ журналѣ, по прежнему, будутъ помѣщаться изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ будетъ помѣщаться отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія по Харьковской епархіи“ Въ этотъ отдѣлъ войдутъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, а равно и разныя свѣдѣнія.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ конторахъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиц. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полные экземпляры ея изданій за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 4 р. 50 к. за каждый годъ; по 5 р. за 1890—1896 г., по 6 р. за 1899—1904 годы. За 1905 и 1906 г. 7 руб., за 1907 и 1908 г. 8 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 100 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

2. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

3. „СОБЕСѢДОВАНІЯ“ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. благочинными, выборными отъ духовенства и другими лицами. 1903 г. Цѣна 40 коп. съ пересылкою.

4. СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за шесть книгъ семь рублей съ пересылкою. Весь чистый доходъ поступить, согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Πίστει νοοῶμεν.

Върою Разумѣваемъ.

Евр. XI.

ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОЕ МИРОСОЗЕРЦАНІЕ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА.

(Литературно-богословско-философскій очеркъ.)

Въ настоящее время въ нашей свѣтской литературѣ водворилось «индивидуалистическое» направленіе, т. е. на первый планъ выдвигается человѣческая личность: ея чувствованія, переживанія и стремленія. За личностью признается самоцѣль и самоцѣнность. Личность разсматривается не какъ орудіе общества и государства, какъ это было, напр., въ древнемъ мірѣ, гдѣ человѣкъ считался «государственнымъ животнымъ», но цѣна личности полагается въ ней самой. Всякая отдѣльная личность имѣетъ право на личное, индивидуальное существованіе, на свою особую жизнь, личное счастье. Это индивидуалистическое міросозерцаніе и составляетъ характеристическую черту нынѣшней литературы. Оно характеризуетъ собою и литературную дѣятельность писателя Леонида Андреева, на анализъ произведеній котораго мы и намѣрены остановиться.

Л. Андреевъ — извѣстнѣйшій писатель нашихъ дней. Имъ зачитываются и увлекаются. Его пьесы часто идутъ въ театрахъ. Имя его пользуется большою популярностью—особенно послѣ того, какъ нѣсколько померкла слава Максима Горькаго. Кто не читалъ Л. Андреева или кто по крайней мѣрѣ не слышалъ о немъ, какъ модномъ писателѣ? Однако, не смотря на всю извѣстность имени Л. Андреева, на широкое распространеніе его сочиненій въ читающей публикѣ, нельзя сказать того, чтобы міросозерцаніе Л. Андреева было понятно многимъ. Это писатель неясный и трудный для пониманія. По сравненію съ Л. Андреевымъ, міросозерцаніе М. Горькаго является весьма яснымъ и

понятнымъ. хотя и Горькій не для всѣхъ доступенъ. Л. Андреевъ—глубокій мыслитель, и основныя черты его міросозерцанія для многихъ малоуловимы. Критики различно смотрятъ на Л. Андреева: одни видятъ характеристическія черты его творчества въ одномъ,—другіе—въ другомъ. Нѣкоторые, напр., Буренинъ, совершенно отрицаютъ Л. Андреева. Вслѣдствіе этого и оцѣнка произведеній Л. Андреева бываетъ самая различная.

Мы устанавливаемъ взгляды на Л. Андреева, какъ на писателя индивидуалистическаго направленія, какъ на проповѣдника свободы личности, какъ на пѣвца права всякой личности на свое *личное* бытіе и счастье. Всѣ его произведенія суть протестъ противъ несвободы личности или тоска и скорбь по ея свободѣ. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Л. Андреевъ ничего кромѣ жизни личностей не изображаетъ, ничѣмъ не интересуется. Только переживание различныхъ личностей, внутренний міръ ихъ—вотъ что занимаетъ Л. Андреева. Въ этой общей индивидуалистической точкѣ зрѣнія находятъ свое объясненіе всѣ трудности пониманія Л. Андреева.

Индивидуалистическіе взгляды Л. Андреева весьма отличны отъ индивидуалистическихъ взглядовъ другихъ писателей нашего времени. Индивидуализмъ у иныхъ есть *персонализмъ*, т. е. чувство и сознаніе *силы* своей личности, своего превосходства, *своей*, такъ сказать, *сверхчеловѣчности*. У этихъ писателей не всѣ личности имѣютъ значеніе и право на индивидуальное существованіе, а только *сильныя* личности. *сверхчеловѣческія*. Остальныя личности, *слабыя* не имѣютъ цѣны. Это лишь матеріалъ для развитія и дѣятельности сверхчеловѣческихъ личностей,—матеріалъ, съ которымъ сверхчеловѣческія личности могутъ поступать, какъ угодно. Слабыя личности служатъ часто лишь тормазомъ для выработки сверхчеловѣческой личности и потому могутъ даже уничтожиться. Такова проповѣдь Ницше. То-же высказывается и М. Горькимъ устами его героев босяковъ—своего рода «сверхчеловѣковъ», для которыхъ все позволительно и возможно, у которыхъ все выходитъ такъ красиво. Но совсѣмъ не таковы индивидуалистическіе взгляды Л. Андреева. У Л. Андреева признается право на индивидуальное существованіе всѣхъ личностей; всѣ личности должны быть свободны,—всѣ имѣютъ право утвердить свое личное существованіе, и Л. Андреевъ скорбитъ и негодуетъ, если это бываетъ невозможнымъ,—если личность не можетъ утвердить своего

личнаго бытія. Такимъ образомъ индивидуализмъ у Л. Андреева не персонализмъ, а есть чувствованіе своего *отдѣльнаго* бытія.—желаніе со стороны каждой личности свободы и счастья: всѣ личности имѣютъ право личнаго существованія, личнаго самоопредѣленія.

Въ этомъ мы ясно убѣдимся, если рассмотримъ разные типы индивидуалистовъ, выводимыхъ въ произведеніяхъ Л. Андреева: 1) индивидуалисты, которые чувствуютъ унетеніе своей личности со стороны обычныхъ условій жизни—культурныхъ и естественныхъ. 2) индивидуалисты, которые желаютъ освободить свою личность отъ моральныхъ законовъ, написанныхъ въ сердце человѣка и стѣвующихъ естественную личность человѣка. 3) индивидуалисты, стремящіеся къ освобожденію личности человѣка отъ давленія экономическихъ условій и 4) индивидуалисты, желающіе освобожденія личности отъ религіи и Бога или ищущіе утвержденія своей личности на вѣрѣ и Богѣ, но съ сохраненіемъ всѣхъ чертъ своей индивидуальности.

Прежде всего остановимся на индивидуалистахъ перваго рода. Индивидуалисты этого рода высказываютъ протестъ противъ обычныхъ условій жизни, стѣвующихъ ихъ индивидуальность, не дающихъ возможности расширить свое личное существованіе, убивающихъ ихъ личность. Въ произведеніяхъ этого рода Леонидъ Андреевъ напоминаетъ отчасти Антона Чехова, изображающаго обычную дѣйствительность, обычные условія *обезличивающія* человѣка. Разница только та, что у Чехова не высказывается протеста личности противъ окружающей дѣйствительности: его герои обычно примиряются съ нею и даже благодушествуютъ.—между тѣмъ какъ у Леонида Андреева его герои всегда внутренне протестуютъ, негодуютъ на эту дѣйствительность, ненавидятъ ее... Произведеній съ протестомъ такого рода личности противъ окружающей дѣйствительности у Л. Андреева особенно много. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Вотъ предъ нами Петровъ изъ разсказа «городъ». Городъ и его обитатели были страшны для Петрова, какъ нѣчто внѣшнее для него, чуждое ему, какъ нѣчто закрытое для его индивидуальной жизни. «Колоссальной тяжестью своихъ каменныхъ раздутыхъ домовъ онъ (городъ), говоритъ Л. Андреевъ, давилъ землю, на которой стоялъ и идущему человѣку становилось

страшно: будто онъ замеръ на одномъ мѣстѣ»¹⁾. Петровъ испыталъ это чувство, однажды на улицѣ: «вдругъ онъ почувствовалъ, какая толща каменныхъ домовъ отдаляетъ его отъ *широкаго, свободнаго поля*, гдѣ легко дышетъ подь солнцемъ свободная земля и далеко окрестъ видитъ человѣческій глазъ. И ему почудилось, что онъ задыхается и слѣпнетъ, и захотѣлось бѣжать, чтобы вырваться изъ каменныхъ объятій—и было странно подумать, что какъ бы скоро онъ ни бѣжалъ, его будутъ провожать по сторонамъ все дома, дома и онъ успѣетъ задохнуться, прежде чѣмъ выбѣжать за городъ»²⁾. Равно такое же впечатлѣніе производили на Петрова и городскіе обитатели. Они были для него такими же чужими и внѣшними, какъ и каменные дома, и какъ таковыя давили его личность. «Всего ужаснѣе, говоритъ Леонидъ Андреевъ о Петровѣ, было то, что во всѣхъ домахъ жили люди и по всѣмъ улицамъ двигались люди. Ихъ было множество, и всѣ они были *незнакомые и чужіе*, и всѣ они жили своей особенной—скрытой для глазъ жизнью, непрерывно рождались и умирали и не было начала и конца этому потоку»³⁾. Такимъ образомъ, городскіе обитатели были ужасны для Петрова, какъ чужіе и внѣшніе для его личности, они давили его, какъ нѣчто недоступное для него... Если бы личность Петрова могла жить ихъ жизнью, если бы онъ не былъ для нихъ чуждымъ, то Петровъ не чувствовалъ бы тяжести отъ существованія многихъ людей. Напротивъ, онъ тогда чувствовалъ бы нѣкоторое расширеніе своей личности, свободу ея и пріятность... Въ томъ и состоялъ весь ужасъ, что Петровъ не наполнялъ этихъ людей собою и они не входили въ личность Петрова: «чѣмъ больше было людей, которые не знали другъ друга, тѣмъ ужаснѣе становилось *одиночество* каждого»⁴⁾. Такое же состояніе личности изображено и въ рассказѣ «Другъ». Здѣсь сознавшій свою личность Владиміръ Михайловичъ почувствовалъ отъ этого сознанія только ужасъ. Его личность не имѣетъ значенія для другихъ. Онъ для другихъ какъ бы не существуетъ. Это все чуждые и далекіе люди. «Онъ созналъ, говорится въ рассказѣ, себя ничтожнымъ и слабымъ и *одинокимъ* до ужаса. Безконечный міръ кишалъ движущимися людьми и не было ни одного человѣка, который бы пришелъ къ нему и раздѣлилъ.

1) Изд. „Знавіе“, т. III, стр. 158—159.

2) Ibid. стр. 159.

3) Ibid. стр. 159.

4) Ibid. стр. 162.

его муки. безумно горделивые помыслы о славѣ и убійственное сознаніе ничтожества» ¹⁾). Его личность, по его мысли, должна бы быть поддержана другими, а не оставлена безъ вниманія, какъ нѣчто нестоющее вниманія!.. Индивидуальное сознаніе старается наполнить собою другихъ, все сдѣлать своимъ, а тутъ этого нѣтъ!.. Отсюда ужасъ, недовольство, внутренней протестъ. То же самое высказывается и въ рассказѣ «воръ». Въ вагонѣ желѣзной дороги воръ Юрасовъ почувствовалъ эту отчужденность своей личности отъ другихъ, невозможность слиться съ жизнью другихъ. «Поля молчали, пишетъ Андреевъ. Холодные и спокойныя, они ничего не знали о человѣкѣ далекаго каменнаго города и чужды были его душѣ. И то, что поля такъ холодны и равнодушны и не хотятъ ему помочь, какъ чуждому, наполняетъ Юрасова чувствомъ безысходнаго одиночества... И Юрасовъ пугается—такъ неожиданно, такъ огромно и ужасно это чувство, выбрасывающее его изъ жизни какъ мертваго. Если бы онъ заснулъ на тысячу лѣтъ и проснулся среди новаго міра и новыхъ людей, онъ не былъ бы больше *одинокъ*, болѣе чуждъ всему, чѣмъ теперь» ²⁾). Какъ поля, такъ и люди казались Юрасову чуждыми. Когда въ вагонѣ онъ захотѣлъ вступить въ разговоръ съ своими сосѣдями, они даже не отвѣтили ему на вопросъ: «и тогда, говоритъ Андреевъ, всѣ люди показались ему (Юрасову) злыми и чуждыми. По всему простору земли солнце разстиало длинныя, прямыя лучи, и *никто* не смотрѣлъ на него въ этой пустынѣ, никто не думалъ о немъ и не зналъ» ³⁾). Когда на одной станціи Юрасовъ, видя танцующихъ, захотѣлъ достать себѣ билетъ на танцы, то ему отвѣтили: «здѣсь только *свои*». Когда Юрасовъ все же настаиваетъ, чтобы его пропустили, то вновь получаетъ отвѣтъ: «вамъ же сказано: здѣсь только *свои*» ⁴⁾). Такимъ образомъ и здѣсь индивидуальность заперта, стѣснена въ себѣ... Чуждые виѣшнія люди и чуждая виѣшняя обстановка давятъ ее, отчего она страдаетъ, противъ чего протестуетъ и негодуетъ. Особенно эта отчужденность отдѣльной личности отъ всего, ее окружающаго, и отъ людей ясно изображена въ рассказѣ «Молчаніе». Евѣра, главное лицо рассказа, пріѣхавши домой изъ Петербурга, гдѣ она была на курсахъ, чув-

¹⁾ Отд. брош. Изд. Знанія. 1906 г. стр. 2—3.

²⁾ Изд. Знанія. т. III, стр. 77.

³⁾ Т. IV. стр. 6—7.

⁴⁾ Ibid. стр. 17.

ствовала отчужденность своей личности отъ всего и всѣхъ. Все ей было чуждо и далеко. И поэтому она ничего не говорила, а все молчала. Даже родители для нея были чуждые, чужіе. Когда родители захотѣли узнать, почему она стала такой холодной и отчужденной, она ничего не отвѣтила имъ на ихъ расспросы. «Вѣра, сказалъ дочери о. Игнатій, развѣ мы—твоя мать и я не заслуживаемъ твоего довѣрія? развѣ мы не любимъ тебя? и развѣ есть у тебя кто-либо ближе насъ? скажи намъ о твоёмъ горѣ и, повѣрь мнѣ, человѣку старому и опытному, тебѣ будетъ легче. Да и намъ. Посмотри на старуху мать, какъ она страдаетъ... Вѣрочка! и мнѣ... сухой голосъ дрогнулъ, точно въ немъ что-то переломилось, и мнѣ думаешь легко? какъ будто не вижу я, что тебя поѣдаетъ какое-то горе, а какое? и я, твой отецъ, не знаю его. Развѣ должно такъ быть» ¹⁾? Вѣра молчала. О. Игнатій продолжалъ: «противъ моего желанія поѣхала ты въ Петербургъ,—развѣ я проклялъ тебя ослушницу? Или денегъ тебѣ не давалъ? Или скажешь, не ласковъ я былъ? Ну, что же молчишь? Вотъ онъ, Петербургъ твой». И о. Игнатію представилось что-то большое, гранитное, страшное, полное невѣдомыхъ опасностей и чуждыхъ равнодушныхъ людей. И тамъ, одинокая, слабая его Вѣра, и тамъ погубили ее... Злая ненависть къ страшному непонятному городу и гнѣвъ противъ дочери, которая молчитъ, упорно молчитъ, поднялись въ душѣ о. Игнатія. «Петербургъ здѣсь не причемъ, утриюмо сказала Вѣра и закрыла глаза. А со мной ничего. Идите-ка лучше спать. Поздно» ²⁾. Съ этого дня о. Игнатій пересталъ говорить съ дочерью, но она словно не замѣчала этого: «по прежнему, говорится въ рассказѣ, она то лежала у себя въ комнатѣ, то ходила и часто, часто вытирала ладонями рукъ глаза, какъ будто они были у нея засорены» ³⁾. Черезъ недѣлю послѣ этого разгора Вѣра окончила жизнь самоубійствомъ: «она бросилась подъ поѣздъ, и поѣздъ пополамъ перерѣзалъ ее» ⁴⁾. Очевидно здѣсь тоже имѣло мѣсто отчужденіе личности отъ всего окружающаго и отъ людей—даже самихъ близкихъ—отца и матери. Душа не вынесла этого одиночества, и Вѣра окончила жизнь самоубійствомъ. Произошло это, несомнѣнно, отъ того, что Вѣра не могла утвердить своего индивидуальнаго бытія на жизни другихъ и окружающаго ее міра. И произошло крушеніе, катастрофа личности.

¹⁾ Отд. брош. Изд. Знаниа. 1906 г. СПб. стр. 2—3. III т. книги 1-й (1)

²⁾ Ibid. стр. 3.

³⁾ Ibid. стр. 4.

⁴⁾ Ibid. стр. 4. III т. (1)

Итакъ, приведенные примѣры ясно иллюстрируютъ тотъ родъ индивидуализма, который проявляется въ протестъ личности противъ ограниченія и отчужденія ея другими личностями и всѣмъ окружающимъ, противъ невозможности утвердить свое личное бытіе на жизни окружающаго и другихъ людей, какъ на жизни чуждой и непонятной для индивидуальнаго сознанія.

Кромѣ давленія со стороны чуждыхъ другихъ личностей и чуждаго виѣшняго міра, личность нерѣдко подавляется особыми условіями экономическаго существованія. Особенно это нужно сказать относительно необезпеченныхъ классовъ—рабочихъ, крестьянъ и вообще бѣдняковъ. Леонидъ Андреевъ встаетъ на защиту этихъ личностей отъ давящихъ ихъ экономическихъ условій. Этотъ протестъ высказывается устами рабочихъ и городского пролетаріата въ драмѣ «Царь—голодь». Подъ вліяніемъ «Царя-голода»—т. е. вообще необезпеченности, обездоленные приходятъ къ сознанію, что жизнь не должна обстоять такъ, чтобы было такое множество безправныхъ и безличныхъ людей, что нужно *освободить* свою личность отъ гнета экономическаго строя. Вотъ какъ изображается эта подавленность личности у рабочихъ. Рабочіе на одномъ заводѣ жалуются: «мы голодны»,—«мы задавлены машинами»,—«меня плющитъ желѣзный молотъ»,—«меня кружитъ колесо»,—«мы сами части машины».—«Я молотъ», говоритъ одинъ рабочій.—«Я шестестяжій ремень», говоритъ другой.—«Я рычагъ», говоритъ третій.—«Я маленькій винтикъ»,—«я маленькій кусочекъ угля»,—«мы огонь»—говорятъ остальные. Поется гимнъ машинамъ: «о страшныя машины, о могучія машины! будемъ молиться машинамъ. Кто сильнѣе всѣхъ въ мірѣ? Кто страшнѣе всѣхъ въ мірѣ?—Машина. Кто всѣхъ богаче, прекраснѣе и мудрѣе?—Машина. Что такое небо?—машина. Что такое человекъ—машина. Ты, стоящая надъ міромъ, премудрая машина не калѣчь, не мучь насъ такъ ужасно... пощади насъ»¹⁾! Такимъ образомъ рабочіе и представлены совершенно *обезличенными*. Это не болѣе какъ машины,—это даже части машины. Ничего своего у нихъ нѣтъ. Ни о какой личности здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Но вотъ рабочіе сознаютъ, что такъ не должно быть, что они не должны быть рабами, что они *личности* и имѣютъ право на *личную жизнь*. «Братья! восклицаетъ одинъ рабочій: мы куемъ

¹⁾ „Царь—голодь“. Изд. Шиповникова. СПБ. 1908 г. стр. 22—24.

собственныя цѣпи... Каждый ударъ—новое звено. Каждый ударъ—новая заковка. Бей по желѣзу, куи собственныя цѣпи! ¹⁾ Кто освободитъ насъ отъ власти машинъ? покажетъ небо? покажетъ солнце?» ²⁾ Одинъ изъ рабочихъ отвѣчаетъ: «Царь—голодь. Онъ даетъ намъ силу. Чего не можетъ сдѣлать голодный? чья ярость сильнѣе? чего можетъ бояться голодный?» ³⁾. Является «Царь—голодь» и призываетъ къ бунту. Онъ свидѣтельствуешь, что вездѣ положеніе рабочихъ ужасно: «горе, горе работающимъ! и я принесъ вамъ великій наказъ отъ вашихъ братьевъ: готовьтесь къ бунту». ⁴⁾ «Другого пути нѣтъ» ⁵⁾. Когда одинъ изъ рабочихъ замѣчаетъ, что есть другой путь, что кромѣ «Царя—голода» есть другой Царь, который укажетъ иной путь освобожденія личности отъ ужасныхъ экономическихъ условій существованія, то голоса рабочихъ восклицаютъ: «другого пути нѣтъ» ⁶⁾, а Царь-голодь покровительственно замѣчаетъ: «ты поэтъ, мой сынъ. Поэты же земли не зажигали никогда» ⁷⁾. Послѣ этого «Царь—голодь» восклицаетъ: «голодные, со мною противъ сытыхъ. Вернемъ человѣку его мощь и красоту» ⁸⁾. Кромѣ рабочихъ, Царь—голодь призываетъ къ бунту голодную городскую чернь. Онъ говоритъ: «готовится великій бунтъ... Пройдутъ короткіе дни—и тогда на улицы, въ дома!» Это предложеніе принимается съ восторгомъ. «Сожжемъ весь городъ, кричатъ сбросы города,—главное книги,—будемъ дробить головы,—будемъ жечь, жечь» ⁹⁾.—Происходитъ бунтъ, неудачный для рабочихъ и голодныхъ. Многие убиты. Другіе осуждены. Сила и побѣда осталась на сторонѣ сытыхъ. Однако, это пока только. Голодные побѣдятъ... Мертвые, навсѣ во время бунта восклицаютъ: мы еще придемъ... мы еще придемъ... Горе побѣдителямъ! ¹⁰⁾.

Итакъ ясно, что въ этой драмѣ Л. Андреевъ стоитъ за освобожденіе личности отъ тяжелыхъ экономическихъ условій и надеется, что это въ будущемъ осуществится. Рабочіе и голодные—это проповѣдники и дѣятели индивидуализма, идущаго противъ подавленія личности экономическими условіями.

Третій родъ индивидуализма, идущаго противъ моральныхъ стѣсненій личности, мы находимъ наиболѣе ясно высказаннымъ

¹⁾ Ibid. стр. 25.

²⁾ Ibid. стр. 26.

³⁾ Стр. 28—29.

⁴⁾ Стр. 32.

⁵⁾ Стр. 32.

⁶⁾ Стр. 33.

⁷⁾ Стр. 34.

⁸⁾ Стр. 59.

⁹⁾ Стр. 60.

¹⁰⁾ Стр. 126.

въ разсказѣ «мысль». Представителемъ этого рода индивидуализма здѣсь является докторъ Керженцевъ. Онъ опираясь на свою *логическую мысль*, пришелъ къ тому заключенію, что моральныя предписанія—это есть нѣчто антиличное, стѣсняющее индивидуальность,—что личность никакихъ принудительныхъ законовъ, хотя бы они диктовались повидимому и личностью (ея совѣсть!), не должна признавать. Керженцевъ выражается о себѣ, что онъ «всегда питалъ глубокое и искреннее отвращеніе къ ходячей морали» ¹⁾. Такое пренебреженіе онъ проявилъ на дѣлѣ, еще будучи студентомъ 5 семестра, когда онъ укралъ 15 р. изъ довѣренныхъ товарищескихъ денегъ. Своимъ поступкомъ Керженцевъ восхищается: «это было большее, говорить онъ, чѣмъ простая кража, когда нуждающійся крадегъ у богатаго: тутъ и нарушенное довѣріе, и отнятіе денегъ именно у господствующаго, да еще товарища, да еще студента и, при томъ, чело-вѣкомъ со средствами (почему мнѣ и повѣрили). Вамъ, вѣроятно, этотъ проступокъ кажется болѣе противнымъ, чѣмъ даже совершенное мною убійство друга—не такъ ли? А мнѣ, помню, было весело, что я сѣумѣлъ сдѣлать это такъ хорошо и ловко, и я смотрѣлъ въ глаза, прямо въ глаза тѣмъ, кому смѣло и свободно лгалъ. Но болѣе всего я былъ гордъ тѣмъ, что совершенно *не испытываю угрызений совѣсти*, что мнѣ и нужно было самому себѣ доказать» ²⁾. Такимъ образомъ, индивидуальность Керженцева была освобождена отъ давленія совѣсти—этого внутренняго, содерживающаго естественную индивидуальность, закона. Эта свобода дошла у Керженцева до того, что у него уже не существовало плохихъ поступковъ въ отношеніи къ другимъ. «Мнѣ всегда, говорить онъ, нравилось быть почтительнымъ съ тѣми, кого я презиралъ, и цѣловать тѣхъ, которыхъ я ненавидѣлъ, что дѣлало меня свободнымъ и господиномъ надъ другими» ³⁾. Еще въ гимназій, говорить Керженцевъ, я часто симулировалъ дружбу: ходилъ по коридору обнявшись, какъ это дѣлаютъ настоящіе друзья, искусно поддѣлывалъ дружески откровенную рѣчь и незамѣтно выпытывалъ. А когда разпыщенный пріятель выкладывалъ всего себя, я отбрасывалъ отъ себя его душонку и уходилъ прочь съ гордымъ сознаньемъ своей силы и внутренней свободы» ⁴⁾.

1) Т. I, стр. 8.

2) Ibid. стр. 9.

3) Стр. 12—13.

4) Стр. 12.

Еще болѣе свободнымъ отъ всякихъ моральныхъ предписаній проявился Керженцевъ въ дѣлѣ убійства своего друга Алексѣя. Признавъ его слабымъ и ничтожнымъ ¹⁾, Керженцевъ рѣшилъ убить его. Предстоящее убійство нисколько не страшило его. Онъ не видалъ въ этомъ преступленія. Напротивъ, онъ находилъ преступленіе въ томъ, если бы не совершилъ убійства: «было бы большимъ преступленіемъ, говоритъ онъ, если бы признавъ убить Алексѣя, я не выполнилъ этого рѣшенія» ²⁾. Это было бы преступленіе противъ собственнаго мышленія, противъ индивидуальнаго сознанія. Въ другомъ мѣстѣ Керженцевъ еще болѣе ясно заявляетъ, что въ убійствѣ и др. злодѣяніяхъ нѣтъ преступленія: «вы скажете, что нельзя красть, убивать и обманывать потому, что это безнравственность и преступленіе, а я вамъ докажу, что можно убивать и грабить и что это очень нравственно» ³⁾. «Для меня, говоритъ онъ, нѣтъ судьи, нѣтъ закона, нѣтъ недозволеннаго. Все возможно... Вы можете представить себѣ міръ, въ которомъ нѣтъ законовъ притяженія,— въ которомъ нѣтъ верха, низа, въ которомъ все повинуется только прихоти и случаю? Я, докторъ Керженцевъ,—этотъ новый міръ. Все можно». Имѣя такія взгляды и убѣжденія, Керженцевъ былъ вполне доволенъ собою: «я былъ, говоритъ онъ, единственный человѣкъ, котораго я уважалъ» ⁴⁾. «Никого въ мірѣ не любилъ я, кромѣ себя, а въ себѣ я любилъ не это гнусное тѣло, которое любятъ и пошляки,—я любилъ свою человеческую мысль, свою свободу. Я ничего не зналъ и не знаю выше своей мысли и я боготворилъ ее. На вершинѣ высокой горы она вознесла меня, и я видѣлъ, какъ глубоко внизу копошились людишки съ ихъ мелкими животными страстями, съ ихъ вѣчнымъ страхомъ предъ жизнью и смертью,—съ ихъ церквами, обѣднями и молебнами. Развѣ я не былъ и великъ, и свободенъ, и счастливъ? Какъ средневѣковый баронъ, засѣвшій словно въ орлиномъ гнѣздѣ въ своемъ неприступномъ замкѣ, гордо и властно смотритъ на лежація внизу долины, такъ непобѣдимъ и гордъ былъ я въ своемъ замкѣ, за этими черными костями. Царь надъ самимъ собою, я былъ царемъ и надъ міромъ» ⁵⁾. Такимъ образомъ, Керженцевъ жилъ только самимъ собою: кромѣ себя и своихъ желаній никого и ничего не

1) Стр. 8.

2) Стр. 47.

3) Стр. 52—53.

4) Стр. 10.

5) Стр. 49—50.

признавалъ... Но вотъ онъ совершаетъ убійство своего друга Алексѣя и его индивидуальное существованіе разрушено. Личность его заколебалась. Онъ сталъ глубоко несчастнымъ. «Что значитъ, восклицаетъ онъ вскорѣ послѣ убійства Алексѣя, всѣ несчастія въ мірѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что переживаю сейчасъ я, докторъ Керженцевъ?» ¹⁾—Почему же Керженцевъ сталъ несчастнымъ? Несомнѣнно потому, что то, на чемъ онъ утвердилъ свою личность, свое индивидуальное бытіе, оказалось непрочнымъ и плохимъ основаніемъ. Онъ утверждалъ свою личность на своей мысли.—гнѣбой, могущей все защитить и оправдать. Но оказалось, что мысль есть ненадежная опора,—что есть нѣчто сильнѣе мысли.—есть нѣчто, что можетъ предъявить извѣстныя требованія и къ мысли... Послѣ убійства Алексѣя, это *нѣчто* предъявило эти требованія, и вышло, что мысль Керженцева дѣйствовала ненормально. Эта мысль вдругъ сказала Керженцеву, что «докторъ, Керженцевъ, совершившій убійство, сумасшедшій», и чрезъ это сказала и то, что она, не смотря на свою гибкость, не все можетъ оправдать, не все можетъ позволить. Такимъ образомъ, мысль Керженцева вышла изъ повиновенія Керженцеву, и нѣчто другое уже повелѣвало ею. «Моя мысль, говоритъ Керженцевъ, меня—ея творца, ея госопдина убиваетъ съ тѣмъ же тупымъ равнодушіемъ, какъ я убивалъ ея другихъ» ²⁾. Что-то чуждое уже высказывалось въ этой мысли. «Я былъ твердь на землѣ,—описываетъ свои чувства Керженцевъ,—и крѣпко стояли на ней мои ноги, а теперь я брошенъ въ пустоту безконечнаго пространства. Въ самомъ себѣ я окруженъ и задушенъ угрюмо молчаливыми, таинственными врагами. Одинокій въ пустотѣ вселенной, и въ самомъ себѣ не имѣю я друга. Безумное одиночество, когда я не знаю, кто я,—одинокій, когда мои устами, моею мыслью, моимъ голосомъ говорятъ невѣдомые они» ³⁾. Въ такомъ ужасномъ чувствѣ одиночества Керженцевъ восклицаетъ: «кто сильный дастъ мнѣ руку помощи? Никто. Никто. Гдѣ я найду то вѣчное, къ чему я могъ бы прилѣпиться съ своимъ жалкимъ, безсильнымъ, до ужаса одинокимъ «я»? Нигдѣ. Нигдѣ».

И такъ въ Керженцевѣ представленъ тотъ родъ индивидуалистовъ, которые желаютъ освободить свою личность отъ мо-

¹⁾ Стр. 49.

²⁾ Стр. 50.

³⁾ Стр. 50—51.

ральныхъ требованій и утвердить ее на все оправдывающей и извиняющей мысли,—однако напрасно, такъ какъ есть нѣчто болѣе глубокое и прочное, на чемъ только можетъ быть утверждено личное бытіе,—что повелѣваетъ и мыслью. Въ докторѣ Керженцевѣ высказывается протестъ личности противъ невозможности жить собою, освободившись отъ нравственныхъ путъ...

Наконецъ, перейдемъ къ изображенію четвертаго рода индивидуализма, борящагося съ Богомъ. Это уже, можно сказать, завершеніе индивидуализма и при этомъ вполне естественное и логически-необходимое. Живущіе своею личностью, какъ она есть—въ ея естественномъ состояніи, въ концѣ концовъ должны придти къ борьбѣ съ Богомъ—къ богоборчеству. Крайній естественный индивидуализмъ есть обожествленіе личности, преклоненіе предъ нею. Это богоборчество мы находимъ наиболѣе ясно высказаннымъ въ слѣдующихъ произведеніяхъ Л. Андреева: «Савва», «Человѣкъ», «Жизнь Василия Фивейскаго» и «Іуда Искариотъ».

Савва въ рассказѣ того же названія желаетъ освободить людей отъ всего вообще стараго, *оголеть землю и человѣка*: «нужно, говоритъ онъ, все срыть до голой земли... уничтожить все—старые дома, старые города, старую литературу, старое искусство... Нужно, чтобъ теперешній человѣкъ голый остался на голой землѣ. Тогда онъ устроитъ новую жизнь» ¹⁾. Но главнымъ образомъ онъ желаетъ освободить людей отъ религіозныхъ вѣрованій—отъ Бога. Главный врагъ людей и Саввы—это Богъ. Когда однажды сестра Саввы—Липа спросила его, есть ли у него враги или по крайней мѣрѣ нѣтъ ли одного какого-либо врага, то Савва отвѣтилъ: «такой, пожалуй, есть: Богъ. Богъ, я говорю, ну тотъ, котораго вы называете Спасителемъ» ²⁾. Чтобы избавить людей отъ религіозныхъ порабощающихъ суевѣрій (Савва—атеистъ), онъ рѣшилъ взорвать чудотворный образъ Спасителя въ одномъ изъ монастырей. При этомъ Савва рассуждаетъ такъ: Это нужно сдѣлать, чтобы люди увидѣли, «что динамитъ сильнѣе ихъ Бога. А человѣкъ сильнѣе динамита. Вотъ они (люди) кланяются, вотъ они молятся, а пришелъ *настоящій человѣкъ* и разрушилъ... и когда такъ будетъ разрушенъ десятокъ ихъ идоловъ, они почув-

¹⁾ Сборн. „Знамя“. т. XI, стр. 251. ²⁾ Ibid. стр. 252.

стеуютъ, холѣны, что кончилось царство ихъ Бога *и наступило царство человека* ¹⁾. Задуманное преступленіе не удалось. Оно было заблаговременно открыто, и икона спасена. Народъ, пришедшій на богомолье, убилъ Савву.—Такимъ образомъ, Савва боролся съ Богомъ и религіей, какъ съ суевѣріями, порабоощающими человека, но потерпѣлъ въ борьбѣ неудачу: это обстоятельство ясно засвидѣтельствовало, что здѣсь борьба шла не съ суевѣріемъ, а съ дѣйствительной *Силой*.

Въ другихъ разсказахъ изображается борьба человека съ Богомъ не какъ съ фикціей, а какъ съ чѣмъ-то дѣйствительнымъ и сильнымъ. Въ драмѣ подъ названіемъ «Человѣкъ» идетъ борьба человека съ «Нѣкимъ въ сѣромъ». Здѣсь не указано, кто это—«Нѣкто въ сѣромъ», но ясно видно, что это не призракъ, а дѣйствительная Сила, отъ которой всецѣло зависитъ судьба человека. Человѣкъ отъ рожденія до смерти зависитъ отъ этой Силы. И никогда онъ не можетъ быть свободнымъ, самостоятельнымъ. Его индивидуальная, личная жизнь подавлена этимъ «Нѣкимъ въ сѣромъ». Бѣдность, богатство, слава—все это зависитъ отъ «Нѣкогого въ сѣромъ». Человѣкъ борется, протестуетъ противъ порабощенія личности, но протестъ только и остается протестомъ. Вотъ какъ протестуетъ изображенный Леонидомъ Андреевымъ «Человѣкъ»: «Ѣ ты, какъ тебя тамъ зовутъ: рокъ, дьяволъ или жизнь, я бросаю тебѣ перчатку, зову тебя на бой. Малодушные люди преклоняются предъ твоею загадочною властью,—твое каменное лицо внушаетъ имъ ужасъ,—въ твоёмъ молчаніи они слышатъ зарожденіе бѣды и грозное паденіе ихъ. А я смѣлъ и силенъ и зову тебя на бой. Эй, отражай удары» ²⁾. Такимъ образомъ, человѣкъ Андреева захотѣлъ освободиться отъ этого «Нѣкогого въ сѣромъ» и утвердить свое индивидуальное бытіе помимо него—на себѣ самомъ. Онъ никогда не подчинится власти этого «Нѣкогого въ сѣромъ»... Если онъ въ борьбѣ и падетъ, онъ не примирится съ нимъ: «умирая на полѣ брани, говоритъ Человѣкъ,—однимъ лишь возгласомъ я уничтожу твою слѣпую радость: я побѣдилъ. Я побѣдилъ, злой врагъ мой, ибо до послѣдняго дыханія я не признаю твоей власти» ³⁾. Эта непризнаваемая зависимость отъ «Нѣкогого въ сѣромъ» ясно представлена Андреевымъ и въ

1) Стр. 278.

2) Изд. Шиповника т. V, стр. 148. 3) Стр. 149.

богатствѣ и славѣ Человѣка, и въ его бѣдности и несчастіѣ. Въ минуту тяжелаго несчастія—потери сына, Человѣкъ проклинаетъ этого «Нѣкогo въ сѣромъ»: «я проклинаю все данное тобою. Проклятіемъ я побѣждаю тебя. Что можешь еще сдѣлать ты со мною? Вали меня на земь, вали—я буду смѣяться. Вери мой трупъ, грызи его какъ собака—меня въ немъ нѣтъ» ¹⁾. Умираетъ Человѣкъ съ проклятіемъ на устахъ, закинувъ сѣдую, красивую, грозно прекрасную голову: «я обезоруженъ... скорѣе... будь проклятъ» ²⁾. Такимъ образомъ, въ жизни Человѣка представлена борьба человѣка съ «Нѣкимъ въ сѣромъ». Такъ какъ міромъ править божественная воля,—такъ какъ все зависитъ отъ Бога, то ясно, что въ жизни человѣка представлена борьба противъ этой воли. Человѣкъ захотѣлъ утвердить свою индивидуальность и личность помимо Бога—на себѣ самомъ, не признавая надъ собою ничьей власти, кромѣ своей. Это—богоборчество, которое привело человѣка къ сознанію ужаса своего положенія, къ страданію и проклятію.

Такая же борьба индивидуальности съ Богомъ, съ цѣлью отстоять, обосновать и утвердить свое индивидуальное бытіе, изображена и въ рассказахъ: «Жизнь Василія Фивейскаго» и «Иуда Искариотъ». Разница здѣсь сравнительно съ предыдущими рассказами только та, что тамъ индивидуальность отстаивала себя и утверждала помимо Бога и вопреки Ему,—здѣсь же Василій Фивейскій и Иуда Искариотъ желаютъ утвердить свое индивидуальное бытіе не помимо Бога, но въ союзѣ съ Нимъ, однако, въ союзѣ устанавливаемомъ путемъ борьбы.

Священникъ Василій Фивейскій, угнетаемый разными несчастіями—смертію сына, рожденіемъ другого сына—идіота, пьянствомъ жены и др. старается утвердить свою индивидуальность на вѣрѣ въ Бога. Это единственный у него устой жизни, поколебленный несчастіями,—только Богъ можетъ быть его опорой. И Василій Фивейскій все твердитъ: «вѣрую, Господи—вѣрую». Но это не была смиренная вѣра Іова, а гордое желаніе отстоять свою личность, пользование такъ сказать Богомъ для своихъ цѣлей. Послѣ того, какъ свалилось на о. Василія Фивейскаго новое несчастіе—сорвала его жена,—онъ возомнилъ себя особымъ избранникомъ Божиимъ и эту свою особенную личность захотѣлъ отстоять и утвердить на Богѣ—на чудѣ. Онъ взду-

¹⁾ Стр. 183.

²⁾ Стр. 208.

малъ воскресить умершаго, уже разложившагося крестьянина. «Тебѣ говорю, встань», торжественно и властно возгласилъ о. Василій ¹⁾. Но мертвецъ не поднялся изъ гроба. Тогда онъ возгласилъ вторично и въ третій разъ: «Семень, тебѣ говорю, встань!» ²⁾. Но воскресенія непослѣдовало. Тогда изъ устъ о. Василия полились богоборственныя и страшныя слова: «такъ зачѣмъ же я вѣрилъ? такъ зачѣмъ же всю жизнь мою Ты держалъ въ плѣну, въ рабствѣ, въ оковахъ? Ни мысли свободной! ни вздоха! Все однимъ Тобою, все для Тебя! одинъ Ты» ³⁾... «Ты долженъ, отдай ему жизнь». Но Семень лежалъ мертвымъ, издавая смраднѣйшій запахъ. Такимъ образомъ, о. Василій Фивейскій былъ богоборцемъ всю жизнь и особенно сталъ имъ послѣ неудавшагося чуда. Онъ хотѣлъ утвердить свою личность на вѣрѣ и чудѣ—Богѣ, но не утвердился, ибо своей личности онъ не напелъ въ Богѣ, не слился съ Нимъ, Богъ остался для него чѣмъ—то вѣшнимъ и чуждымъ... Послѣдняя опора выскользнула изъ-подъ ногъ о. Василия Фивейскаго, онъ сошелъ съ ума и умеръ, выбѣжавъ за село.

Въ рассказѣ «Іуда Искариотъ» высказано приблизительно тоже самое. Іуда Искариотъ ищетъ утвержденія своей личности, со своею особою правдою, въ союзѣ со Христомъ. Иисусъ Христосъ—святая личность,—Іуда Искариотъ—личность живая, клеветническая, злая,—воръ. Конечно, обосновать свою личность въ союзѣ съ Христомъ Іуда, казалось бы, могъ только измѣнивъ злыя черты своей личности, ибо какъ иначе злая личность можетъ обосноваться и утвердиться на доброй и святой,—войти въ союзъ съ ней?! Но Іуда не хочетъ и не считаетъ нужнымъ отказываться отъ злыхъ чертъ своей личности. Напротивъ, онъ хочетъ свою личность, какъ особую и противоположную, обосновать на союзѣ со Христомъ, ибо признаетъ равное право на существованіе противоположныхъ индивидуальностей—съ разными правдами—доброю и злою: «велика тайна Твоихъ прекрасныхъ глазъ, но развѣ моя—меньше?» ⁴⁾ спрашиваетъ Христа Іуда. Но Христосъ, по изображенію Л. Андреева, не принималъ въ союзъ съ Собою Іуды, не ставилъ его злой личности наряду съ Своею, чуждался Іуды... «Почему Онъ не любитъ меня, заявляетъ Іуда,—почему Онъ любитъ твоихъ (др. апостоловъ)? развѣ я не красивѣе, не лучше, не сильнѣе ихъ?»

¹⁾ Стр. 98.

²⁾ Стр. 94.

³⁾ Стр. 96.

⁴⁾ Сборникъ „Званіе“. Т. XVI, стр. 310.

почему же Онъ не съ Иудой, а съ тѣми, кто Его не любитъ?... Онъ боится Иуды... Онъ прячется отъ смѣлаго, сильнаго, прекраснаго Иуды» ¹⁾). Такимъ образомъ, Иуда не могъ на землѣ объединить свою злую индивидуальность съ противоположною личностью Христа, обосновать ее на личности Христа. Христосъ не принималъ его въ союзъ съ Собою. Этимъ и объясняется предательство Христа. Не имѣя возможности вступить въ союзъ со Христомъ на землѣ, онъ рѣшилъ предать Христа на смерть, умертвить Христа, чтобы доказать силу злой правды, силу противоположной индивидуальности и заставить Христа принять Иуду въ союзъ съ собою—объединить его съ Собою. «Теперь, т. е. при нежеланіи Христа принять въ союзъ съ Собою Иуду,—Онъ погибаетъ и вмѣстѣ съ Нимъ погибнетъ Иуда» ²⁾—воскликаетъ Иуда. Этимъ объясняется и то, почему Иуда, предавши Христа, боится, какъ бы люди не поняли святости и безвинности Иисуса и не освободили бы Его отъ смерти. Если бы это случилось, то этимъ было бы доказано право только одной правды, правды Иисусовой, право существованія личностей по примѣру личности Иисусовой и не было бы мѣста Иудѣ и его правдѣ. Вотъ почему, когда умеръ Иисусъ, Иуда заявляетъ о своей побѣдѣ: «свершилось. Осанна! осанна! осуществился ужасъ и мечты. Кто вырветъ теперь *побѣду* изъ рукъ Искаріота? свершилось. Они найдутъ теперь только позорный крестъ и мертваго Иисуса» ³⁾). Побѣда Иуды, конечно, состояла въ томъ, что, достигши своей цѣли, онъ доказалъ силу своей злой личности и право на существованіе другой правды—правды Иудиной. Этимъ онъ будто бы доказалъ, что двѣ правды должны соединиться, слиться во едино, что эти различныя правды какъ бы только двѣ половины одной правды. Иисусъ и Иуда должны соединиться: одинъ утвердиться на другомъ. Они должны быть братьями. Это и высказывается Иудой въ слѣдующихъ словахъ: «я иду къ Нему... я иду къ Тебѣ. Встрѣть меня ласково, я усталъ. Я очень усталъ. Потомъ мы вмѣстѣ съ Тобою, *обнявшись какъ братья*, вернемся на землю. Хорошо?» ⁴⁾. Эти слова произноситъ Иуда предъ тѣми, какъ удавиться.—Такимъ образомъ, Иуда хотѣлъ утвердить свою личность и свою правду въ союзѣ съ Личностью Христа, чтобы не было ничего чуждаго для его индивидуальности,—чтобы Иисусъ и Его правда были только братомъ его и

1) Стр. 286.

2) Стр. 286.

3) Стр. 228.

4) Стр. 338.

его правды. Съ этой цѣлью и былъ преданъ Іисусъ на смерть... Но если и послѣ смерти Іисусъ не захочетъ объединиться съ Іудой и поставитъ Свою правду отдѣльно отъ правды Іудиной, то борьба съ Іисусомъ еще не окончена. Она еще будетъ продолжаться, пока не будетъ достигнуто желаемое. «Можетъ быть Ты и тамъ, спрашиваетъ Іуда, будешь сердиться» на Іуду изъ Каріота? и повѣришь? и во адъ меня поплешь? Ну, что же, я пойду во адъ. И на днѣ Твоего ада я буду ковать желѣзо, ковать желѣзо и разрушу Твое небо. Хорошо? тогда повѣришь мнѣ? тогда пойдешь со мною назадъ на землю, Іисусъ?»²⁾. Такимъ образомъ, Іуда, желая обосновать и утвердить свою личность и свою правду въ союзѣ со Христомъ, не желаетъ измѣниться качественно. Онъ боролся со Христомъ за свою особую личность и свою правду!

Итакъ, изъ выведенныхъ въ произведеніяхъ Л. Андреева различныхъ типовъ индивидуалистовъ видно, что надъ личностью тяготѣютъ различныя стѣсненія, съ которыми личность ведетъ борьбу, противъ которыхъ протестуетъ и негодуетъ. Прежде всего личность тѣснитъ *другія личности*, ей чуждыя и недоступныя. Ее равно также часто тѣснятъ обычныя условія жизни—культурныя и естественныя. Далѣе, ее тѣснятъ и угнетаютъ условія экономическаго существованія, обращающія многихъ въ безвольныхъ рабовъ, въ машины.—Ее, затѣмъ, тѣснятъ моральныя предписанія, вѣдренныя глубоко въ природу человѣка и высказываемыя чрезъ совѣсть...—Наконецъ, индивидуальность стѣсняется различными религіозными вѣрованіями и предметомъ этихъ вѣрованій—Богомъ. Личность борется со всеми этими стѣсненіями. Этой борьбѣ личности за свою свободу и права Леонидъ Андреевъ вполне сочувствуетъ. Какъ видно изъ субъективнаго характера его произведеній, всѣ симпатіи его на сторонѣ этихъ борющихся личностей. Онъ хотѣлъ бы отъ всей души, чтобы личность достигла свободы, полноты своего существованія и счастья. Желанія и стремленія личности, каковы бы они ни были, онъ считаетъ для нея вполне законными и допустимыми. Онъ негодуетъ и скорбитъ, когда личность не можетъ утвердить и обосновать своего бытія,—когда ее постигаетъ несчастье, ужасъ и крушеніе. Кромѣ личнаго существованія, онъ не знаетъ никакого другого.

¹⁾ Стр. 338.

Какой же личности хотѣлъ бы Леонидъ Андреевъ, дать свободу, избавить отъ стѣсненій? Какъ показываетъ сдѣланный обзоръ произведеній Л. Андреева, у него имѣется въ виду естественная личность, какъ она есть. Всякой естественной личности онъ хотѣлъ бы дать свободу, возможность утвердить ея индивидуальное бытіе. Такъ, онъ сочувствуетъ *вору* Юрасову, когда тотъ чувствуетъ придавленность своей личности другими чуждыми личностями и холодными, равнодушными людьми. Онъ сочувствуетъ рабочимъ и городской черни въ драмѣ «Царь-голодъ» въ ихъ желаніи и стремленіи освободиться отъ давленія экономическихъ условій. Онъ на сторонѣ Саввы, когда тотъ желаетъ оголить землю и освободить человѣка—его личность отъ религіозныхъ вѣрованій и другихъ стѣсненій. Онъ сочувствуетъ Василию Фивейскому въ его борьбѣ за свою личность. Онъ съ *Иудой*, когда тотъ хочетъ объединить свою злую и лживую личность и правду съ святой личностью Иисуса и Его правдой. Онъ съ докторомъ Керженцевымъ, пытающимися освободиться отъ всякихъ моральныхъ законовъ и требованій. Словомъ, онъ вездѣ на сторонѣ личности въ ея естественномъ проявленіи и обнаруженіи. Естественная же личность—это личность съ ея злыми инстинктами и стремленіями: нѣтъ естественной человѣческой личности безъ злыхъ стремленій и инстинктовъ.

Какія же средства указываются Леонидомъ Андреевымъ, устами его героевъ къ освобожденію личности отъ разныхъ давящихъ ее стѣсненій? къ тому, чтобы сдѣлать ее счастливой?—Устраненіе препятствій, стѣсняющихъ личность. Но какъ ихъ устранить? У Леонида Андреева указывается для этого бунтъ и разрушеніе, уничтоженіе. «На улицы, въ дома! будемъ жечь, жечь! сожжемъ весь городъ! главное—книги, книги! будемъ дробить головы» ¹⁾, говорятъ рабочіе въ драмѣ «Царь—голодъ». Еще болѣе ясно проповѣдуется это средство въ рассказѣ «Савва». «Нужно уничтожить все, говоритъ Савва. И мы это сдѣлаемъ. Послѣ Бога мы примемъ *за нихъ*... Тамъ ихъ много: Таціаны, Шекспиры, Пушкины, Толстые. Изъ всего этого мы сдѣлаемъ хорошенькій костерчикъ и польемъ его керосиномъ. Потомъ мы сожжемъ ихъ города. Всѣ города. Вѣдь что такое ихніе города? Это могилы, понимаешь—каменные могилы. И

¹⁾ Стр. 60.

если этихъ дураковъ не остановить и дать имъ строиться еще, они всю землю одѣнутъ въ камень. и тогда задохнуться всѣ»¹⁾. Докторъ Керженцевъ въ рассказѣ «Мысль» разрушаетъ моральные предразсудки, и онъ убиваетъ своего друга Алексѣя. Гуда, съ цѣлью утвержденія своей личности, предаетъ на смерть Христа и готовъ ковать еще желѣзо для разрушенія Его царства. Человѣкъ въ драмѣ «Человѣкъ» хотѣлъ бы уничтожить «Нѣкоего въ сѣромъ» и т. д. Такимъ образомъ, средствомъ для освобожденія личности отъ стѣсняющихъ ее условій является разрушеніе или внѣшнее устраненіе препятствій, угнетающихъ личность.—Но можетъ быть возможенъ другой выходъ для естественной личности съ цѣлью защиты себя отъ разныхъ давленій и стѣсненій? Можетъ быть у Леонида Андреева указываетъ еще другое средство? Нѣтъ, Леонидъ Андреевъ въ своихъ произведеніяхъ пока не указалъ другого средства. Да и невозможно другое средство, пока Л. Андреевъ защищаетъ человѣческую личность въ ея естественномъ видѣ, съ ея злыми склонностями. Эта личность не можетъ утвердить своего индивидуальнаго бытія какъ-либо иначе. Она не можетъ устроиться такъ, чтобы другія личности и окружающія условія ея не стѣсняли. Только добрая личность можетъ слиться съ другими личностями, и послѣднія не будутъ для нея чужды, не будутъ давить ея. Только добрая личность можетъ слиться съ жизнью природы, въ основѣ которой лежитъ разумъ и добрая воля Творца. Только добрая личность можетъ слиться съ Личностью Бога и найдетъ въ этомъ полноту своего индивидуальнаго бытія. Только добрая личность вездѣ и всюду будетъ чувствовать себя не чуждой, а какъ бы среди своихъ. Только добрая личность, при гнетѣ экономическихъ условій, не пойдетъ на бунтъ и убійства, ибо для ней «я» въ чемъ-то другомъ, а не въ освобожденіи отъ голода и облегченіи труда. Злая личность не можетъ подобнымъ образомъ утвердить и обосновать свое индивидуальное бытіе. Злая личности не только стѣсняются противоположными личностями—добрыми, но и подобными же—т. е. злыми. Злая личности злоумышляютъ и противъ злыхъ личностей. Злая личности не могутъ слиться съ жизнью природы, ибо благая въ основѣ эта жизнь чужда имъ. Злая личности не могутъ объединиться и съ міроправителемъ—благимъ Богомъ,

1) Стр. 79.

такъ какъ такое объединеніе безъ качественного измѣненія злыхъ личностей немислимо. Л. Андреевъ, пытавшійся въ разсказѣ «Іуда Искаріотъ» объединить зло съ добромъ, не достигъ этого. Личность Христа и Іуды такъ и остались разъединенными, и Іуда будетъ ковать желѣзо противъ Царства Христова. Не возможно сліяніе безъ любви, а развѣ можетъ быть любовь въ злыхъ сердцахъ, развѣ можетъ быть любовь между зломъ и добромъ? Такимъ образомъ, для естественныхъ злыхъ личностей возможно только бнѣшнее устраненіе препятствій или уничтоженіе и разрушеніе.

Но спросимъ: достижимо ли освобожденіе естественной личности отъ стѣсненій—счастье личности путемъ уничтоженія и разрушенія препятствій? На этотъ вопросъ, несомнѣнно, нужно отвѣтить отрицательно. Разныя индивидуальности въ разномъ видятъ стѣсненія. Такъ, въ разсказѣ «Городъ» Петрова давили зданія города и живущіе въ нихъ люди,—вора Юрасова давили еще «холодныя равнодушныя поля»,—рабочихъ и городскую чернь—экономическія условія существованія,—Керженцева нравственныя требованія,—Савву—все на землѣ и главнымъ образомъ религіозныя вѣрованія—Богъ,—Человѣка давилъ «Нѣкто въ сѣромъ»,—Іуду—Христосъ, не желавшій принять Іуду въ свое общеніе... Что же въ такомъ случаѣ должно быть сдѣлано для свободы личности?—Оказывается, болѣе всего этому соотвѣтствовала бы «голая земля», какъ она представляется у Саввы. Но вѣдь вора Юрасова стѣсняють и «холодныя поля и лѣса»,—слѣдовательно и это должно быть уничтожено. Но Петрова и Юрасова стѣсняють также и другія, чуждыя имъ личности... Какъ же здѣсь быть? Нужно, значитъ, и другихъ людей уничтожить. Что же? значитъ, тогда останется одна человѣческая индивидуальность? Тогда уже не будетъ стѣсненія? Но еще остается «Нѣкто въ сѣромъ» или Богъ. Какъ же тутъ быть? Здѣсь уже невозможно уничтоженіе. Здѣсь уже нужно или подчиниться Богу, поклониться Ему, т. е. нуженъ возвратъ къ старому, или уничтоженіе человѣка совсѣмъ—уничтоженіе его индивидуальнаго существованія. Предъ послѣднимъ выводомъ Сарва нисколько не останавливается: «тогда совсѣмъ надо уничтожить человѣка. Пусть на землѣ не будетъ человѣка»¹⁾. Позволить во имя индивидуальности уничтожить разныя стѣ-

1) Сборн. „Званіе“ т. XI, стр. 280.

сненія—это значитъ повергнуть все въ разрушеніе, все сдѣлать адомъ и въ тоже время не достигнуть желаемого, т. е. свободы и счастья.

Итакъ, мы видимъ, что свобода индивидуальности и ея счастье не могутъ быть достигнуты тѣмъ путемъ, на который даются указанія въ произведеніяхъ Л. Андреева. Этотъ путь приводитъ къ всеобщему разрушенію¹⁾, къ совершенному уничтоженію всего и ничего не даетъ въ результатѣ личности. Отсюда объясняется пессимизмъ міросозерцанія Л. Андреева. Личность не имѣетъ счастливаго и свободнаго существованія, и оно не можетъ быть достигнуто. Разрушеніе и смерть—вотъ конецъ всего! «Мракъ пустоты и ужасъ безконечнаго»—вотъ результаты всѣхъ исканій личности. Вслѣдствіе этого жизнь человѣка есть нѣчто въ себѣ ужасное, страшное: «страшнѣе того, что человѣкъ разъ уже родился, ничего быть не можетъ», заявляетъ Савва²⁾.

Итакъ мы видимъ, какъ ужасно индивидуалистическое міросозерцаніе Леонида Андреева. Это—обращеніе въ концѣ концовъ всего—въ первобытныи хаосъ.

Ну, что же, можетъ сказать кто-либо, что это міросозерцаніе печально? но можетъ быть, оно правильно? Можетъ быть иного индивидуалистическаго міро-созерцанія и быть не можетъ? Можетъ быть, тогда нужно совсѣмъ отказаться отъ индивидуалистическаго міросозерцанія? Можетъ быть, не нужно и признавать особой цѣны за личность, за ея индивидуальнымъ сознаніемъ? Но если бы было такъ, если бы индивидуальное сознаніе не имѣло смысла, то тогда не имѣло бы смысла и вообще существованіе, такъ какъ никакого другого сознанія кромѣ личнаго, быть не можетъ. Если не можетъ быть счастливаго индивидуальнаго существованія, то не можетъ быть и вообще для человѣка счастливаго существованія, ибо внѣ своей индивидуальности онъ не можетъ чувствовать счастья... Однако изъ этого нужно только сдѣлать тотъ выводъ, что должно быть правильное индивидуалистическое міросозерцаніе... Такое міросозерцаніе мы и находимъ въ христіанствѣ.

Міросозерцаніе Леонида Андреева ужасно не потому, что оно индивидуалистическое міросозерцаніе. Въ самомъ индивидуализмѣ нѣтъ ничего такого, что бы приводило къ ужасу и

¹⁾ Царь—Голодъ стр. 45.

²⁾ Сборн. „Знаніе“ т. XI, стр. 248.

безпросвѣтному пессимизму. Что это такъ, объ этомъ свидѣтельствуется христіанское міросозерцаніе. Христіанское міросозерцаніе есть индивидуалистическое міросозерцаніе. Въ христіанствѣ цѣпится всякая отдѣльная человѣческая душа, всякая личность. Всякая личность имѣетъ цѣну сама въ себѣ. «Личность человѣческая и не личность человѣческая вообще, а дѣйствительно живое лицо, отдѣльный человѣкъ имѣетъ безусловно *божественное* значеніе», говоритъ Владиміръ Соловьевъ ¹⁾. Этотъ индивидуалистическій характеръ христіанства ясно виденъ, напр., изъ слѣдующихъ словъ Спасителя: «ска- зываю вамъ, что такъ на небесахъ болѣе будетъ радости *объ одномъ* грѣшникѣ кающемся, нежели о 99-ти праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи» (Лук. 15, 7). Богъ заботливо печется о каждомъ человѣкѣ въ отдѣльности: «безъ воли Божьей ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы человѣческой» (Мѣ. 10, 29—30). Богъ, какъ добрый пастырь оставляющій 99-ть овецъ, чтобы спасти одну заблудшую, спасаетъ каждого погибающаго (Мѣ. 18, 14). Велика заслуга обратить на путь истины даже одного грѣшника: «пусть знаетъ, что обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его спасетъ душу отъ смерти» (Іак. 5, 20). Спасеніе отдѣльной души человѣческой выставляется, какъ нѣчто весьма великое. Человѣкъ долженъ спасать свою душу, какъ нѣчто цѣнное и дорогое: «какая польза человѣку, аще міръ весь приобрящетъ, душу же свою отщегитъ, или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою» (Мѣ. 16, 28)? Индивидуальная жизнь христіанина дорога, какъ индивидуальная. Будущее существованіе будетъ также индивидуальнымъ. Всякій на страшномъ судѣ дастъ отвѣтъ въ томъ, что онъ лично сдѣлалъ благого или злаго. Безсмертіе, обѣщаемое христіанствомъ, есть безсмертіе личное. Такимъ образомъ, христіанское ученіе—индивидуально. Однако не смотря на свой индивидуалистическій характеръ, оно не пессимистично. Уже названіе его «евангеліемъ» свидѣтельствуется объ этомъ: «евангеліе» значитъ радостная вѣсть, радостное ученіе. Оно даетъ христіанамъ радость, почему апостолъ часто приглашаетъ христіанъ къ радости: «радуйтесь, утѣшайтесь» (2 Кор. 13, 11), «радуйтесь и паки реку: радуйтесь» (Филип. 4, 4). Оно говоритъ даже о радости въ испытаніяхъ: «всяку радость, братіе, имѣйте, егда во искушенія впадаете раз-

¹⁾ Т. III, стр. 17.

лична» (Іак. 1, 2); блажени есте, егда поносятъ васъ»—говоритъ Спаситель (Мѣ. 5, 11). Особенно говоритъ оно о радостномъ индивидуальномъ существованіи праведниковъ за гробомъ. Тамъ будетъ такое блаженство праведниковъ, какого и око не видѣ и ухо не слыша и, какое не всходило на сердце человѣка.

Чѣмъ же объясняется такая разница между христіанскимъ индивидуалистическомъ міросозерцаніемъ и андреевскимъ? Несомнѣнно тѣмъ, что въ христіанствѣ и у Леонида Андреева различно понимается индивидуальность, личность. Леонидъ Андреевъ понимаетъ индивидуальность такъ, какъ она дается непосредственно въ дѣйствительности—со всѣми ея инстинктами и злыми наклонностями. Христіанство же понимаетъ совершенно иначе индивидуальность. Христіанское пониманіе индивидуальности ясно видно изъ слѣдующаго мѣста свящ. писанія: «иже аще хоцетъ душу свою спасти, погубитъ ю, а иже погубитъ душу свою Мене ради и евангелія, той спасетъ ю» (Мрк. 8, 35; Мѣ. 16, 25; Іоан. 15, 13). Отсюда слѣдуетъ, что тотъ, кто хоцетъ сберечь свою душу—индивидуальность, какъ она есть, тотъ ее губитъ, а кто губитъ ее ради Христа и евангелія, тотъ сберегаетъ свою душу—индивидуальность. Такимъ образомъ то, что въ нашей личности противно Христу и евангелію, то не наша душа, не наша индивидуальность. Наша индивидуальность то, что согласно со Христомъ и евангеліемъ. Кто губитъ въ себѣ несогласное со Христомъ, тотъ сберегаетъ свою душу—индивидуальность. Слѣдовательно, все что есть лучшаго въ нашей душѣ и святого—это наша индивидуальность,—что въ ней грѣховнаго и злого—это не наша индивидуальность. Св. апостоль Павель различаетъ въ человѣкѣ двухъ человѣкъ: *внутренняго и вѣшняго*. Внутренній человѣкъ находитъ удовольствіе въ законѣ Божіемъ, а вѣшній человѣкъ руководствуется закономъ грѣховнымъ, находящемся въ членахъ человѣческаго тѣла (Сим. 7, 22—23). Внутренній человѣкъ—это синонимъ духа, а вѣшній—синонимъ плоти. Еще у апостола Павла различается новый и ветхій человѣкъ. Новый человѣкъ созданъ по Богу—въ правдѣ и святости истины, а ветхій истлѣваетъ въ обольстительныхъ похотяхъ (Ефес. 4, 22—24). Такимъ образомъ, не все то, что въ человѣкѣ, есть его личность—индивидуальность, а лишь то, что въ немъ лучшаго—внутренній человѣкъ, новый,—то, что съ Богомъ и со Христомъ. Все остальное—это есть нѣчто наносное, вѣшнее, плотское, пришедшее

въ человѣка чрезъ грѣхонаденіе... Это не есть индивидуальность человѣка,—напротивъ, это то, что стѣсняетъ его истинную индивидуальность. И такъ, въ то время какъ у Леонида Андреева все, что есть въ человѣкѣ, есть его индивидуальность. (а въ человѣкѣ болѣе злого, чѣмъ добраго),—въ христіанствѣ индивидуальность—это то, что создано по Богу—богоподобный духъ человѣка съ его стремленіями ко всему доброму и святому. Въ этомъ—корень человѣческой личности.

Въ виду такого пониманія въ христіанствѣ личности—индивидуальности, укрѣпленіе, утвержденіе и освобожденіе ея возможно совершенно другимъ путемъ, чѣмъ у Л. Андреева. Имено: Прежде всего нужно удаленіе и отверженіе внѣшняго, плотскаго человѣка, часто принимаемаго за нашу личность. Въ этомъ отверженіи уже обрѣтается наша личность: «Иже погубить свою душу Мене ради и евангелія, той спасетъ ю». Но однако этого недостаточно. Обрѣтенная истинная личность, для своей крѣпости, еще должна быть утверждена на какой-либо прочной основѣ. Эта основа должна соответствовать характеру личности, отвергнувшей зло. Такой основой можетъ быть только та основа, на которой зиждется все существующее, вся вселенная. Это—Богъ. Это утвержденіе на Богѣ для человѣка вполне возможно, такъ какъ собственная личность человѣка—есть его богоподобный духъ,—то, что есть въ немъ божественнаго и святаго. Человѣкъ обрѣтшій свою личность, уже обрѣлъ и Бога, такъ какъ въ Богѣ находится тоже самое, что въ его внутреннемъ человѣкѣ, только въ безконечно большей степени. Богъ для него не есть нѣчто чуждое... Напротивъ, къ Нему стремится и по Немъ, воздыхаетъ душа человѣка. Поэтому вполне исполнима для христіанина заповѣдь: «возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всею мыслию твоею»... Но утверждаясь на Богѣ, христіанская индивидуальность становится родственною въ тоже время съ личностями другихъ людей, ибо всѣ люди созданы по образу и подобию Божію. Человѣкъ, любящій себя и Бога, любить и всѣхъ людей и живетъ высшею жизнью всѣхъ людей. Посему для него нѣтъ ничего труднаго въ заповѣди: «возлюбиши ближняго твоего, какъ самого себя». Утверждаясь на жизни Бога и ставъ близкою другимъ людямъ, человѣческая личность въ христіанствѣ становится близкою и всему міру—всей вселенной, ибо въ основѣ вселенной лежитъ божественный разумъ и воля. Человѣческая лич-

ность любить весь міръ, всякую травку и былинку. Для этой личности вполне понятны наставленія старца Зосимы въ «Братяхъ Карамазовыхъ» Достоевскаго: «Любите все созданіе Божіе и цѣлое, и всякую песчинку. Каждый листикъ, каждый лучъ Божій любите. Любите животныхъ, любите растенія, любите всякую вещь. Будешь любить всякую Божію вещь и тайну Божію постигнешь въ вещахъ. Постигнешь однажды и уже не устанно начнешь ее познавать все далѣе и болѣе, на всякъ день. И полюбишь наконецъ весь міръ уже всецѣлою, всемірною любовью. Животныхъ любите, имъ Богъ далъ начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же ее, не мучьте ихъ, не отнимайте у нихъ радости, не противьтесь волѣ Божьей»¹⁾. Францискъ Ассизскій былъ проникнутъ именно такою любовью: въ волкѣ онъ видѣлъ брата и въ цикадѣ сестрицу²⁾. Такимъ образомъ, христіанская индивидуальность для своего освобожденія и утвержденія не требуетъ уничтоженія другихъ индивидуальностей, міра, не стѣсняется моральными предписаніями и не подавляется Богомъ. Она сливается въ своей жизни со всѣмъ міромъ и не чувствуетъ въ другихъ индивидуальностяхъ, мірѣ, Богѣ и Его законахъ чего-то чуждаго... Все это ея родное. Все это ей понятно. Она не чувствуетъ своего одиночества въ мірѣ. Она во всемъ.—Но не теряется ли отдѣльная личность—индивидуальность чрезъ это сліяніе?—Такъ какъ при сліяніи личность не измѣняется въ качественности, и чувствуетъ себя, какъ себя, то она не теряется. Напротивъ, она расширяется, получаетъ свободу и необычайную полноту существованія. Это не есть будійская нирвана—потеря личности. Это—обогащеніе личности. Сливаясь въ любви съ жизнью другихъ людей, міра и Бога, личность живетъ жизнью другихъ людей, жизнью всего міра, жизнью Бога. Какъ Богъ во всемъ, такъ и отдѣльная личность чрезъ Бога живетъ во всемъ... какая полнота бытія, какое счастье личнаго существованія!.. Въ то время какъ у Л. Андреева личность въ концѣ концовъ приходитъ къ мраку пустоты и ужасу безконечнаго»³⁾, въ христіанствѣ личность приходитъ къ полнотѣ бытія, къ счастью и упоенію Божественною жизнью.

1) Изд. Нивы. ч. II, стр. 379.

2) Литературный роспадъ. СПб. 1908 г. стр. 114.

3) Ивановъ-Разумникъ. О смыслѣ жизни. СПб. 1908 г. стр. 89.

Правда, и въ христіанствѣ для личности есть нѣчто чуждое и закрытое. Это—зло и носители зла. Но это не давить христіанской личности, ибо истинная основа всего существующаго—Добро, а зло есть пришедшее потомъ, наносное и безсильное, имѣющее быть побѣжденнымъ. Христіанская личность стоитъ на твердомъ основаніи и ничто не можетъ вырвать этого основанія изъ-подъ ея ногъ. Христіанская личность не будетъ звать, какъ Керженцевъ: «кто сильный дастъ мнѣ руку помощи?... Гдѣ я найду то вѣчное, къ чему я могъ бы прилѣпиться съ своимъ жалкимъ, безсильнымъ, до ужаса одинокимъ я?». У христіанской личности есть такой Сильный—это Богъ, и къ Нему прилѣплена она со своимъ я.

Изъ сопоставленія индивидуалистическаго міросозерцанія Л. Андреева съ христіанскимъ индивидуалистическимъ міросозерцаніемъ, ясно видно, гдѣ правда. Правда, несомнѣнно, тамъ, гдѣ радость и жизнь, а не тамъ, гдѣ «мракъ пустоты, ужасъ безконечнаго» и уничтоженіе. Л. Андреевъ не по христіански мыслить, почему и получилось у него такое мрачное индивидуалистическое міросозерцаніе. Свѣтъ и радость только тамъ, гдѣ Христосъ!

Епископъ Георгій.

Обзоръ русскихъ сектъ и ихъ толковъ.

(Продолженіе *).

15. Скопчество **).

Исторія секты. Секта эта была обнаружена въ 1772 г., но кто былъ ея основателемъ, этотъ вопросъ остается неразрѣшеннымъ. Одни думаютъ, что основателемъ ея былъ извѣстный

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 8 за 1909 годъ.

**) 1. *Реутскій Н. В.* „Люди Божіи и скопцы“. М. 1872 г. 2. *Р-скій.* За-мѣтки о хлыстовской и скопческой сектѣ (День 1864, № 24); 3. *Пеликанъ Е.* Судебно-медицинскія изслѣдованія. СПб. 4. *Мельниковъ.* Бѣлье голуби (Рус. Вѣд. 1869 №№ 3 и 5); 5. *Протопоповъ.* Опытъ историческаго обозрѣнія мистическихъ сектъ въ Россіи (Тр. Кіев. Д. А. 1876, Апрель); 6. *Сахаровъ Н.* Последнее движеніе въ современномъ скопчествѣ (Хр. Чт., 1877 г., Сентябрь.) 7. *Гурій Ел.* О скопческомъ движеніи по послѣднимъ о немъ извѣстіямъ. 1877; 8. *Кутеповъ К.* Секты хлыстовъ и скопцовъ. 1900; 9. *Забѣлинъ А.* Движеніе впередъ въ сектѣ скопцовъ. Древ. и Нов. Рос. 1878, 1. № 2). 10. *Скворцовъ В. М.* Староскопчество, какъ секта (М. О. 1899. Июнь, стр. 661—679; отдѣльное изданіе. Спб. 1899); 11. *Баженовъ Н. В.* Историческая записка о скопческой сектѣ въ Россіи съ 1843—1870 г. (Мис. Обзор. 1905 г. № 1, стр. 78—92; № 2; стр. 266—269; № 6, стр. 888—891; № 11, стр. 185—194); 12. *Прозоровъ Василій,* священникъ. „Почему Селиваповъ, мнимый императоръ Петръ III-й, называется вторымъ Сыномъ Божіимъ?“ (Мис. Обзор. 1901, 1, стр. 351—355); 13. Поразительное изуверство скопцовъ. (Мис. Обзор. 1901 г. I, стр. 149). 14. Скопчество въ Орловской губерніи въ 1900 г. (Мис. Обзор. 1901 г. I, стр. 547—548). 15. *Орловъ А. Н. А.* Гурьевъ въ роли защитника скопцовъ. Скопцы въ С. Петербургской и Рязанской епархіяхъ (Мис. Обзор. 1902. 11. стр. 510—520); 16. Скопцы въ Херсонской губерніи съ 1902 г. (Мис. Обзор. 1901. 1. стр. 855—856); 17. *Георгиевскій А.* Скопчество въ Орловской губерніи (Мис. Обзор. 1902. 1. стр. 566—569.); 18. Изъ бытовой жизни скопцовъ (Мис. Обзор. 1902. 1. стр. 608). 19. Скопческій домъ въ г. Томскѣ. (Мис. обзор. 1899. Декабрь, стр. 658—660); 20. Скопческій процессъ въ Рязанѣ. (Мис. Обзор. 1904, № 5 стр. 605, № 17 стр. 1067—1069); 21. *Полянскій Стахій* прот. Духовное скопчество въ Скопинскомъ уѣздѣ. (Мис. Обзор. 1900 г. Июль—Авг. стр. 146—152). 22. Исповѣданіе скопца Лихачева (Мис. Обзор. 1900 г. мартъ. Стр. 398—399). 23. *Кальневъ М.* Изуверства скопцовъ въ г. Николаевѣ. (Мис. Обзор. 1908. № 4. стр. 608—612).

хлыстовскій лжехристосъ Андреянъ Петровъ; другіе называютъ бывшаго подпоручика петербургскаго пѣхотнаго полка, исключеннаго изъ военной службы въ 1757 году, Владиміра Селиванова; третьи утверждаютъ, что виновникомъ скопчества былъ крестьянинъ села Столбова, Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи Селивановъ. Но какъ его звали, — этого опять никто не знаетъ: одни говорятъ, что его имя было Кондратій, другіе думаютъ, что его звали Андреемъ; есть извѣстія, на основаніи которыхъ можно предполагать, что его именовали и Иваномъ, и даже Ѳомою... Самъ же онъ называлъ себя прямо «богомъ», «христомъ», «искупителемъ» и «императоромъ Петромъ III Ѳедоровичемъ»... Но богу неприлично носить людскія имена, да и какъ проходимецъ, бродяжничавшій повсюду, онъ самъ, по всей вѣроятности, не разъ называлъ себя разными именами... Въ миссіонерской литературѣ принято, однако же (хотя и не безъ неопровержимыхъ доказательствъ), виновника скопческой секты называть Кондратіемъ Селивановымъ или просто Селивановымъ.

Невзрачный собою — «маленькій, худенькій», съ заостреннымъ носомъ, рыжими (желторусыми) волосами на головѣ, безъ усовъ и бороды, съ бабьимъ несимпатичнымъ лицомъ, Селивановъ не отличался и нравственными свойствами: обычное хлыстовское лицемѣріе, безграничное тщеславіе и властолюбіе, хитрость и лукавство, назойливость и трусость, упорная скрытность и нетерпимость ко всѣмъ иномыслящимъ, — вотъ черты, которыми характеризуется его нравственная личность. Къ нимъ нужно прибавить, только: самохвальство, склонность къ наглому обману и способность лгать безъ всякой мѣры. Неопровержимые факты изъ его жизни подтверждаютъ эту характеристику и покажутъ, на какой моральной почвѣ обыкновенно возрастаетъ сектанство.

Скопчество признается сектою родственною съ хлыстовствомъ. Это вѣрно. Оно выдѣлилось изъ хлыстовщины. Но съ другой стороны нельзя отказать ему и въ самостоятельности, доходящей до отрицанія хлыстовства. Хлыстовство и скопчество имѣютъ между собою много общаго; но за то съ другой стороны они настолько враждебны другъ съ другомъ, что ихъ примиреніе невозможно. Если бы хлысты имѣли власть и силу, они истребили бы скопцовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Да и были попытки такого рода. «А на крестъ меня отдали

юдеямъ (т. е. властямъ), говорилъ основатель скопчества, божьи люди (хлысты). И это была правда. Хлысты звѣрски убили его перваго спутника Мартынушку въ самомъ началѣ его скопческой проповѣди. Хлыстовскій пророкъ Филимонъ и его сестра—хлыстовская пророчица—неоднократно покушались убить и самого Селиванова. Такъ же враждебно относятся хлысты къ скопчеству и въ настоящее время. Но и скопцы не остаются въ долгу предъ хлыстами...

Селивановъ сначала принадлежалъ къ хлыстовству. Но онъ не былъ зауряднымъ членомъ хлыстовскаго «корабля»: онъ не былъ даже простымъ хлыстовскимъ «пророкомъ». По выраженію лжепророчицы Анны Романовны изъ корабля знаменитой орловской «богородицы» Акулины Ивановны, онъ былъ «богъ надъ богами, царь надъ царями, пророкъ надъ пророками». Тѣмъ не менѣе, едвали онъ думалъ объ основаніи новой секты. Онъ слишкомъ былъ популяренъ среди хлыстовъ и слишкомъ тщеславенъ, чтобы рисковать прибрѣтеннымъ почетомъ и властію во имя чего-то неизвѣстнаго. Но не желая оставлять хлыстовства, онъ, несомнѣнно, имѣлъ твердое намѣреніе быть его реформаторомъ. Въ его время хлыстовство уже утратило свою репутацію: въ глазахъ народа оно стало настоящею клоакою разврата. Природа мстила за разрушеніе ея правъ. Отрицаніе брака широко открыло дверь раслутству. Прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе, растлѣніе малолѣтнихъ, а рядомъ съ нимъ ревность, вражда, ссоры, даже убійства на почвѣ ревности, сваль-ный грѣхъ и т. п. пороки, господствовавшіе въ хлыстовскихъ «корабляхъ», привели Селиванова къ мысли о необходимости борьбы и реформы и къ убѣжденію, что реформаторомъ хлыстовства долженъ быть именно—онъ, Селивановъ. Не даромъ его другъ—«прозорливецъ»—говорилъ ему въ «пророческомъ» духѣ: «тебѣ много дѣлъ надо сдѣлать на землѣ: свою чистоту утвердить и всю лѣпность (развратъ) укротить, и грѣхъ искоренить». Съ чего, однако же, ему слѣдовало начать? Конечно, съ плоти: зло въ ней. Но плотскія страсти,—рѣшилъ онъ,—нужно побѣждать не развратомъ, а умерщвленіемъ. Существованіе половыхъ органовъ у человѣка—вотъ, по его мнѣнію,—гдѣ корень разврата, вотъ—та змѣя, которая соблазняетъ человѣка и заставляетъ его развратничать и грѣшнить; ее и нужно уничтожить: «ужъ змѣю бить (говорилъ Селивановъ), такъ и бей поскорѣе до смерти, покуда на шею не вспрыгнула и не укусила!»

Такъ онъ пришелъ къ мысли о необходимости оскотленія для того, чтобы положить конецъ разврату въ хлыстовскихъ общинахъ и ввести въ нихъ «чистоту» (нравственную). Цѣль хороша; но средства негодны: Хлысты цѣнили добрыя намѣренія своего «бога», но содрогались предъ тяжестью жертвы, которую онъ отъ нихъ требовалъ, а въ душѣ скорбѣли и о предстоящемъ прекращеніи разгула страстей. Реформаторъ не остановился, однако же, на оскотленіи. Онъ провозгласилъ еще и второй свой догматъ. Хлыстовскіе лжехристы болѣе другихъ предавались чувственному разврату и плотскимъ похотямъ. Въ такихъ лицахъ не могъ обитать Христосъ, который, по евангелію, былъ безгрѣшенъ и святъ. И вотъ Селивановъ отвергъ многократныя воплощенія Христа. Только въ немъ одномъ, въ Селивановѣ, воплотился Христосъ, и кромѣ него нѣтъ «христовъ». Одинъ разъ, полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, воплощался Христосъ для того, чтобы научить людей оскотленію, а другой—Онъ пришелъ на землю въ лицѣ Селиванова, чтобы судить міръ. Всѣ хлыстовскіе «христы» такимъ образомъ были объявлены лжецами и обманщиками. Такое ученіе не могло пройти даромъ для Селиванова. Оно испровергало все хлыстовство и причиняло личную обиду и оскорбленіе всей толпѣ хлыстовскихъ «христовъ», «богородицъ», «пророковъ» и т. д. Здѣсь то и лежитъ причина бывшихъ посягательствъ на жизнь Селиванова. Только одинъ крестьянинъ Тульской губерніи *Александръ Ивановичъ Шиловъ*, самъ возмущавшійся крайнею безнравственностію и развратною жизнію хлыстовъ, увлекся ученіемъ Селиванова и сталъ его вѣрнѣйшимъ послѣдователемъ. Преслѣдуемые хлыстовскими лжепророками и лжебогородицами, Селивановъ и Шиловъ изъ Орловской губерніи перешли въ Тульскую; здѣсь они приобрѣли себѣ ревностнаго сотрудника въ лицѣ писаря на одной фабрикѣ—бывшаго хлыста *Емельяна Ретиваго*, больше извѣстнаго подъ именемъ *Аверьянушки*. Ученіе Селиванова было принимаемо всѣми, кто возмущался хлыстовскимъ развратомъ. Шиловъ оказался хорошимъ «мастеромъ», т. е. оскотителемъ, а Ретивый, по своей должности имѣвшій вліяніе на рабочихъ и торговцевъ, содѣйствовалъ распространенію скопчества. Если къ этому прибавить еще то, что Селивановъ и Шиловъ совершали будто бы необычайныя чудеса, предсказывали будущее, вѣдали самыя сокровенныя помышленія людей (объ этомъ они сами говорили всѣмъ), то

будеть понятенъ успѣхъ новой проповѣди. Оскопленныхъ оказалось много за самый короткій срокъ въ трехъ смежныхъ губерніяхъ—Орловской, Тульской и Тамбовской. Скопились не только крестьяне, но и духовныя лица. Центромъ скопчества стала с. Сосновка, Тамбовской губерніи. Быстрое распространение скопчества не могло не обратить вниманія правительства. Было произведено слѣдствіе, окончившееся ссылкой Шилова въ Ригу, Селиванова—въ Нерчинскъ. Но и въ ссылкѣ они продолжали распространять свое ученіе и оскоплять своихъ послѣдователей. Шилловъ распространилъ скопческую секту въ Рижской, Псковской и даже С.-Петербургской губерніяхъ. Его заключили въ Динамюндскую крѣпость. Здѣсь онъ началъ скопить солдатъ. Послѣ этого его перевели въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ и умеръ съ 5-го на 6-е января 1800 года, и его торжественно похоронили близъ Невы и подошвы Преображенской горы. Два года спустя тѣло Шилова (по увѣренію скопцовъ, нетлѣнное, за исключеніемъ ногтя на пальцѣ ноги, почернѣвшаго отъ тѣсноты гроба) перенесено на самую гору, гдѣ и предали землѣ. Надъ могилою Шилова устроены большой памятникъ, въ видѣ часовни, въ которой петербургскіе скопцы стали оскоплять дальнѣйшихъ послѣдователей и освящать хлѣбъ для причащенія. Что-же касается Селиванова, то онъ до Нерчинска не дошелъ. Онъ поселился въ Иркутскѣ и свободно бродяжничалъ по его окрестностямъ, проповѣдуя свое ученіе и оскопляя послѣдователей. Здѣсь же ему пришла въ голову безумная мысль выдавать себя за императора Петра III. Но въ Иркутскѣ онъ жилъ не долго. Посѣявъ сѣмена скопчества въ Сибири, онъ въ сопровожденіи какого-то «молодого генерала» возвратился на родину. Исслѣдователи скопчества недоумѣваютъ, кто былъ этотъ «молодой генералъ». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рассказъ Селиванова объ этомъ генералѣ есть такая же «чистѣйшая» ложь, какъ и его рассказы о бывшихъ ему видѣніяхъ, о его прозорливости, чудесныхъ исцѣленіяхъ, предсказаніяхъ и т. п. Какъ можно быть царю безъ свиты! царя всегда сопровождаютъ «генералы»! Не представляетъ затрудненія и рѣшенія вопросъ о томъ, какимъ образомъ у Селиванова могла явиться мысль—выдавать себя за императора Петра Теодоровича. То было время самозванства. Исторія насчитываетъ семь самозванцевъ, тогда выдававшихъ себя за императора Петра III. Селиванову не давали покоя лавры Пугачева. Воз-

вращаясь изъ Сибири въ Россію, рассказываетъ Селивановъ, я встрѣтился съ Емельяномъ Пугачевымъ, котораго провожали полки полками (!) и тоже везли подъ великимъ конвоемъ, а меня взяли вдвое того больше (!) и весьма строго, и тутъ тѣ, которые его провожали, за мной пошли, а которые меня везли, за нимъ пошли» ¹⁾. Ничего подобнаго и быть не могло. Селивановъ встрѣтился только съ безумными политическими мечтами Пугачева, но не съ самымъ Пугачевымъ. И для характеристики первоначальныхъ безумныхъ мечтаній Селиванова, и для ознакомленія съ нимъ, какъ наглымъ лжецомъ и обманщикомъ, много интереснаго матеріала представляетъ его собственный рассказъ, имъ самимъ написанный, о его возвращеніи изъ Сибири на родину. По этому рассказу ²⁾, «Кроткій и сердобольный государь императоръ Александръ I, по вступленіи своемъ на всероссійскій престолъ, какъ только узналъ о великихъ страдахъ августѣйшаго своего дѣдушки (Селиванова), тотчасъ отправилъ гонцовъ во всѣ края Сибири, чтобы отыскать несчастнаго страдальца. Долгое время послы не могли открыть изгнанника, но, послѣ многихъ страданій, нашли его, наконецъ, въ г. Иркутскѣ, гдѣ онъ служилъ сперва пономаремъ при Харлампіевской церкви, а потомъ сторожемъ при губернскомъ правленіи, и тотчасъ донесли о томъ Государю. Императоръ Александръ до того обрадовался вѣсти о своемъ прародителѣ, что самъ хотѣлъ ѣхать во срѣтеніе ему; но заботы о государствѣ и совѣты вельможъ отклонили его отъ этого намѣренія. А потому, собравъ наилучшія царскія регаліи и уложивъ ихъ въ драгоцѣнный ящикъ, онъ отправилъ ихъ къ Петру III (т. е. Селиванову) чрезъ знатныхъ вельможъ своихъ въ Иркутскъ. Въ ящикѣ этомъ находилась царская корона съ драгоцѣнными камнями и царская порфира на горностаевомъ мѣху. Вельможи на курьерскихъ подводахъ, какъ на крыльяхъ, прилетѣли въ Иркутскъ. На площади близъ губернскаго правленія, собралось несмѣтное число людей разнаго званія. Лишь только открыли ящикъ, присланный отъ его величества своему дѣдушкѣ, весь народъ палъ на колѣна, сколько отъ благоговѣнія къ царствен-

¹⁾ Чтен. въ общ. вст. 1864, № 4, стр. 82; у Кутелова „Секты хлыстовъ и скопцовъ“. 1900, стр. 152.

²⁾ Приводимъ его въ передачѣ о. В. Прозорова. Мис. Обзор. 1901. 1. стр. 351—352.

ному страдалцу, столько же отъ уваженія къ царскимъ регалиямъ. Селивановъ, взглянувъ на корону и другія царскія украшенія, во смиреніи своемъ сказалъ: «потерпѣвши великія страды въ Москвѣ, Тулѣ, Воронежѣ и многихъ другихъ мѣстахъ моего царства и прошедши въ кандалахъ отъ Москвы на край Сибири, я не могу носить на головѣ царской короны: при моихъ страдахъ царская честь мнѣ уже не прилична. Дайте мнѣ лучшую простую баранью шубу и почтовую повозку; въ этомъ приличнѣе мнѣ явиться предъ свѣтлыя царскія очи возлюбленнаго моего внука, который и на краю земли разыскалъ меня своего любовію. По прибытіи Селиванова въ Петербургъ, императоръ Александръ встрѣтилъ его, какъ старшаго царя, и предложилъ ему свой царственный тронъ и корону, но Селивановъ отказался вышесказанными словами. По любви своей къ старшему помазаннику, императоръ Александръ сдѣлалъ ему другое предложеніе: «если неудобно великому государю моему занять мой престолъ и принять на рамена свои скипетръ всероссійской державы, то я прошу и молю августѣйшаго моего дѣдушку принять отъ меня въ вотчину нѣскольکو губерній самыхъ плодородныхъ и богатыхъ, которыми бы мой великій государь и отецъ могъ по царски содержаться». Непреклонный Селивановъ отвергъ и это предложеніе своего внука, говоря: «я грѣху не отецъ, а чистотѣ и святости отецъ; не для земли я живу, и не земное мое царство: не хочу я себѣ славы земной, а хочу въ страдахъ своихъ всю жизнь свою скончать. Буде хочешь послушать меня, Алексаша, то утѣшь меня въ моемъ желаніи: дай мнѣ мѣсто въ Преображенской богадѣльнѣ, что на Васильевскомъ островѣ, я посвящу себя тамъ на служеніе нищей братіи, больнымъ и убогимъ по вѣки вѣкомъ». Съ грустью въ сердцѣ и съ сожалѣніемъ въ душѣ государь изъявилъ свое царское согласіе на подвижническій выборъ своего дѣда.

Нужно замѣтить, что Селивановъ возвратился изъ Сибири даже не въ царствованіе Александра I, а въ царствованіе Павла. Онъ не былъ психически-больнымъ,—а его поведеніе имѣло свой смыслъ. Онъ считалъ своимъ призваніемъ распространеніе скопчества по всему міру—и Франціи, и Турціи,—и учрежденіе всемірнаго скопческаго царства, а этого нельзя было достигнуть, не захвативъ въ свои руки царской власти. Мысль эта не оставляла Селиванова никогда.

Возвратившись въ Россію, Селивановъ находилъ своихъ послѣдователей повсюду: только въ восьми губерніяхъ, въ то время еще не было обнаружено скопчества. Шиловъ съ своимъ племянникомъ и единомышленниками—Масоновымъ, Колесниковымъ, Ненастевыми, Яковлевыми, Артамоновымъ, Васильевымъ, Огородниковымъ, Матвѣевымъ, Громовымъ и др., ревностно старались о его распространеніи; они же увѣрили своихъ послѣдователей въ томъ, что Селивановъ, дѣйствительно, есть Императоръ Петръ III и что, возвратившись изъ Сибири, Селивановъ самъ объявитъ объ этомъ своимъ подданнымъ. И это такъ было. Распространяя скопчество въ губерніяхъ Орловской, Тульской, Рязанской, Воронежской, Тамбовской и Калужской. Селивановъ въ то же время увѣрялъ своихъ слушателей, что онъ не только *богъ*, но и государь императоръ Петръ Федоровичъ. Въ доказательство этого онъ съ одной стороны не скупился на чудеса (исцѣлялъ сумасшедшую жену крестьянина Гаврилова и претворять квасъ въ воду), а съ другой—показывалъ изъ-подъ своей шубы какія-то звѣзды и ишагу.

Посѣтивъ множество селъ и проживъ нѣкоторое время въ Москвѣ Селивановъ отправился въ Петербургъ, гдѣ уже было очень много скопцовъ, въ особенности—среди купечества. Пропаганда его тамъ шла весьма успѣшно. Его ученіемъ увлекались не только мѣщане и купцы, но даже чиновники и люди интеллигентные (напр., Милоградовичъ, Суворовъ, Голицынъ и др.). Аристократки считали себя счастливыми, удостоившись, поцѣловать его руку, выслушать его наставленіе или узнать отъ него свое неизвѣстное будущее. Но Селивановъ имѣлъ въ виду цѣль: всячески заботился о томъ, чтобы въ число своихъ преданнѣйшихъ послѣдователей пріобрѣсти человѣка, который могъ бы служить ему хорошею опорой для осуществленія его властолюбивыхъ и честолюбивыхъ замысловъ. Такимъ оказался Семень Ивановичъ *Кобелевъ*, бывший нѣсколько лѣтъ камеремъ покойнаго Императора Петра III. Оскопивъ себя, онъ постоянно проживалъ при Селивановѣ въ числѣ «искупительскихъ» слугъ и всѣхъ клятвенно завѣрялъ, что Селивановъ, дѣйствительно, есть Императоръ Петръ III. Слухъ о томъ, что въ самомъ Петербургѣ появился человѣкъ, именующій себя Петромъ III, дошелъ до Императора Павла I-го. Павелъ пожелалъ видѣть Селиванова. Что происходило между ними,—неизвѣстно. По словамъ же скопцовъ, Павелъ будто бы спросилъ

Селиванова: «Правда-ли, что ты мой отецъ?» На эти слова Селивановъ будто бы отвѣтилъ такъ: «Узнаешь, если окажешься достойнымъ». Павелъ приказалъ содержать его въ Обуховской больницѣ для умалишенныхъ, гдѣ онъ и проживалъ до восшествія на престолъ Александра. Александръ освободилъ его изъ больницы и предоставилъ ему право свободного мѣстожителъства въ С.-Петербургѣ.

Послѣ ужасовъ французской революціи, какъ извѣстно, наступила эпоха крайняго мистицизма, піэтизма и романтизма. Насталъ вѣкъ Жуковского, съ его балладами, несбыточными надеждами, неосуществимыми идеалами, съ вѣрою въ таинственное, сверхъестественное, загробное. Вѣра непосредственнаго чувства, свобода релігіозной совѣсти, мечты объ идеальной любви ко всѣмъ, о вѣчномъ мірѣ и священныхъ союзахъ, объ идилліи пастушеской жизни и цвѣтахъ, презрѣніе къ земному и ничтожному—вотъ характеристическія особенности того исключительнаго времени. Александръ I былъ типичнѣйшимъ выразителемъ идей и чаяній своего времени. Неудивительно, что онъ оказался сначала весьма снисходительнымъ къ скопцамъ. На докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ о калужскихъ скопцахъ онъ положилъ резолюцію: «оставить отъ суда свободными, поелику они подобнымъ невѣжествомъ и вреднымъ поступкомъ сами себя уже довольно наказали». Но потомъ онъ предоставилъ скопцамъ и полную свободу. Для скопцовъ, по ихъ собственному выраженію, насталъ «золотой вѣкъ». Селивановъ проповѣдывалъ свое ученіе и скопилъ «вѣрующихъ» безпрепятственно; въ числѣ его вѣрующихъ были уже придворные чины и государственные чиновники. Радѣнія устраивались въ разныхъ частяхъ города,—и полиціи было строго предписано не касаться ихъ. Свита, окружавшая Селиванова была многочисленна и всѣ лица, принадлежавшія къ ней, называли себя не иначе, какъ «придворными его императорскаго величества Господа Иисуса Христа, багюлки искупителя, милостиваго государя Петра Θεодоровича». У Селиванова былъ свой великій князь Константинъ Павловичъ, отказавшійся въ то время отъ престола, своя цесаревна Елена Павловна, своя княгиня Марія Θεодоровна. Слава о немъ гремѣла по всей Россіи. Самъ Императоръ Александръ I, ко всѣмъ вѣрамъ питавшій уваженіе, говорилъ о немъ не съ удивленіемъ только, но и благоговѣніемъ. Передъ войной съ Наполеономъ онъ, побывавъ въ Казанскомъ

соборѣ, лично отправился къ Селиванову, чтобы съ нимъ совѣтоваться и получить отъ него «благословеніе». По словамъ скопцовъ, Селивановъ сначала не давалъ ему «благословенія» начинать войну, обѣщаясь «унять врага» своими средствами, но потомъ согласился подъ условіемъ, чтобы Александръ увѣровалъ въ него и «позналъ дѣло божіе» (т. е., чтобъ «оскопился»). Современникъ Александра I, сенаторъ Лубяновскій вполне подтверждаетъ этотъ фактъ. Изъ Петербурга Селивановъ управлялъ скопцами по всей Россіи: учреждалъ общины и назначалъ въ нихъ «учителей». Онъ ввелъ даже нѣчто въ родѣ инвеституры: каждому скопческому «учителю» онъ давалъ большой бѣлый платокъ и особый крестъ. Не было уже ни одной губерніи въ Россіи, гдѣ бы не было скопческихъ общинъ. Петербургъ былъ переполненъ скопцами, ибо, кромѣ мѣстныхъ, въ немъ проживало много прѣзжихъ, являвшихся къ Селиванову за совѣтами и указаціями. Даже въ Александро-Невской лаврѣ были монахи скопцы. Но Селивановъ зашелъ уже слишкомъ далеко. Императора Александра I онъ сталъ публично называть не иначе, какъ «Алексаша» или «явный» царь, давая этимъ понять, что рядомъ съ нимъ въ Россіи есть еще и другой царь—пока «тайный». Кромѣ того, онъ чаще и чаще сталъ проповѣдывать о скоромъ наступленіи скопческаго царства въ Россіи. Наконецъ, послѣ изгнанія изъ Москвы французовъ, по его внушенію, одинъ изъ приближенныхъ къ нему скопцовъ, камергеръ Елянскій, подалъ императору записку о наилучшемъ государственномъ устройствѣ Россіи; къ ней было приложено и «Извѣстіе, на чемъ скопчество утверждается». По этому проекту, предполагалось произвести коренное преобразование государственнаго строя Россіи, въ интересахъ скопчества. Правда, номинально, во главѣ управленія еще оставляли императора; но фактически вся власть надъ Россіею должна была перейти къ Селиванову. «Всѣ тайныя совѣты, всѣ важныя государственныя дѣла, писалъ Елянскій, будетъ опробовать настоятель, какъ боговдохновенный сосудъ, такъ какъ въ немъ полный духъ небесный съ Отцемъ и Сыномъ присутствуетъ и поэтому все, что онъ изъ устъ своихъ скажетъ, то, дѣйствительно, Духъ Святыи устами его возвѣщаетъ». Только теперь правительство поняло, куда скопчество протягиваетъ свои грязныя руки. Только теперь вспомнили и о существованіи въ Россіи Св. Синода и заинтересовались его мнѣніемъ о скопчествѣ. Синодъ.

отвѣчалъ, что «скопцы богохульная ересь, потому что начальникъ секты почитаетъ Христомъ; вредитъ обществу, осуждая бракъ, искажая людей и истребляя потомство». Тогда только и правительство объявило ихъ «врагами человѣчества, развратителями нравственности, нарушителями законовъ Божіихъ и гражданскихъ». Противъ скопцовъ были приняты строгія мѣры; ихъ розыскивали и предавали суду. 7-го іюня 1820 года, съ большими предосторожностями, былъ высланъ изъ Петербурга самъ Селивановъ для заточенія въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, причемъ настоятелю этого монастыря было предписано: «принять начальника секты скопцовъ въ монастырь съ человѣколюбивою ласковостью, съ христіанскимъ расположеніемъ сердца, изъ состраданія къ страсти его, изъ сожалѣнія о заблужденіи его, и помѣстить его въ келью, которая бы служила, по уединенію своему, къ спокойствію его и къ благоразмышленію». Но и въ своемъ монастырскомъ заключеніи Селивановъ не переставалъ вести пропаганду своего лжеученія чрезъ своихъ приверженцевъ. Даже въ самомъ Суздальѣ, въ женскомъ Покровскомъ монастырѣ, былъ устроенъ скопческій корабль съ большимъ числомъ оскопленныхъ. Не переставалъ здѣсь Селивановъ мечтать и о скоромъ наступленіи его царства. Впрочемъ, по словамъ суздальскихъ монаховъ, онъ умеръ (20 февраля 1832 г.), будто бы примирившись съ церковію: «оказалъ раскаяніе въ своихъ заблужденіяхъ и грѣхахъ и, по долгу христіанина православной церкви, исповѣданъ и сподобенъ св. Таинъ».

Современное состояніе скопчества. Селивановъ умеръ; но ученіе его осталось. Правительство приняло строгія мѣры противъ скопцовъ; но число ихъ не уменьшалось; напротивъ, въ каждой епархіи оно постоянно возрастало. Строгость правительства заставила только многихъ скопцовъ бѣжать за границу, въ особенности—въ Румынію, чтобы тамъ свить себѣ прочное гнѣздо и оттуда безнаказанно вліять на развитіе скопчества въ Россіи. Особенно много поселилось скопцовъ въ Добруджѣ, Яссахъ, Галацѣ, Бухарестѣ и с. Николаевкѣ, находящейся близъ границы между Россіей и Румыніей.

Дѣло Селиванова продолжали его преданнѣйшіе ученики Алексѣй Ивановичъ *Громовъ* и Василій *Будылинъ*. Первый, выдававшій себя за великаго князя Константина Павловича и называвшій Императора Николая I-го «братцемъ Колкюшкой»,

былъ сынъ крестьянина Галицкаго уѣзда, Костромской губерніи; нѣкоторое время находился на военной службѣ; но потомъ бѣжалъ и сталъ распространителемъ скопчества. По своей изворотливости и энергіи, онъ не уступалъ и Селиванову, который высоко цѣнилъ его и даже наименовалъ его своимъ «первымъ апостоломъ», а скопцы и донинѣ восхваляютъ его, какъ своего «вѣрнаго пророка, искупительнаго апостола и великаго страдателя, назидающаго стада израильскихъ овецъ, государя ихъ, батюшки, Петра Θεодоровича III». Будылинъ такъ же—сынъ крестьянина—былъ родомъ изъ села Выѣздной Слободы, Арзамасскаго уѣзда, Нижегородской губерніи; также былъ нѣкоторое время въ военной службѣ, гдѣ его совратилъ и осконилъ одинъ рядовой. Послѣ этого онъ бѣжалъ и по всей Россіи распространялъ скопчество, имѣя повсюду необычайно сильное вліяніе на своихъ единовѣрцевъ. Ревностными сотрудниками Громова и Будылина были: «пророкъ и учитель» скопцовъ, унтеръ-офицеръ Семенъ *Ларионовъ*, «злоучитель» Ларионъ *Подкашовъ*, «пророчица и учительница» скопцовъ *Настасья Антоновна*, «злоучитель и главный наставникъ по скопческой сектѣ Иванъ *Богдашевъ*, Тимофей и Ульянъ *Поповы*, Константинъ *Несвѣровъ*, Трофимъ *Загородниковъ*, Катерина *Хомина*, монахиня *Павсія*, іеромонахъ *Феофанъ*, штабъ-капитанъ Борисъ *Сазоновичъ*, мѣщанинъ *Кононовъ*, «мастера» (т. е. оскопители)—*Копыловъ*, *Калмыковъ*, *Евфимовъ* и мн. др.

Съ конца прошлаго столѣтія и даже раньше, скопчество, какъ секта, существовала во всѣхъ губерніяхъ Русской имперіи. Но особенно много скопцовъ было въ губерніяхъ: Орловской, Тамбовской, Тульской, Рязанской и Московской; на югѣ—въ Таврической губерніи и на Кавказѣ. Объ этомъ можно судить не только по ежегоднымъ всеподданиѣйшимъ отчетамъ оберъ-прокурора Св. Синода, но и по судебнымъ процессамъ. Главными распространителями скопчества и «мастерами» въ настоящее время должны быть названы: Николай *Федоровъ*, *Байбаковъ* и Иванъ *Крупчатниковъ* (въ Москвѣ), *Картавцевъ* (въ Самарѣ), Михаилъ *Умеренниковъ* (въ Курскѣ), Иванъ *Уваровъ* (въ Тулѣ), Иванъ *Ермаковъ* (въ Херсонской губерніи), Симеонъ *Тереховъ* (въ Мелитополѣ, Таврической губерніи), *Пановъ*, Ларионъ *Бекстовъ* и *Ожерельевъ* (въ Саратовѣ), *Пановъ*, *Моговъ*, *Дорожкинъ* и *Плынинъ* (въ Орлѣ), *Лисинъ*, *Плотицынъ*, *Шатовъ*, *Ряботяговъ*, *Яркинъ*, *Булгакинъ*, *Баздыревъ* (по всему

югу Россіи) и др. Въ послѣднее время подъ вліяніемъ движенія, происходящаго въ Румыніи, въ Россіи стало пропагандироваться въ большихъ размѣрахъ, такъ называемое, духовное скопчество или новоскопчество. О немъ будетъ сказано ниже.

Ученіе скопцовъ. Какъ уже было упомянуто, скопчество выдѣлилось изъ хлыстовства только изъ-за двухъ пунктовъ своего вѣроученія: 1. Оно учитъ о необходимости оскотленія челоуѣка ради умерщвленія плоти и 2., отрицаетъ многократныя перевоплощенія Христа съ вѣрою, что, согласно своему обѣтованію о второмъ пришествіи на землю, Христосъ явился въ лицѣ основателя скопчества, именно Селиванова или батюшки государя императора Петра III Ѳеодоровича. Всѣ остальные пункты хлыстовскаго вѣроученія и нравоученія скопчество удержало безъ всякихъ измѣненій. Поэтому и здѣсь будетъ рѣчь только о двухъ указанныхъ пунктахъ лжеученія, составляющихъ собственность скопчества. Признавая, что оскотленіе есть единственное радикальное средство для умерщвленія половыхъ похотей, составляющихъ будто-бы источникъ всѣхъ другихъ грѣховныхъ вожделѣній, скопцы стараются подкрѣпить свое лжеученіе ссылкой на Божественное Откровеніе ветхаго и новаго завѣтовъ. Уже Адамъ и Ева.—учатъ скопцы,—были сотворены Богомъ безъ половыхъ органовъ, которые появились у людей лишь послѣ того, какъ діаволь соблазнила Еву вкусить запрещеннаго плода, а Ева соблазнила Адама; изъ рая они были изнаны будто-бы за то, что удовлетворили свои половныя влеченія, внушенные имъ діаволомъ. Ветхозавѣтное обрѣзаніе, по мнѣнію однихъ скопцовъ, есть оскотленіе, хотя и малое, по мнѣнію другихъ,—только прообразъ оскотленія, тѣмъ грядущаго. Особенно любятъ скопцы ссылаться на слова Божіи о евухахъ у пророка Исаіи (56, 3—5); «Да не говоритъ евухъ: «вотъ я сухое дерево». Ибо Господь такъ говоритъ объ евухахъ: которые хранятъ мои субботы и избираютъ угодное Мнѣ и крѣпко держатся завѣта Моего,—тѣмъ далъ Я въ домъ Мой и въ стѣнахъ Моихъ мѣсто и имя лучшее, нежели сыновьямъ и дочерямъ: дамъ имъ вѣчное имя, которое не истребится». Въ пользу своего лжеученія скопцы толкуютъ и слова премудраго Соломона (Прем. 3, 14): «Блаженъ и евухъ, не сдѣлавшій беззаконія рукою и не помыслившій лукаваго противъ Господа, ибо дается ему особенная благодать вѣры и пріятнѣйшій жребій въ храмъ Господнемъ». Переходя къ Новому Завѣту, скопцы

учать, что и самая цѣль пришествія Сына Божія на землю состояла въ томъ, чтобы научить людей осклопенію и чрезъ то спасти ихъ. Въ этомъ смыслѣ они понимаютъ выраженіе Спасителя (Лук. 12, 49): «Огонь пришелъ Я низвестъ на землю, и какъ желалъ бы, чтобы огонь уже возгорѣлся!» Сближая съ этими словами Христа свое лжеученіе, Селивановъ въ первое время настойчиво требовалъ, чтобы осклопеніе было производимо раскаленнымъ до-красна желѣзомъ, для чего скопцы устраивали даже особыя печи (напр., въ домѣ Колесникова въ Москвѣ). Впослѣдствіи Селивановъ сдѣлалъ уступку въ своемъ требованіи и дозволилъ при осклопеніи употреблять острые (ножи, бритвы, ножницы, стекло и даже обостренные камни. ссылаясь на слова Спасителя: «не миръ пришелъ я принести, но мечъ» (Мѡ. 10, 34). Иоаннъ Креститель, по словамъ скопцовъ, также училъ, что цѣль пришествія Иисуса Христа на землю состояла въ томъ, чтобы научить людей осклопенію; въ этомъ смыслѣ они понимаютъ и его слова о Спасителѣ: «Онъ будетъ крестить Васъ Духомъ Святымъ и огнемъ» (Мѡ. 3, 11). Любятъ скопцы ссылаться и на слова самого Христа: «Есть скопцы, которые изъ чрева матерняго родились такъ: и есть скопцы, которые осклоплены отъ людей: и есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами для Царства Небеснаго. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣстить» (Мѡ. 19, 12). Иисусъ Христосъ будто-бы осклопилъ своихъ учениковъ (далъ имъ «чистоту», «убѣдиль ихъ») на тайной вечери, послѣ чего и сказалъ имъ: «вы чисты, но *не вст*»; прибавилъ Онъ слово *«не вст»* потому, что не были осклоплены Иуда (Іоан. 13, 10, 11). Слова евангелиста (Мѡ. 27, 5) объ Иудѣ: «онъ пошелъ и *удавился*» скопцы комментируютъ такъ: «онъ пошелъ и *женился*» или, какъ толкуетъ ихъ скопецъ Андрейновъ: «Иуда не удавился на осинѣ, а женился на Аксиньѣ»¹⁾. Подтвержденіе своего мнѣнія, что ученики Христовы были осклоплены на тайной вечери, скопцы видятъ и въ разсказахъ евангелиста о томъ, что въ геосиманскомъ саду они спали, имѣя духъ бодръ, а плоть немощну, будто-бы «отъ осклопенія». Наконецъ, въ пользу своего лжеученія скопцы приводятъ слова ап. Павла: «умертвите земные члены ваши» (Колос. 3, 5).

Жестокость, и безчеловѣчность самой операціи осклопенія,

¹⁾ Мис. Обзор. 1899. Іюнь, стр. 665.

сопровождающейся страшными болями, а иногда оканчивавшейся и смертію оскпляемыхъ ¹⁾ встѣдствіе кровоистеченія или антоноваго огня, удерживали многихъ отъ скопческой секты и служили препятствіемъ къ ея распространенію. Поэтому въ Румыніи, подѣ влияніемъ Лисина, Волопинова и другихъ, съ 1872 года началось движеніе въ цѣляхъ смягченія строгости и безчеловѣчности скопческаго лжеученія. Признавъ важное значеніе за оскпленіемъ въ борьбѣ съ плотію вообще, румынскіе вожаки скопчества стали учить о такъ называемомъ духовномъ оскпленіи, каковое движеніе, собственно, можно назвать поворотомъ къ хлыстовству. Въ прямомъ противорѣчій съ первоначальнымъ ученіемъ основателя скопчества, они утверждаютъ, что нѣтъ нужды непременно принимать оскпленіе при самомъ вступленіи въ секту, что можно принять его, по усмотрѣнію, и послѣ, даже предѣ смертію, что слѣдовательно, можно быть членомъ скопческой секты и безъ физическаго оскпленія, но оскпнивъ себя духовно, т. е., не допуская себя до осуществленія плотскихъ пожеланій, подобно тому, какъ должны вести себя православные монахи. Такимъ образомъ въ новоскопческихъ обществахъ нашего времени (ихъ особенно много въ скопинскомъ уѣздѣ) есть лица и неоскпленные физически.

Новоскопчество есть, очевидно, не что иное, какъ отрицаніе скопчества. Отождествляя скопчество съ ветхозавѣтнымъ обрѣзаніемъ, Селивановъ утверждалъ, что какъ необрѣзанный не могъ быть членомъ избраннаго народа израильскаго, такъ неоскпленный не можетъ быть членомъ скопческаго общества, новаго «избраннаго народа Божія». Совершенно послѣдовательнымъ путемъ идетъ другое, хотя и крайне безотрадное движеніе среди скопцовъ, во главѣ котораго съ 1897 года стоитъ крестьянинъ Уфимской губерніи *Филиппъ Лихачевъ*. Не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что оскпленіе не умерщвляетъ половыхъ влеченій, — но пораждаеть такія противуестественныя и безнравственныя явленія, какихъ не знаетъ и хлыстовство. Источникъ грѣха, по мнѣнію Лихачева, не одни половые органы, а плоть вообще; поэтому и нужно уничтожать самую плоть, а не отдѣльныя ея члены. Отсюда Лихачевъ пришелъ къ заключенію о необходимости самоубійства или убійства тѣла ради спасенія:

¹⁾ Въ домѣ Колесникова найдена была даже особенная печь для сожженія труповъ умершихъ отъ неудачной оскпительной операціи.

души. Онъ написать для распространенія въ народѣ цѣлую книгу подъ заглавіемъ «Мое Исповѣданіе». Главныя положенія его лжеученія состоятъ въ слѣдующемъ ¹⁾. Человѣкъ отъ рожденія подверженъ грѣху; вся земная жизнь его есть сплошной грѣхъ, т. е. преступленіе противъ законовъ Божескихъ, требующес не только наказанія, но, по закону высшей справедливости, и достаточнаго наказанія, каковымъ за преступленіе противъ Бога можетъ быть только смерть. Наказаніе это человѣкъ, какъ разумное существо, долженъ самъ налагать на себя. Примѣромъ для людей долженъ служить Сынъ Божій, искупившій грѣхи міра ничѣмъ инымъ, какъ своею крестною смертію, а первымъ дѣйствительнымъ послѣдователемъ Христа является Іуда, согрѣшившій противъ Бога, но раскаявшійся и наказавшій себя повѣшеніемъ,—способъ смерти, особенно рекомендуемый послѣдователями этой секты. Всѣ люди, учить даже Лихачевъ, какъ родившіеся отъ блуда и потому одинаково грѣшныя и достойныя смерти, не должны, какъ таковыя, служить никому кромѣ Бога. Всякій почетъ, оказываемый человѣку другими, есть идолопоклонство. Ни одинъ человѣкъ, въ виду своей грѣховности и склонности вовлекать въ грѣхъ себѣ подобныхъ, не долженъ имѣть надъ послѣдними никакой власти. Всякій человѣкъ долженъ смотрѣть на земной міръ сей и всю учрежденную власть его, какъ на царство діавола и начертанія его, которое есть всякаго рода законы и повелѣнія. Лихачевцы отрицаютъ даже родственныя связи, какъ результатъ грѣховныхъ побужденій, и собственность, какъ послѣдствіе любостыжанія. Ярмы приверженцами этого лжеученія явились многіе скопцы, которые были сосланы въ Якутскую область, такъ что послѣдователи Лихачева встрѣчаются не только въ Европейской Россіи, но и въ Сибири.

Второй отличительный пунктъ скопческаго лжеученія—вѣрованіе въ Селиванова или императора Петра Теодоровича—обосновывается у скопцовъ такими легендарными разсказами, которые поражаютъ своею нелѣпостію. О рожденіи Селиванова, по его словамъ, и о томъ, что онъ принесетъ въ міръ «чистоту» и будетъ судить всѣ народы, пророки прорекли за сорокъ лѣтъ. Родился онъ сверхъестественнымъ образомъ (по однимъ въ

¹⁾ Срв. Всеподан. Отч. Оберъ-Прок. Св. Синода за 1896—97 г.г. Мис. Обозр. 1900. Мартъ. Стр. 398—399.

Россіи, по другимъ въ Голштиніи) отъ приснодѣвы, императрицы русской, которая «разблажившись» отъ Святаго Духа и помолвившись Богу Саваоѳу, затрубила въ золотую трубу, вслѣдствіе чего утроба ея растворилась и на рукахъ ея явилось вознѣженное дитя, обладавшее всѣми божескими свойствами, ибо въ немъ воплотился самъ Господь Богъ Саваоѳъ «и съ ручками и съ ножками». Послѣ этого Елисавета Петровна отправилась въ Орловскую губернію, гдѣ устроила хлыстовскій корабль и жила подъ именемъ Акулины Ивановны, а престолъ свой передала одной своей фрейлинѣ, похожей на нее и приказала ей до смерти именовать себя Елисаветой Петровной. Что же касается сына ея, то онъ, подъ именемъ Петра Θεодоровича, достигнувъ отроческаго возраста «оскопиль себя». По принужденію вельможъ, опъ, однако же, долженъ былъ жениться «на похотливой и развратной французкѣ, которую въ Россіи стали звать Екатериною Алексѣевною. Увидѣвъ, что Петръ Θεодоровичъ, взшедшій уже на русскій престолъ, не способенъ удовлетворить ея чувственной половой похотливости, развратная Екатерина рѣшила его умертвить. Зная объ этомъ, въ силу своего божественнаго всевѣдѣнія, Петръ III не восхотѣлъ наслаждаться временнымъ житіемъ, а лучше согласился съ народомъ Божьимъ страдать. Онъ оставилъ свою столицу и отправился въ Орловскую губернію, къ родной матушкѣ своей государынѣ Елисаветѣ свѣтъ-Петровнѣ, пресвятой богородицѣ Акулинѣ Ивановнѣ, вмѣстѣ съ которою проживали тамъ и ея вѣрные слуги—знатные вельможи: князь Дашковъ и графъ Чернышевъ. Здѣсь онъ принялъ на себя подвигъ безмолвія, быть молчаливымъ, а потомъ возжелалъ людямъ спасенія и избавленія отъ «лѣности», сталъ по всей Россіи и даже въ чужихъ краяхъ проповѣдывать «чистоту» и «огненное крещеніе». За это злые люди его возненавидѣли и онъ претерпѣлъ отъ нихъ многія страды, гоненія, озлобленія, бленія, поруганія, охуленія, ослепленія, былъ судимъ и влечимъ, и омерзаемъ, странствовалъ сорокъ лѣтъ, и всѣ члены и суставы его были раздроблены, и голышику его горячимъ сургучемъ обливали, и въ дальніи страны отсылали и всю дорогу палашемъ удары по его тѣлу накладывали, сто темницъ онъ обошелъ, и всѣхъ своихъ дѣтупекъ нашолъ,—и все это онъ принялъ и претерпѣлъ ради спасенія увѣровавшихъ въ него и для утвержденія закона Христова и чистоты. Взшедши на престолъ, внукъ его императоръ Алек-

сандръ I вызвалъ его къ себѣ, въ Петербургъ, но не надолго. Влые люди вельможи и сановники, не стерпя его обличеній ихъ «лѣпости», тайно, помимо воли Государя, схватили его и заточили въ Суздальскій монастырь. Только второй внукъ его Николаша освободилъ его изъ монастырской темницы. Чтобы снова не попасться въ руки злыхъ враговъ своихъ вельможъ и сановниковъ,—Петръ III нынѣ проживаетъ въ Россіи скрытно отъ всѣхъ, пока не настанетъ день страшнаго суда; а этотъ день настанетъ тогда, когда число скопцовъ будетъ равняться 144,000. Страшный судъ императоръ Петръ Θεодоровичъ будетъ производить или въ Петербургѣ, или въ Москвѣ; во всякомъ случаѣ призывъ къ суду онъ сдѣлаетъ, зазвонивъ сначала въ московскій царь-колоколъ, а потомъ уже затрубитъ и въ свои 12 трубъ. Небснаго блаженства скопцы не знаютъ; о воскрешеніи мертвыхъ они не говорятъ; а потому и блаженство изображаютъ чертами одного земного наслажденія: сады, цвѣты, пѣсни и радѣнія, палаты хрустальныя, ризы золотыя,—вотъ что предносится ихъ болѣзненному воображенію. Самъ судія императоръ Петръ Θεодоровичъ, устроивъ царство скопцовъ, послѣ страшнаго суда, умретъ естественною смертію: тѣло его будетъ нетлѣннымъ и будетъ положено въ с.-петербургской Александро-Невской лаврѣ въ раку благовѣрнаго князя Александра Невскаго, которая для него и предназначена; а божество его вознесется въ седьмое небо и навсегда уже воссоединится съ Богомъ Саваоѳомъ, «богородицею» Акулиною Ивановною и «предтечею» Александромъ Ивановичемъ Шиловымъ ¹⁾).

Чтобы вѣровать, что въ лицѣ Селиванова явился Христосъ для того, чтобы произвести страшный судъ надъ людьми, для этого, очевидно, нужно было доказать существованіе всѣхъ признаковъ второго пришествія. По ученію слова Божія, раньше страшнаго суда долженъ явиться въ міръ антихристъ. И скопцы увѣряютъ, что антихристъ уже явился на землѣ. Это—Наполеонъ. По ихъ завѣренію, Наполеонъ «родился отъ блудницы, русской императрицы Екатерины Алексѣевны ²⁾ и діавола,

¹⁾ Кутеповъ К. свящ. Секты хлыстовъ и скопцовъ. 1900 г. стр. 362.

²⁾ Императрица Екатерина II, какъ извѣстно, первая стала преслѣдовать скопцовъ; по ея же повелѣнію, и Силивановъ былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе, а потому скопцы питаютъ къ этой великой императрицѣ русской крайнюю враждебность, чѣмъ съ другой стороны объясняются ихъ симпатіи къ несчастному императору Петру III, котораго они всячески идеализируютъ, въ явное издѣвательство надъ исторіей.

съ которымъ она находилась въ плотскомъ сношеніи. Наполеонъ также не умеръ; онъ проживаетъ скрытно въ Турціи; но Петръ Теодоровичъ его скоро покорить подъ ноги свои, «оскопитъ» его и въ будущемъ царствѣ скопцовъ поставитъ главнымъ военачальникомъ надъ своими многочисленными правобѣрными войсками.

Слово Божіе говоритъ, что во второе и славное пришествіе Свое Сынъ Божій явится на облакахъ небесныхъ съ силою и славою мною (Мѣ. 24, 30). Скопцы утверждаютъ, что на Селивановѣ исполнилось и это пророчество; только по ихъ мнѣнію, подъ облаками нужно разумѣть здѣсь не тучи, пары или дымъ, а то, что разумѣлъ ап. Павелъ, когда говорилъ объ «облакъъ свидѣтелей» (Евр. 12, 1). У Селиванова свидѣтелей было множество.

По ученію слова Божія, раньше пришествія Христа долженъ прійти Илія. Такимъ Иліею скопцы считаютъ своего лжепророка Александра Ивановича Шилова.

Подъ «знаменіемъ Сына человѣческаго» скопцы разумѣютъ тѣ страданія, которыя претерпѣлъ Селивановъ.

Слова евангелиста объ Иисусѣ Христѣ: «и пошлетъ ангеловъ Своихъ съ трубою громогласною» скопцы относятъ къ распространителямъ скопческаго лжеученія, которыхъ во множествѣ по всей Россіи разсылалъ Селивановъ.

Тѣмъ не менѣе доводы эти оказываются настолько неубѣдительными, что многіе даже изъ скопцовъ перестали вѣрить въ Селиванова, какъ единственнаго «христа», имѣющаго произвести послѣдній судъ міру.

На этомъ основаніи они отдѣлились отъ староскопчества и основали, какъ сказано уже, особую секту, извѣстную подъ именемъ новоскопчества съ хлыстовскимъ ученіемъ о многократныхъ воплощеніяхъ Христа.

Свое общее догматическое ученіе новоскопцы (Лисинъ, Волошилинъ и др.) представляютъ въ слѣдующемъ видѣ ¹⁾. Богъ есть духъ, свѣтъ, сила, всевѣдѣніе, и всемогущество безконечное, невидимое и недостижимое не только человѣкомъ, но и ангелами. Онъ троиченъ, но не въ лицахъ, а въ силахъ. Сынъ Божій и Св. Духъ суть двѣ силы Божіи, дѣйствующія, по испол-

¹⁾ Срв. Еп. Гурія Таврическаго. О скопческомъ ученіи по послѣднимъ о немъ извѣстіямъ. Симферополь. 1877 г: стр. 15—17; 4 Кутепова Секты хлыстовъ и Скопцовъ 1900 стр. 340—348.

ненію всѣхъ судебъ и вѣдній Божіихъ, на всемъ пространствѣ существованія и владычества Божьяго. Будучи невидимымъ и непостижимымъ, Богъ открывається въ міръ и человѣкъ или какъ божественное слово, или какъ божественный духъ. Это откровеніе Божества необходимо съ одной стороны для поддержанія міра, съ другой—для спасенія человѣка. Богъ существовалъ отъ вѣчности, окруженный безплотными духами. Но послѣдніе возгордились и обнаружили невѣріе въ Сына Божія и Троицу святую. За это Богъ низринулъ ихъ въ бездну («неисчислимую пропасть»). Тамъ, въ мукахъ, нѣкоторые изъ нихъ покаялись,—и ради ихъ Богъ создалъ этотъ видимый міръ и перваго человѣка—Адама съ эфирнымъ тѣломъ и съ неограниченною способностію производить подобныя себѣ эфирныя тѣла. Эти тѣла были предназначены для жилища падшихъ духовъ, дабы они, загладивъ свой грѣхъ, могли потомъ чистыми войти въ рай. Адамъ, пожелавъ имѣть жену, оскорбилъ этимъ Бога и чрезъ то потерялъ способность производить эфирныя тѣла. Затѣмъ одинъ изъ падшихъ ангеловъ (Денницы) явился во снѣ Евъ и соблазнилъ ее вкусить запрещеннаго плода. Ева соблазнила Адама и чрезъ то произвела порчу человѣческой природы: эфирное скрылось внутрь, а вмѣсто него образовалось плотское тѣло съ грѣховными органами и похотию; первое удовлетвореніе ея и есть запрещенный плодъ». Души людей, такимъ образомъ, суть не что иное, какъ падшіе духи, которые могутъ очиститься теперь только путемъ перевоплощеній. Жившіе на землю, Сынъ Божій принялъ въ себя душу Адама, которая, переходя изъ Еноха въ Ноя, изъ Ноя въ Авраама и т. д., достигла, наконецъ, такого чисто-непорочнаго состоянія, что стала достойною божества. Своими страданіями, смертію и воскресеніемъ Сынъ Божій даровалъ вѣрующимъ въ Него оправданіе отъ грѣха и возможность райскаго блаженства. Впрочемъ, для усвоенія его заслугъ, каждый вѣрующій въ Него долженъ таинственно умереть съ Нимъ, отрекшись отъ своей воли и отъ себя самого; затѣмъ каждый долженъ принять осконченіе, которое заповѣдано Христомъ; только послѣ этого онъ можетъ получить и благодать Духа Святаго, содѣйствующему ему въ исполненіи его нравственныхъ обязанностей. Къ сожалѣнію, люди долгое время не слѣдовали ученію воплотившагося Сына Божія, поэтому-то и потребовалось новое появленіе искупителя, каковымъ былъ Селивановъ или императоръ Петръ Феодоро-

вичъ. По своему божеству онъ былъ равенъ Сыну Божію, воплотившемуся первоначально въ Палестинѣ. Онъ преподавалъ истинное ученіе о достиженіи спасенія. Но люди опять скоро забыли и это ученіе. Тогда Богъ въ третій разъ послалъ Своего Сына на землю въ лицѣ Кузьмы Федосѣева. Но это было воплощеніе также не послѣднее; можетъ явиться еще четвертый исконитель и т. д.

Такимъ образомъ въ Россіи существуетъ въ настоящее время два вида скопчества: староскопчество и новоскопчество.

Отличительныя особенности скопцовъ. Скопца легче узнать по внѣшности, чѣмъ хлыста. Оскопленные въ малолѣтствѣ, скопцы на всю жизнь сохраняютъ дискантовый голосъ; никогда не имѣютъ волосъ ни на бородѣ, ни на усахъ; а оскопленные въ зрѣломъ возрастѣ постепенно теряютъ ихъ; цвѣтъ лица у нихъ матовый, всегда блѣдно-желтый, безжизненный, сходный съ цвѣтомъ сырого картофеля, морщинистый и старообразный, безъ румянца и блеска. Ихъ организмъ всегда склоненъ къ ожиренію и рыхлости, обладаетъ обиліемъ подкожнаго жира и мышечной ткани, съ большимъ животомъ и мягкимъ водянистымъ тѣломъ. Скопецъ въ своихъ дѣйствіяхъ и даже походкѣ неуклюжъ, неповоротливъ, тяжелъ; живости и энергіи у него не замѣчается; глаза его не имѣютъ блеска, быстроты движенія и почти всегда полузакрыты.

Въ нравственномъ отношеніи скопцы небезупречны, ибо ихъ отличительными свойствами служатъ: грубый эгоизмъ, жажда къ деньгамъ, замкнутость, хитрость, лукавство, лицемеріе, коварство, отсутствіе всякихъ благородныхъ стремленій, сознанія долга, теплаго участія къ общественной жизни.

Въ жилищѣ скопца всегда соблюдаются особая чистота и опрятность. Въ переднемъ углу обыкновенно помѣщается много иконъ. Особенно любимыя скопцами это—изображенія свв. дѣвственниковъ и дѣвственницъ, Іоанна Предтечи—чаще всего—въ видѣ отрока, обнимающаго агнца, Варвары Великомученицы, Іоанна Богослова, Николая Чудотворца, Покрова Пресвятыя Богородицы, Георгія Побѣдоносца на бѣломъ конѣ, Архистратига Михаила, Христа Спасителя, Божіей Матери съ отверстымъ сердцемъ, Господа Вседержителя въ видѣ всевидящаго ока, съ парящими окрестъ ангелами, внизу Адамъ и Ева, рукоплещущіе и др. ¹⁾.

¹⁾ Справ. Мис. Обоз. 1899, Юл., стр. 668.

На столѣ и подоконникахъ у скопцовъ стоятъ искусственные цвѣты и вазы, наполненныя искусственными фруктами съ разныхъ деревьевъ: груши, сливы, лимоны, апельсины и т. п., какъ наглядное напоминаніе о раѣ и его блаженствахъ. На стѣнахъ, смежно съ иконами, висятъ портреты: Петра III, Селиванова, Шилова, Громова, Акулины Ивановны и др. лицъ, оказавшихъ скопчеству услуги. Петръ III изображается почти всегда во весь ростъ (рѣдко до колѣнъ), съ блѣднымъ лицомъ, безъ усовъ и бороды, съ сѣдыми (?) волосами на голови, въ вицъ-мундирѣ, при голубой лентѣ на груди, стоящимъ близъ стола, на которомъ лежитъ царская корона. Селивановъ рисуется въ голубомъ халатѣ съ черною соболиною опушкою, съ повязаннымъ на шеѣ бѣлымъ платкомъ, сидящимъ въ креслѣ съ правою рукою положенною на краешекъ одной ножкѣ столу. Шиловъ представляется держащимъ въ правой рукѣ бѣлый платокъ съ голубыми, пополамъ съ красными цвѣточками, а близъ него рисуется корзина съ вѣткою винограда и съ двумя персиками.

Скопцы очень любятъ сниматься на фотографическихъ карточкахъ, а потому часто въ ихъ домахъ на стѣнахъ висятъ фотографическія группы различныхъ единовѣрцевъ—иногда человекъ до 30-ти, изъ которыхъ многіе держатъ въ рукахъ или бѣлые платки или книжки. Это,—очевидно, скопческіе «учители».

Въ одеждѣ скопцовъ господствуетъ простота (въ противоположность хлыстамъ); даже женщины и дѣвицы ихъ не любятъ франтить и рядиться. Ни бѣллы, ни румянъ онѣ не употребляютъ. Яркихъ свѣтовъ въ своихъ костюмахъ избѣгаютъ, предпочитаютъ имъ цвѣты бѣлые, темные и синіе или же пестрые съ красными крапинками по бѣлому или темному фону. Головы они покрываютъ бѣлыми или темными платками, но такъ, что закрываютъ весь лобъ, до глазъ. Мужчины большею частію носятъ костюмы крапчатого цвѣта.

Скопцы ведутъ жизнь весьма замкнутую и потому слывутъ нелюдными. Кромѣ своихъ радѣній и—иногда—церкви, они нигдѣ не бываютъ, даже—у родныхъ, ни въ какихъ увеселеніяхъ не принимаютъ участія; не ходятъ ни на свадьбы, ни на крестины, ни на именины; слывутъ трезвыми и воздержными. Къ общественной жизни относятся крайне безучастно; даже на сельскихъ и волостныхъ сходахъ ихъ никогда не бываетъ. Зам-

кнувшись въ себя, не надѣясь имѣть дѣтей—опоры въ старости,—они становятся слишкомъ жадными къ наживѣ и корыстолюбивыми. По этой причинѣ они съ любовію занимаются ростовщичествомъ; этимъ же объясняется ихъ трудолюбіе, равно какъ и ихъ богатства. Но эти богатства скопляются въ ихъ рукахъ всегда во вредъ тому населенію, среди котораго они живутъ. Въ этомъ отношеніи съ ними могутъ конкурировать только евреи да хлысты. Проповѣдію объ оскотленіи, т. е., уничтоженіемъ самой возможности дѣторожденія скопцы, естественно, подписали смертный приговоръ своей сектѣ. За отсутствіемъ естественнаго прироста чрезъ новыя поколенія секта должна была бы исчезнуть сама собою. Отсюда пропаганда и совращеніе въ секту иновѣрцевъ у скопцовъ явились единственнымъ средствомъ какъ для поддержанія секты, такъ и для умноженія ея послѣдователей. По ученію скопческихъ главарей, каждый принимаемый въ общество скопцовъ долженъ дать торжественное клятвенное обѣщаніе совращать другихъ и тотъ, кто пріобрѣтаетъ десять послѣдователей, считается святымъ, хотя бы онъ даже не молился Богу. Алексѣй Громовъ получилъ отъ Селиванова званіе «перваго апостола» и имя «великаго князя Константина Павловича» за то, что оскотилъ 13 прозелитовъ. Если къ этому прибавить, что, по вѣрованію скопцовъ, время наступленія для нихъ райскаго блаженства зависитъ исключительно отъ того, когда число ихъ единовѣрцевъ достигнетъ 144,000 человекъ, то будетъ совершенно понятнымъ, отчего стремленіе къ совращенію и интересъ къ пропагандѣ нигдѣ, ни у однихъ сектантовъ, не отличаются такою напряженностію, какъ именно у скопцовъ. Скупой, скарденый, жадный къ наживѣ, отказывающійся подать копейку нищему, скопецъ готовъ отдать все свое состояніе на дѣло пропаганды.

Первоначально Селивановъ мечталъ даже дать коммунистическое устройство скопческимъ кораблямъ. Принимавшіе оскотленіе должны были отдавать въ общину все свое имущество. Но это продолжалось не долго. Тѣмъ не менѣе общественный капиталъ для пропаганды у скопцовъ всегда былъ чрезвычайно великъ. Скопцамъ нужны были деньги не только на содержаніе своихъ «учителей»—миссіонеровъ и «мастеровъ»—операторовъ, но и на подкупы чиновниковъ, чтобы избѣжать ихъ преслѣдованій и суда. Одинъ разъ было обнаружено, что скопцы подкупили всю Саратовскую администрацію. Но кромѣ мѣстныхъ чи-

новниковъ у нихъ всегда были на подкупѣ и столичные. Часто при обыскѣ у скопцовъ находили десятки тысячъ рублей, принадлежащія не частнымъ лицамъ, а общинѣ.

Ради пропаганды своего ученія скопцы не задумывались ни надъ чѣмъ; въ этомъ отношеніи они считаютъ дозволеннымъ всѣ средства, какъ бы они ни были безнравственны и предосудительны. Впрочемъ, на сколько можно судить по многочисленнымъ судебнымъ процессамъ, скопцы практиковали слѣдующіе способы распространенія своей «вѣры». Первое мѣсто нужно, конечно, отвести простому изложенію скопческаго ученія и примѣру внѣшняго благочестія. Этотъ способъ рекомендовалъ и самъ Селивановъ. Отправляя въ Костромскую губернію для распространенія скопчества своего «перваго апостола» Громова, онъ говорилъ ему: «Алексѣе, сыне! Я, отецъ, посылаю тебя на цѣлую губернію, и если ты встрѣтишься дорогою съ человѣкомъ, то и подай ему словечко, а онъ тебѣ, можетъ быть, повѣритъ, и такъ, рыбка по рыбкѣ, будетъ у тебя полонъ яеводъ». Въ другой разъ онъ говорилъ уже нѣсколькимъ своимъ миссіонерамъ: «дѣтушки! вы не только словами, но и образомъ жизни людишкамъ показывайте примѣры». Къ сожалѣнію, страсть къ пропагандѣ у скопцовъ настолько сильна, что одною проповѣдію и примѣромъ своей жизни они не могли ограничиться. Деньгамъ и подкупу они приписывали и нынѣ приписываютъ большое значеніе. Много было дано показаній на сѣдѣ, подъ присягою, о томъ, что скопцы совращали православныхъ подкупомъ, особенно бѣдныхъ и нуждающихся. При условіи поступленія въ секту, они выкупали крѣпостныхъ крестьянъ у помѣщиковъ, уплачивая иногда за cadaго до 2,000 рублей, за деньги оскопляли солдатъ николаевскаго времени, ссыльно-каторжныхъ, бродягъ и т. п. Часто скопцы брали у бѣдныхъ родителей дѣтей «на воспитаніе». Нерѣдко пользовались даже насиліемъ, напр., втягивая нуждающагося въ неоплатные долги, которые они обѣщали простить подъ условіемъ оскотленія. Родители побоями принуждали дѣтей къ оскотленію. Хозяева и владѣльцы фабрикъ въ интересахъ пропаганды оказывали давленіе на подчиненныхъ. Но бывало много случаевъ и самаго грубаго насилія. Болѣе двадцати фактовъ такого рода приводитъ Целиканъ ¹⁾. Здѣсь достаточно отмѣтить фактъ насилія, употребленный 15 ноября 1907 года въ Николаевѣ въ домѣ

¹⁾ Судебно-медицинскія изслѣдованія скопчества. Спб. 1875.

скопчихи Евфросиніи Гуриной. Мѣстные скопцы завлекли къ ней крестьянина села Чернобай, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи, Григорія Иванова *Коваленко*, и убѣждали его поступить въ ихъ секту. Коваленко рѣшительно отказался и скопцы, повидимому не настаивали на своемъ предложеніи. Затѣмъ подали ему стаканъ чаю, выпивъ который, онъ потерялъ сознание, а проснувшись въ три часа утра, нашелъ себя оскопленнымъ ¹⁾).

Прежде у скопцовъ были особыя лица—«мастера», которые производили оскотленіе. Теперь оскотленіе, благодаря услугѣмъ нѣкоторыхъ медиковъ, признается дѣломъ незамысловатымъ и его производятъ заурядныя лица—какъ мужчины, такъ и женщины. Кладутъ оскотляемаго на доску лицомъ ницъ; берутъ въ руки долото и топоръ,—и однимъ взмахомъ оканчиваютъ роковую операцію. Существуетъ, собственно, два вида оскотленія: 1) не полное, извѣстное подъ именемъ «малой печати», «первой чистоты», «перваго убѣленія», «первой печати», «ангельскаго чина» и т. п. Принять это оскотленіе, по выраженію скопцовъ, значитъ, «сѣсть на пѣлаго коня». Оно состоитъ въ отрѣзаніи у мужчины *testiculorum* съ частью *scroti* (по терминологіи скопцовъ—«удесныхъ близнятъ» или «ключа бездны»). 2. Полное оскотленіе—«царская печать», «вторая чистота», «второе убѣленіе», «архангельскій чинъ»; принять его на языкѣ скопцовъ значитъ «сѣсть на бѣлаго коня». Этотъ видъ оскотленія у скопцовъ появился только въ 1816 году и такъ называемые «старые» или «чистые» скопцы не признаютъ его, называя его нововведеніемъ, «замосковною выдумкою». Онъ состоитъ въ уничтоженіи даже и самого «ключа бездны». Что же касается женщины, то первый видъ состоитъ въ поврежденіи *uteri* и въ отнятіи *clitoris*, а второй въ вырѣзываніи груди до кости. Кромѣ того въ послѣднее время, благодаря медицинской наукѣ, появилось еще нѣсколько видовъ оскотленія, при которыхъ, не теряя самыхъ органовъ, оскотленные лишаются способности плодотворенія, таковы: перевертыши, куткинцы, крученики и т. п.

Кромѣ оскотленія, сектанты еще выжигаютъ огнемъ, раскаленнымъ желѣзомъ, кипящею сѣрою или кислотою различныя раны на своемъ тѣлѣ—на груди, на рукахъ и ногахъ, на спинѣ или подъ мышками. вѣруя, что они совершаютъ надъ собою

1) Мис. Обзор. 1908. № 4, стр. 608—610.

огненное крещеніе. Обычай этотъ вошелъ въ употребленіе съ тѣхъ поръ, какъ Селивановъ разрѣшилъ производить оскотленіе не раскаленнымъ желѣзомъ, а острыми инструментами. Прежде оскотленіе было совершаемо въ видѣ культоваго обряда, во время радѣній, въ присутствіи всей общины. Предъ операціей оскотляемый нѣсколько дней постился, а въ моментъ оскотленія долженъ былъ говорить: «Христосъ воскрес!» Теперь это дѣло совершается просто и гдѣ угодно: и въ домѣ, и въ сараѣ, и въ лѣсу или въ полѣ. Прежде оскотленія представляло большія опасности, теперь скопцы оперируютъ, какъ опытные хирурги, и умѣютъ пользоваться не только бритами и мѣшочками, но и различными медикаментами въ видѣ пластырей, мазей, спусковъ, мѣднаго купороса; такихъ потребныхъ или врачебныхъ веществъ у нихъ до 65 названій. Раны затягиваются въ теченіе 4—6 недѣль; а опасеніе за возможность смерти исчезаетъ послѣ 12 дней. Въ послѣднее время оскотленіе производится даже электричествомъ.

Требовалъ ли Селивановъ оскотленія женщинъ,—трудно сказать: фактъ такого оскотленія обнаруженъ только въ 1820 году. Но представители судебной медицины не разъ давали заключеніе, что оскотленіе не лишаетъ женщину способности дѣторожденія и было нѣсколько трагическихъ случаевъ, въ родѣ, напр., того, что скопчиха, родивъ дѣтя, не имѣла возможности вскормить его своею грудью. Иногда скопцы, для сокрытія своей принадлеженности къ сектѣ, вступаютъ въ бракъ съ неоскотленными дѣвицами. Положеніе послѣднихъ, конечно, оказывается тяжелымъ и если ихъ не принудятъ родители мужа оскотиться, онѣ бросаются въ развратъ; мужъ знаетъ о поведеніи жены, мучитъ и терзаетъ ее, но дѣтей, рожденныхъ ею отъ сожитія съ посторонними лицами, признаетъ своими; тѣмъ болѣе, что рожденіе дѣтей его женою еще болѣе маскируетъ его скопчество.

Что касается религіознаго культа скопцовъ, то онъ совершенно ничѣмъ не отличается отъ хлыстовскаго и состоитъ, главнымъ образомъ, изъ такихъ же радѣній, какія обыкновенно бываютъ у хлыстовъ. И особенность скопческаго культа въ томъ, что скопцы причащаются сухариками изъ хлѣба, который сначала былъ спущенъ чрезъ особое отверстіе въ склепъ Шилова въ Шлиссельбургѣ. Разказы о томъ, что скопцы причащаются грудью оскотленной дѣвицы, должны быть отнесены, повидимому, къ легендарнымъ измышленіямъ.

Разборъ скопческаго лжеученія. Нѣтъ нужды, чтобы не повторяться, но отвергать здѣсь критическому разбору тѣ пункты лжеученія, которыя одинаково исповѣдуются какъ хлыстами, такъ и скопцами. Разсмотрѣнію должны бы подлежать только тѣ два пункта, которые составляютъ отличительную особенность скопческаго лжеученія. Но и изъ нихъ не заслуживаетъ вниманія вѣрованіе скопцовъ, что въ лицѣ императора Петра Феодоровича или Селиванова вторично явился на землю Сынъ Божій для совершенія страшнаго суда, и что императоръ Петръ III еще и нынѣ живъ и гдѣ-то въ скрытности проживаетъ въ Россіи. Если сами скопцы, познакомившись съ исторіей Петра III, отказались (въ лицѣ новоскопцовъ) вѣрить этой чрезвычайно фантастической и слишкомъ неправдоподобной легендѣ, то тѣмъ болѣе нѣтъ нужды доказывать ея научную несостоятельность тѣмъ лицамъ, которыя по своему умственному развитію, стоятъ выше скопческихъ простецовъ XVIII—XIX вѣковъ. Смѣльнымъ бы показалось и то, если бы кто сталъ выставлять научные аппараты для доказательства мысли, что Наполеонъ I не есть апокалипсическій антихристъ, что онъ не живетъ въ настоящее время въ Турціи, а давнымъ-давно умеръ на островѣ св. Елены. Такимъ образомъ остается разсмотрѣть здѣсь лишь тѣ основанія, которыя указываются сектанскими апологетами для оправданія оскотленія.

1. Разсказать скопцовъ о томъ, что Адамъ и Ева были первоначально созданы безплотными, съ какимъ-то эфирнымъ тѣломъ, что половые органы у нихъ появились лишь впоследствии и что они изгнаны Богомъ изъ рая за похотливое сожителство, есть пустая басня, вымыселъ фантастическій, позаимствованный у древнихъ еретиковъ или изъ вѣровавшей такихъ дикарей, какъ африканскіе кафры. Въ Библии онъ не только не имѣетъ для себя никакого основанія, а лишь встрѣчаетъ рѣшительное опроверженіе; ибо, по свидѣтельству бытописателя (Быт. 1, 27—28), Богъ, тотчасъ по сотвореніи прародителей, «благословилъ ихъ и сказалъ имъ: плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю». И въ другомъ мѣстѣ (Быт. 2, 24): «потому оставитъ человекъ отца своего и мать свою и прилѣпится къ женѣ своей; и будутъ два одна плоть».

2. Ссылаться на установленіе *обрѣзанія крайней плоти* въ ветхомъ завѣтѣ скопцы не имѣютъ никакого права, потому что ветхозавѣтное обрѣзаніе было только *знаменіе союза*, но не

имѣло своею цѣлю уничтоженія у евреевъ способности къ дѣторожденію. Дѣторожденіе, по вѣрованію евреевъ, было доказательствомъ любви Божіей къ людямъ, вслѣдствіе чего, наоборотъ, неимѣніе дѣтей для еврейскихъ супруговъ считалось великимъ позоромъ и было предметомъ поношенія: думали, что такіе супруги—люди нечестивые, явно лишенные благодати Божіей. Ни одинъ народъ древности не былъ такъ далекъ отъ мысли объ оскопленіи съ цѣлю прекратить дѣторожденіе, какъ евреи. Они жили надеждою «умножиться, какъ песокъ морской, какъ звѣзды небесныя». У нихъ былъ даже «законъ ужичества» для возстановленія потомства брату умершему бездѣтнымъ. Нисполнитель этого закона предавался позорному наказанію: вдова плевала ему публично въ лицо и говорила: «такъ поступаютъ съ человѣкомъ, который не создаетъ дома брату своему». И такой человѣкъ признавался навсегда опозореннымъ среди еврейскаго народа. (Второз. 25, 5—10). Большимъ преступленіемъ считалось у евреевъ даже одно покушеніе на оскопленіе: «когда дерутся между собою мужчины, и жена одного изъ нихъ подойдетъ чтобы отнять мужа своего изъ рукъ бьющаго его, и протянувъ руку свою, схватить его за срамный удъ (по-славянски точнѣе: «за ятра его»), то отсѣки руку ея» (Второз. 25, 11—12). Скопцы, по библейскому ученію, были люди постыдные, которыхъ исключали изъ числа членовъ избраннаго народа Божія: «у кого раздавлены ятра или отрѣзанъ дѣторожденный членъ, тотъ не можетъ войти въ общество Господне» (Втор. 23, 1).

3. Нѣсколько больше затрудненій для пониманія представляютъ библейскія изреченія о евнухахъ, на которыя ссылаются апостолы скончества. Исаія, какъ уже показано, приводитъ слова Господа: «Да не говоритъ евнухъ: «вотъ я сухое дерево». Ибо Господь такъ говоритъ объ евнухахъ: которые хранятъ мои субботы и избираютъ угодное Мнѣ и крѣпко держатся завѣта Моего,—тѣмъ дамъ Я въ домъ Моемъ и въ стѣнахъ Моихъ мѣсто». Прежде всего замѣтимъ, что въ приведенныхъ словахъ рѣчь идетъ только объ евнухахъ, но въ нихъ нѣтъ повеленія Божія людямъ—оскоплять себя. Что говоритъ Господь объ евнухахъ? Нѣчто иное, чѣмъ практиковалось у евреевъ. Въ талмудѣ приводится разсужденіе одного жившаго задолго до составленія талмуда авторитетнаго раввина Іонаана. Ему былъ поставленъ вопросъ: можно ли языческимъ евнухамъ вступать въ число членовъ избраннаго Богомъ еврейскаго народа? Прини-

мая во вниманіе, что надъ евнухомъ нельзя совершить обрѣзанія, а безъ этого, по закону Моисея, никто не можетъ быть членомъ избраннаго народа, а съ другой стороны, что евнухи, какъ нечистые, не удерживавшіе урины, не могли быть допущены въ храмъ для молитвы и жертвоприношеній,—Іонаѳанъ отвѣчаетъ на поставленный ему вопросъ отрицательно. Теперь обратимъ вниманіе на то, что Исаія произноситъ свое пророчество въ то время, когда еврейскій народъ былъ въ плѣну Вавилонскомъ. У халдеевъ, персовъ, египтянъ и эѳіоплянъ евнушество уже было въ большомъ распространеніи. Исаія предсказалъ еще царю Езекии: «изъ сыновъ твоихъ, которые произойдутъ отъ тебя, которыхъ ты родишь, возьмутъ и *будутъ они евреями* во дворцѣ царя Вавилонскаго». (4 Цар. 20, 18; срв. Ис. 39, 7). И, какъ подтверждаетъ Даніилъ (1, 3—4), пророчество Исаи сбылось во всей точности: по повелѣнію Навуходоносора, начальникъ евнуховъ Асфенагъ набиралъ штатъ придворныхъ евнуховъ изъ сыновъ израилевыхъ, изъ роду царскаго и княжескаго, отроковъ, у которыхъ не было никакого тѣлеснаго недостатка, красивыхъ видомъ и т. д. Въ какомъ тяжеломъ положеніи находились эти молодые люди! Насильственно оскотенные, они однако-же знали, что, какъ скотцы, они тѣмъ самымъ, по закону Моисея, были исключены «изъ общества Господня». И вотъ Господь въ утѣшеніе имъ, а вмѣстѣ съ ними и всѣмъ языческимъ евреямъ говоритъ, что настанетъ время, когда Онъ дастъ имъ мѣсто въ домѣ Своемъ и въ стѣнахъ Своихъ, но не за то, что они оскотены другими или сами себя оскотили, а за то, что *они избираютъ удобное Ему и крѣпко держатся завета Его*. Что рѣчь идетъ объ евреяхъ вообще, показываетъ самый контекстъ: «Да не говоритъ сынъ иноплеменика, присоединившійся къ Господу: «Господь совсѣмъ отдѣлилъ меня отъ своего народа», и да не говоритъ евнухъ: «вотъ сухое дерево» и т. д., а затѣмъ рѣчь опять о присоединившихся къ Господу иноплеменикахъ.

4. Все сказанное, само собою разумѣется, относится и къ изреченію Соломона, ибо и Соломонъ увѣряетъ, что Богъ дастъ благодать и жребій въ храмѣ Господнемъ только еврею, *не сдѣлавшему беззаконія рукою и не помыслившему лукаваго противъ Господа*, но нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что Господу угодно оскотеніе людей.

5. Что скопцы неосновательно отождествляютъ оскотленіе съ тѣмъ огненнымъ крещеніемъ, о которомъ говорилъ Предтеча Христовъ, это доказывается даже ихъ собственнымъ поведеніемъ; они еще огнемъ или раскаленнымъ желѣзомъ выжигаютъ себѣ раны на тѣлѣ, что и называютъ, собственно, «огненнымъ крещеніемъ».

6. Для утвержденія, будто бы Іоаннъ Креститель оскотилъ Іисуса Христа, въ евангеліи нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Евангелисты повѣствуютъ только о томъ, что Іоаннъ крестилъ Его въ водахъ Іордана.

7. Скопцы увѣряютъ, будто бы Христосъ приходилъ на землю для того только, чтобы научить людей оскотленію. Эта мысль не заслуживаетъ даже опроверженія. Въ евангеліяхъ нѣтъ на нее и намека. Можно, впрочемъ, указать на тотъ фактъ, что когда одинъ законникъ спросилъ Іисуса Христа: «что мнѣ дѣлать, чтобы спастись»?—Онъ не сказалъ ему: «оскотись», а сказалъ: «Если хочешь войти въ жизнь вѣчную, соблюди заповѣди» и—именно заповѣди, данныя Богомъ чрезъ Моисея. (Мѡ. 19, 16—19). Замѣчательно, что это было сказано Спасителемъ тотчасъ послѣ его рѣчи о скопцахъ (ст. 12).

8. Слова Спасителя: «огонь пришелъ Я низвестъ на землю» (Лук. 12, 49), не заключаютъ въ себѣ повелѣнія—оскотить людей долотомъ или бритвою. Ихъ смыслъ Онъ разъясняетъ въ Своей послѣдующей рѣчи (ст. 50—53): «отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ будутъ раздѣляться... Отецъ будетъ противъ Сына» и т. д.

9. Болѣе серьезнаго вниманія заслуживаетъ ссылка скопцовъ на слова Спасителя у Матѡея (19, 12): «Есть скопцы, которые изъ чрева матернаго родились такъ: и есть скопцы, которые сдѣлали себя скопцами для Царства Небеснаго». Что Церковь Христова никогда не понимала этихъ словъ Спасителя въ смыслѣ заповѣди совершать оскотленія вѣрующихъ,—доказать не трудно. 21-е правило свв. Апостоловъ гласитъ: «Скопецъ, аще отъ человѣческаго насилія, или въ гоненіи таковымъ сдѣланъ, или такъ рожденъ, и аще достоинъ, да будетъ епископъ. Самъ же себя оскотившій да не будетъ принятъ въ клиръ: самоубійца бо есть и врагъ Божія созданія»¹⁾. Оригенъ и антиохійскій епископъ Леонтій, оскотивши себя, за то были лишены

¹⁾ Срав. прав. Апостол. 22. 23. 24; 8 е прав. Двукр. Константинап. соб.

своихъ сановъ. первый—пресвитерскаго, второй—епископскаго. Приведенныя слова Спасителя Церковь всегда понимала въ смыслъ добровольнаго объята дѣвства или воздержанія отъ супружеской жизни. Вотъ какъ изъясняетъ, напр., Златоустъ эти слова. «Когда Онъ (т. е.), Христосъ) говоритъ: *скопиша себе*, то подъ симъ не разумѣетъ отсѣченія членовъ,—да не будетъ сего!—но истребленіе злыхъ помысловъ, ибо отсѣкшіи членъ подвергается проклятію. И весьма справедливо. Ибо таковой поступаетъ подобно челоуѣкоубійцамъ, содѣйствуетъ тѣмъ, которые унижаютъ твореніе Божіе; отверзаегь уста манихеевъ и преступаегь законъ, подобно тѣмъ изъ язычниковъ, кои отрѣзываютъ члены. Ибо отрѣзкать члены первоначально было дѣло дѣвольское и злоухищреніе сатаны, чтобы чрезъ сіе исказить созданіе Божіе, чтобы нанести вредъ челоуѣку, созданному Богомъ, и чтобы многіе, вмѣняя все не произволу, но самимъ членамъ, безбоязненно грѣшили, сознавая себя невинными, и такимъ образомъ сугубый причиняли себѣ вредъ какъ отсѣченіемъ членовъ, такъ и противупоставленіемъ препятствій волѣ дѣлать добро». «Оскопляющіе себя ради царствія Божія, говоритъ также и блаженный Теофилактъ, суть не тѣ, которые отрѣзываютъ у себя члены, ибо это преступно, но тѣ, которые воздерживаются. Оскопляющій самъ себя есть тотъ, кто не по чужому, а по собственному расположенію, добровольно рѣшился на подвигъ цѣломудрія».

Спаситель не могъ одобрять физическаго скопчества уже потому, что оно было строго осуждено Богомъ въ ветхомъ завѣтѣ по закону Моисея (Второз. 23, 1), а Онъ іоты одной, даже черты одной не нарушилъ въ законѣ, и никому Онъ не позволялъ думать, что Онъ пришелъ нарушить законъ и пророковъ, ибо не нарушить пришелъ Онъ, но исполнить (Мѣ. 5, 17, 18).

Не понимали словъ Спасителя въ смыслъ одобренія физическаго оскотленія, вопреки закону Моисея, и современники Иисуса Христа, ибо евреямъ тогда не было бы нужды выдумывать обвиненія для осужденія Его, а достаточно было бы указать только на одинъ этотъ фактъ, котораго достаточно было бы для того, чтобы представить Его разрушителемъ Моисеева закона, за что полагалась смертная казнь.

Буквально поняли слова Христа и притомъ—именно въ смыслъ одобренія физическаго оскотленія только одни скопцы, которые во всякое другое время любятъ находить въ Св. Писа-

ни лишь одни иносказанія, аллегоріи и образы, и которые на миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ постоянно повторяютъ изреченіе Апостола Павла: «буква убиваетъ, а духъ животворитъ» (2 Кор. 3, 6). Здѣсь же именно буква—то и убиваетъ въ собственномъ смыслѣ, ибо чрезъ нее скопцы исказили весь духъ христіанскаго ученія. На это имъ прекрасно указали даже хлысты, говоря: «Не трудно бороться съ умерщвленнымъ врагомъ; нѣтъ, ты поборись съ живымъ», или: «Что за побѣда надъ врагомъ, когда врагъ умерщвленъ?—тутъ нѣтъ Божьяго дѣла,—одно только малодушіе!» Къ сказанному нужно прибавить, что и умерщвленнаго врага тутъ нѣтъ, ибо съ уничтоженіемъ половыхъ органовъ, какъ уже сказано, половыя похоти ничуть не умерщвляются; они остаются и еще хуже терзаютъ душу скопца. На это указывалъ еще премудрый сынъ Сираховъ, когда говоритъ (30, 21),—какъ мучится и страдаетъ евнухъ, когда «смотря глазами и стеная, онъ обнимаетъ дѣвицу и вздыхаетъ».

У того же самого евангелиста Маттея (5, 29. 30), который сохранилъ разсматриваемыя слова Спасителя, приводятся совѣты, выраженные въ категорической формѣ: вырви соблазняющій глазъ, отсѣки соблазняющую руку; однако-же, скопцы ни рукъ не отсѣкаютъ, ни глазъ не вырываютъ!

Спаситель не только не одобрялъ физическаго оскотленія, но даже не далъ Своимъ послѣдователямъ обязательной для нихъ заповѣди о дѣвствѣ, почему и Апостоль Павелъ, совѣтуя отъ себя христіанамъ дѣвство, какъ представляющее большее удобство, для достиженія спасенія, чѣмъ супружество, счелъ нужнымъ оговориться: «относительно дѣвства я не имѣю повелѣнія Господня, а даю совѣтъ» (1 Кор. 7, 25).

Какъ же, однако, нужно понимать изреченіе Спасителя о скопцахъ (Мѣ. 19, 12)? Кто можно правильно понять только въ связи рѣчи, а не вырывая его изъ нея. Сначала Спаситель говоритъ о нерасторжимости брака, какъ установленія Божественнаго, и какъ бы въ осужденіе уже тогда допускавшейся у евреевъ легкости розвода (ст. 3—9). Ученики замѣтили на это: «если такъва обязанность человѣка къ женѣ, то лучше не жениться». Въ отвѣтъ на это Христосъ говоритъ: «не всѣ вмѣщаютъ слово это, но кому дано» (ст. 10. 11), т. е. Онъ какъ бы такъ сказалъ: «да, не жениться лучше, но не всѣ могутъ исполнить вашъ совѣтъ, а только нѣкоторые, кому это дано». Кто же эти нѣкото-

рые? Христосъ указываетъ три вида такихъ людей (а не одинъ, какъ это дѣлаютъ скопцы): «есть скопцы, которые изъ чрева матерняго родились такъ», т. е., есть люди, которые по природѣ, не способны къ брачной жизни: «и есть скопцы, которые оскоплены сть людей, т. е., по совѣту людей, по житейскимъ соображеніямъ, рѣшили не вступать въ бракъ, напр., ради поддержанія осиротѣлаго семейства своего отца, ради воспитанія братьевъ и сестеръ, ради научныхъ занятій или ради служенія обществу; «и есть скопцы, которые сами сдѣлали себя скопцами для Царства Небеснаго», т. е., есть люди, которые сами добровольно или по обѣту, рѣшили не вступать въ бракъ, чтобы жить для Христа, для борьбы съ своими страстями и похотями въ цѣляхъ нравственнаго самоусовершенствованія,—то же, чему учитъ и Апостоль Павелъ: «не женатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу, а женатый заботится о мірскомъ» (1 Кор. 7, 23. 33. Срав. ст. 7 и 8). Свою рѣчь Спаситель закончилъ словами: «Кто можетъ змѣститъ, да вмѣститъ», т. е., тѣмъ же, что Онъ высказалъ по поводу замѣчанія учениковъ о преимуществѣ добровольнаго воздержанія отъ супружеской жизни предъ бракомъ и этимъ Онъ ясно далъ понять, что въ этомъ именно смыслѣ Онъ говорилъ съ скопцахъ.

10. Что Иисусъ Христосъ на тайной вечери не оскорялъ своихъ учениковъ, а только умылъ ихъ ноги, этого нѣтъ нужды доказывать.

11. Ап. Павелъ пишетъ Колоссянамъ (3. 5): умертвите земные члены ваши; но 1) онъ не говоритъ «отрѣжьте» или «уничтожьте», а только «умерьте»; 2) онъ не указываетъ опредѣленно, какіе члены нужно умертвить—руку или глазъ, а чтобы его правильно поняли читатели онъ тотчасъ же прибавляетъ: «блудь, нечистоту, похоть и лобостыжаніе». Ясно, что въ словахъ Апостола Павла скопцы не найдутъ оправданія для своего ученія объ оскореніи

Наконецъ, 12. Напрасно скопцы ссылаются и на исторію Церкви. Сказано уже, какъ строго Церковь Христова осудила скопчество, которое немногими клириками было допущено по подражанію язычникамъ. Но то же говоритъ она и о мірянахъ. «Мірянинъ, оскорившій самого себя, на три года да будетъ отлученъ отъ таинства. Ибо онъ врагъ жизни» (прав. св. Ап. 24). Скопческихъ монастырей, о которыхъ говорятъ апологеты скоп-

чества, въ Церкви Христовой никогда не бывало. Въ Россіи было два митрополита—скопцы: Іоаннъ II и Ефремъ и три епископа: Мануилъ смоленскій, Теодоръ владиміро-волинскій и Теодосій луцкій. Но 1) они не были сектантами, а 2) неизвѣстно, почему лѣтописецъ называетъ ихъ скопцами. Несомнѣнно только одно, что если бы они сами себя оскопили, то они не были бы епископами; а если бы они оскопили себя, уже въ епископскомъ санѣ, то они были бы низвергнуты. Таковы требованія апостольскихъ правилъ (23).

Прот. Т. Буткевичъ.

Христіанскій взглядъ на жизнь и самоубійство.

(Публичное чтеніе въ залѣ Харьковской Городской Думы).

„Я есмь путь и истина и жизнь“.

(Іоан. 14,—6).

„Кто не беретъ креста своего и слѣдуетъ за Мною, тотъ не достоинъ Меня“.

(Матѳ. 10,—38).

I.

Въ евангеліи св. апостола Матѳея мы читаемъ: *«Тогда Іуда, предавшій Іисуса Христа, увидѣвъ, что Онъ осужденъ, и раскаявшись, возвратилъ тридцать сребренниковъ первосвященникамъ и старѣйшинамъ, говоря: согрѣшилъ я, предавъ Кровь невинную. Они же сказали ему: что намъ до того? смотри самъ... И бросивъ сребренники въ трамъ, онъ вышелъ, пошелъ и удавился».* (Матѳ. 27,—3—5)... Въ этихъ словахъ священное Писаніе открываетъ передъ нашимъ мысленнымъ взоромъ весьма скорбную исторію жизни и трагической гибели одного изъ учениковъ Господа нашего Іисуса Христа—Іуды Искаріотскаго, предавшаго Христа Спасителя на смерть и печально окончившаго свою жизнь самоубійствомъ...

Іуда подверженъ былъ сильной страсти корыстолюбія; эта страсть, какъ замѣчено во св. евангеліи, сдѣлала его «воромъ» (Іоан. 12,—6) и «предателемъ» Господа Іисуса Христа. (Лук.

Литература: „Что такое жизнь“, религіоз.-философск. изслѣдов. Профессора Протоіер. А. М. Иванцова-Платонова, М. 1899 г., „О самоубійствѣ предъ судомъ Откровеннаго ученія“, свящ. Ф. Орнатскаго, СПб. 1894 г.;—„Значеніе христіанства въ духовно-нравств. развитіи и отношеніе его къ благоустройству земной жизни человѣчества“,—популярн. изслѣдов., свящ. П. Руповскаго, СПб. 1889 г. и друг.

22,—48)... Имѣя при себѣ ящикъ или ковчежецъ съ деньгами, куда опускались всѣ, принадлежавшія обществу учениковъ Иисусовыхъ, деньги для раздачи бѣднымъ и другихъ потребностей, Иуда часть изъ этихъ денегъ утаивалъ въ свою пользу; онъ же грубо и злобно осудилъ на пиру у Симона прокаженного благородный и боголюбивый поступокъ Маріи, излившей стклянку драгоценнаго мѹра на главу и ноги Спасителя, говоря, что лучше бы продать это мѹро за большую сумму денегъ и раздать ихъ нищимъ, на самомъ же дѣлѣ жалѣя, что не пришлось ему воспользоваться значительною частью этихъ денегъ въ свою личную пользу (Іоан. 12,—6); онъ же изъ-за постыдной страсти къ корыстолюбію рѣшился, наконецъ, за тридцать сребренниковъ продать и своего Божественнаго Учителя и Господа на тяжкія муки и крестную смерть... Но когда связаннаго Иисуса и уже осужденнаго синедриономъ на смерть отвели къ прокуратору, тогда Иуда,—видя, что его безумная страсть привела къ осужденію на смерть Господа, что онъ, «омраченный недугомъ сребролюбія», предалъ Кровь невинную,—впалъ въ такое ужасное отчаяніе за свой гнусный поступокъ, что пошелъ къ первосвященникамъ, бросилъ имъ деньги—30 сребренниковъ и, сопровождаемый злорадными насмѣшками первосвященниковъ и книжниковъ іудейскихъ, «пошелъ и удавился»... Въ книгѣ Дѣяній св. апостоловъ приводится рѣчь св. ап. Петра, въ которой, между прочимъ, сообщаются и нѣкоторыя дополнительные подробности относительно гибели Иуды: предатель.—повѣстуетъ дѣписатель,— «низринулся» съ дерева, на которомъ повѣсился и *«разстлось чрево его, и выпали всѣ внутренности его; и это сдѣлалось извѣстно всѣмъ жителямъ Іерусалима; такъ что земля та на отечественномъ ихъ нарѣчій названа Акелдама, то-есть, земля крови»* (Дѣян. 1,—18—19)... Вотъ до чего довело Иуду Искаріотскаго корыстолюбіе: онъ не только «предатель», но и «самоубійца»; и это единственно печальный примѣръ самоубійства, записаннаго на страницахъ священной исторіи Новаго Завѣта... Тяжело становится на сердцѣ, когда читаются эти строки исторіи предателя и его гибели; неизъяснимо больно становится на душѣ вѣрующаго христіанина за нераскаянность и ужасное отчаяніе Иуды Искаріотскаго, покончившаго жизнь свою самоубійствомъ!.. Не онъ ли, какъ и прочіе ученики Христа, былъ взыскавъ милостію и любовію Господа Иисуса Христа, неоднократно учившаго, что *«Сынъ Человѣческій пришелъ*

взыскать и спасти погибшее» (Матѣ. 18,—11), что «Сынъ Человѣческій пришелъ не губить души человѣческія, а спасать» (Лук. 9,—56), и дѣйствительно спасалъ и прощалъ всѣхъ тяжкихъ грѣшниковъ искренно кающихся: и обидчика—мытаря, и блудницу, и разбойника?.. Не онъ-ли, какъ и прочіе ученики Христовы, сподобился быть ближайшимъ ученикомъ Господа, слышать Его любвеобильное ученіе и видѣть дала Его неизреченной любви и милосердія ко всѣмъ людямъ, участвовать вездѣ и всюду въ Его трудахъ и путешествіяхъ, раздѣлять на Тайной вечери Его божественную трапезу?.. Не онъ-ли сопричисленъ былъ къ сонму «избранныхъ учениковъ Христовыхъ» и получить великій «жребій Апостольства»?.. И вотъ, сколь велика была къ нему любовь Господа, столь великую неблагодарность обнаружилъ къ Нему Іуда... Его предательство Іисуса Христа столь поразительно и непонятно, его самоубійство столь глубоко-низко, что безъ сомнѣнія до конца временъ будетъ возбуждать удивленіе всѣхъ мыслящихъ людей. Въ душѣ Іуды Искаріота въ моментъ его рѣшимости на тяжкій грѣхъ самоубійства, очевидно, не было даже малѣйшихъ проблесковъ истиннаго раскаянія, не было даже малѣйшей искорки вѣры во Христа Спасителя, какъ Сына Божія; въ отчаяніи—онъ не думалъ о Богѣ и о загробной жизни, о будущемъ судѣ Божіемъ и воздаяніи за гробомъ, онъ не держалъ въ своемъ сердцѣ слова Христа Спасителя: *«истинно, истинно говорю вамъ: наступаетъ время, и настало уже, когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и услышавши оживутъ... И измрутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло въ воскресеніе осужденія»* (Іоан. 5,—25—29). Іуда не сокрушался, не омывалъ слезами раскаянія свою грѣшную душу, какъ «плакалъ горько» св. ап. Петръ, сокрушался за свое трикратное отреченіе отъ Христа... Іуда Искаріотъ погибъ нераскаяннымъ, ожесточеннымъ грѣшникомъ: въ безвѣріи своемъ онъ впалъ въ отчаяніе, заслоняющее самое сознаніе существованія Бога, Его вѣчной правды и безконечной милости, Его возмездія въ загробной жизни, потому и кончилъ жизнь «самоубійствомъ»... Вотъ почему и Господь Іисусъ Христосъ, разумѣя отчаяніе и нераскаянность Іуды и гибельный конецъ жизни его—самоубійство, и говорилъ о немъ: *«горе тому человеку, которымъ Сынъ Человѣческій предастся: лучше бы тому человеку не родиться»* (Лук. 14,—21); а св. евангелистъ Лука, написавшій книгу «Дѣяній св.

Апостоловъ», замѣчаетъ въ ней, что Іуда Искаріотъ «отпалъ и отъ Апостольства, чтобы идти въ свое мѣсто» (Дѣян. 1,—25)!.. Вотъ строгій и праведный судъ слова Божія о Предателѣ и его тяжкомъ грѣхѣ самоубійства!.. Страшное слово: «самоубійство»!.. Всякій самоубійца—это тяжкій, ожесточенный грѣшникъ передъ Господомъ Богомъ, и нѣкоторымъ образомъ подобенъ Іудѣ Искаріотскому... И однако же, къ великому нашему прискорбію, и въ наши дни такъ часто повторяется этотъ тяжкій грѣхъ самоубійства, отъ коего погибъ Іуда Искаріотскій, и въ наше время люди такъ часто впадаютъ въ него и погибаютъ самоубійцами, что «самоубійство» есть одинъ изъ серіозныхъ и распространенныхъ недуговъ современной общественной жизни.

Въ наши дни почти во всѣхъ слояхъ общества замѣчается какое-то недовольство, малодушіе, жалобы на скуку жизни и пренебреженіе къ жизни... Нынѣ вы такъ часто услышите: «жизнь не удалась», «въ жизни нѣтъ ничего хорошаго», «жизнь—это пустая и глупая шутка», «да стоитъ-ли жить, для кого и для чего»?.. И вотъ, присматриваясь къ разнаго рода явленіямъ и теченію общественной и семейной жизни, вы не можете не замѣтить, что у многихъ людей нашего времени нѣтъ мужества и христіанскаго терпѣнія переносить неудачи, лишения, трудности и бѣды житейскія—и смотришь: тамъ внезапная, «загадочная» смерть, тамъ открытое, умышленное самоубійство, тамъ покушеніе на жизнь или свою, или другихъ...

Никогда еще, кажется, не было такого тяжелого времени, когда бы такъ часто поражали насъ примѣры посягательства на жизнь, когда бы люди такъ часто рѣшались на тяжкій грѣхъ убійства и самоубійства, когда бы такъ легкомысленно пренебрегали и бросали эту дорогую, отъ Бога данную намъ жизнь, какъ въ наши дни... Каждый день въ газетныхъ извѣстіяхъ оглашаются случаи самоубійствъ, одинъ другого возмутительнѣе: можно съ увѣренностію сказать, что люди положительно всѣхъ сословій и возрастовъ, всѣхъ состояній и общественныхъ положеній приносятъ свою дань этому тяжелому недугу; и украшенная сѣдинами старость и искушенная опытомъ жизни и полная силъ и здоровья, цвѣтущая возмужалость, и юный возрастъ, и нѣжный женскій полъ, даже какъ это ни странно, нерѣдко дѣти, недостигшія зрѣлой юности,—всѣ безбоязненно идутъ въ холодныя и отвратительныя объятія самоубійства, этой постыднѣйшей смерти, которую прежде называли «царемъ ужасовъ»!..

За примѣрами самоубійствъ, какія встрѣчаются въ наши дни, ходить не далеко; они на виду у всякаго кто сколько нибудь внимательно отнесется къ явленіямъ современной жизни, къ тому, что о ней говорится и не меньше пишется... Вотъ человекъ высокопоставленный, достигшій въ настоящей жизни всего возможнаго: славы, значенія, богатства, прекраснаго общественнаго положенія; но онъ допустилъ нѣсколько ошибокъ во вѣренномъ ему дѣлѣ большой общественной важности и, желая смыть съ себя пятно собственной оплошности, застрѣлился... Вотъ другой человекъ, обремененный семьей: онъ долго перебивался на своемъ жизненномъ пути изъ-за куска хлѣба, «бился въ своей жизни, какъ рыба объ ледъ», перенесъ много трудовъ и лишеній, извѣдалъ много тяжелыхъ огорченій и, наконецъ, ожесточился до того, что зарѣзалъ и жену свою и дѣтей, а потомъ покончилъ и съ собою... Вотъ молодой, цвѣтушій юноша, единственный сынъ богатыхъ родителей и «баловень судьбы»: ему предстояла «блестящая карьера», открывалась свѣтлая дѣятельность на широкомъ поприщѣ жизни, но онъ слишкомъ рано вкусилъ отъ чаши удовольствій, проводилъ безпечную и разгульную жизнь, и, проигравшись окончательно въ азартную карточную игру, отравился, оставивъ почти полунищими въ слезахъ и горѣ своихъ родителей... Вотъ пишутъ: повѣсилась молодая женщина двадцати пяти лѣтъ; погибла въ цвѣтушей порѣ: ей жизнь только «начала улыбаться»... Это была въ полномъ смыслѣ—«бѣдная неудачница жизни»... Говорятъ, она много натерпѣлась отъ своего мужа—пьяницы и тирана, который подъ конецъ совсѣмъ бросилъ ее безъ всякихъ средствъ къ жизни... Послѣ смерти ея осталась записка: «я выброшена изъ колеи жизни; кромѣ полнѣйшаго разочарованія жизнью, этой пустой и жалкой комедіи, ничего не уношу съ собою въ темную могилу... Средствъ къ жизни—никакихъ; просить не умѣю и стыжусь, а по сему за лучшее рѣшила: погрузиться въ ширвану!.. Прошу никого не винить въ мой смерти»... Минувшей осенью всѣ газеты облетѣла ужаснѣйшая вѣсть о тройномъ самоубійствѣ... Въ г. С.-Петербургѣ, на Съвѣжинской улицѣ отравился, застрѣлился и выбросился изъ окна студентъ университета—Митя Лебедевъ... Несчастный, принявъ раньше сильную дозу яда, всталъ на открытое окно и, нагнувшись, представилъ ко лбу револьверное дуло. Выстрѣлъ, еще одинъ мигъ, и на улицѣ лежала безобразная, кровавая масса... Покончивъ

всѣ счеты съ жизнью), несчастный послалъ на имя своего товарища открытое письмо. Онъ писалъ: «въ то время, какъ ты будешь читать эти строки, меня уже не будетъ въ живыхъ... Вотъ для тебя и тема, когда станеть не о чемъ больше говорить и писать... Впрочемъ, прошу тебя, лучше не говори и не пиши. Вѣдь что особеннаго? Былъ человѣкъ и нѣтъ человѣка... Право же этого никто, никто не замѣтитъ... Твой Митя»... А внизу стояла приписка, написанная видимо дрожащей рукою: «Не знаешь ли?! Есть-ли тамъ биллиардъ?.. Эхъ, а то-бы сыграть хоть съ самимъ сатаной на свою душу... Прощай»!..

И такихъ случаевъ самоубійствъ теперь вы встрѣтите множество. Одинъ бѣжитъ отъ преступленій, которыя думалъ скрыть, но кои «случайно всплыли», явились на свѣтъ Божій и не имѣя мужества признать свое заблужденіе и встать на честную дорогу, стрѣляется или вѣшается... Другой вступилъ въ жизнь съ радужными надеждами, думалъ прожить не вѣдая заботъ и скорбей, но когда встрѣтилъ одну, другую неудачу, разочаровался, впалъ въ малодушіе и уныніе, отчаялся и рѣшилъ покончить съ собою... Бываютъ иногда причины самыя мелочныя и ничтожныя, въ родѣ того, напримѣръ, что небольшая ссора мужа съ женою, неудачное ученіе юноши, приливъ тоски безотчетной, оскорбленіе чести; тотъ «спился съ кругу», этотъ потерпѣлъ неудачу въ дружбѣ, въ любви. иной потерялъ состояніе, кто получилъ неисцѣльную болѣзнь, кто потерялъ надежду на улучшение своего положенія въ настоящей жизни—и всякій кончаетъ самоубійствомъ: кто—подъ желѣзнодорожнымъ поѣздомъ, кто—ядомъ, кто—ножемъ или кинжаломъ, кто—револьверомъ, кто—бросается въ воду, кто—вѣшается... Да всѣхъ способовъ современнаго самоубійства, иногда поразительно изобрѣтательныхъ, и не перечислить! Эпидемія различныхъ самоубійствъ, которыя совершаются въ болѣе или менѣе ужасной обстановкѣ, все растетъ и растетъ... Почти въ каждомъ номерѣ газетъ вы можете прочитать: сегодня 8 самоубійствъ, на слѣдующій день 19, потомъ 7, 13, 22, 9 и т. д... И страшно становится за эти несчастныя, погибающія человѣческія души!.. Начинаетъ казаться, что весьма многія люди нашихъ дней, впавши въ духовное одичаніе, совершенно забыли Бога и не хотятъ знать Его, и *«омрачилось,—по слову Апостола,—ихъ немысленное сердце, они осуетились въ умствованіяхъ своихъ, называя себя мудрыми—обезумѣли, и какъ они не заботились имѣть*

*Бога въ разцѣпъ, то и предавъ ихъ Богъ превратному уму—дѣлать непотребства» (Римл. 1,—21, 22 и 28)!.. Начинаетъ казаться, что легкомысленная жизнь огромной массы людей нашего времени—есть жизнь безъ Бога, безъ свѣтлой вѣры въ добро, безъ всякихъ сдерживающихъ нравственныхъ началъ и руководящихъ принциповъ, что эта жизнь—уже не жизнь, а страшный невѣроятный кошмаръ, не имѣющій за собой ни смысла, ни опредѣленной цѣли!.. Жизнь человѣческая обезцѣнена и это обезцѣненіе самоубійствами доводится до послѣднихъ предѣловъ!.. Недугъ сдѣлался до того общимъ, настолько распространеннымъ и опаснымъ, какъ слѣдствіе крушенія главнымъ образомъ моральныхъ устоевъ современнаго общества, что крайне необходимо обратить вниманіе религіозной мысли на это весьма печальное явленіе, воззвать къ христіанскому чувству и упованію и по силѣ возможности уяснить себѣ причины и средства къ излеченію этого тяжкаго недуга... Вотъ почему мы и беремъ на себя смѣлость въ настоящемъ чтеніи предложить благосклонному вниманію достопочтеннаго собранія почтительное рѣшеніе вопроса о томъ, какъ намъ христіанамъ относиться къ самоубійству стоя на точкѣ зрѣнія слова Божія и какъ разобратся въ хаосъ разныхъ ложныхъ ученій и вѣяній современной жизни, извращающихъ и совершенно отвергающихъ истинно-христіанскій взглядъ на жизнь человѣческую... *«Наставляйте,—говоритъ св. ап. Павелъ,—другъ друга каждый день, доколь можно говорить «нынѣ», что бы кто изъ васъ не ожесточился, оболъстившись грѣхомъ; ибо мы сдѣлались причастниками Христу, если только начатую жизнь твердо сохранимъ до конца» (Евр. 3, 13 14)!..**

II

Самоубійство есть умышленное, произвольное и насильственное лишеніе себя жизни ¹⁾... Но можетъ-ли, имѣетъ-ли право человѣкъ такъ распорядиться своею жизнію?.. Что такое жизнь наша? Что такое въ своей сущности эта земная жизнь, которую

¹⁾ Считаемо должнымъ оговориться, что затрогивая въ настоящей замѣткѣ вопросъ о самоубійствѣ, мы совершенно исключаемъ и не касаемся тѣхъ случаевъ самоубійствъ, которыя совершаются иногда въ припадкахъ явнаго умопомѣшательства и являются скорѣе большимъ несчастіемъ, чѣмъ преступленіемъ. *Авт.*

прошли прежде насъ тысячи поколѣній и несчетные милліоны людей и быть можетъ послѣ насъ пройдутъ еще болѣе поколѣній и милліоновъ, какъ смотрѣть на нее, чего искать въ ней, какой ея смыслъ и какая конечная цѣль?.. Кто мы и откуда?.. Зачѣмъ рождаемся и умираемъ?.. Для чего живемъ на землѣ и потомъ сокрываемся въ землю?.. Будетъ-ли и что будетъ съ нами послѣ нашей смерти?.. Вотъ вопросы, которые, кажется, съ самыхъ первыхъ временъ существованія рода человѣческаго всегда волновали и увлекали мысль человѣческую и надъ рѣшеніемъ, которыхъ задумывались и трудились многие мыслящіе люди! Вотъ вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ много крѣпкихъ умовъ колебалось и много благороднѣйшихъ сердецъ разбилося въ сомнѣніяхъ и отчаяніи при безвыходныхъ трудностяхъ въ разъясненіи и освѣщеніи этихъ вопросовъ!.. Пытливый умъ человѣческій всегда силился преодолѣть ту непроницаемую завѣсу, которая скрываетъ отъ насъ полный таинственности загробный міръ и какъ бы осязательно увѣриться въ истинности безсмертія души человѣческой и вѣчной и за гробомъ не прекращающейся жизни... И сколько заблужденій, сколько бесплодныхъ исканій переиспыталъ человѣческій разумъ, остававшійся внѣ Откровенія и Божественнаго руководительства, сколько тревогъ и мукъ переиспытало человѣческое сердце въ разрѣшеніи рокового вопроса: *«что тамъ за этою земною нашею жизнью, и есть ли жизнь по ту сторону могилы и гроба»?*.. Древній Востокъ отвѣчалъ на это увѣреніями, что жизнь нашего сознанія угасаетъ со смертію тѣла и будущее человѣка есть лишь вѣчный покой и безпробудный сонъ... И вотъ подъ вліяніемъ этого ученія, весь Востокъ, съ его нѣкогда живыми и способнѣйшими народами, погрузился и здѣсь на землѣ въ безпробудный сонъ и погибъ для міровой жизни и дѣятельности, какъ это мы и видимъ на примѣрѣ далекой Индіи... Язычество грековъ и римлянъ съ ихъ стоическою и эпикурейскою философіею, изъ коихъ девизомъ послѣдней было: *«будемъ ѣсть, пить и веселиться, потому что завтра умремъ»*, отвѣтило на роковой вопросъ увѣреніями, что, при всей несомнѣнности загробной жизни, она будетъ жалкою и ничтожною, такъ что человѣку лучше въ земной жизни насладиться всѣми благами ея, испить отъ чаши удовольствій и наслажденій міра сего и, вотъ, это предсталвеніе быродилось у нихъ въ концѣ концовъ въ обожаніе земной жизни и произвело такой разливъ чувственности, пороковъ и по-

рочныхъ удовольствій, что совершенно погубило и исповѣдниковъ такого ученія... Отвѣчало на роковой вопросъ и мусульманство: оно, полагая райское блаженство въ безграничномъ наслажденіи чувственностью, перенесло на небо всѣ пороки земли и привело народы мусульманскіе къ современному ихъ жалкому состоянію, которое можно назвать постепеннымъ издыханіемъ... И много, много и другихъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ сохранилось съ незапамятныхъ временъ, для памяти позднѣйшимъ поколѣніямъ, отвѣтовъ продуманныхъ глубокими умами, выстраданныхъ горячими сердцами и развивавшихся въ замѣчательныхъ религіозныхъ и философскихъ системахъ, но и по сей день во всѣхъ произведеніяхъ человѣческой мысли мы не найдемъ удовлетворительнаго отвѣта о смыслѣ и цѣли человѣческой жизни... Да это и понятно: «умъ человѣческій,—по справедливому замѣчанію одного ученаго богослова,—какъ это можно видѣть изъ самостоятельныхъ его опытовъ въ изслѣдованіи тайны жизни,—не можетъ рѣшить этого вопроса... Не можетъ потому, что умъ человѣческій не творецъ и не владыка мірозданія,—онъ не былъ свидѣтелемъ устройства міра и не знаетъ, къ чему направлена его жизнь; поэтому, имѣя возможность изучать и познавать міръ въ его существующемъ состояніи и въ его внѣшнихъ проявленіяхъ, умъ человѣческій не можетъ сказать ничего опредѣленнаго о началѣ, внутренней сущности и конечной цѣли міробытія»... Вотъ почему и по настоящее время вопросъ этотъ по прежнему стоитъ для человѣческой мысли въ своей грозной силѣ и неотразимой увлекательности, нерѣдко порождая сомнѣнія и вызывая муки въ чувствительныхъ сердцахъ...

У извѣстнаго поэта Гейне есть стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Вопросы», въ которомъ изображается юноша, стоящій на берегу волнующагося моря, и «съ тоскою на сердцѣ» занятый рѣшеніемъ великаго вопроса... Вотъ это стихотвореніе:

Ночью надъ берегомъ шумнаго моря,
Юноша грустный стоитъ;
Полный сомнѣнья, съ тоскою на сердцѣ
Такъ онъ волнамъ говоритъ:
*«О, разрѣшите мнѣ жизни загадку,
«Вѣчно тревожный и страшный вопросъ!..
«Сколько головъ безпокойныхъ томилъ онъ,
«Сколько онъ муки принесъ!*

«Головы въ іероглифеныхъ киварахъ,
 «Въ черныхъ баретахъ, чалмахъ,
 «Въ пудрѣ, и головы всякаго рода
 «Бились надъ этимъ вопросомъ въ слезахъ!
 «Кто же мнѣ скажетъ, что тайна отъ вѣка,
 «Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
 «Какъ онъ приходитъ? Куда онъ идетъ?
 «Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ!..
 Катятся волны съ ихъ шумомъ обычнымъ;
 Вѣтеръ несетъ и тучи несетъ;
 Звѣзды мерцаютъ въ безстрастїи привычномъ;
 Бѣдный безумецъ отвѣта все ждетъ!..

А между тѣмъ единственно-истинный отвѣтъ на этотъ роковой вопросъ, давно уже есть, и этотъ отвѣтъ тѣмъ болѣе долженъ внушить къ себѣ довѣріе, что онъ не слабымъ умомъ человѣческимъ измышленъ, а открытъ людямъ высшимъ Умомъ, — Тѣмъ Умомъ, Который сотворилъ небо и землю, Который промышляетъ о мірѣ и человѣкѣ и поддерживаетъ все существующее и Которому, поэтому, въ совершенствѣ извѣстны начало, сущность и конечная цѣль всякаго бытія... Людямъ давно уже открыто единственно-истинное и спасительное воззрѣніе на жизнь человѣческую: мы разумѣемъ то воззрѣніе на жизнь, которое открыто человѣку Самимъ Богомъ, которое сообщено человѣку въ Божественномъ откровеніи, засвидѣтельствовано и подтверждено несомнительными доводами, — удостоверено въ своей наличности не словами и произвольными теоріями и предположеніями, а безчисленными знаменіями сверхъестественной Божіей силы и жизнью великихъ свидѣтелей Божественнаго откровенія... *Это воззрѣніе христіанское...* Это то воззрѣніе, которымъ живутъ кругомъ насъ неисчислимые милліоны людей, и въ которомъ они находятъ свѣтъ, нравственную опору и утѣшеніе въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни! Это то воззрѣніе, которое спасло человечество отъ духовнаго мрака и нравственной гибели, и которое поэтому съ такимъ восторгомъ принято было человечествомъ, что цѣлыя тысячи благороднѣйшихъ личностей готовы были идти на смерть для того, чтобы засвидѣтельствовать предъ заблуждавшимъ міромъ божественную истину этого міровоззрѣнія... И казалось бы, что всѣмъ людямъ безъ исключенія надлежало бы съ искреннею радостію и всецѣлымъ довѣріемъ принять это

единственно-истинное и спасительное христіанское воззрѣніе на жизнь, объединить и освѣтить имъ свои убѣжденія и принять его къ руководству въ направленіи самой жизни, но къ великому прискорбію, многіе изъ людей и въ наше время, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, какъ бы умышленно не желаютъ этого: нѣкоторые по невѣдѣнію отвергаютъ Божественную истину, другіе намѣренно стараются отвращать свои глаза отъ нея, инымъ же непремѣнно хочется своими усиліями, своимъ кичливымъ умомъ, открыть себѣ тайну и освѣтить сущность жизни; и вотъ этимъ то они сами себя и обрекаютъ на безконечное исканіе—безъ цѣли обрѣтенія, на безконечное блужданіе—безъ надежды успокоенія, что, въ концѣ концовъ, въ людяхъ наиболѣе ограниченныхъ и неглубокихъ оканчивается притупленіемъ и уничтоженіемъ высшихъ порывовъ ума и сердца—равнодушіемъ къ высшимъ вопросамъ и интересамъ жизни, а въ умахъ наиболѣе глубокихъ, въ сердцахъ горячихъ и впечатлительныхъ разрѣшается нерѣдко разочарованіемъ, безвыходнымъ скептицизмомъ, мрачнымъ отчаяніемъ, пренебреженіемъ къ жизни, самоубійствомъ...

Какой же христіанскій взглядъ на жизнь человѣческую?..

«Что такое жизнь наша»—по ученію христіанскому?..

Въ физическомъ отношеніи, наша жизнь есть рожденіе, возрастаніе, питаніе, укрѣпленіе или мужество, и далѣе—ослабленіе, старость и смерть... Въ этомъ отношеніи жизнь человѣка сходна съ жизнью всего живущаго въ мірѣ семь... Въ духовномъ, религіозно-нравственномъ отношеніи, жизнь наша есть вообще дѣятельность—во славу Божію, на пользу ближняго и для собственнаго благополучія; въ частныхъ явленіяхъ—жизнь есть труды и подвиги, наслажденіе и страданіе, скорби и радости... А со стороны Бога, Виновника нашего бытія, по отношенію къ человѣку,—жизнь наша есть высочайшее благо, каковое можетъ истекать только отъ всеблагото Бога, есть величайшій даръ Божій, которымъ человѣкъ долженъ пользоваться согласно съ волею Божіею и не распорядиться по своему усмотрѣнію...

По всему священному Писанію и Ветхаго и Новаго Завѣта ясно проходитъ мысль, что жизнь дается человѣку Богомъ, что она есть драгоцѣннѣйшій даръ Божій, которымъ человѣкъ долженъ всемирно дорожить, что она есть свѣтлое существованіе души человѣческой въ мірѣ Божіемъ для умноженія истины,

добра и правды на землѣ, чтобы среди всѣхъ житейскихъ занятій и обстоятельствъ человѣкъ сохранялъ въ себѣ это «чистое дыханіе Божіе» отъ всякой скверны и порока и всегда вѣрнѣе оставался своему святому и высокому призванію: «будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный» (Матѳ. 5,—48)!.. Уже на первыхъ страницахъ священной Библии мы читаемъ о томъ, что Богъ сотворилъ первыхъ людей, благословилъ ихъ и даровалъ имъ «душу живую»... «И сказалъ Богъ: сотворимъ человека по образу Нашему и по подобію Нашему... И сотворилъ Богъ человека по образу Своему, по образу Божію сотворилъ его; мужчину и женщину сотворилъ ихъ. И благословилъ ихъ Богъ, и сказалъ имъ Богъ: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю и обладайте ею, и владычествуйте надъ рыбами морскими и надъ звѣрями, и надъ птицами небесными и надъ всякимъ скотомъ, и надъ всею землею, и всякимъ животнымъ пресмыкающимся по землѣ... И создалъ Господь Богъ человека изъ праха земнаго и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни; и сталъ человекъ душою живою» (Быт. 1,—26—28; 2.—7)... Сотворенный «по образу Божію и по подобію» человѣкъ, согласно волѣ Творца, долженъ и жизнь свою посвящать первѣе всего и главнѣе всего на служеніе, прославленіе и благоутюжденіе Творцу и Создателю своему, ибо «отъ одной крови Онъ произвелъ весь родъ человѣческій для обитанія по всему лицу земли,—говоритъ священное Писаніе,—назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанію, дабы они искали Бога, не ощутивъ-ли Его и не найдуть-ли, хотя Онъ и недалеко отъ каждаго изъ насъ: ибо мы Имъ живемъ и движемся и существуемъ» (Дѣян. 17,—26—28); долженъ человѣкъ посвящать жизнь свою на служеніе Богу, ибо Онъ, какъ Домовитый Хозяинъ, каждаго изъ насъ награждаетъ «талантами», посылаетъ въ міръ—виноградникъ Свой для труда, воздѣлыванія и пріумноженія талантовъ, что бы въ свое время потребовать у человѣка и отчета въ его дѣятельности, потребовать человѣка на судъ Свой праведный, какъ и говоритъ слово Божіе: «всѣмъ намъ должно явиться предъ судилище Христово, что бы каждому получить соответственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или худое» (2 Коринѳ. 5,—10)... Далѣе, человѣкъ долженъ посвящать жизнь свою на служеніе ближнимъ своимъ, ибо это—братья наши, которыхъ мы должны «любить какъ самихъ себя» (Марк. 12,—33) и оказывать имъ всякое добро и

благо, такъ какъ. по слову Писанія, всѣ люди составляютъ «одно духовное тѣло», «по сему, страдаетъ-ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится-ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены» (1 Коринѳ. 12,—26).

Наконецъ, всѣ дни жизни своей человѣкъ долженъ посвящать на спасеніе души своей, ибо «какая польза человеку,—говоритъ Христосъ,—если онъ приобрететъ весь міръ, а душу своей повредитъ? или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою»?... (Матѳ. 16,—26)... Каждый человѣкъ долженъ памятовать и готовиться къ будущей жизни, жизни загробной, къ тому времени, когда,—какъ говоритъ св. ап. Павелъ,—«Самъ Господь при возвѣщеніи, при гласѣ Архангела и трубъ Божіей сойдетъ съ неба и мертвые во Христвъ воскреснутъ прежде, потомъ мы, оставшіеся въ живыхъ, вмѣстѣ съ ними востигнемъ на облакахъ въ срѣтеніе Господу на воздухѣ, и такъ всегда съ Господомъ будемъ» (1 Фесал. 4,—16—17), посему то св. матеръ Церковь и научаетъ насъ всѣхъ просить себѣ у Господа Бога «христіанской кончины, безболѣзненной, непостыдной, мирной, и добраго отвѣта на страшномъ судищѣ Христовомъ»... Здѣсь на землѣ, по ученію слова Божія, всѣ мы лишь временные путники, постоянное же «наше жителство—на небесахъ, откуда мы ожидаемъ и Спасителя, Господа нашего Іисуса Христа, Который уничтоженное тѣло наше преобразитъ такъ что, оно будетъ сообразно славному тѣлу Его, силою, которою Онъ дѣйствуетъ и покоряетъ Себѣ все». (Филип. 3,—20—21)... «Мы вѣруемъ; потому и говоримъ, зная, что Воскресившій Господа Іисуса воскреситъ чрезъ Іисуса и насъ и поставитъ предъ Собою» (2 Коринѳ. 4,—13—14)... «Ибо знаемъ, что, когда земный нашъ домъ, эта хижина разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный. Оттого мы и воздыхаемъ, желая облечься въ небесное наше жилище; только бы намъ и одѣтыми не оказаться нагими» (2 Коринѳ. 5,—1—3)... Поэтому то св. апостолы и ученики Христовы и завѣщали всѣмъ вѣрующимъ: «Итакъ, ищите горняго, гдѣ Христосъ сидитъ одесную Бога; о горнемъ помышляйте, а не о земномъ» (Колос. 3,—1—2)!.. Время жизни, назначаемое каждому человѣку Богомъ—есть лишь скоротечное время сѣянія, гдѣ мы должны успѣть посѣять сѣмена добра, праведности и истины, что бы съ добрыми плодами воскреснуть для жизни будущей, загробной, вѣчной, непрекращающейся, гдѣ отъ Праведнаго и Нелицепріятнаго Судии. въ день

славнаго и страшнаго суда. Его надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ, каждый получитъ «по достоянію дѣяній»: «тогда праведники пойдутъ въ жизнь вѣчную и возсіяютъ какъ солнце въ Царствѣ Отца ихъ, а грѣшники пойдутъ въ муку вѣчную» (Мате. 25, 31—46; 13,—43)...

«Истинно, истинно говорю вамъ,—училъ Христосъ,—наступаетъ время и настало уже, когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и услышавши оживутъ... И изыдутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло въ воскресеніе осужденія» (Іоан. 5,—25—29)!.. Вотъ почему и часъ смерти для вѣрующаго человѣка—есть благоговѣйныя минуты перехода или переселенія его изъ земной жизни въ жизнь загробную, безконечную, есть трогательный моментъ возвращенія богоподобной души человѣческой на судъ къ Творцу Своему, каковую мысль мы и выражаемъ всегда словами молитвы, положенной христіанамъ предъ отходомъ ко сну,—какъ подобію человѣческой смерти,—взывая: «въ рудѣ Твои, Господи, предаю духъ мой»!..

Смерть, по ученію откровенія,—есть необходимый и неизбѣжный для человѣческой природы конецъ земнаго существованія,—съ одной стороны естественное слѣдствіе нравственной порчи человѣчества—грѣха, сдѣлавшаго нетлѣнную и бессмертную природу тлѣнною и смертною,—съ другой стороны начало новой жизни при совершенно другихъ условіяхъ, гдѣ опять тлѣнное преобразится въ нетлѣніе и мертвенное въ бессмертіе. Смертію разрѣшаются всѣ противорѣчія жизни, и вся эта борьба между идеаломъ и отрицаніемъ идеала, между истинною и ложью, добромъ и зломъ, правдой и неправдой, любовью и ненавистью, счастіемъ и несчастіемъ... А тамъ начинается на одной сторонѣ жизнь безконечная, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, гдѣ нѣтъ ни заблужденія, ни порока, ни злобы, гдѣ безмятежно царствуютъ чистая истина, добро, правда, любовь, миръ, блаженство, чего въ настоящемъ состояніи человѣкъ и представить себѣ не можетъ, чего око наше не видѣло, и ухо не слышало, и сердце наше предчувствовать не можетъ... А съ другой стороны—смерть безконечная, гдѣ нѣтъ ни луча свѣта, истины, добра, правды, счастья, гдѣ вѣчный мракъ, закоснѣлая ложь, нераскаянная злоба, безконечное страданіе, неумолкающій ропотъ и хула. Такая или другая участь человѣка въ вѣчной жизни зависитъ отъ его настоящей жизни—отъ того, насколько человѣкъ, находясь въ условіяхъ

земной жизни, съумѣетъ при помощи Божіей, сохранить и развить въ себѣ способность къ воспріятію блаженства—къ наслажденію истинною, добромъ и счастіемъ... Кто что посѣетъ здѣсь, тотъ то и пожнетъ тамъ!...

Правда, по ученію слова Божія—*«тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь»* (Матѳ. 7,—14), такъ какъ время земной жизни, назначаемое каждому человѣку Богомъ, есть еще и время испытанія, гдѣ обречены мы безропотно, съ христіанскимъ терпѣніемъ и любовію нести «крестъ свой», скорби и страданія разнаго рода, ибо *«кто не беретъ креста своего,—говоритъ Спаситель,—и слѣдуетъ за Мною, тотъ не достоинъ Меня* (Матѳ. 10,—38)... Зная это, вѣрующій христіанинъ свѣтлыми глазами смотритъ на настоящую жизнь съ ея скорбями и бѣдствіями, онъ вѣритъ, что эти бѣдствія—огонь для очищенія грѣшныхъ душъ нашихъ, а потому благодушно переноситъ страданія, покоряясь волѣ Божіей и ожидая должнаго воздаянія въ будущей жизни. Эта вѣра и даетъ намъ истинный смыслъ жизни и уясняетъ тотъ разладъ, какой мы видимъ въ жизни, облегчаетъ намъ самыя страданія и услаждаетъ горестъ жизни... Она исполняетъ насъ терпѣніемъ и благодушіемъ въ перенесеніи несчастій, подаетъ смиреніе и покорность волѣ Божіей, успокоеніе и отраду, и тѣмъ самымъ доставляетъ, хотя въ нѣкоторой степени, блаженство даже въ настоящей жизни. Она разрѣшаетъ всѣ вопросы, неразрѣшимые умомъ человѣческимъ и ставящіе человѣка въ противорѣчіе съ самимъ собою и съ явленіями въ жизни человѣка, разъясняетъ самую жизнь и цѣль человека на землѣ... Вѣра говоритъ христіанину, что разладъ въ жизни и бѣдствія въ ней суть слѣдствія своеволія злыхъ духовъ, непослушанія и паденія прародителей нашихъ, что вслѣдствіе наказанія Божія за это своеволіе, видимая природа измѣнилась къ худшему, а воля человѣка наклонилась ко злу, и явились бѣдствія въ природѣ, а злая воля человѣка произвела оныя и производитъ въ жизни человѣка; такъ что страданія въ жизни неизбежны... Руководимый этою вѣрою, христіанинъ дорого цѣнитъ настоящую жизнь; онъ знаетъ, что она есть даръ Божій дарованный для приготовленія къ будущей жизни и именно путемъ несенія «креста своего»...

Вотъ какое высокое назначеніе жизни человѣческой и какъ человѣкъ долженъ всемирно дорожить ею, получая её отъ Бога! Одинъ только Богъ—есть Творецъ, Промыслитель и Судія

всѣхъ людей, одинъ только Онъ—есть Владыка жизни и смерти человѣческой! Вотъ почему-же, какъ извѣстно, уже первому братоубійцѣ Каину, который осмѣлился посягнуть на драгоценный Божій даръ—жизнь брата своего Авеля, Самъ Богъ опредѣлилъ и такое грозное наказаніе: *«и сказалъ Господь Богъ Каину: что ты сдѣлалъ? голосъ крови брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли; и нынѣ проклятъ ты отъ земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего отъ руки твоей; когда ты будешь воздѣлывать землю, она не станетъ болѣе давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанныкомъ и скитальцемъ на землю»*. (Быт. 4,—9—12)! Но чтобы и всѣ люди на всѣ времена знали, что посягательство на жизнь—(свою)-ли собственную или ближнихъ своихъ—есть тяжкій грѣхъ передъ Господомъ Богомъ, есть страшное преступленіе передъ Творцемъ и Промыслителемъ вселенной, въ десницѣ Коего «жизнь всякаго дыханія», Господь Богъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ съ горы Синая изрекъ черезъ пророка Моисея въ числѣ десяти заповѣдей Закона Своего и великую заповѣдь: *«не убій»!*.. Въ этой заповѣди запрещается не только убійство другого человѣка, но и самого себя; въ ней именно запрещается убійство человѣка, вообще, будь это посторонній для меня человѣкъ или я самъ... Если бы здѣсь говорилось только объ убійствѣ другого, ближняго, то, безъ сомнѣнія, и было бы прибавлено: *не убій ближняго твоего*, подобно тому, какъ въ девятой заповѣди сказано: *не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна*. Но такъ какъ этого прибавленія въ шестой заповѣди не сдѣлано, то въ ней справедливо видѣтъ запрещеніе всякаго убійства, въ томъ числѣ и самоубійства. Поэтому, кто получивъ отъ Бога жизнь произвольно лишаетъ себя ея, рѣшаясь на самоубійство, тотъ возстаетъ противъ Самого Бога—Жизнодавца, нарушаетъ право Божественной власти и тѣмъ, конечно, достойно навлекаетъ на себя кары Божественнаго Правосудія... Въ словѣ Божіемъ мы находимъ слѣдующія мѣста богооткровенной истины: *«Видите нынѣ, видите,—говоритъ Господь Богъ,—что это Я, Я—и нѣтъ Бога, кромѣ Меня: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцѣляю, и никто не изабвигъ отъ руки Моей»* (Второз. 32, 39). *«Господь умерщвляетъ и оживляетъ, низводитъ въ преисподнюю и возводитъ. Изъ праха подѣмлетъ Онъ бѣднаго, изъ брѣнїа возвышаетъ нищаго, посаждая съ вельможами, и престолъ славы даетъ имъ въ наследіе; ибо у Господа основанія земли и Онъ утвердитъ на нихъ вселенную»* (1 Цар. 2,—6—8). А пре-

мудрый царь Соломонъ, которому Господь далъ сердце столь смисленно и мудро, что мудрѣе его не было царя въ мірѣ, обращаясь къ Господу, взываетъ: *«Ты имѣешь власть жизни и смерти и низводишь до вратъ ада и возводишь. Человѣкъ по злобѣ своей убиваетъ, но не можетъ возвратити исшедшаго духа и не можетъ призвать взятой души. А Твоей руки не возможно избѣжать»* (Прем. Солом. 16.—13—15)!.. Всѣ эти свидѣтельства слова Божія не ясно-ли говорятъ, что жизнь и смерть человѣка въ «руцѣ Божіей», что только одинъ Богъ вправѣ распоряжаться жизнью человѣка, что одинъ Богъ можетъ умерщвлять или оживлять человѣка, что только Онъ одинъ назначаетъ каждому человѣку *«предѣлы обитанія его на землѣ»*, доколѣ благоугодно Его промыслительной десницѣ,—мы же люди, какъ получающіе отъ Него и жизнь, и дыханіе и все, чѣмъ мы *«живемъ и движемся и существуемъ»*,—по словамъ блаженнаго Августина, *—какъ пришли на свѣтъ Божій не по собственному желанію, такъ точно не имѣемъ права и уйти изъ него безъ еѣдома и воли Того, Кто насъ сюда прислалъ»*... Эту великую истину, ясно начертанную въ Законѣ Божіемъ, прекрасно сознавали и воплощали въ своей жизни всѣ вѣрующіе люди уже въ ветхозавѣтное время, особенно же ветхозавѣтные праведники, угодившіе Богу своею благочестивою и праведною жизнью; при всякихъ—самыхъ тяжелыхъ житейскихъ обстоятельствахъ, они не дерзали въ мысляхъ своихъ даже посягать на свою жизнь, рѣшиться на самоубійство, какъ это дѣлаютъ преступные, извѣрившіеся люди нашего времени, но дорожили своею жизнью, какъ зѣницею ока, какъ неоцѣненнымъ даромъ Божіимъ, съ которымъ они имѣли возвращаться къ Творцу своему, когда благоугодно будетъ волѣ Его святой... Вотъ для болѣе нагляднаго доказательства предъ нами жизнь глубоко-вѣрующаго въ Бога и любящаго Его, боящагося Бога и праведнаго во всѣхъ поступкахъ своихъ—мноюстрадальнаго Іова... Не было славнѣе и богаче, почтеннѣе и счастливѣе человѣка во всей Аравіи,—какъ праведный Іовъ! Но вотъ, по допущенію Божію, кознями врага рода человѣческаго, воюющаго противъ Божьихъ праведниковъ, Іовъ послѣдовательно лишается всего: и богатства, и славы, и семьи своей и, наконецъ, здоровья... Онъ поражается проказою, съ безчестіемъ изгоняется изъ общества человѣческаго и одинъ лежитъ на гноищѣ со струпьями своими, которыя соскабливаетъ черепкомъ... Судя по «духу нашего лу-

каваго времени», ежедневно омрачаемаго чуть-ли не сотнями самоубійствъ, человѣкъ, находящійся въ такомъ тяжкомъ несчастіи какъ Іовъ, по всей вѣроятности, рѣшился бы въ отчаяніи на самоубійство; но не такъ поступаетъ праведный Іовъ... Положеніе его, дѣйствительно, ужасно!.. И вотъ, къ нему приходятъ наилучшіе друзья его, чтобы утѣшить его, но на самомъ дѣлѣ, заподозрѣвая Іова въ тайныхъ грѣхахъ его передъ Богомъ, они своими рѣчами только еще болѣе растравляютъ его тѣлесныя и душевныя раны, еще болѣе умножаютъ его страданія... О, какъ горько и больно Іову отъ друзей его, какъ тяжело ему при его невыносимыхъ физическихъ мукахъ, но онъ все терпитъ ради угожденія Господу Богу!.. Наконецъ, въ довершеніе всѣхъ бѣдъ его, приходитъ къ нему его несчастная жена: она уже открыто укоряетъ его болѣзнию, укоряетъ его своимъ жалкимъ и тяжелымъ жизненнымъ положеніемъ, создавшимся, будто-бы, черезъ него... *«Доколь ты будешь терпѣть?—говоритъ она Іову. Вотъ, подожду еще немного въ надеждѣ спасенія моего. Ибо погибли съ земли память твоя, сыновья и дочери, болъзны чрева моего и труды, которыми напрасно трудилась. Самъ ты сидишь въ смрадѣ червей, проводя ночь безъ покровы; а я скитаюсь и служу, перехожу съ мѣста на мѣсто, изъ дома въ домъ, ожидая когда зайдетъ солнце, чтобъ успокоиться отъ трудовъ моихъ и болъзней, которыя нынѣ удручаютъ меня... Ты все еще твердишь въ непорочности твоей! Похули Бога—и умри»!*.. (Іова 2,—9 ст. и примѣч.)... Не слышится-ли въ этомъ отчаянномъ воплѣ женщины какъ бы явный вызовъ или поощреніе великаго страдальца—на самоубійство? *«Похули Бога—и умри»!*..—«Будетъ тебѣ угождать Богу своимъ терпѣніемъ,—какъ бы такъ говоритъ жена Іова. И безъ того невыносимо тяжело намъ обоимъ... Отчайся: похули Бога и умри... Освободи и себя отъ страданій и меня отъ супружества съ тобою, отъ тяжкихъ мученій черезъ тебя!»! Что же отвѣчаетъ ей многострадальный Іовъ? *«Ты говоришь,—сказалъ онъ женѣ,—какъ одна изъ безумныхъ. Неужели доброе мы будемъ принимать отъ Бога, а злого небудемъ принимать?.. Во всемъ этомъ не согрѣшилъ Іовъ устами своими»* (Іова 2,—10)... Вотъ высокій примѣръ жизненнаго терпѣнія, глубокой, безропотной вѣры и смиренной надежды на Подателя жизни—Господа Бога! Вотъ глубокий урокъ для нашего времени, отличающагося недостаткомъ христіанскаго мужества, полнѣйшимъ безвѣріемъ, малодушіемъ и пре-

небреженіемъ къ жизни! При всѣхъ своихъ тяжелыхъ жизненныхъ обстоятельствахъ, праведный Іовъ не только не отчаялся на самоубійство, но даже не возропталъ, не согрѣшилъ предъ Богомъ ни однимъ словомъ на свою жизнь, ибо цѣнилъ её какъ Божій даръ!

«Нагъ я вышелъ изъ чрева матери моей,—воскликаетъ онъ,—нагъ и возвращусь. Господь далъ, Господь и взялъ; (какъ угодно было Господу, такъ и сдѣлалось), да будетъ имя Господне благословенно!».. За такое безропотное терпѣніе *«и возвратилъ Господь всю потерю Іова; и далъ Господь Іову вдвое больше того, что онъ имѣлъ прежде... И благословилъ Богъ послѣдніе дни Іова болѣе, нежели прежніе: у него было четырнадцать тысячъ мелкаго скота, шесть тысячъ верблюдовъ, тысяча паръ воловъ и тысяча ослицъ... И было у него семь сыновей и три дочери... Іовъ жилъ сто сорокъ лѣтъ, и видѣлъ сыновей своихъ и сыновей сыновнихъ до четвертаго рода... И умеръ Іовъ въ старости, насыщенный днями»* (Іова 1,—21; 42,—10—17)!..

Но мы не можемъ при этомъ обойти молчаніемъ ту, поистинѣ, «безумную, антихристіанскую проповѣдь о жизни человѣка», которая въ наши дни раздается изъ устъ «просвѣщенныхъ и прославленныхъ современныхъ писателей», изъ устъ тѣхъ лицъ, которыя, считая себя получившими отъ «Вѣчнаго Судіи» больше талантовъ сравнительно съ другими, должны были бы провозглашать близкимъ дѣйствительно *«любви и правды чистыя ученія»* и своимъ «вдохновеннымъ глаголомъ яечь сердца людей»,—на самомъ же дѣлѣ, они, какъ говорится въ Свящ. Писаніи, *«будучи помрачены въ разумъ и отчуждены отъ жизни Божіей, по причинѣ ожесточенія сердца ихъ»* (Ефес. 4,—18), пишутъ и проповѣдуютъ какую-то *«мудрость земную, душевную, бѣсовскую»* (Іак. 3,—15), *«приносятъ надутое пустословіе»* (2 Петра 2,—18), совершенно игнорируютъ богооткровенное ученіе о жизни человѣка и своимъ ложнымъ ученіемъ производятъ только большой соблазнъ среди и безъ того маловѣрующаго современнаго христіанскаго общества, приносятъ большой вредъ тѣмъ *«младенцамъ по вѣрѣ»*, которыя *«колеблются и увлекаются всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству челоуковъ, по хитрому искусству обольщенія»* (Ефес. 4,—14)... Вотъ почему намъ и хотѣлось бы, хотя въ нѣсколькихъ строкахъ, отмѣтить здѣсь ложный, антихристіанскій взглядъ на жизнь и смыслъ жизни человѣка графа Л. Н. Толстого и указать на литератур-

ное произведеніе позднѣйшаго писателя-беллетриста, — пользующагося широкой популярностію въ писательскомъ мірѣ и среди читающей его произведенія публики, — Леонида Андреева, подъ заглавіемъ: «Жизнь Человѣка».

Графъ Л. Н. Толстой, стяжавшій себѣ славу «всемирнаго писателя», выступилъ, какъ извѣстно, въ послѣдніе годы въ роли «религіознаго писателя-лжеучителя», заявилъ себя «яримъ антихристіаниномъ», отрекся отъ св. Православной Христовой Церкви и, къ великому прискорбію, своимъ лжеученіемъ увлекъ за собою не малое число заблудившихся послѣдователей, образовавшихъ цѣлую сектанскую общину, подъ названіемъ «толстовства»... Въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ исключительно на религіозныя темы, каковы, наиримѣръ: «Исповѣдь», «Новое Евангеліе», «Въ чемъ моя вѣра», «Критика догматическаго богословія», «Царствіе Божіе внутри насъ» и множествѣ другихъ статей, писемъ и замѣтокъ по религіознымъ вопросамъ, Левъ Толстой совершенно отрицаетъ вѣру въ единаго, истиннаго Бога, не признаетъ Иисуса Христа за Сына Божія, — Спасителя міра, объявляя Его «простымъ человѣкомъ» на ряду съ Платономъ, Сократомъ, Буддою, Конфуціемъ, кощунственно глумится надъ св. Таинствами, надъ св. Христовою Церковью и всѣмъ ея чиноустройствомъ и отвергаетъ вѣру въ будущую, загробную жизнь... Исходя изъ такого ужаснаго невѣрія и безбожія, Левъ Толстой и его единомышленники естественно разрушаютъ и отвергаютъ и христіанскій взглядъ на жизнь и смыслъ жизни человѣка, открыто говоря: «жизнь, немѣющаяся предъ собою никакой другой цѣли, кромѣ загробной жизни, есть зло и безомыслица... Человѣкъ выросъ, созрѣлъ, умеръ и послѣ смерти ничего для него уже быть не можетъ»... *) А въ другомъ мѣстѣ Левъ Толстой говоритъ самъ о себѣ еще болѣе развязно и цинично: «Я написалъ своимъ ближнимъ, что бы они, когда я буду умирать, не допускали ко мнѣ Церковныхъ служителей и мертвое мое тѣло убрали бы поскрѣпъ, безъ всякихъ надъ нимъ заклинаній и молитвъ, какъ убираютъ всякую противную и ненужную вещь, что бы она не мѣшала живымъ»... И вотъ, въ то время когда Л. Толстой съ злорадствомъ кощунника-антихриста такъ готовится къ страшному моменту своей смерти, гото-

*) Цитируемъ эти слова изъ сочин.: „Графъ Л. Н. Толстой, какъ учитель жизни“, — М. Бородавина, стран. 58.

вится къ великому переходу въ загробную жизнь на судъ Божій и отдастъ завѣщаніе «безъ всякихъ церковныхъ молитвъ поскорѣе убрать мертвое тѣло его, какъ убираютъ всякую противную и ненужную вещь» (!?), невольно вспоминается намъ дивный и глубоконазидательный случай изъ жизни Господа нашего Иисуса Христа, когда однажды Онъ былъ въ Вифаніи въ домѣ нѣкоего Симона Прокаженнаго... Христось проповѣдывалъ... «Къ нему приступила женщина съ алавастровымъ сосудомъ мѹра драгоценнаго и возливала Ему возлежащему на голову... Увидѣвши это, ученики Его вознегодовали и говорили: къ чему такая трата?.. Но Иисусъ сказалъ имъ: что смущаете женщину? она доброе дѣло сдѣлала для Меня; возливши мѹро сіе на Тѣло Мое, она приготовила Меня къ погребенію; истинно говорю вамъ: гдѣ ни будетъ проповѣдано Евангеліе сіе въ цѣломъ мірѣ, сказано будетъ въ память ея и о томъ, что она сдѣлала» (Матѹ. 26,—7—14). Когда же распятый за насъ грѣшныхъ Господь Иисусъ Христось умеръ на крестѣ, «пришелъ,—читаемъ мы въ св. Евангеліи,—къ Пилату богатый человекъ изъ Аримаѹеи, именемъ Іосифъ и просилъ Тѣла Иисусова... И взявъ Тѣло, Іосифъ обвилъ его чистою плащаницею съ благовоннымъ составомъ изъ смирныиалояи положилъ его въ новомъ своемъ гробѣ, который высѣкъ онъ въ скалу»... (Мѹ. 27, 57—60; Іоан. 19—38—40)... Припоминается и другой случай, описанный во св. Евангеліи... Беззаконный Ирѹдъ, въ угоду нечестивой Ирѹдіадѣ и ея дочери, велѣлъ усѣкнуть честную главу, безвинно томившагося въ темницѣ великаго пророка Божія—Крестителя Господня Іоанна... Ученики же его,—повѣствуютъ св. евангелисты,—*услышавши, пришли, взяли тѣло его и положили его въ гробъ*... (Матѹ. 14,—12; Марк. 6,—29). А св. ап. Павелъ въ такихъ словахъ даетъ наставленіе христіанамъ: «Богъ воскресилъ Господа, воскреситъ и насъ силою Своею. Развѣ не знаете, что тѣла ваши суть храмъ, живущаго въ насъ Святаго Духа, Котораго имѣете вы отъ Бога, и вы не свои? ибо вы куплены дорогою цѣною. Посему прославляйте Бога и въ тѣлахъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божіи»... (1 Коринѹ. 6,—14—20)... «Блаженны мертвые, умирающіе въ Господь; ей, говоритъ Духъ, они упокоятся отъ трудовъ своихъ, и дѣла ихъ идутъ вслѣдъ за ними» (Открѹв. 14,—13),—воскликаетъ св. ап. и евангелистъ Іоаннъ Богословъ!.. Вотъ почему всѣ истинно вѣрующіе, боголюбивые

и богобоязненные христіане, памятуя, что въ день страшнаго суда Божія души всѣхъ умершихъ христіанъ силою Божіею вновь соединятся съ воскресшими тѣлами, чтобы явиться на страшный судъ Господа Славы; памятуя, что, по слову свящ. Писанія *«тлѣнному сему (тѣлу нашему) надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и смертному сему—облечься въ безсмертіе»* (1 Коринт. 15,—53),—по примѣру Господа нашего Іисуса Христа и Его св. апостоловъ,—*всегда съ честью погребаютъ тѣло всякаго умирающаго въ Господь христіанина*, напутствуя его въ жизнь загробную приобщеніемъ пречистаго Тѣла и Крови Христа Бога нашего и провожая до могилы слезами и молитвою св. матери—Церкви!.. Подумайте, что же дѣлаетъ въ гордомъ заблужденіи своего ума Л. Н. Толстой? Зачѣмъ это безумно-кощунственное завѣщаніе: *«поскорѣе убрать безъ молитвы тѣло его, какъ противную и ненужную вещь?»*.. Что особенно хотѣлъ онъ этимъ сказать и выразить?.. Только одно: свое ужасное невѣріе и безбожіе, а такъ же желаніе сильнѣе отгнать антихристіанскую мысль своего лжеученія, что—*«жизнь человека, неизмѣняющая предъ собой никакой другой цѣли, кромѣ загробной жизни, будто-бы есть зло и бессмыслица... Человекъ выросъ, созрѣлъ, умеръ и послѣ смерти ничего для него уже быть не можетъ»*. Можно представить себѣ, что хорошаго ожидать отъ распространенія подобныхъ лжеубѣжденій «толстовства» среди современнаго и безъ того маловѣрующаго общества, какъ пагубно вліяютъ они на всѣхъ увлекающихся взглядами Л. Толстого и особенно не крѣпкую въ христіанскихъ взглядахъ молодежь и юношество, и къ чему другому, какъ не къ самоубійству, могутъ приводить они, въ концѣ концовъ, многія невѣрующія и маловѣрующія души нашего времени!...

А вотъ передъ нами: «Жизнь Человѣка»—Леонида Андреева... Во всемъ этомъ литературномъ произведеніи (не безъ умысла названномъ «представленіемъ въ 5 картинахъ») вы не встрѣтите ни единого слова о томъ, что жизнь дается человѣку Богомъ, не встрѣтите ни единого намека о томъ, что Богъ есть Творецъ и Промыслитель міра и жизни человѣческой... Въ своемъ произведеніи: «Жизнь Человѣка» Леонидъ Андреевъ Бога замѣняетъ чѣмъ-то неопредѣленнымъ, что авторъ называетъ: *«Нѣкто въ сѣромъ, именуемый Онъ»*... Этотъ «Нѣкто» представляется авторскою фалтазіей «въ широкомъ безформенномъ сѣромъ балахонѣ, на головѣ его сѣрое покрывало, густою тѣнью кроющее

верхнюю часть лица. Глазъ его не видно. То, что видимо: скулы, носъ, крутой подбородокъ—крупно и тяжело высѣчено изъ сѣраго камня. Губы его твердо сжаты. Слегка поднявъ голову, Онъ начинаетъ говорить твердымъ, холоднымъ голосомъ, лишеннымъ волненія и страсти—точно наемный чтець, съ суровымъ безразличіемъ читающій книгу судебъ.

—*«Смотрите и слушайте, пришедшіе сюда для забавы и смѣха. Вотъ пройдетъ передъ вами вся жизнь Человѣка, съ ея темнымъ началомъ и темнымъ концомъ»*... И далѣе въ пяти картинахъ или актахъ Л. Андреевъ послѣдовательно описываетъ: «рожденіе Человѣка и муки матери, любовь и бѣдность въ семействѣ Человѣка и его Жены, балъ у Человѣка и его богатство и пышность, несчастіе Человѣка и смерть Человѣка»... Для насъ, въ данномъ случаѣ, представляетъ глубокой интересъ четвертая картина, гдѣ Л. Андреевъ описываетъ «несчастіе у Человѣка»...

Человѣкъ и его Жена удручены великимъ семейнымъ несчастіемъ: помимо того, что они послѣ богатой и пышной жизни вновь ввали въ вопіющую бѣдность, у нихъ еще лежитъ въ постели при смерти ихъ единственный сынъ—молодой юноша... Злой человѣкъ изъ-за угла бросилъ въ него камнемъ и разбилъ ему голову... Несмотря на лѣченіе доктора, положеніе сына безнадежное... Человѣкъ и его Жена,—пишетъ авторъ,—въ такомъ несчастіи оба становятся на колѣни, обратившись лицомъ въ тотъ уголь, гдѣ неподвижно стоитъ «Неизвѣстный» и молитвенно складываютъ у груди руки. Молитва матери:—Боже, я прошу тебя, оставь жизнь моему сыну. Только одно я понимаю, только одно я могу сказать, только одно: Боже, оставь жизнь моему сыну. Нѣтъ у меня другихъ словъ, все темно вокругъ меня, все падаетъ, я ничего не понимаю, и такой ужасъ у меня въ душѣ, Господи, что только одно могу я сказать: оставь жизнь моему сыну! Оставь!.. Прости, что такъ плохо молюсь я, но я не могу, ты понимаешь не могу... *Пожалый его вѣдь онъ такой молоденькій, у него родинка на правой ручкѣ... Дай ему пожить, хоть немножко... Вѣдь онъ такой молоденькій, такой глупый, онъ еще любитъ сладкое и я купила ему винограду... Пожалѣй! Пожалѣй!...*

Тихо плачетъ, закрывъ лицо руками. Не глядя на нее, Человѣкъ говоритъ.—Молитва отца:

—Вотъ я молюсь, видишь Ты? Согнулъ старыя колѣни, въ прахѣ разостлался передъ Тобой, землю цѣлую—видишь? Быть

можетъ, когда нибудь я оскорбилъ Тебя, такъ Ты прости меня, прости. Правда, я былъ дерзокъ, заносчивъ, требовалъ, а не просилъ, часто осуждалъ—Ты прости меня. А если хочешь, если такая Твоя воля, накажи, но только сына моего оставь... *Не о милосердіи я Тебя прошу, не о жалости, нѣтъ*—только о справедливости. Ты—старикъ, и я вѣдь тоже старикъ. Ты скорѣе поймешь меня... Это хотѣли убить злые люди, изъ-за угла, негодяи!»!...—и т. д. Равнодушно,—прибавляетъ авторъ—внемлетъ молитвѣ отца и матери «Нѣкто», именуемый Онъ...

Но сынъ—все-таки умираетъ... Жена рыдаетъ, охвативъ руками ноги Человѣка. Человѣкъ кладетъ руку ей на голову и съ рыданіемъ въ голосъ, но грозно, говоритъ, обращаясь въ уголъ, гдѣ равнодушно стоитъ «Нѣкто».

—*«Ты женщину обидѣлъ, негодяй! Ты мальчика убилъ..*

Жена рыдаетъ. Человѣкъ тихонько, дрожащею рукою гладитъ ее волосы...

—Не плачь, милая, не плачь. Онъ и надъ слезами нашими посмѣется, какъ посмѣялся надъ нашими молитвами.—*А ты,—Я не знаю, кто ты,—Богъ, дьяволъ, рокъ или жизнь—Я проклинаю тебя!*—Дальнѣйшее говоритъ громкимъ, сильнымъ голосомъ, одною рукою какъ бы защищая жену, другую грозно протягивая къ «Неизвѣстному».

—*«Я проклинаю все данное тобою. Проклинаю день, къ который родился, проклинаю день, въ который я умру. Проклинаю всю жизнь мою, радости и горе. Проклинаю себя! Проклинаю мои глаза, мой слухъ, мой языкъ. Проклинаю мое сердце, мою голову—и все бросаю назадъ, въ твое жестокое лицо, безумная судьба. Будь проклята, будь проклята во вѣки!*

И проклятіемъ я побѣждаю тебя. Что можешь еще ты сдѣлать со мною? Вали меня на земь, вали—я буду смѣяться и кричать: будь проклята! Клепцами смерти зажми мнѣ ротъ—последней мыслью я крикну въ твои ослиныя уши: будь проклята, будь проклята! Бери мой трупъ, грызи его, какъ собака, возись съ нимъ въ темнотѣ—меня въ немъ нѣтъ. Я исчезъ, но повторяю: будь проклята, будь проклята! Черезъ голову женщины, которую ты обидѣлъ, черезъ тѣло мальчика, котораго ты убилъ—шлю тебѣ проклятіе Человѣка!»!...

Умолкаетъ съ грозно поднятой рукою. Равнодушно внемлетъ проклятію «Нѣкто въ Сѣромъ» и колеблется пламя свѣчи, точно раздуваемое вѣтромъ... Въ послѣдней картинѣ изобра-

жаются смерть и самаго Человѣка, умирающаго съ проклятіемъ на устахъ ¹⁾)...

Какъ-то странно и жутко, тяжело и больно становится на душѣ вѣрующаго человѣка при чтеніи всего произведенія Л. Андреева: «Жизнь Человѣка», при чтеніи въ немъ этого «набора словъ», представленнаго авторомъ въ видѣ импровизированныхъ молитвъ отца и матери за своего умирающаго сына, а еще болѣе жутко дѣлается при чтеніи длинной тирады ужасныхъ проклятій, произносимыхъ человѣкомъ послѣ смерти своего сына!.. Что хотѣлъ сказать всѣмъ этимъ авторъ, какъ не то, что жизнь—«это печальная траги-комедія», это—«пустая у глупая шутка», что ни какого Бога нѣтъ, дающаго и распоряжающагося жизнью человѣка, а есть только «Нѣкто въ Сѣромъ», будемъ-ли мы называть его рокомъ или «безумной судьбой»?.. Но можно-ли, напримѣръ, сказать что «прославленный современный писатель», чтеніемъ произведенія котораго теперь такъ многіе увлекаются, въ «Жизни Человѣка» гениемъ своего писательскаго таланта нарисовалъ картины жизни «человѣка-христіанина», вѣрующаго въ истиннаго Бога, своего Творца и Владыку и съ молитвой къ Нему и терпѣніемъ переносящаго ни спосылаемыя Богомъ жизненные испытанія? Къ великому прискорбію—нѣтъ и нѣтъ!.. Семь тысячъ четырехста лѣтъ прошло какъ люди вѣруютъ въ единаго, истиннаго Бога, Творца всей вселенной, Владыку жизни и смерти человѣческой; двадцатый вѣкъ пошелъ уже и съ тѣхъ поръ, какъ міръ огласился ученіемъ Господа Иисуса Христа—Сына Божія, научившаго людей молиться Отцу Небесному: «да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли» и засвидѣтельствовавшаго всему міру, что *«Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ, ибо у Него всѣ живы»* (Лук. 20,—39) и, однако же, у Л. Андреева получилась «Жизнь Человѣка» съ ея темнымъ началомъ и темнымъ концомъ»: безъ воли Бога—Отца Небеснаго человѣкъ рождается въ міръ, доставляя нестерпимыя муки матери, и безъ воли Бога умираетъ съ проклятіемъ на устахъ... Человѣкъ и его жена у Л. Андреева молятся (вѣрнѣе: кощунствуютъ!) кому-то «Неизвѣстному въ сѣромъ» и хотя жена и обращается къ нему въ началѣ своей молитвы со словомъ: «Боже»,—но очевидно, и для человѣка и

¹⁾ „Жизнь Человѣка“—Л. Андреева.—Литературно-художеств. Альманахъ издательства „Шиповникъ“, 1907 г. стр. 270.

его жены это великое и святое слово—пустой звукъ: въ сердцѣ ихъ не замѣтно ни искорки вѣры въ Бога Живого, изъ ихъ словъ и жизни не видно понятія даже о Богѣ—Духѣ, иначе чѣмъ же объяснить эти безумныя слова Человѣка, грозно бросаемаы имъ «Незвѣстному», стоящему въ углу: «Я не знаю кто ты—Богъ, дьяволъ, рокъ или жизнь—Я проклинаю тебя»!.. И неужели же и для Л. Андреева совершенно безразлично произнести жестокую фразу: «Богъ ли ты, дьяволъ—я проклинаю тебя»... «*Что общаго у свѣта со тьмою? Какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ?*» (2 Коринѳ. 6, —14—15).—говоритъ свящ. Писаніе. Наконецъ, и самое несчастье Человѣка: бѣдность и смерть сына, по сравненію съ несчастіемъ многострадальнаго Іова, безспорно, не настолько ужъ велико и тяжело, чтобы Человѣку такъ «выходить изъ себя», впадать въ такое сильное отчаяніе и произнести такія страшныя проклятія!.. Итакъ, мы видимъ, что проповѣдью полнѣйшаго атеизма въ наше время занимаются не только религіозные мыслители и лжеучители, на подобіе Л. Н. Толстого, но и жрецы художественной литературы; прискорбное явленіе!.. Естественно, что при такомъ антихристіанскомъ возрѣніи на жизнь Человѣка, съ какимъ мы встрѣчаемся у Леонида Андреева, ничего не стоитъ Человѣку рѣшиться и на самоубійство, ибо что для него жизнь съ ея темнымъ началомъ и темнымъ концомъ», если она зависитъ отъ какой то слѣпой и безумной судьбы, отъ чего-то безформеннаго: «Нѣкого въ сѣромъ»? Ботъ почему такой взглядъ на жизнь Человѣка мы должны признать противнымъ богооткровенному ученію и достойнымъ полнѣйшаго осужденія съ христіанской точки зрѣнія...

Господь нашъ Іисусъ Христосъ высокимъ примѣромъ Своей святой жизни и Своимъ божественнымъ ученіемъ *научаетъ насъ не проклинать жизнь, не посягать въ отчаяніи на самоубійство*, какъ проповѣдуютъ и какъ поступаютъ многіе невѣрующіе и малодушные люди нашего времени, а наоборотъ: *цѣнить жизнь и дорожить ею, благословлять и прославлять Подателя жизни—Бога и сохранять жизнь христіанскимъ терпѣніемъ въ перенесеніи жизненныхъ скорбей*... Такъ, во св. Евангеліи неоднократно упоминается о томъ, что злобствующие іудеи много разъ собирались то камнями побить Господа Іисуса Христа, то бросить Его съ горы, но Онъ всякій разъ уклонился отъ нихъ и тѣмъ *сохранялъ Свою жизнь*. (Лук. 4, —29—30;

Іоан. 7,—30; 10,—31; 11,—8). Особенно же высоконазидательный урокъ явилъ людямъ Господь Іисусъ Христосъ въ безропотномъ несеніи жизненнаго креста: Своею жизнью Онъ далъ людямъ бразецъ терпѣнія и послушанія Отцу Своему даже до смерти, смерти крестной... Вотъ Онъ угнетаемый тяжестью грѣховъ всего человѣчества, въ великой душевной скорби молится Отцу Своему Небесному въ саду Геосиманскомъ: *«Отче Мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія; впрочемъ не какъ Я хочу, но какъ Ты... Да будетъ воля Твоя»* (Матѳ. 26,—39—42)!.. Терпѣливому несенію жизненнаго креста для спасенія души Онъ научалъ и всѣхъ вѣрующихъ въ Него: *«Терпѣиємъ вашимъ спасайте души ваши»* (Лук. 21—9);—*«Претерпѣвшій же до конца спасется»* (Матѳ. 10—22; 24,—13)—говорилъ Онъ... И какъ бы тяжела ни была жизнь человѣка-христіанина, онъ, по ученію Христа, не долженъ роптать на Бога, не долженъ проклинать жизнь свою, а тѣмъ болѣе стараться освободиться отъ нея, вслѣдствіе невыносимости жизненныхъ условій, но наоборотъ: *«Любите враговъ вашихъ,—научаетъ Христосъ,—благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижавшихъ васъ и гонящихъ васъ, да будете сынами Отца Вашего Небеснаго. Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный!»* (Матѳ. 5,—44—48)... Подражая Господу нашему Іисусу Христу и слѣдуя Его божественному ученію, шли по стопамъ Его и св. ученики и апостолы: *«даже до нынѣ,—писалъ св. ап. Павелъ коринѣскимъ христіанамъ,—терпимъ голодъ и жажду, и наготу и побои, и скитаемся и трудимся, работая своими руками. Злословятъ насъ—мы благословляемъ; гонятъ насъ—мы терпимъ; зуютъ насъ—мы мольми; мы какъ соръ для міра, какъ прахъ вѣтри попираемый до нынѣ... Посему умоляю васъ: подражайте мнѣ, какъ я Христу»* (1 Коринѳ. 4,—11—16)!.. Эти прекрасныя слова св. ап. Павла служатъ наилучшимъ обличеніемъ постыдныхъ самоубійцъ, которые за недостаткомъ христіанскаго мужества нерѣдко рѣшаются посягать на свою жизнь; нѣтъ,—истинный христіанинъ *«какъ добрый воинъ Іисуса Христа»* (1 Тимоѳ. 2,—3), долженъ обладать всегда мужествомъ и терпѣніемъ, чтобы побѣждать зло жизни во всѣхъ его видахъ: брань и поношенія со стороны людей—благословеніемъ; гоненія и муки—терпѣніемъ; хулы и обиды—молитвою. Терпѣніе—сохраняетъ жизнь человѣческую, спасаетъ душу: *«мы хвалимся,—говоритъ тотъ же св. ап. Па-*

вель,—и скорбями, зная что отъ скорби происходитъ терпѣніе отъ терпѣнія—опытность, отъ опытности—надежда, а надежда не постыжаетъ, потому что любовь Божія измѣлась въ сердца наши Духомъ Святымъ даннымъ намъ» (Римл. 5,—3—5)... «Терпѣніе нужно вамъ, чтобы исполнивши волю Божію, получить обѣщанное; ибо еще не много, очень не много, и Грядущій придетъ и не умедлитъ» (Евр. 10,—36—37)!.. А вотъ и особенно разительный случай, могущій засвидѣтельствовать какъ св. ап. Павелъ относился къ покушеніямъ на свою жизнь... Однажды онъ рѣшѣтъ съ ученикомъ Своимъ силою проповѣдывать ученіе Христово въ городѣ Филиппахъ, въ Македоніи... Возбужденная народная толпа избивала ихъ, изранила, сорвала съ нихъ одежды, а воеводы заковали въ кандалы, посадили въ темницу... Была полночь... Павелъ и Сила молятся Господу, воспѣвая псалмы... Столь необычное поведеніе преступниковъ, темничныхъ зайнтересовало даже темничныхъ стражей: они заслушались чуднаго пѣнія св. узниковъ... Вдругъ произошло страшное землетрясеніе: поколебались своды темничные, отворились двери всѣ и оковы, бывшія на Павлѣ и Силѣ, спали съ ихъ рукъ и ногъ... Одинъ изъ темничныхъ стражниковъ, пробудившись отъ сна и по отвореннымъ дверямъ думая, что узники бѣжали изъ темницы, за что угрожало ему строгое наказаніе, схватилъ мечъ и хотѣлъ умертвить себя. Но св. ап. Павелъ возгласилъ громкимъ голосомъ: «не дѣлай себѣ никакого зла, ибо всѣ мы здѣсь» (Дѣян. 16,—22—28)!.. Кто же и послѣ столь яснаго и убѣдительнаго примѣра изъ слова Божія можетъ еще не согласиться, что самоубійство есть зло, есть преступленіе, есть тяжкій грѣхъ передъ Господомъ Богомъ?.. И такъ мы твердо должны помнить, что самоубійство есть величайшее преступленіе: 1) *противъ Бога*, ибо жизнь человѣка есть даръ Творца и Промыслителя Бога, Который одинъ только можетъ отнять ее (Второз. 32,—39); 2) *противъ ближнихъ*, ибо человѣкъ рождается и живетъ не для себя одного, но для ближнихъ: онъ—членъ тѣла (Римл. 12,—5; 1 Коринѣ. 12,—12—30); 3) *противъ семьи и отечества*, ибо самоубійца причиняетъ страшное горе родителямъ и дѣтямъ и является неблагодарнымъ къ отечеству, которое вправѣ потребовать отъ него службы честной и полезной дѣятельности; 4) *противъ самого себя*, ибо, говоритъ слово Божіе,—«никто никогда не имѣетъ ненависти къ своей плоти, но долженъ питать и грѣтъ еѣ (Ефес. 5,—29)... Само-

убійца, лишая себя временной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ себя и вѣчной жизни. Онъ возстаетъ противъ законовъ природы; ибо если противно природѣ лишать жизни другого, то тѣмъ болѣе противно природѣ лишать жизни самого себя. Онъ возстаетъ противъ Бога, произвольно сокращая Богомъ дарованное ему время для пріобрѣтенія блаженной жизни за гробомъ и спасенія своей души... Вотъ почему и св. Матерь—Церковь всегда признавала и признаетъ самоубійцъ страшными преступниками и сознательныхъ самоубійцъ лишаетъ даже христіанскаго погребенія и поминовенія...

III.

Весьма важнымъ представляется теперь для насъ рѣшить вопросъ: гдѣ же причины чрезвычайнаго умноженія и распространенія въ наше время эпидеміи самоубійствъ? Гдѣ корень этого волюющаго общественнаго недуга и что необходимо предпринять для борьбы съ нимъ?..

Уже самое увеличеніе въ наше время самоубійствъ показываетъ, что причина недуга не есть какая либо частная, случайная, лежащая въ обстоятельствахъ жизни того или другого лица, но она скрывается глубоко въ современной общественной жизни; и, по нашему мнѣнію, самой главной и существенной причиной должно признать: *упадокъ въ современномъ обществѣ вѣры въ истиннаго Бога и утрата религіознаго чувства, а такъ же упадокъ вѣры въ будущую, загробную жизнь...*

Что упадокъ вѣры въ Бога всегда неминуемо приводилъ всякія человѣческія общества и къ упадку ихъ въ нравственномъ отношеніи и способствовалъ сильному развитію среди людей всевозможнаго рода пороковъ и преступленій, объ этомъ лучше всего можетъ подтвердить намъ исторія прошлаго... Недаромъ, вѣдь, говорятъ, что «исторія учитъ»... И она свидѣтельствуется, что всегда и вездѣ гдѣ царило полнѣйшее невѣріе въ Бога и загробную жизнь, гдѣ отдавалось предпочтеніе матеріальному надъ духовнымъ, тамъ вездѣ и всегда было сильно распространено и *самоубійство...*

Вотъ передъ нашимъ мысленнымъ взоромъ блестящая представительница всего дохристіанскаго міра—Римская имперія... Къ чему привело ея невѣріе и безбожіе? Св. ап. Павелъ въ 1-й гл. своего посланія къ Римлянамъ изображаетъ весьма мрачную:

картину того духовно-нравственнаго паденія и разстройства жизни, которое представляло изъ себя римское общество въ эпоху появленія христіанства... Хотя то, что можно было узнать о Богѣ и объ обязанностяхъ человѣка къ Богу и ближнему, открыто было людямъ, пишетъ св. апостолъ, однако, язычники, познавъ Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце; называя себя мудрыми, они обезумѣли и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный тлѣнному человѣку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающимся... Они, такимъ образомъ, религіозную истину замѣнили ложью. А вмѣстѣ съ извращеніемъ религіознаго міровоззрѣнія естественно должна была развратиться и нравственность и развращеніе нравственности дѣйствительно достигло въ язычествѣ ужасающихъ размѣровъ. Язычники, по словамъ св. ап. Павла, были исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія, злобы, зависти, убійства, распрей, обмана, злоправія, были злорѣчивы, клеветники, богоненавистники, обидчици, самохвалы, нелюбовны, непримирительны, немилостивы, горды, изобрѣтательны на зло, непослушны родителямъ, безразсудны, нѣроломны. И замѣчательно, что злые люди и въ другихъ одобряли зло... Съ затмѣніемъ религіозно-нравственнаго сознанія и съ водареніемъ безнравственности и во внѣшней жизни семейной, общественной и государственной должны были явиться непорядки, разстройство, аномалія, какъ это дѣйствительно все и было... «Безпредѣльное развитіе эгоизма, говоритъ одинъ изъ ученыхъ, — съ другой стороны ненасытная жажда наслажденій, искавшая удовлетворенія то въ чрезмѣрной чувственности доходившей въ своихъ крайностяхъ до ужасающей уродливости, то въ возбужденіи, доставляемомъ чувствомъ ужаснаго и въ слѣдствіе того въ созерцаніи страданій пролитой крови и смерти, — потребность, которой вполне удовлетворяли кровавыя зрѣлища римскаго цирка и которая стала у римлянъ въ уровень съ потребностью насущнаго хлѣба, — вотъ картина которую представлялъ римскій міръ въ эпоху появленія христіанства»... Религіознаго сознанія совсѣмъ почти не существовало; никто, кромѣ черни, не вѣрилъ въ своихъ боговъ; надъ религіознымъ культомъ смѣялись не только ученые, но и сами жрецы, хотя съ виду и притворялись набожными... Подавленные тяжестью деспотизма чувственныхъ похотей, отецъ и мать бро-

сали дѣтей на произволъ судьбы, и дѣло воспитанія, какъ несоотвѣтствующее своему духовно-нравственному настроенію, какъ лишнюю обузу, давящую ихъ, возлагали на столько же нравственно-распущенныхъ, какъ и сами они, рабовъ и рабынь... Такъ воспитывалось молодое поколѣніе—надежда и опора родителей, цвѣтъ и сила общества и государства; такъ съ колыбели влиялся въ юныя, впечатлительныя сердца острый ядъ безпутства и безнравственности и отравлялъ и ихъ самихъ и общество!... Римскій философъ Сенека съ грустью говорилъ о нравственномъ состояніи своего общества такъ: «Все полно разврата и порока. Ежедневно теряется стыдъ. Порокъ не скрывается болѣе, а явно выступаетъ предъ глазами всѣхъ. Развратъ сдѣлался до того публичнымъ и такъ наполнилъ сердца всѣхъ, что невинность не только рѣдка, но ея совсѣмъ нѣтъ»...

И вотъ, въ это-то время упадка вѣры, или лучше, время совершеннаго невѣрія, а за нимъ и упадка нравовъ и торжества распущенности, когда жизнь представляла изъ себя какъ бы какую-то ленивую пляску разнузданныхъ человѣческихъ страстей, представляла собою какой-то страшный пиръ—пиръ во время чумы, когда жизнь казалась несчастіемъ,—раздаются частые и краснорѣчивые голоса въ пользу самоубійства, какъ необходимости... «Видишь-ли ты.—воскликаетъ не кто либо, а философъ, человѣкъ высокопоставленный,—видишь-ли ты крутая высоты? Оттуда внизъ идетъ дорога къ свободѣ. Видишь-ли то море, ту рѣку, тотъ колодезь? Тамъ, въ ихъ глубинѣ живетъ свобода. Видишь-ли ты то низкое сухое дерево? Тамъ, на немъ виситъ свобода. У тебя есть горло, сердце? Перерѣжь его, пронзи его—въ этомъ для тебя спасеніе противъ рабства»... И надо сказать правду, самоубійство въ то время было такъ распространено, какъ никогда впослѣдствіи!..

Обратимся теперь къ нашему времени... Нашъ вѣкъ, называемый прогрессивнымъ и гуманнымъ, по справедливости можетъ гордиться широкимъ развитіемъ человѣческой мысли, быстрымъ движеніемъ науки, разною рода техническими изобрѣтеніями, неизвѣстными вѣкамъ предшествовавшимъ, и въ отношеніи практическаго приложенія научныхъ открытій къ жизни можетъ считаться вѣкомъ счастливѣйшимъ... Господь Богъ одарилъ человѣка великою и плодотворною силою разума: благодаря этому Божьему дару, людямъ удалось сдѣлать многія завоеванія въ мірѣ вещественномъ: подчинить себѣ силу пара,

при помощи его умножить и удешевить производительныя средства природы, изобрѣсти удобныя пути сообщенія, при чемъ открылась возможность быстро и легко передавать отъ одного народа къ другому и предметы необходимости и сокровища искусства и вообще самыя разнообразныя плоды человѣческой мысли.... Умъ человѣческій въ послѣднее время проникаетъ, можно сказать, въ самую глубину тайниковъ природы, покоряетъ силы ея человѣку и заставляетъ ихъ служить ему. Пароходы, желѣзныя дороги, водопроводы, газовое и электрическое освѣщеніе, телеграфы, телефоны, фонографы, граммофоны и многое, многое тому подобное—все это явилось въ наше время какъ результатъ научнаго развитія человѣческаго разума... Конечно, все это очень хорошо и хорошему слѣдуетъ только радоваться... Но вотъ что нехорошо и о чемъ приходится скорбѣть человѣку-христіанину въ наши дни: это именно то, что современное человѣчество, ослѣпленное плодами мысли и поступательнымъ движеніемъ науки, въ погонѣ за удобствами матеріальной жизни, совершенно забываетъ о Богѣ—Творцѣ и Промыслителѣ міра и человѣка, забываетъ о потребностяхъ своей души и о жизни религіозно-нравственной, забываетъ о будущей, загробной жизни... Отуманенныя словомъ науки и обольщенные результатами научной мысли въ приложеніи къ практической жизни, многіе и въ наши дни все свое вниманіе и заботы стали устремлять къ матеріальнымъ интересамъ жизни и совершенно не хотятъ признавать образовательно-воспитательнаго значенія въ человѣческой жизни за высокими идеями и принципами христіанской религіи и нравственности, религіозно-нравственное развитіе человѣка считаютъ излишнимъ и даже какъ бы ненормальнымъ, а о христіанствѣ, предъявляющемъ для жизни высшія духовно-нравственныя требованія, открыто говорятъ, что оно будто бы даже задерживаетъ движеніе прогресса и науки и разрушаетъ всѣ благія послѣдствія заботъ разумныхъ людей о всеобщемъ благѣ человѣчества... И вотъ невѣріе среди христіанскихъ народовъ повсемѣстно растетъ и ширится; безбожіе и упадокъ религіозно-нравственныхъ устоевъ общественной жизни охватываютъ все болѣе и болѣе широкіе общественныя круги и въ современномъ намъ человѣчествѣ все болѣе и болѣе укореняется чисто «языческое настроеніе духа»... Не удивляйтесь нашимъ словамъ, мы не преувеличиваемъ!.. Вѣдь что такое язычество по своей природѣ?.. Это—смѣшеніе Безконечнаго съ

конечнымъ. Бога съ міромъ, обоготвореніе твари, служеніе твари какъ Творцу включительно до культа плоти съ ея похотями, любовь къ міру больше, чѣмъ къ Творцу его. Всякій человѣкъ становится язычникомъ тогда, когда исчезаетъ Богъ изъ души его, когда ужасающая пустота въ душѣ, образуемая удаленіемъ изъ нея Бога, заполняется интересами міра и опустѣлое сердце легко дѣлается алтаремъ всевозможныхъ жалкихъ земныхъ кумировъ, когда вмѣсто Бога весь міръ со всѣмъ разнообразіемъ его благъ дѣлается святынею человѣческой души, когда для человѣка все благо—въ мірѣ, всякое же отрицаніе міра—зло!.. Вотъ въ этомъ-то именно «языческомъ сознаниіи и настроеніи духа» и заключается главный и неизсякаемый источникъ самой упорной вражды противъ христіанства въ наши дни... Что бы судить до какихъ размѣровъ можетъ выростать вражда противъ христіанской религіи на почвѣ «языческаго настроенія духа», яркимъ и всѣмъ извѣстнымъ примѣромъ этого можетъ служить самый крупный представитель современнаго антихристіанскаго богоборчества въ европейской литературѣ и философіи, современный философъ антихристъ Ницше. Въ лжеученіи Ницше передается бѣшенному поруганію самое главное въ христіанствѣ: Крестъ и Голгоѳа, Христосъ Распятый и Его ученіе о любви; христіанство объявляется безотраднѣйшей проповѣдью скорби и смерти, «ученіемъ утомленія и отреченія», религіей похороннаго плача надъ собою и надъ міромъ, унынія, усталости, страха, слезъ, отрицанія и безсилія; христіанству предъявляется обвиненіе въ томъ, что своимъ приглашеніемъ къ памятованію о смерти, суетѣ міра и грѣховности, оно, будто бы, въ самомъ корнѣ «помрачило, засушило и обезцѣнило всю радость жизни», «въ вѣчности христіанской религіи потонули для человѣка и смыслъ, и прелесть земныхъ мгновеній «жизни» и «Голгоѳа» своею мрачною тѣнью покрыла весь міръ», оставивъ человѣка съ однимъ небомъ и вѣчностью!.. Въ своей борьбѣ съ христіанствомъ Фр. Ницше оказался тѣмъ же въ современной философіи и литературѣ, чѣмъ Юліанъ Отступникъ въ древне-языческомъ мірѣ съ его попытками упразднить христіанство и отстоять осужденное на гибель уже самимъ временемъ древне-античное язычество. Ницше со своими послѣдователями задумалъ вернуть человѣчество уже къ пережитому исторіей человѣчества періоду дѣтства и юности съ ихъ *безконечной жаждой земныхъ радостей, наивной вѣрой въ зем-*

ную жизнь и великими отъ нея ожиданіями... Къ великому прискорбію въ своемъ преслѣдованіи христіанства, какъ религіи Распятаго Христа, Ницше не остался и безъ отголосковъ въ душахъ, настроенныхъ «по-язычески» въ унисонъ съ нимъ...

Недавно, какъ извѣстно, народились у насъ люди «новаго христіанства», «новаго религіознаго сознанія», какъ они себя величаютъ... Подлинное, историческое наше христіанство, по опредѣленію «новыхъ христіанъ», его отрицающихъ, есть «черное» христіанство, «христіанство слабыхъ душъ и мелкихъ стремленій, религія отрицанія, страха, одиночества и слезъ»... И вотъ у одного изъ видныхъ представителей изъ современныхъ «новыхъ христіанъ» г. В. Розанова, въ его статьѣ: «о русскихъ богоискателяхъ», «Любовь къ земному болѣе небеснаго и къ тѣлесному болѣе духовнаго получаетъ уже религіозное освященіе и возводится въ долгъ»... «Я на землѣ тѣмъ,—пишетъ онъ,—и хочу быть свободенъ: и это есть моя святиня, святое право и святой долгъ прежде алтарей и иконъ»... «Пусть человекъ (пока не устроится на землѣ) весь отдается земнымъ условіямъ. Да благословитъ Богъ его трудъ,—и, вѣрите-ли, пока онъ не устроится, Богъ благословитъ (!) и самое забвеніе Себя человеку»¹⁾!..

Не проститъ—или что нибудь въ этомъ родѣ, а прямо-таки «благословитъ» Богъ... забвеніе о Немъ въ заботахъ о земномъ, въ любви къ землѣ! Благословитъ—невѣріе, атеизмъ!..

Можно-ли еще дальше идти въ проповѣди современнаго «языческаго сознанія и настроенія духа»?.. «Вожди слѣпые»!.. (Матѣ. 23,—16)...,—хотѣлось бы воскликнуть ко всѣмъ этимъ «не призваннымъ», современнымъ проповѣдникамъ «культы плоти» и «рая земнаго»... Въ безумномъ увлеченіи земными благами, они, по-истинѣ, какъ истые язычники, готовы даже призывать «благословеніе Божіе» (!) на тѣхъ, идущихъ по ихъ языческому пути, людей, которые всецѣло «отдаются земнымъ условіямъ, прежде алтарей и иконъ», которые вмѣстѣ съ ними весь смыслъ и цѣль жизни человѣческой будутъ видѣть «въ землѣ и ея тѣльныхъ благахъ», которые ради земли и всего земнаго даже «Бога забудутъ»!.. «Вожди слѣпые»!.. они забываютъ обличающее ихъ слово Христово, забываютъ ученіе Христа Спасителя, Который на всѣ времена и всѣмъ людямъ изрекъ

¹⁾ Журн. „Христіанинъ“ 1909 г., № 1, стр. 62.

непреложную, святую истину: *«Итакъ не заботьтесь (прежде всего и больше всего, исключительно. о землѣ и о земномъ) и не говорите: «что намъ ѣсть? или: «что пить»? или: «во что одѣться»? потому что всего этого ищутъ язычники»...* А вы,— всѣ вѣрующіе въ Меня,—*«ищите прежде Царства Божія и правды Его, а это все (земное) приложится вамъ, потому, что Отецъ вашъ Небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ»* (Матѣ. 6,—31—33)!..

Но особенно въ послѣднее время и у насъ въ Россіи, во дни такъ называемаго «освободительнаго движенія». много способствовала ослабленію вѣры въ Бога въ обществѣ и распространенію въ немъ полнѣйшаго безбожія, атеистическая проповѣдь современнаго соціализма, совершенно отрицающаго вѣру въ единаго, истиннаго Бога, непризнающаго Господа Иисуса Христа за Сына Божія, глумящагося надъ вѣрой въ будущую загробную жизнь и страшный судъ Божій и надъ существованіемъ души человѣческой... «Ни Бога, ни Господина»!.. «Мы противъ всѣхъ, небесныхъ авторитетовъ, которыми морочатъ народныя массы: небо мы уступаемъ ангеламъ и воробьямъ»!..—восклицаютъ въ безуміи главаря соціализма. *«Нѣтъ больше премірныхъ надеждъ—это только дѣтская иллюзія или преступная приманка: мысль—такъ же какъ и жизнь человека—должны ограничиться только землею... Матеріальныя интересы жизни должны быть на первомъ планѣ и къ нимъ исключительно должно направлять и человѣческое сознаніе и человѣческое усиліе»...* «Мы царство небесное здѣсь (на землѣ!) создадимъ, себѣ и безъ слезъ и безъ муки»,—проповѣдуютъ въ наши дни лжеапостолы соціализма... И кажется, что наиболѣе пылкіе изъ нихъ охотно погасили бы звѣзды на небѣ, чтобы только помѣшать человѣку мечтать въ лѣтнія ясныя ночи о красотѣ и величіи міра Божія, о Богѣ—Творцѣ и Промыслителѣ вселенной, о вѣчности!.. И вѣрующему человѣку съ душевною скорбію приходится наблюдать въ наши дни, что матеріальныя интересы жизни дѣйствительно преобладаютъ надъ вѣчными запросами духа, что современное человѣчество все болѣе приковываетъ свой взоръ къ землѣ, а не къ небу, служить и угождаетъ болѣе «Мамонѣ», а не Богу, ибо все болѣе и болѣе увлекается ложнымъ убѣжденіемъ, будто-бы все счастье, весь смыслъ и цѣль жизни заключается въ земномъ благополучіи, въ обиліи матеріальныхъ благъ... Вотъ какъ постепенно и незамѣтно, подъ вліяніемъ

атеистическихъ идей и общимъ напоромъ враговъ христіанства, утрачивается истинный христіанскій взглядъ на жизнь!.. Вслѣдствіе увлеченія материализмомъ въ наше время въ обществѣ образовался совершенно ложный взглядъ на жизнь: что человѣкъ созданъ какъ бы на одинъ радости, что жизнь дается для легкаго, безнечальнаго житія. что счастье жизни заключается въ благосостояніи, довольствѣ и обиліи матеріальныхъ благъ. И примѣчательное явленіе: жалуется почти всѣ и всюду, что «нынѣ—тяжело жить», а между тѣмъ удовольствій стало больше, трудолюбивые люди оскудѣваютъ, всѣ ищутъ какъ бы обогатиться и затѣмъ отдаться всей волѣ страстей... Въ наши дни особенно стала замѣтно усиливаться повсемѣстно склонность къ легкому образу жизни, къ безпечному изодня въ день существованію, къ удовольствіямъ и разжвянтію... Излюбленными поприщами дѣятельности стали нынѣ такія, гдѣ легкій трудъ и заманчивая прибыль... Города въ обиліи перенаселяются праздношатающимися отъ бездѣлія, потому что здѣсь большое поле для легкой наживы, для всякаго рода удовольствій, ибо скученъ сталъ трудъ тяжелый, борьба со стихіями, осѣдлая жизнь... Безотчетная скука жизни, безцѣльность жизни и жизнь сегодняшняго дня—вотъ характерныя особенности нашего времени...

Замѣтно ослабѣло въ наше время и вліяніе семьи на нравы дѣтства и юности... Семья—въ наши дни—зачастую выпускаетъ своего члена въ жизнь почти безъ всякихъ религіозныхъ убѣжденій, безъ твердаго и свѣтлаго нравственнаго чувства, не указавши ему настоящей высокой цѣли его жизни, не снабдивши его любовью къ неустанному и честному труду, какъ бы ни было скромно его поприще жизни... Кто всматривался въ наше время внимательно въ возрастъ дѣтскій, тотъ знаетъ, что рапо и дѣти начинаютъ тяготиться семейною властью, дѣлаютъ попытки если не явно, то тайно обойти оную, а сами томятся желаніемъ поскорѣе уйти на свободу, дѣйствовать «по-своему» и вкусить заранѣе отъ чаши удовольствій жизни и мірскихъ наслажденій... И вотъ начинается блужданіе празднаго чловѣка, тратящаго свои силы безслѣдно, спускающагося все ниже и ниже по лѣстницѣ бездѣятельности, хватающагося за всякое мимолетное удовольствіе жизни... Человѣкъ пускается въ «житейское море» почти безъ всякаго опредѣленнаго назначенія: куда занесетъ случайность, съ кѣмъ встрѣтитъ судьба... Но хо-

чется при этомъ жить легко и безпечально и какъ можно комфортабельнѣе въ матеріальномъ отношеніи обставить свою жизнь...

Поистиннѣ, какъ бы вопреки словамъ Христа Спасителя: *«ищите прежде Царствія Божія и правды его»*,—вездѣ и всюду вы замѣчаете, что современное человѣчество въ своей жизни поступаетъ, повидимому совершенно наоборотъ: ищетъ прежде всего чтобы было *«что пить, что есть и во что одѣться»*, заботится исключительно о матеріальныхъ удобствахъ жизни... Получается—«суета суетъ» и «томленіе духа». погоня за одними удовольствіями жизни, жажда однихъ радостей и наслажденій жизни!.. Малѣйшее же препятствіе, скорбь, неудача или несчастіе въ жизни—уже приводятъ современнаго человѣка до постыднаго малодушія и трусости предъ задачами жизненнаго пути, до отчаянія и неимовѣрныхъ проклятій жизни (какъ у Л. Андреева) и такъ какъ взоръ при этомъ не привыкъ устремляться къ небу, и нѣтъ опоры для души въ Богѣ, нѣтъ христіанскаго «чаянія загробной жизни»,—то «зачѣмъ же и жить»?.

Да! весьма многіе невѣрующіе люди нашего времени, «изломанныя, пустыя души», такъ именно и размышляютъ: «это—попы выдумали какого-то Бога, какую-то загробную жизнь, какой-то рай и вѣчныя муки... Ну, кто же изъ мыслящихъ людей станетъ теперь вѣрить въ такіе пустяки, такія сказки?.. Какая тамъ можетъ быть еще вѣчная, загробная жизнь? Пожилъ здѣсь,—на землѣ,—и все кончено!.. Зачѣмъ тратить безплодно свои горячія силы, зачѣмъ волноваться, мучиться, терзаться душой»?.. Если же нѣтъ Бога и вѣчной жизни, если нѣтъ конечнаго торжества свѣтлой, лучезарной небесной правды, если земная жизнь человѣческая не освѣщается высшей христіанскою цѣлью: приготовленіемъ къ блаженной вѣчности и не имѣетъ своего высшаго назначенія: вѣчнаго спасенія во Христѣ Іисусѣ,—то она дѣйствительно тогда теряетъ всякій свой смыслъ и значеніе, тогда—«не стоитъ жить»!.. Новый самоубійца готовъ! ..

И вотъ, въ результатѣ—стрѣляются, вѣшаются, травятся, бросаются въ рѣки, подъ поѣзда желѣзной дороги и проч.!..

Живой и наглядный примѣръ упадка и развращенія нравовъ и сильнаго развитія преступности вслѣдствіе невѣрія представляетъ намъ современная Франція... «Въ доброе, старое время,—говоритъ одинъ наблюдатель французской жизни,—

ребенка отданнаго въ школу, прежде чѣмъ научить читать и писать, дома еще родители знакомили съ религіей и ея идеалами. Въ его дѣтскую душу вкладывали глубокое убѣжденіе, что земная жизнь—тлѣнь; что это—цѣпь труда и страданій; что счастье ждетъ человѣка въ загробной жизни и что это счастье нужно заслужить при земной жизни, строго соблюдая заповѣди Божіи... Теперь же французскій учитель прежде всего говоритъ ребенку, что Богъ, бессмертіе души, загробная жизнь—все это сказки, выдуманная попами, чтобы держать челвѣчество въ рабствѣ... Не позаботишься о себѣ самъ—никто о тебѣ не позаботится—вотъ что современная французская школа старается внушить ребенку! Глупо, говоритъ учитель, отказываться отъ радостей и счастья земной жизни, въ ожиданіи небесной. Умрешь—тебя зароютъ въ землю, какъ и всякое животное, какимъ мы являемся на самомъ дѣлѣ, и сгниешь, какъ гниютъ всѣ животныя!.. Убѣжденный, что онъ только «разумное животное», ребенокъ, а потомъ юноша начинаютъ и жить какъ животныя: предаваясь влеченіямъ низшихъ инстинктовъ и освобождая себя отъ всѣхъ стѣсненій, налагаемыхъ идеалами Евангелія... Въ результатѣ—страшный упадокъ нравственности и неимоверное развитіе преступности... Безмощныя цифры статистики поражаютъ читателя.. Въ 1830 г. малолѣтнихъ преступниковъ насчитывалось только 9000 на всю Францію, а 1907 г. далъ ихъ уже 40,500 человѣкъ»!...

Здѣсь—разгадка и чревычайно умножающейся эпидеміи самоубійствъ въ наши дни: мы далеко отошли отъ Христа, нѣтъ вѣры въ Слово Крестное, загробная жизнь представляется миеомъ и сказкой, плодомъ досужей фантазіи!.. И сбываются слова Апостола: *«слово о Крестѣ для погибающихъ юродство есть, а для насъ спасаемыхъ Сила Божія. Ибо написано: погублю мудрость мудрецовъ и разумъ разумныхъ отвергну... Гдѣ мудрецъ? гдѣ книжникъ? гдѣ совѣтникъ въка сего? Не обратилъ-ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе?.. (1 Коринѣ. 1,—18—20).* Мы стремимся построить всю жизнь на рационализмѣ или на опытахъ и не даемъ мѣста только вѣрѣ... А безъ вѣры какъ же жить?.. Мы ищемъ Бога «въ колбахъ и ретортахъ» и не находимъ Его... Мы хотимъ приподнять завѣсу Премудрости Божіей, въ тайнѣ сокровенной, измышленіями слабого человѣческаго ума, но умъ, оказывается безсиленъ... Мы ждемъ чуда, мы хотѣли бы, что бы мертвецъ пришелъ съ того свѣта и увѣрилъ бы насъ въ дѣйствительности загробной жизни, но увы! никто не

приходитъ... И тогда мы сказали, что за гробомъ ничего нѣтъ, одна пустота и, неудовлетворенные настоящей жизнью, попустили себѣ въ лобъ пули, начали бросаться съ пятыхъ этажей, лѣзть въ мертвыя петли.. Возьмите для примѣра хотя бы того же самоубійцу-студента Митю Лебедева, о которомъ мы говорили въ началѣ своей рѣчи, и прочитайте вдумчиво его посмертное письмо... «*Вѣдь что особеннаго*?!»,—пишетъ онъ,—«*Быль чело-вѣкъ, и нѣтъ чело-вѣка.. Право же этого никто, никто не замѣтитъ*».... И особенно послѣднюю его приписку: «*Не знаешь-ли?!. Есть-ли тамъ биллиардъ?.. Эхъ, а то бы сыгралъ хоть съ самимъ сатаной на свою душу*»!.. Не слышится-ли здѣсь и безумное ко-пунство и ужасъ отчаянія усталой отъ безумія и невѣрія жизни?.. Не ясно-ли, что предъ нами чело-вѣкъ совершенно невѣрующій въ Слово Крестное, безбожный, и рѣшающійся на са-моубійство, совершенно разрывая завѣтъ свой со Христомъ Спа-сителемъ, дерзновенно возставая на Бога?.. Не ясно-ли, что са-моубійство—*есть какъ-бы вѣнецъ безбожной и преступной жизни*, а самоубійцы—это люди обыкновенно невѣрующіе, эгои-стичные. и: или же пресыщенные матеріальными благами или же ожесточенные до отчаянія, какъ Іуда Искаріотскій... Весьма частыя самоубійства въ наше время являются у однихъ вслѣд-ствіе утомленія настоящею роскошною и пресыщенною жизнью, у другихъ—наоборотъ вслѣдствіе ожесточенія черствою и тяже-лою долею жизни. но и первые и вторые *оканчиваютъ жизнь са-моубійствомъ безъ христіанскаго идеала въ будущую, загроб-ную жизнь и возмездіе за гробомъ, безъ привязывающей къ жизни христіанской любви къ людямъ, безъ вѣры и любви къ Самому Источнику и Подателю жизни Творцу Богу и Создателю всѣхъ!*..

Братья христіане! св. ап. Павелъ даетъ пастырямъ церкви наставленіе: «*проповѣдывать во время и не во время, обличать, затрепцать, увѣщевать со всякимъ долготерпѣніемъ и назидані-емъ*» (2 Тимоѳ. 4,—2). Здѣсь разумѣется учительство обще-ственное, всенародное, по праву только и принадлежащее однимъ—пастырямъ; но иное дѣло—вразумленіе частное, до-машнее... Въ послѣднемъ отношеніи св. ап. даетъ общее на-ставленіе и всѣмъ вѣрующимъ, говоря: «*увѣщевайте другъ друга и назидайте одинъ другого; вразумляйте безчинныхъ, утѣшайте малодушныхъ, поддерживайте слабыхъ... Если же кто и не послушаетъ слова нашего, то не считайте его за вра-га, вразумляйте какъ брата*» (1 Фесал. 5,—11—14; 2 Фесал.

3—15)... Итакъ, дорогіе братья, всѣ вы должны помнить, что и каждый изъ васъ христіанъ, есть и долженъ быть своего рода проповѣдникомъ правды въ томъ кругу людей, въ которомъ ему приходится вращаться... Иногда слово ласковой укоризны, настойчиваго обличенія, праведнаго негодованія, сказанное во время несчастному ближнему, стоящему на краю погибели, способно остановить его отъ ужаснаго преступленія и направить на путь добродѣтели... А тѣ, которые рѣшаются на самоубійство, бывають обыкновенно несчастнѣйшими людьми... Велика же награда будетъ тому, кто спасетъ отъ гибели чужую душу!.. *«Братія!—пишетъ св. ап. Іаковъ.—если кто изъ васъ уклонится отъ истины и обратитъ кто его, пусть тотъ знаетъ, что обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ»* (Іак. 5.—19—20)... Чѣмъ же мы послужимъ на спасеніе погибающихъ братьевъ? Какую хотя слабую долю участія принесемъ и отъ себя на борьбу съ искушеніями на самоубійство?.. Такъ какъ оно бываетъ слѣдствіемъ невѣрія въ Бога и порочной жизни, то *живая вѣра въ Бога и жизнь по законамъ Его и заветамъ церкви Божіей, есть вѣрный оплотъ противъ самыхъ искушеній на самоубійство...* Вспомните давно минувшее, доброе, старое время: наши предки христіане просто, но крѣпко вѣрили не только сами въ Господа Бога, какъ Творца и Промыслителя міра и человѣка, но и дѣтей своихъ съ самаго ранняго дѣтства научали вѣрить, что жизнь человѣческая есть драгоценнѣйшій даръ Божій, который дается людямъ только на время здѣсь на землѣ и за который рано или поздно придется отвѣчать въ будущей жизни; что одинъ Богъ—есть всеблагой и всемогущій хранитель и руководитель жизни человѣческой отъ минутъ рожденія, до послѣдняго часа; что время земной жизни каждому человѣку непременно надо использовать на спасеніе души своей и на приготовленіе къ жизни будущей... Вѣруя такъ, люди старались и жить «по Божьему»... Твердо и любовно держались своей христіанской семьи, усердно ходили учиться страху Божію въ церковь Божію, занимались каждый своимъ прямымъ дѣломъ, строго памятуя и исполняя свои христіанскія обязанности и, исполнивши свое назначеніе, съ миромъ отходили въ другую, загробную жизнь... Словомъ, вся жизнь нашихъ предковъ-христіанъ всецѣло протекала подъ кровомъ церкви Божіей и руководствомъ св. вѣры въ Бога: и потому, что бы въ жизни не слу-

чилося было одно убѣжденіе: *«на то воля Божія!»*... Потери-ли близкихъ, смерть ли родныхъ постигали?—*«Буди воля Божія!»* говорили... Тяжела была жизнь, неудачи жизненныя постигали?..—*«Терпѣть надобно, такъ Богу угодно!»* успокаивали себя... Скорби душевныя, клеветы и злоба людей одолевали?.. *«Не смущайся душа,—говорили,—лучше насъ были люди и болѣе насъ страдали; Богъ нещадуетъ и Богъ поможетъ!»*... Долго-временныя бывали страданія: годы и годы проходили въ безысходной мукъ; а ропота и проклятій на жизнь не было: утѣмались *«чаяніемъ будущей жизни»* и покорно, согласно заповѣди Христа Спасителя, несли *«крестъ свой»* до конца жизни... Вслѣдствіе этого, если и бывали въ прежнее время случаи умысленныхъ самоубійствъ, то лишь какъ рѣдкое и даже весьма рѣдкое исключеніе, при чемъ, и общественное мнѣніе относилось всегда къ умысленному самоубійцѣ съ пылкимъ негодованіемъ, справедливо называя его: *«тяжкимъ грѣшникомъ»*, *«Боготступникомъ»*... Итакъ, постараемся мы прежде всего сами твердо усвоить себѣ истинно-христіанскій взглядъ на жизнь, а потомъ и словомъ и примѣромъ станемъ проводить его и въ средѣ окружающихъ насъ братьевъ по Христу... Не будемъ забывать, что земная жизнь человѣческая, по христіанскому возрѣнію, есть временное странствованіе души, уклонившейся отъ своего назначенія и опять ищущей его. Жизнь есть кратковременный путь къ вѣчной цѣли существованія. Жизнь есть приготовленіе къ вѣчности, жизнь есть школа, въ которой мы, подъ руководствомъ Божественнаго Промысла, научаемся любить истину, добродѣтель, справедливость, миръ и любовь, и нести терпѣливо, безропотно *«крестъ свой»*... Усвойте это христіанское возрѣніе умомъ и сердцемъ, сдѣлайте его руководителемъ началомъ своей жизни,—и вы будете имѣть свѣтъ и опору въ жизни,—и вы будете тверды и непоколебимы не только предъ испытаніями и тяжестями жизни, но и предъ самымъ страхомъ смерти... Не унижайте цѣну жизни. Жизнь—великое сокровище, великій даръ Божій. Она кратковременна, удовольствія ея не полны: но трудомъ ея пріобрѣтается блаженная вѣчность со всеми высочайшими наслажденіями. Всячески остерегайтесь хулы и ропота на жизнь. Никогда не позволяйте себѣ легкомысленно и дерзко называть ея—ни обманомъ, ни бессмыслицей, ни проклятьемъ или карою. Не требуйте отъ настоящей жизни слишкомъ многого, не ищите здѣсь однихъ радостей, успѣховъ и наслажденій, но

умѣйте быть благодарными за всякій даръ жизни, за всякую радость, за всякій успѣхъ свой, за всякое добро сдѣланное вами или другими... Не унывайте и отъ самыхъ неудачъ, лишеній, испытаній жизни... Какъ путникъ во время странствованія, умѣйте мириться со всѣми неудобствами и непріятностями временнаго странствованія, и радуйтесь и будьте благодарны за все пріятное, что встрѣтится вамъ—въ надеждѣ полного утѣшенія и успокоенія на постоянномъ пристанищѣ. по окончаніи странствованія... Призывая Бога на помощь, учитесь любить истину и добродѣтель, справедливость, миръ и любовь, какъ и научаетъ св. ап. Павелъ: *«что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвала, о томъ помышляйте»* (Филпп. 4,—8)... Не унывайте, если смучитесь и ослабѣть, поколебаться въ жизненномъ подвигѣ, забыться, упасть нравственно... Обращайтесь къ свѣту вѣры, чтобы прояснить для себя смыслъ и задачу жизни; молитесь Богу о помощи, чтобы онъ сохранилъ, направилъ и укрѣпилъ васъ на жизненномъ пути... Глядя на васъ, и другіе и всѣ пойдутъ за вами!..

Съ Богомъ, братья, на жизненный путь... Безъ Бога путь жизни темнъ, жестокъ, скользокъ, пустъ, бессмысленъ, безпокоенъ, безотраденъ. Съ Богомъ—онъ свѣтелъ, миренъ, твердъ, вѣренъ, полонъ глубокаго смысла, силы, надежды, отрады... *«Я есмь путь и истина и жизнь»* (Іоанн. 14,—6),—говоритъ Христосъ; *«Я—свѣтъ міру; кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни»* (Іоанн. 8,—12)!..

Пойдемте за Христомъ!..

Священникъ Николай Загорскій.

Основные начала ветхозавѣтнаго священства и пророчества.

Пророки и священники занимали совершенно особое, выдающееся положеніе не только въ религіозно-культурной, но и въ гражданской и общественной жизни ветхозавѣтнаго еврейства. Последнее, конечно, потому, что жизнь еврейскаго народа, какъ и другихъ народовъ глубокой древности, во всѣхъ своихъ сферахъ почти одинаково была проникнута религіозными началами. Пророчество и священство стоятъ въ самомъ центрѣ ветхозавѣтной богооткровенной религіи; въ этихъ двухъ институтахъ выражается вся ея сущность и ея наиболѣе типическія черты. Въ то же время въ исторической жизни ветхозавѣтнаго Израиля пророки и священники выступаютъ весьма видными дѣятелями. Поэтому священство и пророчество можно разсматривать двояко. Предметомъ разсмотрѣнія, во первыхъ, можетъ служить ихъ историческая дѣятельность и историческое развитіе самыхъ институтовъ. Можно разсматривать и излагать, какъ въ разныя времена пророки и священники вмѣстѣ, въ полномъ согласіи другъ съ другомъ, служили на пользу и благо ветхозавѣтной религіи и библейскаго Израиля,—какъ въ другія времена священство отклонялось отъ своего прямого назначенія и какъ тогда пророки начинали утверждать въ вѣрѣ и повиновеніи Яговы не только народъ, но и священниковъ. Возможна, говоримъ, такая *хронологически-прагматическая* точка зрѣнія на предметъ разсужденія. Но не менѣе интересно и, пожалуй, не менѣе можетъ имѣть значенія выясненіе принципиальныхъ основъ ветхозавѣтнаго священства и пророчества, выясненіе ихъ принципиальнаго взаимоотношенія, какъ двухъ параллельно и одновременно существующихъ институтовъ. Нужно замѣтить, что въ такихъ трудахъ по библейской исторіи и библіологіи вообще преимущественно разработана историко-прагматическая сторона пророчества и священства, какъ и всѣхъ дру-

гихъ ветхозавѣтныхъ религіозныхъ и гражданскихъ институтовъ; принципиальной же стороны авторы касаются какъ бы только мимоходомъ и почти не освѣщаютъ всей исторической дѣятельности пророчества и священства со стороны ихъ общихъ принциповъ. Даже статьи различныхъ энциклопедій, посвященныя пророчеству и священству, предпочитаютъ говорить только о внѣшней организаціи ихъ и о постепенной исторической эволюціи формъ, оставляя въ сторонѣ принципы, лежащіе въ основѣ всѣхъ этихъ формъ.

Предлагаемое разсужденіе направлено къ разъясненію именно принципиальныхъ основъ ветхозавѣтнаго священства и пророчества. Историческая дѣятельность отдѣльныхъ представителей того и другого института можетъ доставлять намъ матеріалъ только для сужденія о принципахъ самого института, можетъ только иллюстрировать и подтверждать принципиально логическія опредѣленія. Историческая постепенность развитія институтовъ при разрѣшеніи нашей задачи должна также отойти на второй планъ; мѣнялись формы институтовъ, принципы же ихъ были неизмѣнными ¹⁾.

¹⁾ Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ предлагаемаго разсужденія. Въ основѣ его поставлено молчаливо признаваемое положеніе, что Библія есть источникъ, цѣнный одинаково во всѣхъ частяхъ. Поэтому мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ критику текста и полемику съ рационалистическими взглядами представителей современной библейской гилеркритики, какъ-то *Штаде*, *Веллгаузенъ*, *Линпертъ* (*Allgemeine Geschichte des Priesterthums* В. А. II.), *Майбаумъ* (*Die Entwickelung des altisræelilischen Priesterthums*. Breslau 1880. *Die Entwickelung des isræelitisohen Prophetenthums*. Berlin. 1883) и под. Предлагаемое разсужденіе написано, главнымъ образомъ, по Библіи, Библіи, самфоніи, конкорданціи и еврейскіе словари—вотъ наши главнѣйшія пособія. Принципиальныя разсужденія о пророчествѣ и священствѣ разсѣяны по различнымъ трудамъ. Указаніе литературы о пророчествѣ можно найти въ диссертациі *М. Вержоловичи*: Пророческое служеніе въ Израильскомъ (десятикольномъ) царствѣ. Кіевъ. 1891.—о священствѣ,—въ дисс. *свящ. Георгія Титова*: Исторія священства и левитства ветхозавѣтной церкви, отъ начала ихъ установленія при Моисеѣ до основанія Церкви Христовой, и отношеніе ихъ къ жречеству языческому. Тифлисъ. 1878. стрн. 5—13. Принципиальное содержаніе имѣетъ и журнальная полемика по поводу этой диссертациі. См. статьи: о *Г. Титова*. Къ вопросу о ветхозавѣтномъ священствѣ и левитствѣ. Стринникъ. 1879 іюль—августъ, стрн. 184—169. *Проф. Ѡ. Г. Елеонскій*. О ветхозавѣтномъ священствѣ. Христіанское Чтеніе. 1879, т. 2, стрн. 606—638 и „Заключительныя“ объясненія по вопросу о ветхозавѣтномъ священствѣ—статья *свящ. Титова* съ пояснительными примѣчаніями подъ строкой проф. Елеонскаго. Христіанское Чтеніе, 1880, т. 2, стрн. 453—530. Въ самое недавнее время появилось еще

Религія, по филологическому объясненію Лактанція, есть союзъ Бога и людей. По отношенію къ ветхозавѣтной религіи такое опредѣленіе можетъ быть принято съ весьма большимъ удобствомъ. По смыслу religio (отъ religere) можетъ быть передано еврейскимъ berith, завѣтъ (отъ bara). Ветхозавѣтная религія есть именно завѣтъ Іеговы съ предками Израиля и съ самимъ народомъ израильскимъ. Израиль и Іегова, какъ двѣ договаривающіяся стороны, вступаютъ между собою въ союзъ, налагающій на обѣ стороны тѣ или другія взаимныя обязательства. Лица, занимающія въ этомъ союзѣ выдающееся положеніе—священники и пророки—могутъ быть мыслимы посредниками между двумя вступившими въ союзъ сторонами, между Богомъ и Его избраннымъ народомъ. Самый общій принципъ всѣхъ религіозно-іерархическихъ институтовъ и есть именно принципъ посредничества. Но, разъясняя подробнѣе принципы ветхозавѣтнаго священства и пророчества, мы увидимъ, что ихъ частные принципы, хотя и въ рамкахъ общаго принципіальнаго опредѣленія, весьма различны, иногда чуть-ли не до противоположности.

Общій характеръ принципіальной стороны библейскаго священства и пророчества можетъ быть опредѣленъ уже изъ одного только филологическаго анализа еврейскихъ терминовъ и ихъ

нѣсколько статей о пророчествѣ и священствѣ. Таковы: *Проф. А. И. Покровскаго*. Ветхозавѣтный профетизмъ, какъ основная типическая черта библейской исторіи Израиля. Богословскій Вѣстникъ, 1908, т. 1., стрн. 764—793 и отдѣльной брошюрой (Сергіевъ Посадъ, 1908). Здѣсь указана и новѣйшая литература предмета. В. В. стрн. 767—769. Впрочемъ, въ самой статьѣ дается преимущественно историческая характеристика профетизма, изображается „историческая эволюція ветхозавѣтнаго профетизма“. В. В., стрн. 769—770. Принципіальное содержаніе имѣютъ оригинальныя статьи *Проф. М. М. Тарпева*: Ветхозавѣтное царство и пророчество. Христіанств. 1907, т. 3, стрн. 529—561. Тоже и въ полномъ собраніи сочиненій. Жизнь и ученіе Христа, ч. 2, Сергіевъ Посадъ, 1908, стрн. 81—109 (о пророчествѣ) и Ветхозавѣтное священство. Тамъ-же, стрн. 64—74. Сюда же должно отнести и статьи *Е. А. Воронцова*: Откровеніе во пророкахъ и откровеніе во Христѣ. Вѣра и Разумъ, 1908, т. 1, стрн. 28—44 и Возрѣнія ветхозавѣтныхъ пророковъ на папство и ихъ одѣвка недостатковъ современнаго имъ папскаго (левитскаго) служенія. Вѣра и Разумъ, 1908, т. 1, стрн. 579—593 и 723—739, т. 2, стрн. 17—34. Впрочемъ, указывая эту литературу, мы все же слагаемъ съ себя обязанность излагать и критиковать чѣмъ-бы то ни было взгляды. Мы будемъ излагать только иль почти только то, что мы нашли въ Библии; на библейскія цитаты мы не будемъ скупиться, а всякія другія оставляемъ при себѣ, какъ мало полезныя читателю.

употребленія въ Библии. Нѣтъ сомнѣнія и безспорно, что филологическій анализъ терминовъ не всегда можетъ характеризовать историческую дѣйствительность явленій, но, какъ увидимъ, филологическій анализъ терминовъ, касающихся библейскаго священства и пророчества, даетъ результаты, совершенно согласныя съ данными самаго библейскаго текста и библейской исторіи.

I.

С в я щ е н с т в о.

Терминъ, которымъ обозначается въ Библии понятіе священства, есть «*kohen*». Есть соотвѣтствующій глаголъ и въ арабскомъ языкѣ—*kaḥana*. Общее значеніе общесемитическаго корня *kaḥan* есть: предстоять, стоять прямо противъ чего-либо или кого-либо. Близкое значеніе имѣетъ и родственныи глаголъ *kuḥ*, соотвѣтствующій арабскому *kaḥa*, который также значитъ—предстоять, вообще стоять. Такое значеніе глаголовъ *kaḥan* и *kuḥ* даетъ возможность причастной формѣ *kohen* придать значеніе: стоящій впереди, предстоящій,— въ приложеніи къ религіозно-культовому институту можетъ значить, конечно, только *стоящій впереди народа и предстоящій предъ Богомъ*. Самая причастная форма *kohen* употребляется въ книгахъ Ветхаго Завета въ приложеніи не только къ еврейскимъ священникамъ, но и къ языческимъ жрецамъ. *Kohen* называются жрецъ Иліопольскій (Быт. 41, 45, 50), Священникъ мадіамскій (Исх. 2, 16; 3, 1), жрецы Дагоновы (1 Царствъ 5, 5; 6, 2). Слѣдовательно, *kohen* по библейскому словоупотребленію не обозначаетъ непременно священника еврейскаго и не имѣетъ какихъ-либо специфически еврейскихъ отгѣнковъ. Совершенно тождественное существительное есть и въ арабскомъ яз.—*kaḥan*. По арабскому толкованію, приводимому Гезеніусомъ въ его «еврейскомъ и арамейскомъ словарѣ», *kaḥan* означаетъ того, кто исполняетъ чьи-либо дѣла и работаетъ въ чьихъ-либо интересахъ. Въ Библии слово *kohen* всегда сохраняетъ свое значеніе—предстоящій, стоящій впереди ¹⁾.

¹⁾ Еврейскій *гартумъ* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ Быт. 41, 45; Псал. 109, 4 (Ты священникъ во вѣкъ по чину Мельхиседекову) и др. передаетъ *kohen* черезъ *gabba-status emphatiens* отъ *gav*,—которое, по употребленію особенно въ книгѣ

Филологическій анализъ слова *kohen*, которымъ означаются въ Библии священники, начиная отъ Мельхиседека, даетъ основаніе вводить въ понятіе священства два характерныхъ признака: 1) предстательство предъ Богомъ отъ лица народа, посредничество въ религіозномъ союзѣ со стороны народа и 2) учрежденность, установленность.

Болѣе подробное опредѣленіе принциповъ ветхозавѣтнаго священства, конечно, можетъ быть дано изъ разсмотрѣнія данныхъ библейскаго текста.

Въ центрѣ всей ветхозавѣтной религіи стоитъ жертва. Необходимо замѣтить, что жертва, вытекающая изъ внутренней потребности самаго человѣка, составляетъ, главнымъ образомъ, субъективно-человѣческую сторону религіи. Ветхозавѣтное священство стоитъ въ самой неразрывной связи съ жертвой, и уже поэтому можно сказать, что приносящій жертву священникъ есть представитель со стороны человѣка въ его религіозномъ союзѣ съ Богомъ.

Библия даетъ весьма немного примѣровъ, когда человѣкъ, по своимъ внутреннимъ потребностямъ самъ приноситъ жертву. Такой примѣръ даетъ Библия въ самомъ началѣ бытія человѣка и земли, когда Каинъ принесъ отъ плодовъ земли даръ Господу (Быт. 4, 3), а Авель принесъ отъ первородныхъ стада своего и отъ тука ихъ (Быт. 4, 4). Очевидно, по Библии первоначально человѣкъ, имѣя внутреннюю потребность принести жертву, самъ и приносилъ её. Но такое, такъ сказать самопредстательство въ дѣлѣ религіи было только въ самомъ началѣ. Уже очень скоро для принесенія жертвы выдѣляются особые люди, не всѣ люди приносятъ жертвы сами; изъ индивидуальнаго частнаго дѣла жертва становится дѣломъ болѣе или менѣе общимъ. Жертву приносятъ преимущественно старѣйшіе въ семьѣ или родѣ. Такъ Ной приноситъ жертву, очевидно, отъ лица всей своей семьи (Быт. 8, 20), такъ какъ послѣ жертвы

пр. Данила, означаетъ вельможу, перваго въ государствѣ, *gav* = *princeps* (Дан. 4, 33; 5, 1, 3; 6, 17 и др.). Особенно ясно значеніе слова *kohen* выступаетъ тамъ, гдѣ оно употребляется для обозначенія не священниковъ, а другихъ лицъ. Такъ во 2 Царствѣ 8, 18 сыновья Давида названы *kobanim*, но параллельное мѣсто 1 Паралип. 18, 17 называетъ сыновей Давида первыми при дворѣ *harischonim*, множ. число отъ *rischon*, обозначающаго перваго по времени, по сану, по достоинству. Священники называются *kohanim*, следовательно, какъ первые въ религіозномъ отношеніи, стоящіе впереди.

Господь благословляетъ Ноя и сыновъ его (Быт. 9, 1); Иовъ приноситъ жертву за сыновей своихъ (Иов. 1, 5). Въ этихъ случаяхъ одинъ представляетъ (=kohen) многихъ. Кругъ лицъ, представляемыхъ однимъ приносящимъ жертву, расширялся болѣе и болѣе и достигъ объема племени; гражданское единство совпадаетъ съ единствомъ религіозно-культовымъ, гражданскій представитель народа, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть его и религіозный представитель. Такъ Мельхиседекъ былъ царемъ Салимскимъ и въ то же время священникомъ Бога всевышняго (Быт. 14, 18). Впрочемъ, въ религіозной жизни народа еврейскаго, какъ она представлена въ Библии, почти совершенно не было послѣдней стадіи въ развитіи священства. Въ книгѣ Бытія еврейскій народъ является предъ нами только семьей Авраама, Исаака и Иакова, которые послѣдовательно и были религіозными представителями своихъ семействъ, были священниками, хотя и по особымъ случаямъ жертвы приносили и отдѣльные члены семействъ. Книга же Исходъ представляетъ евреевъ цѣлымъ народомъ, у котораго въ самомъ непродолжительномъ времени по исходѣ его изъ Египта было организовано, по крайней мѣрѣ de jure, священство по особому типу. Можно указать только на Моисея, который совмѣщалъ въ свемъ лицѣ главенство въ гражданскомъ и религіозномъ отношеніяхъ, но личность Моисея въ исторіи еврейскаго народа—особая личность, и время и обстоятельства его жизни и дѣятельности также совершенно исключительныя. Въ самомъ началѣ исторіи евреевъ, какъ народа, было организовано ихъ священство. Впрочемъ, исключительное предназначеніе опредѣленныхъ лицъ для религіозно-культовыхъ функцій въ мозаизмѣ было проведено болѣе въ теоріи и законодательствѣ, чѣмъ на практикѣ; Библия представляетъ весьма много случаевъ, когда жертву совершалъ человѣкъ, священству вовсе непричастный, но во всякомъ случаѣ теоретически Ветхій Завѣтъ устанавливаетъ, такъ сказать, монополію священства.

Идея необходимаго посредника въ религіозныхъ отношеніяхъ къ Богу, особаго выдѣленнаго представителя, вполне естественно могла возникнуть на почвѣ психологическаго сознанія ветхозавѣтнаго человѣка. Психологія грѣховнаго сознанія такова, что она заставляетъ человѣка представлять себѣ Божество только строгимъ и карающимъ. Предстать предъ лице такого Бога самолично всегда считалось страшнымъ и даже не безопаснымъ

Библия весьма наглядно показываетъ намъ зарожденіе у народа сознанія того, что для него необходимъ особый представитель, который избавлялъ бы народъ отъ непосредственныхъ отношеній къ Божеству и который только одинъ вступалъ бы въ непосредственныя сношенія съ Яеговой. Такъ послѣ синайскаго законодательства, когда Яегова показалъ все свое грозное и ужасное могущество (Исх. 19. 16—19), народъ, который видѣлъ грозы и пламя, и звукъ трубный, и гору дымящуюся, самъ отступилъ и сталъ вдали, а потомъ Моисею сказали: «говори ты съ нами, и мы будемъ слушать; но чтобы не говорилъ съ нами Богъ, дабы намъ не умереть. И сталъ народъ вдали, а Моисей вступилъ въ мракъ, гдѣ Господь» (Исх. 20, 18—20). Такая мысль о невозможности для каждаго простаго человѣка приступать ко Господу весьма рѣшительно высказана въ книгѣ Исходъ и отъ лица самого Бога. Господь сказалъ Моисею:... священники и народъ да не порываются восходить ко Господу, чтобы Господь не поразилъ ихъ (Исх. 19, 24), и даже Моисею говорилъ Яегова: лица Моего не можно тебѣ видѣть, потому, что *человѣкъ не можетъ увидѣть Меня и остаться въ живыхъ* (Исх. 33, 20 слл.). *Кто отважится самъ собою приблизится ко Мнѣ?* говоритъ вообще Господь (Иерем. 30, 21). Сознаніе невозможности имѣть непосредственное общеніе съ Божествомъ всегда жило въ народѣ еврейскомъ. Когда Ангелъ, явившійся Гедеону, чудеснымъ образомъ уничтожилъ предложенную жертву и также чудесно скрылся отъ глазъ Гедеона, то увидѣлъ Гедеонъ, что это Ангелъ Господень, и сказалъ Гедеонъ: *увы мнѣ, Владыка Господи!* потому что я видѣлъ Ангела Господня лицомъ къ лицу (Суд. 6, 21—22. Срвн. Иса. 6, 5). Такое сознаніе и служить внутренней психологической основой института священства, и такое сознаніе въ Библии, да и вообще въ еврействѣ съ теченіемъ времени выступало все болѣе и болѣе рѣзко, иногда даже какъ-бы съ излишкомъ.

На первыхъ страницахъ Библии Богъ представляется ходящимъ въ рай; Онъ говоритъ съ людьми лицомъ къ лицу. Затѣмъ несчастныя обстоятельства заставили Адама и жену его скрыться отъ лица Господа Бога между деревьями рая (Быт. 3, 8); между Богомъ и людьми поставленъ былъ херувимъ и пламенный мечъ обращающійся (Быт. 3, 24). Далѣе, самъ Богъ говоритъ, что *человѣкъ необходимо долженъ умереть если*

увидить лице Божіе; наконецъ евреи избѣгаютъ употреблять имя Божіе, которымъ Богъ самъ называлъ Себя Моисею при Хоривѣ, создается искусственная тетраграмма: іодъ+ге+вавъ+ге, которую неизвѣстно какъ читали и подъ которой на вѣки погребается подлинное имя Божіе; наше чтеніе «Іегова» или западное «Ягве» вѣдь только догадки. Послѣ-же даже и тетраграмма изображается символически, тремя буквами іодъ, расположенными треугольникомъ и подъ. Такъ Богъ удалялся отъ человѣка!

Хотя и весь народъ еврейскій, какъ народъ избранный, какъ собственность Іеговы, былъ народомъ священническимъ, святымъ—*kedesch* въ смыслѣ выдѣленности (Исх. 19, 5, 6; Числ. 16, 3 и под.),—но въ дѣйствительности онъ не соответствовалъ своему назначенію быть народомъ Божіимъ. Избранный народъ всей своей исторіей развѣ только доказывалъ, что сила Божія въ немощи совершается. Весь народъ былъ недостойнъ непосредственнаго общенія съ Богомъ (Исх. 19, 21—25). Поэтому изъ племенъ еврейскихъ было выбрано племя Левіино, которое и было въ религіозномъ отношеніи поставлено впередъ всего народа. Библия, говоря объ учрежденіи левитскаго священства, ясно отмѣчаетъ, что священники должны предстоять предъ Богомъ и предстоять именно отъ лица народа. Господь говорилъ Моисею: возьми Аарона, брата своего, и сыновъ его съ нимъ *отъ среды сыновъ израилевыхъ*, чтобы онъ былъ священникомъ Мнѣ (Исх. 28, 1)—именно изъ среды народа. *Священники-замѣстители народа, его представители въ религіозномъ взаимоотношеніи Бога и людей.* Аарона избралъ Господь Богъ твой изъ всѣхъ колѣнъ твоихъ, чтобы онъ предстоялъ предъ Господомъ Богомъ твоимъ, служилъ и благословлялъ имя Господа Бога, самъ и сыны его во всѣ дни (Второз. 18, 5). Въ религіозномъ отношеніи левитское священство стояло впередъ народа и облегчало ему сношенія съ Богомъ (См. Исх. 28, 38; Лев. 10, 17; 21, 8; Числ. 1, 53; 8, 19; 16, 5; 17, 5; 18; 23). Священство—для благоволенія Господа къ народу еврейскому (Исх. 28, 38); левиты и священники отирали службы за сыновъ Израилевыхъ, *чтобы не постигло сыновъ Израилевыхъ пораженіе, когда бы сыны Израилевы приступили ко святилищу* (Числ. 8, 19). Отъ лица Божія священники преподаютъ народу благословеніе (Лев. 9, 22—24. Числ. 6, 22—27 и под.).

Весь народъ еврейскій называется царствомъ священниковъ (Исх. 19, 6. Иса. 61, 6), народомъ священниковъ. Можно думать, что таковымъ онъ былъ не самъ для себя, а для другихъ народовъ. Какъ священникъ стоялъ между Богомъ и человѣкомъ, такъ народъ еврейскій, согласно идеѣ богоизбранности, стоялъ между Богомъ и языческими народами. Принципъ представительства въ понятіи священства сохраняется и здѣсь. Какъ видно изъ ритуала закланія пасхальнаго агнца, его закалалъ каждый самъ (откуда и выраженіе *zevach pasah*, закалать пасху, слав.: «жрети пасху»), и евреи говорили, что въ день Пасхи всѣ бывають священниками, т. е. обходятся безъ посредства священниковъ, сами непосредственно (хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями) приступаютъ къ Богу, а въ остальное время ихъ представителемъ и замѣстителемъ бываетъ священникъ (=коhen).

Такъ священники были посредниками между Богомъ и народомъ. Посредниками именно со стороны народа. Говоря это, мы не хотимъ оставить безъ должнаго вниманія благоучрежденность левитскаго священства, которая постоянно подчеркивается въ книгахъ Ветхаго Завѣта. Въ книгахъ Ветхаго завѣта никогда не говорится, что священники поставлены самимъ народомъ, напр., путемъ избранія. Напртивъ, отъ лица Божія всегда говорится: Я избралъ ихъ (Исх. 28, 1. Второзак. 18, 5. Сирах. 45, 20 и др.). Эта богоизбранность и богоучрежденность левитскаго священства по Библии несомнѣнна, и объ этомъ будетъ еще рѣчь впереди. Но необходимо отмѣтить, что священство всегда сохраняетъ свой характеръ народнаго представительства въ дѣлѣ религіи. Въ Библии, между прочимъ, встрѣчается типичное выраженіе: «вотъ, Амарія, первосвященникъ, надъ вами во всякомъ дѣлѣ Господнемъ, а Іевадія во всякомъ дѣлѣ царя» (2 Паралип. 19, 11. Срвн. ст. 8). Религіозная сторона жизни, «дѣло Господне», имѣла своихъ представителей такъ же, какъ всѣ другія страны—своихъ.

Ко священству было призвано одно только колѣно Израиля—Левіино, частище—потомки Аарона. Съ принципиальной стороны можно по Библии отмѣтить въ избраніи одного колѣна нѣсколько характерныхъ пунктовъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему Богъ для религіознаго представительства Израиля избралъ одно только колѣно и именно колѣно Левія? Библия даетъ

этому факту такое объясненіе. Сказалъ Господь Моисею, говоря: вотъ Я взялъ левитовъ изъ сыновъ Израилевыхъ *вмѣсто всѣхъ первенцевъ*, разверзающихъ ложесна изъ сыновъ Израилевыхъ, они будутъ замѣнъ ихъ. Ибо всѣ первенцы Мои; въ тотъ день когда поразилъ Я всѣхъ первенцевъ въ землѣ Египетской, освятилъ Я себѣ всѣхъ первенцевъ израилевыхъ (Числ. 3, 11—13). Когда исчислили всѣхъ левитовъ, то число ихъ—22000 (Числ. 3, 14—39) оказалось почти совпадающимъ съ числомъ первенцевъ мужескаго пола, которыхъ было 22273 (Числ. 3, 40—43). Замѣна легко состоялась, а за излишекъ первенцевъ въ 273 человека былъ взятъ выкупъ по 5 сиклей (Числ. 3, 44—51). Въ этомъ библейскомъ объясненіи избранія колѣна левіина можно видѣть, что и въ Библии сохранилась связь новаго порядка, новаго принципа избранія съ прежнимъ. Прежде естественнымъ представителемъ въ культѣ былъ старшій въ родѣ; послѣ изъ евреевъ было опредѣлено особое колѣно, но было опредѣлено именно замѣнъ первенцевъ, которые были освобождены отъ служенія при скинии. Произведенная Моисеемъ реформа священства, какъ это видно изъ указаній 3 главы числъ, касалась только лицъ священныхъ, а принципъ священства остался тотъ-же, что какъ-бы особенно отмѣчается. Какъ прежде родоначальникъ или первенецъ былъ естественнымъ представителемъ своей семьи, такъ и теперь такимъ-же представителемъ является священникъ изъ колѣна левіина; священникъ выступаетъ искусственнымъ представителемъ замѣнъ прежняго представителя естественнаго. Но при учрежденіи левитскаго священства нельзя не отмѣтить и его отличительныхъ особенностей.

По нѣкоторымъ библейскимъ даннымъ уже самое избраніе колѣна левіина основывалось на нѣкоторыхъ особенностяхъ этого колѣна и особенностяхъ этического свойства. Въ сознаніи еврея позднѣйшихъ временъ этотъ этический моментъ выступаетъ довольно ясно. Сирахъ говоритъ, что Господь возвысилъ Аарона, подобнаго Моисею *святаго*, брата его (Сирах. 45, 7). Изъ среды всѣхъ левитовъ къ священству призвано было потомство Аарона, можетъ быть по особымъ этическимъ свойствамъ родоначальника. Во всякомъ случаѣ отъ священства по закону требуются особые качества, которыя даже совнѣ выдѣляли бы его и дѣлали-бы его замѣнъ естественно-родового представителя—представителемъ этическимъ.

Законъ Моисея не терпитъ во священникѣ какихъ-либо физическихъ недостатковъ. (Лев. 21, 17—23); особыя требованія предъявляются къ женѣ и вообще къ семьѣ священника (Лев. 21, 7—9). Ограничивается кругъ лицъ умершихъ, къ которымъ можетъ прикасаться, оскверняясь, и трауръ по которымъ можетъ имѣть священникъ (Лев. 21, 1—4. 5—6). По отношенію къ первосвященнику всѣ эти требованія увеличены (Лев. 21, 10—12. 13—14). Всѣ эти требованія составляютъ особенность левитскаго священства, и всѣ они выдѣляютъ священника изъ среды прочихъ людей этически, въ смыслѣ болѣе строгой левитской чистоты: вѣдь понятіе левитской чистоты въ Ветхомъ Завѣтѣ иногда совпадаетъ съ понятіемъ святости.

Указанное этическое представительство, положенное въ основу левитскаго священства, ставитъ священство на болѣе высокую ступень развитія, сравнительно съ тою его ступеню, когда въ основѣ священства лежало представительство семейно-родовое. На такое же возвышеніе священства указываетъ и вновь учрежденное посвященіе съ возливаніемъ елея и надѣваніемъ особенныхъ одеждъ (Лев. 8, 1—30). Но все же принципъ представительства остается и въ левитскомъ священствѣ. При Синаѣ, выражаясь словами митрополита Филарета, было только «величественное обновленіе священства». Это обновленіе не коснулось основнаго принципа; произошла замѣна однихъ лицъ другими, но и новыя лица остались такими же представителями народа, его передовыми членами въ религіозно-культовомъ смыслѣ.

Другія библейскія данныя характеризуютъ ветхозавѣтный институтъ священства также чертами представительства именно со стороны народа. Такъ библейскія данныя никогда не приписываютъ священству религіознаго творчества. Дѣятельность священства состоитъ въ охраненіи даннаго закона, его распространеніи и исполненіи культовыхъ установленій. Священники учили народъ закону, но учили именно данному закону. Священники должны были научить сыновъ израилевыхъ всѣмъ уставамъ, которые изрекъ (*уже изрекъ*) имъ Господь чрезъ Моисея (Лев. 10, 11). Азарія говоритъ Озіи, когда тотъ вошелъ въ храмъ Господень, чтобы воскурить еиміамъ на алтарѣ кадилъномъ: не тебѣ, Озія, кадитъ Господу; это дѣло священниковъ, сыновъ Аароновыхъ, посвященныхъ для кажденія (2 Паралип. 26, 16—18). Аарону поставленъ вѣчный завѣтъ и сѣмени его на

дни неба, чтобъ они служили Господу и вмѣстѣ священнодѣйствовали, и благославляли народъ Его именемъ Его. Они избѣрають его изъ всѣхъ живуцхихъ, чтобы приносить Господу жертву, куреніе и благоуханіе въ память умилостивленія о народѣ Своемъ. Онъ далъ ему Свой заповѣди и власть въ постановленіяхъ судебныхныхъ, что-бы учить Іакова откровеніямъ и наставлять Израиля въ законѣ Его (Сирах. 45, 19—21). Законъ истины во устахъ ихъ. Уста священника должны хранить вѣдѣніе, и законъ исцѣлеть отъ устъ его, потому что онъ вѣстникъ (malak) Господа Саваоѳа (Малах. 2, 6—7). Такъ говоритъ Господь Саваоѳъ: спроси священниковъ о законѣ (Аггей 2, 11 сл.). Пророкъ Іезекіиль упрекаетъ священниковъ за то, что они оскверняютъ законъ, данный Богомъ, не отдѣляютъ святаго отъ не святаго, не указываютъ различія между чистымъ и не чистымъ, закрывають уста свои отъ субботы (Іезек. 22, 26. Срви. 44, 23). Тотъ же пророкъ повторяетъ многіе законы Моисея, которые священники должны особенно хранить и тщательно проводить и въ свою и въ народную жизнь (Іезек. 49, 9—15, 24. 46, 5—20. Срви. Лев. 26, 41; 19, 19. 27; 21, 1. 5. 7. 13. 14; 17. 15; 22, 8; 23, 5 и др.). Въ исторической жизни еврейскаго народа священники перѣдко и выступаютъ учителями закона. Но характерно для ветхозавѣтнаго священства, что священники выступаютъ *проповѣдниками уже даннаго закона*. Въ первый разъ, непосредственно отъ Бога законъ возвѣщается не чрезъ священниковъ, а чрезъ другихъ лицъ; священники уже послѣ распространяють готовый законъ (Лев. 10, 11); проповѣдь ветхозавѣтнаго священника есть только проповѣдь закона, чтеніе закона, проповѣдь по чужой тетрадикѣ.

Есть, однако, небольшая группа фактовъ, когда священникъ или первосвященникъ сообщаетъ волю Божію, непосредственно открытую ему Богомъ. Мы разумѣемъ все то откровене или возвѣщеніе воли Божіей, которое получалось чрезъ уримъ и туммимъ. Уримъ и туммимъ, это—что-то совершенно непонятное и темное въ сферѣ ветхозавѣтнаго священства. Видъ и значеніе урима и туммима нѣтъ возможности ясно и опредѣленно представить, и представители науки отказываются отъ этой задачи ¹⁾. По Библии уримъ и туммимъ возлагались на наперсникъ

¹⁾ Maybaum. Die Entwicklung des israelitischen Prophetenthums, SS. 24—25; вообще объ уримѣ и туммимѣ SS. 24—28. Maybaum указываетъ и въ которую литературу объ уримѣ и туммимѣ, S. 25 Аптеч. 1.

судный (Исх. 28, 30. Лев. 8, 8), вмѣстѣ называются судомъ сыновъ Израилевыхъ (Исх. 28, 30), но «что такое были уримъ и туммимъ, какъ чрезъ нихъ возвѣщались Господь волю Свою—это, несмотря на всѣ попытки, остается и грозитъ навсегда остаться совершенно не разгаданнымъ» (Майбаумъ). Можно думать, что уримъ и туммимъ были однимъ изъ видовъ религиозно-культурнаго гаданія, вопрошенія Божества. Особенно характерно въ этомъ отношеніи повѣствованіе о Давидѣ. Когда Авіафаръ, сынъ Ахимелеха, прибѣжалъ къ Давиду въ Кеель, то принесъ съ собою и эфодъ. Когда узналъ Давидъ, что Саулъ задумалъ противъ него злое, сказалъ священнику Авіафару: «принеси эфодъ Господень» (1 Царствъ 23, 6, 9). Какъ можно заключать изъ дальнѣйшаго (ст. 10—12), Давидъ самъ вопрошалъ Господа, конечно, при посредствѣ эфода и самъ чрезъ уримъ и туммимъ получаетъ отвѣтъ. Откровеніе какъ-бы привязано къ предмету. Въ Библии мы много разъ встрѣчаемъ, что то или другое откровеніе дается чрезъ уримъ и туммимъ (Суд. 1, 1; 20, 18, 23, 27—28, 21, 2; 1 Царствъ 14, 36--37; 22, 10, 13; 23, 2, 4, 6, 9; 28, 6, 15; 30, 7, 2 Царствъ 2, 1; 5, 19, 23). По мнѣнію Майбаума, вопрошенію чрезъ эфодъ практиковалось въ случаяхъ особенной важности. Откровеніе чрезъ уримъ и туммимъ въ Библии называется на ряду съ другими родами откровенія—во снѣ, въ видѣніи, чрезъ пророковъ. Такъ Саулъ спросилъ Господа, но Господь не отвѣчалъ ему ни во снѣ, ни чрезъ уримъ, ни чрезъ пророковъ (1 Царствъ 28, 6, 15). Такимъ образомъ, Библия, говоря о напереникѣ судномъ съ уримомъ и туммимомъ, ставитъ первосвященника въ непосредственное отношеніе къ Божеству, которое даетъ ему нѣкоторыя новыя откровенія. Но этотъ фактъ нисколько не противорѣчитъ высказанному нами положенію, что священство не имѣло религіознаго творчества, что религіозное творчество не было собственной сферой священства. Всѣ тѣ библейскія мѣста, гдѣ говорится о полученіи священникомъ откровенія чрезъ уримъ и туммимъ, не даютъ основаній предположить, что священнику сообщалось откровеніе въ собственномъ смыслѣ религіозное. Откровеніе чрезъ уримъ и туммимъ отвѣчало на насущные запросы времени, запросы практическаго характера, и эти отвѣты не имѣютъ вѣчно цѣннаго религіознаго содержанія. Вопрошали сыны Израилевы Господа, говоря: кто изъ насъ прежде пойдетъ на хананеевъ воевать съ ними? И

сказалъ Господь: Иуда пойдетъ (Суд. 1, 1—2; 20, 18). Спрашивали также: вступать-ли въ сраженіе съ Веніаминомъ (Суд. 20, 23, 28). Саулъ спросилъ Господа: идти-ли мнѣ въ погоню за филистимлянами? (1 Царствъ 14, 37). О томъ же спрашивалъ и Давидъ (1 Царствъ 23, 2. 4. 10—12). Вообще по тѣмъ даннымъ, которыя есть въ Библии, уримъ и туммимъ можно считать какъ-бы еврейскимъ оракуломъ, параллельно оракуловъ классическихъ. Случаи и поводы вопрошенія чрезъ уримъ и туммимъ и чрезъ оракулы—совершенно параллельны. Но съ принципиальной стороны необходимо сдѣлать еще одно замѣчаніе. Въ религіозномъ союзѣ Божества и людей инициатива, разумѣется, должна принадлежать Божеству, сторонѣ сильнѣйшей, абсолютной. Религіозное откровеніе поэтому должно быть по инициативѣ Божества; но откровеніе чрезъ уримъ и туммимъ, каково-бы оно ни было по содержанію, было-ли оно генитически по инициативѣ Божества? нѣтъ. Чрезъ уримъ и туммимъ вопрошалъ Бога человекъ, инициатива здѣсь человѣческая. Божество—сторона пассивная, а не активная. Будетъ онъ, говорится въ Библии о Иисусѣ Навинѣ, обращается къ Елеазару, священнику, и спрашивать его о рѣшеніи посредствомъ урима предъ Господомъ (Числ. 27, 21). Откровеніе чрезъ уримъ и туммимъ нельзя назвать въ полномъ смыслѣ откровеніемъ религіознымъ, это—только отвѣтъ Божества, подобный отвѣту оракула, на практической вопросъ заинтересованныхъ людей. Такимъ образомъ, существованіе урима и туммима нисколько не измѣняетъ принципиальной стороны священства. Священство—только передовая въ религіозной жизни часть вступившаго въ завѣтъ съ Богомъ народа.

Но сообразно съ самой сущностью ветхозавѣтной религіи, и священство ветхозавѣтное получаетъ въ Библии еще одну весьма существенную черту. Ветхозавѣтная религія есть прежде всего религія жертвы. Жертва по отношенію къ Богу имѣла умилоствляющее значеніе, а по отношенію къ человеку—очищающее его отъ грѣховъ, ритуально заглаждающее ихъ въ символическомъ наказаніи, истребленіи его (человѣка) въ лицѣ замѣщающаго его животного (идея викаріанства). Поэтому приносящій жертву священникъ очищаетъ согрѣшившаго человека отъ его грѣха, закаляя его замѣстителемъ (викарія). Въ жертвѣ за грѣхъ ярче всего выражена сущность ветхозавѣтной религіи, а

Библия, когда идетъ рѣчь объ этой жертвѣ, совершенно положительно говоритъ, что именно священникъ очищаетъ отъ грѣха. Первый шагъ вновь учрежденнаго левитскаго священства— была жертва о грѣхѣ (Лев. 9, 7). Въ книгѣ Левитъ послѣ изложенія каждаго отдѣльнаго случая жертвы за грѣхъ или жертвы повинности повторяется: и такъ очиститъ его священникъ и прощено будетъ ему, т. е. всему народу (Лев. 4. 20), или отдѣльному человѣку (Лев. 4, 26. 31. 35; 5, 6. 10. 13. 18; 6, 7; 14. 19. 31; 15, 30 и др.). Былъ день, когда священство выступало въ религиозно-культурной жизни народа именно какъ институтъ для очищенія грѣховъ, это—день очищенія, когда первосвященникъ очищалъ и себя съ домомъ своимъ (Лев. 16, 11), и святилище отъ нечистотъ сыновъ Израилевыхъ и отъ преступленій ихъ во всѣхъ грѣхахъ ихъ (Лев. 16, 16), наконецъ, возлагая на грѣхи на избраннаго по жребію козла (Лев. 16, 8. 10), исповѣдовалъ надъ нимъ всѣ беззаконія сыновъ Израилевыхъ и всѣ грѣхи ихъ (Лев. 16, 21). «Въ этотъ десятый день седьмого мѣсяца заповѣдалъ Богъ очищать васъ, чтобы сдѣлать васъ чистыми отъ всѣхъ грѣховъ вашихъ, чтобы вы были чисты предъ лицомъ Господнимъ. *Очищать же долженъ былъ священникъ*» (Лев. 16, 24. 30. 32—34). Въ этотъ день однажды въ годъ первосвященникъ входилъ во святое святыхъ не безъ крови, которую приносилъ за себя и за грѣхи нечѣдвѣнія народа (Евр. 9, 7). Эта сторона ветхозавѣтнаго священства раскрыта въ посланіи къ евреямъ. Все ветхозавѣтное священство стояло въ самой тѣсной связи съ грѣхами народа, кормилось грѣхами народа (Ос. 4, 8), очищая ихъ въ жертвѣ. По Библии священство и есть божественный институтъ, назначенный для очищенія грѣховъ. Но и въ этомъ случаѣ священникъ все же есть стоящій впереди народа въ его длительномъ символическомъ самоудовлетвореніи своей религиозной совѣсти. Священникъ есть именно *стоящій* (κοινη = εστηκως) и многократно приносящій однѣ и тѣ-же жертвы, которыя никогда не могутъ истребить грѣховъ (Евр. 10, 11).

Тотъ-же принципъ представительства въ религиозномъ удовлетвореніи совѣсти лежитъ въ основѣ и всей сложной по Библии внѣшней чистоты и различныхъ очищеній, гдѣ мы видимъ также дѣйствующимъ священника. Священникъ судитъ о про-

казѣ и очищаетъ прокаженного (Лев. 13, 1—32), судить о проказѣ дома и очищаетъ его (Лев. 13, 33—35) и под.

Такъ какъ при всей своей дѣятельности священство оставалось религіознымъ институтомъ со стороны людей и для людскихъ цѣлей, то вполне естественно, что левитское священство получило полную нужную для земнаго служенія организацию. Въ книгахъ закона опредѣлены даже многія частности внѣшней организациі священства. Все, что добавлено было ко внѣшней организациі священства впоследствии, было вызвано особыми обстоятельствами—построеніемъ храма, умноженіемъ священниковъ и левитовъ, да и все добавленіе состояло въ одномъ почти установленіи чреды служенія (1 Паралип. 24, 1—19; 2 Парал. 31, 2 и др.). Вообще священство институтъ съ строго и подробно опредѣленной внѣшней организацией. Намъ не должна въ данномъ случаѣ занимать форма этой организациі, но мы констатируемъ фактъ ея существованія, потому что онъ доказываетъ, что со своей принципиальной стороны священство было—если религія есть союзъ между небомъ и землей—институтомъ со стороны земли. Была организована и внѣшняя жизнь левитскаго священства. Такъ, было опредѣлено особое содержаніе священства, частью постоянное—десятины, начатки,—частью случайное—различныя части жертвъ. Священство—одно изъ земныхъ человѣческихъ учрежденій, а потому оно, какъ и всякая государственная или общественная должность, по ветхозавѣтному взгляду, оплачивается. Коротче говоря, левитское священство было на жалованьи. Количество библейскихъ мѣстъ, гдѣ говорится о содержаніи левитовъ и священниковъ, весьма велико, и намъ нѣтъ нужды приводить ихъ. Но характерно, нѣкоторыя мѣста какъ бы подчеркиваютъ то, что содержаніе левитовъ и священниковъ было въ полномъ смыслѣ платой за исправленіе должности. И повелѣлъ, говорится объ Езекии, онъ народу, живущему въ Іерусалимѣ, давать опредѣленное левитамъ и священникамъ, чтобы они были ревностны въ законѣ Господнемъ (2 Паралип. 31, 4). Здѣсь примѣняется вполне житейская точка зрѣнія, по которой прибавка жалованья должна побуждаетъ къ болѣе ревностному исполненію должности.

Какъ и слѣдуетъ ожидать на основаніи сврейскаго теократизма, священство, кромѣ спеціальныхъ своихъ религіозно-культурныхъ обязанностей, исполняло и другія должности государственнаго и общественнаго характера. Такъ священники судили

(Второзак. 17, 8—12), участвовали въ раздѣлѣ земли (Нав. 19, 51), принимали иногда дѣятельное участіе при различныхъ государственныхъ переворотахъ, какъ напр., первосвященникъ Юдай при воцареніи Иоаса (4 Царствъ 11, 1—2. 2 Паралип. 23, 1—21). Впрочемъ, вліяніе на политическую и государственную жизнь народа, зависѣло отъ обстоятельствъ и отъ личнаго авторитета представителей ветхозавѣтной іерархіи. Дѣлалъ Иоась уютное въ очахъ Божіихъ, доколѣ наставлялъ его священникъ Юдай (4 Царствъ 12, 2). Лучшие представители священства своимъ личнымъ авторитетомъ возстановляли такое взаимоотношеніе различныхъ сторонъ народной жизни, при которомъ первенствуетъ начало религіозное. Напротивъ, если были неудовлетворительны представители священства, то религіозная сторона народной жизни отступала на второе мѣсто, а выступала впередъ начало государственное. Нужно сознаться, что въ Библии мы чаще встрѣчаемъ иллюстраціи по второму положенію. Мы постоянно видимъ, что государственная власть распоряжается священствомъ (1 Паралип. 24, 1—19. 2 Паралип. 19, 8; 29, 4 слл. 31, 2. 4). Священники безропотно повинуются противозаконнымъ распоряженіямъ государственной власти (2 Паралип. 16, 10—16). При наиболѣе могущественныхъ представителяхъ государственной власти, во времена расцвѣта еврейскаго цезаризма, священство обращается въ государственную должность наряду со всѣми другими. Когда перечисляются начальники различныхъ сторонъ государственнаго правленія при Соломонѣ, то наряду съ писцами, дѣписателями, военачальниками, царедворцами, податными начальниками и провіантмейстерами названы и Садокъ съ Авитаромъ—священниками (3 Царствъ 4, 2—19).

Священство плоть отъ плоти и кость отъ костей народа своего; оно—передовая часть народа въ религіозномъ отношеніи, но часть неразрывно связанная со всѣмъ народомъ. Въ исторической жизни еврейскаго народа мы много разъ можемъ наблюдать, какъ священство само отступало отъ закона, раздѣляя недостатокъ своего времени. вмѣстѣ съ царями или въ подчиненіи царямъ священники преслѣдуютъ династическія и іерархическія цѣли, оставляя какъ-бы безъ вниманія волю и благочестіе нѣкоторыхъ изъ народа; колебали иногда моральныя и религіозныя убѣжденія народа. Священство само болѣе служило своему времени, чѣмъ время заставляло служить себѣ, болѣе само

слѣдовало по теченію времени, чѣмъ направляло это самое теченіе по руслу закона, что должно было дѣлать священство по долгу своему. Однимъ словомъ, священство не всегда стояло на высотѣ своего призванія и совершенно сливалось съ общенародной жизнью. Часто поэтому пророки грозятъ священникамъ судомъ (Ос. 5, 1) и обличаютъ ихъ низкое паденіе. Блудъ, вино и напитки завладѣвали сердцемъ священства (Ос. 4, 11), оно отступало отъ завѣтовъ и уставовъ Божіихъ (Малах. 3, 7), священники обкрадывали Бога (Малах. 3, 8). Священниковъ, по словамъ пророковъ, ожидаетъ одна судьба вмѣстѣ съ народомъ: что будетъ съ народомъ, то будетъ и со священниками (Иса. 24, 2. Ос. 4, 9).

Все приведенные факты и библейскія сужденія иллюстрируютъ установленный нами принципъ левитскаго священства. *Левитское священство представляло собою народъ въ религиозномъ завѣтѣ съ Богомъ, очищало его посредствомъ жертвеннаго культа отъ грѣховъ и должно было, научая народъ данному закону, сохранять народную жизнь на путяхъ закона.* Священство было спеціально приставлено къ исправленію культа, и весь смыслъ, вся красота ветхозавѣтнаго культа соединилась въ сознаніи ветхозавѣтнаго еврея съ лицомъ священника, предстоящаго впереди народа и своей личностью выражающаго народную религію. И понятнo становится умиленно-восторженное описаніе Симона, сына Оніи, великаго священника, благочестивымъ евреемъ позднѣйшихъ временъ. Какъ величественъ былъ онъ (Симонъ) среди народа, при выходѣ изъ завѣсы храма! Какъ утренняя звѣзда среди облаковъ, какъ луна, полная во дняхъ; какъ солнце, сіяющее надъ храмомъ. Всевышняго, и какъ радуга, сіяющая въ величественныхъ облакахъ; какъ цвѣтъ розъ въ весенніе дни, какъ лиліи при источникахъ воды, какъ вѣтвь Ливана - въ лѣтніе дни; какъ огонь съ ладономъ въ кадильницѣ, какъ кованный золотой сосудъ, украшенный всякими драгоценными камнями, какъ маслина съ плодами, и какъ выплывающійся до облаковъ кипарисъ! Когда онъ принималъ великолѣпную одежду и облакался во все величественное украшеніе, то, при восхожденіи ко святому жертвеннику, освѣщаль блескомъ окружность святилища. Такъ же когда онъ принималъ жертвенныя части изъ рукъ священниковъ, стоя у огня жертвенника, — вокругъ него былъ вѣнецъ братьевъ, какъ отрасли кедра на Ливанѣ, и они окружали его какъ финиковыя

вѣтви, и всѣ сыны Аарона въ славѣ своей, и приношенія Господу въ рукахъ ихъ предъ всѣмъ собраніемъ Израиля (Сирах. 50, 5—15). Въ приведенныхъ поэтическихъ словахъ еврей восхваляетъ своего религіознаго представителя, осуществляющаго предъ лицомъ своего народа и отъ его лица всю красоту ветхозавѣтнаго культа. Не самъ еврей исполняетъ культъ, а только наблюдаетъ, какъ исполняетъ его отъ лица народа религіозный представитель народа—священникъ.

II.

П р о р о ч е с т в о .

Ветхозавѣтное пророчество было величайшимъ явленіемъ ветхозавѣтной религіи, главнѣйшимъ нервомъ религіозной народной жизни. Еврейская религія—религія пророковъ. Пророки—самыя великія и высокія личности Вѣтхаго завѣта. Предъ ними преклоняются даже представители крайне отрицательныхъ взглядовъ на факты библейской исторіи. Тѣ, кто во всей Библии не видитъ ничего, кромѣ естественнаго и натуральнаго, хотя и видятъ въ пророкахъ лишь политическую «оппозицію», но все же считаютъ пророковъ выдающимися личностями, героями духа. Книги Ветхаго Завѣта, въ большей своей части имѣвшія авторами именно пророковъ, даютъ весьма богатый матеріалъ для точнаго опредѣленія принциповъ пророчества. Эти принципы еще болѣе, чѣмъ принципы священства, могутъ быть опредѣлены изъ филологическаго анализа терминовъ, которыми въ Библии называются пророки. Такихъ терминовъ три: *nabi*, *roë* и *hoze*. Самый употребительный и наиболѣе типичный терминъ, несомнѣнно, «*nabi*»; термины же *roë* и *hoze* отъвѣчаютъ большесокровенную сторону личной жизни и личныхъ переживаній пророка, тогда какъ *nabi* опредѣляетъ пророка въ его исторически-религіозной жизни и дѣятельности ¹⁾.

¹⁾ *Rôë* есть причастіе отъ глагола *ga'a*, который означаетъ вообще *видѣть*. Въ болѣе тѣсномъ религіозномъ смыслѣ *ga'a* употребляется въ примѣненіи къ тому непосредственному воспріятію Божества, которое называется *зрѣніемъ Божества*. *Ka'a* употребляется въ Ветхомъ завѣтѣ всегда, когда тамъ говорится, что человѣкъ не можетъ видѣть Бога (Иса. 6, 5. Псх. 33, 21 сл. и под.), а также когда говорится о нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ люди видѣли „задняя“ Иеговы (Псх. 33, 21 сл.). Такъ Агарь говоритъ: я видѣла вслѣдъ (*ga'iti*) видящаго меня! и назвала Агарь источникъ *be'er lahaj ro'i* (Быт. 16, 13—14). Наконецъ, *ga'a* упо-

Nabi поэтому обозначаетъ человека, который, будучи самъ наученъ, передаетъ преподанное ему активно и сознательно другимъ. Такимъ словопроизводствомъ вполне сохраняется активный характеръ въ значеніи nabi, а самый процессъ образованія nabi изъ naba, отглагольнаго существительнаго съ активнымъ значеніемъ отъ глагола съ значеніемъ страдательнымъ, выясняетъ и тѣ два различные моменты, изъ которыхъ въ первомъ— пророкъ является воспріимлющимъ, страдательнымъ лицомъ, а

требуется въ приложеніи къ видѣніямъ и откровеніямъ (Иса. 30, 10), почему и tag'a означаетъ видѣніе. Причастная форма go'e и обозначаетъ пророка, какъ лицо, получающее откровенія, имѣющее видѣнія. Ko'e характеризуетъ субъективную сторону пророчества, внутреннее отношеніе пророка къ Богу, но этотъ терминъ не опредѣляетъ отношеніе пророка къ людямъ, внѣшней стороны пророчества.

Другой терминъ „hoze“, рѣже употребляемый, чѣмъ всѣ другіе, также отдѣляетъ болѣе внутреннее состояніе пророка, а внѣшнее выраженіе его внутренняго состоянія терминъ hoze опредѣляетъ весьма оргивально. Глаголь haza означаетъ 1) видѣть во свѣ и 2) говорить во свѣ, бредить. Совершенно то же значить и соответствующій арабскій глаголь haza (имѣющій два начертанія). По своему филологическому значенію haza можетъ означать только низшую форму, какъ пророческаго сообщенія, такъ и пророческаго воспріятія. Иногда въ Библии hoze въ такомъ имепно смыслѣ и употребляется. Исаія описываетъ самыми мрачными красками недостойныхъ стражей Израиля, которые имѣютъ склонность къ спиртнымъ напиткамъ (Иса. 56, 12). Такихъ-то и называетъ Исаія между прочимъ hozim—грезящіе, бредящіе. LXX переводятъ ἐνοπιαζόμενα, Акила—φανταζόμενα, Симмахъ—βραττιστάι, слав.: „видяще сны на ложжи“. Воспріятіе пророческое терминомъ hoze сравнивается со сновидѣніемъ, а внѣшнее выраженіе воспріятого—съ бредомъ.

Но, можно сказать, специальное названіе для пророка въ книгахъ Ветхаго завета есть „nabi“, и этотъ терминъ болѣе другихъ характеризуетъ самое понятіе. Слово nabi происходитъ отъ неупотребительнаго глагольнаго корня naba (алефъ на концѣ). По общесемитическому значенію (соответствующій арабскій глаголь naba) это сочетаніе звуковъ (нунъ+бетъ+алефъ) означаетъ навязчивое привудительное дѣйствіе какого-нибудь предмета на зрѣніе, а въ отношеніи къ органу слуха это слово характеризуетъ рѣчь, которая произносится съ нѣкотораго рода необходимостью и для говорящаго, и для слушающаго, иногда означаетъ нечленораздѣльную подъ вліяніемъ внутреннихъ причинъ рѣчь (глоссолалія). Къ поясненію значенія naba можетъ служить употребительный глаголь naba (съ айнь на концѣ), который означаетъ—быстро вытекать, пливаться, быть ключемъ. Въ послѣднемъ значеніи „naba“ употребляется по отношенію къ источникамъ воды; такъ источникъ мудрости называется струящимся потокомъ (naba' l-posea—Притч. 18, 4). Въ формѣ naba' naba означать преимущественно изливать духъ (Притч. 1, 28) и особенно слова; такъ уста глупыхъ вырываютъ (naba' naba) глупость и зло (Притч. 15, 2. 28). Вообще по отношенію къ словамъ naba означаетъ—произносить, возвыщать (Псал. 118, 171; 144, 7). Кромѣ того, изъ библейскаго употребленія naba вытекаетъ еще одинъ отглагольн. его значе-

во второмъ передающимъ, активнымъ ¹⁾). Поэтому и блаж. Иеронимъ называетъ пророковъ учителями народа (doctores). При изъясненіи активного смысла слова *nabi* не принято проходить мимо наиболѣе типичнаго мѣста Исходъ 7, 1—2. Господь говорилъ Моисею, который отказывался отъ посольства, ссылаясь на свое косноязычіе: Я поставилъ тебя Богомъ фараону, а Ааронъ, братъ твой, будетъ твоимъ пророкомъ. Ты будешь говорить ему все, что Я повелю тебѣ; а Ааронъ, братъ твой, будетъ говорить нія; именно употребленіе этого глагола въ Псал. 18, 3; 77, 2; 144, 7 придаетъ ему значеніе—научать, наставлять. Такое же значеніе отмѣчается употребленіемъ активной формы *hithpaal*. Въ еврейскомъ языкѣ есть и еще нѣсколько родственныхъ глаголовъ. Таковы *nabaḥ* (араб. *nabba*), *naba* (на концѣ *se*), *nub* нѣкоторые гебрансты ставятъ въ рядъ еще *na'am*. Всѣ эти глаголы имѣютъ одно общее значеніе—выбывать влечемъ, изливаться. Нѣкоторые изъ этихъ глаголовъ употребляются для обозначенія человѣческой рѣчи, какъ, напр., *nub* въ Притч. 10, 31.

Сказанное можно обобщить такъ: *naba* и родственные глаголы означаютъ вдохновенное, повышенное состояніе чловѣка, вслѣдствіе котораго онъ изливается быстрой вдохновенной рѣчью. Первый моментъ—повышенность общаго душевнаго состоянія особенно отмѣчается формой *hithpaal* отъ *naba*, которая въ Библии обозначаетъ—безумствовать, неистовствовать, быть вдохновеннымъ, соотвѣтственно греческому *μαίνεσθαι* (Срвн. 1 Коринѣ. 14, 23). Саул бѣсновался (*hitnabbe*), когда на него началъ злой духъ (1 Царствъ 18, 10). Поэтому и въ существительномъ *nabi* необходимо отличать его пассивный смыслъ; пассивно самое состояніе вдохновеннаго. Глаголь *naba*, какъ уже замѣчено, имѣетъ между прочимъ—научать, отсюда также пассивное значеніе *nabi*—наученный. Дѣйствительно, въ Библии пророки иногда и называются учениками—*limmad* (Иса. 8, 16; 50, 4). Тотъ же пассивный смыслъ имѣетъ и греческое *προφήτεω*, которое у греческихъ писателей иногда употребляется для обозначенія эхо, раздающагося, напр., въ пещерахъ. Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать пассивный смыслъ еврейскаго *nabi*, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, переоцѣнивая значеніе формы *hithpaal*—*hitnabbe* и придавая самому глаголу *naba* значеніе—„быть изступленнымъ“; объ истинныхъ пророкахъ *hitnabbe* употреблено въ Библии только трижды (Иерем. 29, 26—27; 26, 20; Иезек. 37, 10). Да и самая форма *hitnabbe* толкуется нѣкоторыми въ активномъ смыслѣ—„быть пророкомъ“ (König, Dillmann). Въ Библии весьма ясно отмѣчается и активный смыслъ слова *nabi*. Это слово употребляется для означенія лица, говорящаго съ одушевленіемъ, такъ что значеніе *nabi* приближается къ значенію нашего слова „ораторъ“ (Амос 3, 8. Иезек. 11, 13). Пассивному значенію „наученный“ противопоставить активное значеніе „учащій“. Изъ страдательнаго причастія „наученный“ даже и въ русскомъ языкѣ выработалось отглагольное существительное „ученный“, которое имѣетъ и активный смыслъ. Въ смыслѣ истолкователя, преподающаго или уясняющаго что-либо для другихъ, *nabi* употреблено, напр., во Второзак. 13, 2.

¹⁾ *Ведоръ Владиміръскій*. Состояніе души пророка при откровеніи Духа Святаго, Харьковъ. 1902. стр. 18, 39—40. *А. П. Лопухина*. Визбейская Исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій, т. 2, СПб. 1890, стр. 693 и др.

фараону. Здѣсь слово *nabi* означаетъ того, кто передаетъ слова одного лица другому. Объ Ааронѣ въ другомъ случаѣ говорилъ Господь: Я знаю, что онъ можетъ говорить, и будетъ онъ говорить вмѣсто тебя (Моисея) къ народу. Итакъ онъ будетъ твоими устами (Исх. 4, 16—18). Очевидно, что «пророкъ» Исх. 7, 1 соотвѣтствуетъ «устамъ» Исх. 4, 16. Ааронъ и былъ «устаами» Моисея, какъ видно изъ Исх. 4, 30. Пророкъ Іеремія также называетъ себя устами Іеговы (Іерем. 15, 19). Соотвѣтствующее значеніе сохраняетъ филологическій эквивалентъ *nabi* въ греческомъ языкѣ— *προφητης*. *Προφητης* можетъ быть филологически истолковано, какъ сложенное изъ *προ*—за и *φημι*—говорю. По такой интерпретаціи *προφητης* будетъ означать говорящаго за кого-нибудь. Пророкъ поэтому есть тотъ, кто возвѣщаетъ людямъ то, что открываетъ ему Богъ. Въ этомъ смыслѣ и блаж. Августинъ называетъ пророковъ изрекателями словъ Божіихъ людямъ, не могшимъ или недостойнымъ слышать самого Бога. Нужно замѣтить, что въ Библии встрѣчаются пророки Ваала (*nabi'ej habaal*) и пророки Астарты (*nabi'ej haaschera*) (3 Царствъ 18, 25. 29. 40; 19, 1. 4 Цар. 10, 19), но за то есть и особый терминъ для обозначенія языческихъ пророковъ—*kosemim* (Второзак. 18, 10. 14. 1 Царствъ 6, 2 и др.) отъ глагола *kasam*—заклинать; еврейскіе пророки Іеговы никогда не называются *kosemim*.

Такова ветхозавѣтная терминологія пророковъ. Съ достаточной ясностью отгвняетъ она, что, съ одной стороны, пророкъ получалъ нѣчто въ особомъ состояніи отъ Бога, а съ другой,—сообщалъ это полученное людямъ. Слѣдовательно, самый общій принципъ пророчества весьма различенъ отъ принципа священства. Если священство посредствовало между Богомъ и человѣкомъ и было представителемъ со стороны человѣка, то пророчество было органомъ откровенія со стороны Бога, чрезъ который Богъ всегда возвѣщалъ Свою волю.

Иногда въ Библии пророками называются и патріархи, напр., Авраамъ (Быт. 20, 7), но это, конечно, потому, что въ то время откровеніе было для однихъ почти только патріарховъ. Патріархи сами были своими священниками, т. е. религіозными представителями, и сами же были своими пророками, входя въ непосредственное общеніе съ Богомъ и получая отъ Него особыя откровенія и повелѣнія. Вообще, когда рѣчь идетъ о древнѣйшихъ временахъ еврейской исторіи, временахъ до Синайскаго

законодательства.—название пророкъ беретъ въ болѣе широкомъ смыслѣ и обозначаетъ всякаго, кто получаетъ какое-либо откровеніе отъ Бога. Со времени Синайскаго законодательства названіе «пророкъ» прилагается уже къ особымъ лицамъ (Числ. 11. 25. 29). Лица же изъ священниковъ не называются пророками, хотя-бы и они испытывали на себѣ обыкновенное дѣйствіе Св. Духа (2 Паралип. 24. 20). Есть въ Библии намекъ, что уже съ этого времени появились собственно пророки (Числ. 12. 6), но преимущественно со времени Самуила пророками называются только чрезвычайные посланники Божіи, удостоенные особеннаго дарованія Св. Духа и особеннаго откровенія воли Божіей для сообщенія ея людямъ. Библия отмѣчаетъ, что около времени Самуила въ понятіи пророка произошло нѣкоторое измѣненіе. При разсказѣ о томъ, какъ Саулъ со слугою ходили къ Самуилу узнать, гдѣ искать имъ пропавшихъ ослицъ, въ Библии вставлено слѣдующее замѣчаніе. «Прежде у Израиля, когда кто-нибудь шелъ вопрошать Бога, говорили такъ: пойдѣмъ къ прозорливцу (ad—hago'e), ибо тотъ, кого называютъ теперь пророкомъ (nabi), прежде назывался прозорливцемъ (hago'e) (1 Царствъ 9, 9). Самъ Самуилъ называется еще прозорливцемъ (1 Царствъ 9, 11—12. 18—19). Представители эволюціонно-раціоналистическаго взгляда на исторію еврейскаго народа дѣлаютъ изъ приведеннаго замѣчанія слишкомъ много выводовъ. Обыкновенно предполагаютъ, что до Самуила всѣ тѣ лица, которыя называются терминомъ «пророкъ», занимались гадаціемъ, совершенно соответствующимъ мантикѣ другихъ народовъ. Эти тѣ лица и назывались го'im. Самуилъ произвелъ коренную реформу въ пророчествѣ, и послѣ него пророки, оставивъ гаданія, начали произносить вдохновенныя рѣчи, заниматься богословіемъ, веденіемъ хроникъ и под. Соответственно новой дѣятельности пророковъ, они получили новое названіе nebi'im. Второзаконіе же, гдѣ употребляется nabi, конечно, считается произведеніемъ позднѣйшимъ. Но позволительно думать, что всѣ эти выводы слишкомъ рѣшительны. Перемена терминовъ, конечно, свидѣтельствуетъ и объ измѣненіи обозначаемыхъ ими явленій. Въ исторіи пророчества можно отмѣтить нѣкоторое развитіе около времени Самуила, но едва-ли перемена терминовъ даетъ основаніе для предположенія такой радикальной перемены, какую описываетъ, напр., Майбаумъ или Вельгауенъ. Какъ мы уже отмѣчали при анализѣ терминовъ, термины го'e и nabi неизмѣ-

ютъ значеній, другъ друга исключаютъ. Ро'е вполне соотвѣтствуетъ «ваі» въ его пассивномъ смыслѣ, а потому и замѣна терминовъ, отмѣченная въ 1 Царствъ 9, 9, не свидѣтельствуетъ о принципиальномъ измѣненіи института, а развѣ только объ обыкновенной исторической эволюціи его внѣшнихъ формъ. Историческія обстоятельства способствовали тому, что ранѣе пророчество было болѣе внутреннимъ переживаніемъ, чѣмъ внѣшней общественной дѣятельностью. Безъ сомнѣнія, времена судей были довольно мрачнымъ періодомъ ветхозавѣтной исторіи; это была какъ-бы реакція послѣ религіознаго подъема. Вѣдь развѣ время жизни и дѣятельности Моисея не было временемъ безпримѣрнаго религіознаго подъема, если по слову Божественнаго посланника цѣлое племя покидаетъ Египетъ, идетъ въ негѣдную страну, нѣсколько десятковъ лѣтъ странствуетъ по пустынь, получаетъ законъ, религіозное устройство? Выходъ евреевъ изъ Египта напоминаетъ, какъ цѣлый приходъ въ драмѣ Ибсена слѣдуетъ за религіознымъ энтузіазмомъ Брандомъ, покидаетъ свое селеніе и идетъ неизвѣстно куда. Моисей довелъ свое дѣло до конца, но реакція должна была наступить, хотя и не такъ убійственно быстро, какъ въ не совсѣмъ понятномъ и почти безцѣльномъ дѣлѣ Бранда. Реакція и наступила, когда племя поселилось въ землѣ Обѣтованной. Институтъ пророчества во времена судей былъ еще въ зачаточномъ состояніи. Пророкъ можетъ быть былъ тогда, какъ иногда выражаются, «духоноснымъ мужемъ», и народъ въ простотѣ сердечной не считалъ предосудительнымъ пойти къ нему посоветоваться о своихъ житейскихъ дѣлахъ, хотя-бы о томъ, гдѣ искать пропавшихъ ослицъ. Но съ наступленіемъ періода царей, когда жизнь народная приняла иную, болѣе интенсивную форму, пророчество выступаетъ со своей внѣшней дѣятельностью, а потому и входитъ въ употребленіе болѣе соотвѣтствующій дѣйствительности по своему активному значенію терминъ «ваі». Поэтому мы рѣшились бы утверждать, что принципъ пророчества не претерпѣлъ измѣненія при Самуилѣ и что пророчество было принципиально одно и то же на всемъ протяженіи библейской исторіи отъ Моисея до Малахіи.

На всемъ протяженіи еврейской исторіи пророкъ въ Библии описывается именно какъ представитель или посланникъ Божій. Священникъ приступалъ къ жертвеннику или по требованію закона, или по желанію отдѣльныхъ лицъ, но пророкъ вы-

стушаетъ на свою дѣятельность по непосредственному повелѣнію Божію. Пророка *воздвигаетъ* Господь. Библия употребляетъ особый терминъ для обозначенія пророческаго посланія, именно гифильную форму отъ глагола *kpm* (См. Второзак. 18, 15. 18. Амосъ 2, 11, Иерем. 6, 17; 29, 15. Срвн. Суд. 2, 16. 18; 3, 9. 15). Самъ Богъ посылалъ пророка говорить Своимъ именемъ (Второзак. 18, 19), посылалъ пророковъ проповѣдывать (Суд. 6, 8—10), Наана посылалъ обличать царя отъ лица Господня (2 Царствъ 12, 1—12), при Осии Господь черезъ пророковъ предостерегалъ Израиля и Іуду (4 Царствъ 17, 13), при Манассии говорилъ Господь чрезъ рабовъ Своихъ пророковъ (4 Царствъ 21, 10; 24, 2). Господь посылалъ пророковъ для обращенія къ Богу тѣхъ, кто забылъ Бога (2 Паралип. 24, 19), посылалъ пророка же вѣстникомъ гнѣва Своего на Амасію (2 Парал. 25, 15). Вообще посылалъ Господь къ евреямъ посланниковъ Своихъ отъ ранняго утра, потому, что Онъ жалѣлъ народъ Свой и Свое жилище (2 Паралип. 36, 15). Иногда слушали пророка, именно какъ посланнаго Господомъ (Аггей 1, 12). Пророкъ иногда и называется человекомъ Божіимъ (1 Царствъ 2, 27; 9, 6; 4 Цар. 4, 42; 6, 6. 9; 8, 7. 2. Паралип. 9, 2; 25, 7. 9), пророкомъ Іеговы (4 Царствъ 3, 11), а также и ангеломъ Господнимъ (Суд. 2, 1—4. Малах. 3, 1). Всѣ эти названія отгѣняютъ именно то, что пророкъ въ религіозномъ союзѣ былъ представителемъ Бога. А потому пророчество было въ зависимости только отъ воли Божіей и не связано было ни съ происхожденіемъ изъ извѣстнаго колѣна, какъ священство, ни съ поломъ, ни съ возрастомъ. Ни человѣческій выборъ, ни іерархическія и гражданскія преимущества не давали права на пророчество; такое право давало одно лишь Божественное избраніе. Потому-то въ исторіи еврейскаго народа мы видимъ пророковъ изъ разныхъ колѣнъ и сословія народа, и само пророчество не образовало особаго сословія. Пророками были и левиты (2 Паралип. 20, 14), и священники (Иерем. 1, 1), и дѣти первосвященника (2 Паралип. 24, 20), были и земледѣльцы съ пастухами собиравшими ранѣе сикиморы (Амос. 1, 1; 7, 14). Встрѣчаются въ Библии и пророчицы (леви'а—Исх. 15, 20. 4 Царствъ 22, 14. 2 Паралип. 34, 22. Неем. 6, 14; Суд. 4, 4). Изъ пророчества не были совершенно исключены и женщины, однако-же, пророчицы въ Ветхомъ Завѣтѣ—рѣдкія исключенія. Считаютъ трехъ пророчицъ: Маріамъ (Числ. 12, 2), Деввору (Суд. 4, 4) и Олдаму (4 Царствъ 22, 14. 2

Паралип. 34, 22). Но въ Seder Olam на ряду съ 48 пророками называются 7 пророчицъ; кромѣ названныхъ трехъ, еще Сарра, Анна, Авихайль и Есѳирь ¹⁾. Анна признана пророчицей и въ Новозавѣтной христіанской Церкви. Касательно происхожденія пророковъ Библия замѣчаетъ только, что пророки изъ евреевъ; пророкъ не еврей исключается изъ истиннаго пророчества. Моисей говоритъ народу: Богъ будетъ воздвигать пророковъ изъ среды тебя, изъ братьевъ твоихъ (Второзак. 18, 15. 18).

Но вліяніе пророковъ нерѣдко простиралось далеко за предѣлы еврейской націи. И другіе народы не были пренебрежены и оставлены Богомъ, и для этихъ народовъ пророки еврейскіе были посланниками Божиими. Пророки дѣйствуютъ на болѣе широкой аренѣ, чѣмъ Палестина, ихъ рѣчи и дѣла имѣютъ въ виду благо не одного Израиля; пророки распространяли сверхъестественное откровеніе и внѣ истинной Церкви ²⁾. У пророковъ мы находимъ рѣчи, касающіяся почти всѣхъ странъ и народовъ Востока: Вавилона (Иса. 13, 1—14, 32; Іерем. 50, 1—51, 64), Моави (Иса. 15, 1—16, 14. Іерем. 27, 3; 48, 1—47. Амосъ 2, 1—3). Дамаска (Иса. 17, 1—18, 7. Іерем. 49, 23—27), Египта (Иса. 19, 1—25. Іерем. 46, 2—24. Іезек. 29, 2—16. 19; 30, 4—26; 31, 2—18; 32, 2—32), Тира (Иса. 23. Іезек. 27, 2—36; 28, 2—10. 12—19), Сидона (Іезек. 28, 21—24), Идумеи (Іерем. 27, 3; 49, 7—22. Іезек. 35, 2—15. Авд. 1, 1—21), филистимлянъ (Іерем. 47, 1—7), аммонитянъ (Іерем. 49, 1—6. Амосъ 1, 13), Кидара и царствъ Асирскихъ (Іерем. 49, 28—33), Елама (Іерем. 49, 34—39), Халдеи (Іерем. 50, 1—51, 64), Египти. Лидіи и Ливіи (Іезек. 30, 4—26), земли Магагъ, князей Роша, Мешеха и Фувала (Іезек. 38, 2—23; 39, 1—15), Ниневіи (Іона 3, 1—9. Наум. 1, 1—3, 19), многихъ городовъ и народовъ касаются рѣчи пророковъ Софоніи (2, 4—15), Захаріи (9, 1—10) и Даниила. Приведенный, хотя и неполный, перечень достаточно доказываетъ, что пророчества о другихъ странахъ и для другихъ народовъ не были случайными и исключительными явленіями; нѣтъ, эти пророчества—существенный элементъ дѣятельности пророческаго института. Да и Самъ Богъ говоритъ Іереміи, что онъ поставилъ

¹⁾ Real-Encyclopädie für protestantische Theologie und Kirche, herausgeg. von Herzog, 2-te Auflage, Bd. XII, S. 284.

²⁾ Объ этой сторонѣ ветхозавѣтнаго пророчества говоритъ *проф. С. С. Глаголевъ*. Сверхъестественное откровеніе и естественное богоознаніе внѣ истинной Церкви. Харьковъ. 1900. Стр. 105. 76 и слѣд.

его пророкомъ не для народа, а для народовъ (Иерем. 1, 5). А этотъ фактъ въ свою очередь подтверждаетъ наше положеніе, что пророчество, какъ оно выступаетъ въ книгахъ Ветхаго за-вѣта, было представительствомъ Бога на землѣ. Священство было религіозно-народнымъ представительствомъ, и оно было строго національно. Сверхнаціональность ветхозавѣтнаго священства и всего вообще культоваго закона въ Библии выражена только въ видѣ пожеланія для будущихъ временъ (3 Царствъ 5, 41—43). Иса. 60, 3—14; 62, 2 и под.). Пророчество, какъ органъ Божества, было сверхнаціонально, какъ сверхнаціоналенъ Самъ Богъ.

Какъ представитель Бога, пророкъ приступалъ къ своей дѣятельности не по какому-либо традиціонному посвященію, подобно священнику, но по особенному каждый разъ *призванію* Божію. До этого призванія пророкъ былъ обыкновеннымъ чело-вѣкомъ, не зналъ голоса Господа, и слово Господне не открыва-лось ему, какъ говорится въ Библии о Самуилѣ (1 Царствъ 3, 7). Но всевѣдущій Богъ уже заранѣе предопредѣлялъ чело-вѣка для пророческаго служенія. «Прежде нежели Я образовалъ тебя во чревѣ, Я позналъ тебя, и прежде нежели ты вышелъ изъ утробы, Я освятить тебя»—говорилъ Богъ Іереміи (Иерем. 1, 5. Срви. Иса. 49, 1). Въ извѣстный же моментъ времени Богъ при-зывалъ пророка на дѣло служенія. Въ книгахъ пророческихъ и описываются такія призванія нѣкоторыхъ пророковъ. Призва-ніе не представляется въ Библии насиліемъ; напротивъ, иногда пророкъ самъ напередъ говоритъ: вотъ я, пошли меня (Иса. 6, 8), иногда-же соглашается послѣ нѣкоторыхъ колебаній, отка-зовъ, и увѣщаній со стороны Бога, какъ это было при призваніи Моисея (Исх. 3, 11—4. 17) и Іереміи (Иерем. 1, 6—9), увѣща-ній, иногда подтверждавшихся чудесами (Исх. 4. 2—9. 14). На-конецъ, призваніе совершается нѣкоторымъ внѣшнимъ зна-комъ—прикосновеніемъ къ устамъ пророка углемъ съ жертвен-ника (Иса. 6, 6) или рукою (Иерем. 1, 9), съѣденіемъ свитка (Іезек. 3, 1—3) и под. Въ призваніяхъ пророческихъ съ при-ципальной стороны слѣдуетъ еще отмѣтить, что Богъ говоритъ: *Я посылаю* (Исх. 3, 10. 12. 2 Царствъ 12, 1. Иса. 6, 8—9. Иерем. 1, 10; 14, 14; 26, 5 ;35; 15; 44, 4. Іезек. 2, 3; 3, 4—6; 2, 3—8). Все указанное нами также характеризуетъ пророчество, какъ Бо-жественное представительство. Со времени призванія пророкъ какъ-бы мѣнялся. Онъ былъ въ непосредственномъ сношеніи съ

Богомъ, въ сношеніи, которое возможно для человѣка только при особомъ экстагическомъ состояніи. Намъ нѣтъ нужды входить въ психологическій анализъ экстагического состоянія пророковъ. Мы отмѣтимъ только, какъ судить о немъ Библія. По Библіи человѣкъ чувствовалъ, что на немъ какъ-бы *лежитъ рука Господня* (4 Цар. 3, 15. Іезек. 1, 3. Дан. 10, 10), иногда даже крѣпко (Іезек. 3, 14), чувствовалъ пророкъ, что въ него какъ-бы входить какой-то могущественный духъ (Іезек. 2, 2; 3, 24, 12. 14. Иса. 61, 1). Нѣтъ основаній думать, что личная жизнь и сознаніе пророка подавлялись Божественнымъ вліяніемъ (Генстенбергъ); напротивъ, весьма многія библейскія данныя свидѣтельствуютъ, что вдохновеніе отъ Бога укрѣпляло (Іерем. 1, 18—19. Иса. 49, 1—2; 44, 26; 50, 4. Іезек. 2, 2; 3, 8—9, 24) иногда ослабѣвавшаго и колебавшагося пророка (Дан. 10, 8. Іезек. 3, 14). Богъ Самъ пробуждаетъ каждое утро ухо пророка, чтобы онъ слушалъ, подобно учащимся (Иса. 50, 4—5). Для воспріятія этихъ вышней нужная была особенная нравственная чуткость и воспримчивость, особое качество темперамента. Свою волю Богъ открывалъ пророкамъ иногда во снѣ (Числ. 12, 6; 22, 9. 20. Второзак. 13, 2—4. 2 Царствъ 7, 4. Іерем. 23, 25 и слѣд.; 27, 9. Зах. 10, 2. Сюда же Быт. 15, 12; 28, 12; 46, 2); такія откровенія бывали и не для однихъ только пророковъ (Быт. 20, 3. 6; 31, 24; 37, 7; 41, 1. Суд. 7, 13. 3 Царствъ 3, 5. Іоиль 3, 1. Іов. 33, 15). Вотъ какъ описываетъ Елифазъ Ѳеманитянинъ это непосредственное дѣйствіе Божества на душу. Ко мнѣ тайно принеслось слово, и ухо мое приняло нѣчто отъ Него. Среди размышленій о ночныхъ видѣніяхъ, когда сонъ находитъ на людей, объялъ меня ужасъ и трепетъ и потрясъ всѣ кости мои. И духъ прошелъ надо мною; дыбомъ стали волоса на мнѣ; тихое вѣяніе.—и я слышу голосъ (Іов. 4, 12—16). Но въ другихъ случаяхъ дѣйствіе Божества бывало и болѣе напряженнымъ, повидимому даже насилуя волю пророка. Гоненія и обиды, которыя терпѣлъ Іеремія (о нихъ 20, 1—2; 26, 7—9. 11—24; 32, 2 и др.) были настолько тягостны, что онъ взывалъ: проклятъ день, въ который я родился; день, въ который родила меня мать моя, да не будетъ благословенъ! Проклятъ человѣкъ, который принесъ вѣсть отцу моему и сказалъ: у тебя родился сынъ, и тѣмъ очень обрадовалъ его (Іерем. 20, 14—15. Срвн. 15, 10; 20, 16—18). Но сила Божія влекла его, и онъ не могъ прекратить своей дѣятельности. Ты влекъ меня, Господи, говоритъ пророкъ, и я

увлечень; Ты сильнѣе меня, и превозмогъ; и я каждый день въ посмѣяніи, всякій пздѣвается надо мною. Ибо лишь только начну говорить я, кричу о насилии, вопію о разореніи... И подумалъ я: не буду я напоминать о Немъ, и не буду болѣе говорить во имя Его; но было въ сердцѣ моемъ, какъ-бы горящій огонь, заключенный въ костяхъ моихъ и я истомился, удерживая его, и не могъ (Іерем. 20, 7—9). Такъ влекъ Господь пророка, какъ-бы заставляя его получать откровенія. Инициатива въ пророческихъ откровеніяхъ, какъ очевидно, принадлежала Богу, и это обстоятельство принципиально характеризуетъ сущность пророчества. Выше у насъ была рѣчь о таинственномъ уримѣ и туммимѣ, чрезъ которые священники получали откровенія. Но откровеніе чрезъ уримъ и туммимъ характеризуетъ принципиальную сторону священства совершенно противоположную принципамъ пророчества: при тѣхъ откровеніяхъ инициатива была человѣческая. Чрезъ уримъ и туммимъ люди спрашивали Бога, а чрезъ пророковъ Богъ говорилъ людямъ.

Впрочемъ, въ Библии есть нѣсколько фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что и чрезъ пророковъ вопрошали Бога, просили у пророка видѣнія (Іезек. 7, 26). Такъ Іосафатъ говорить: нѣтъ-ли здѣсь пророка Господня, чтобы намъ спросить Господа чрезъ него (4 Царствъ 3, 11. Срвн. 4 Цар. 8, 8). Мы уже указывали случаи, когда у пророка Самуила спрашивали объ ослицахъ. На случаи, когда вопрошали Бога чрезъ пророка, можно смотрѣть, какъ на фактическое злоупотребленіе по невѣдѣнію. Іосафатъ, окруженный ложными предсказателями, могъ и на пророка смотрѣть, какъ на подобнаго-же предсказателя.

Пророки удовлетворяли требованіямъ спросить Бога. Всякій самый великій человѣкъ отдастъ дань недостаткамъ времени и среды. Замѣчательно, что, когда призвали Елисея къ Іосафату, пророкъ говоритъ: позовите мнѣ гуслиста. И когда гуслисть игралъ на гусляхъ, тогда рука Господня коснулась Елисея (4 Царствъ 3, 15). Можно допустить, что въ данномъ случаѣ пророкъ дѣлаетъ то, чего отъ него требуютъ и чего ожидаютъ. Конечно, онъ могъ имѣть особую цѣль, и хотѣлъ воспользоваться случаемъ. Но вообще случаевъ, когда черезъ пророковъ вопрошали Господа, весьма немного, и всѣ они представляють собой нѣкоторыя уклоненія отъ принципа подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Въ Библии нигдѣ не говорится того, что объ уримѣ и туммимѣ:—будутъ спрашивать (Числ. 27, 21). По

принципу же пророчества чрезъ пророка говоритъ именно Богъ, когда того желаетъ Онъ, а не когда Его вопрошаютъ. Принципамъ пророчества больше соотвѣтствуетъ молитва за народъ, чѣмъ вопрошаніе народное. Молитву мы и встрѣчаемъ много разъ въ исторіи пророковъ (Исх. 32, 30—32. Иса. 37, 2—7. Иерем. 37, 3; 42, 2—6); иногда къ пророкамъ и обращались, чтобы они помолились, напр., Седекія обращался чрезъ Іегухала къ Іереміи (Иерем. 37, 3).

Такимъ образомъ, пророкъ былъ именно Божиимъ посланникомъ, говорилъ то и тогда, что когда повелѣвалъ ему говорить Богъ. Пророкъ былъ устами Господа (Иерем. 15, 19) и возвѣщалъ «слово Божіе». Невозможно исчислить, сколько разъ говорится о пророкахъ, что они возвѣщали именно слово Божіе; въ одной книгѣ пророка Іереміи это выраженіе встрѣчается до 48 разъ. Поэтому должно принять то положеніе, что въ пророчество принципиально входитъ религіозное творчество. Священникъ самъ руководится буквой закона и другимъ передаетъ слово закона; пророкъ руководится волей Божіей, особыми откровеніями и другимъ сообщаетъ слово Божіе. Священникъ—представитель закона; пророкъ—представитель слова Божія. Эти два понятія не совпадаютъ не только въ Ветхомъ завѣтѣ, но и всегда и вездѣ. Отношеніе пророчества къ закону лучше всего можетъ уяснить принципиальное взаимоотношеніе между пророчествомъ и священствомъ. Законъ, это—та точка, которой касаются и священство и пророчество своими принципиальными сторонами, а потому на отношеніи къ закону обоихъ институтовъ особенно ясно скаывается ихъ взаимное отношеніе.

Въ отношеніи пророчества къ закону можно отмѣтить нѣсколько пунктовъ. Прежде всего, самый законъ представляется въ Библии даннымъ отъ Бога именно черезъ пророчество и при его посредствѣ. Чрезъ весь Ветхій завѣтъ проходитъ мысль, выраженная кратко въ книгѣ Премудрости Соломоновой: Премудрость Божія благоустроила дѣла ихъ (евреевъ) рукою святаго пророка (Прем. Сол. 11, 1). Вообще законодатель еврейскій Моисей въ Библии называется въ Библии пророкомъ въ самомъ высшемъ смыслѣ этого слова (Числ. 12, 8. Второзак. 34, 10). Моисей, это—какъ бы нѣкоторый идеальный типъ пророка. Хотя и замѣчается, что не было болѣе у Израиля пророка такого, какъ Моисей, котораго Господь зналъ лицомъ къ лицу (Второзак. 34, 10), но пророки всегда уподобляются Моисею.

Самъ Моисей говорилъ народу: пророка изъ среды тебя, изъ братьевъ твоихъ, какъ меня, воздвигнетъ тебѣ Господь Богъ твой (Второзак. 18, 15), и самъ Ягова говорилъ Моисею: Я воздвигну имъ пророка изъ среды братьевъ ихъ такого, какъ ты, и вложу слова Мои въ устахъ его, и онъ будетъ говорить имъ все, что Я повелю ему (Второз. 18, 18). Обыкновенно эти два мѣста Второзаконія разсматриваются какъ мессіанскія, но во всякомъ случаѣ ближайшій смыслъ этихъ выраженій—историческій, касающійся всего пророчества, и указанные въ данномъ мѣстѣ черты могутъ быть примѣнены и къ каждому пророку (Küper). Богъ обѣщаетъ евреямъ воздвигать нужныхъ имъ руководителей, подобныхъ Моисею. Такимъ образомъ, Библия смотритъ на послѣдующее пророчество, какъ на продолжателей дѣла Моисеева, какъ на продолжателей законодательства. Истинный пророкъ предназначается къ такой-же дѣятельности, какъ и Моисей; пророческая дѣятельность есть дѣятельность творческая, законодательная, и въ еврейской Библии мы видимъ книги закона и пророческія рядомъ. Законъ и пророки (thora ve nebi'im)—вотъ въ чемъ ветхозавѣтное Божественное откровеніе.

Въ законѣ была намѣчена вся дѣятельность еврейскаго народа. Научить всѣхъ закону должны были священники; которые въ свою очередь должны были исполнять весьма многое касающееся ихъ закона. Законъ для того и былъ данъ, чтобы его исполняли народъ и священники. Законоучитель Моисей при своей жизни самъ весьма строго слѣдилъ за исполненіемъ даннаго закона, иногда до мельчайшихъ подробностей (Лев. 10, 16—18), и убѣждалъ народъ не забывать закона (Второзак. 29, 2—30, 20). То же самое мы видимъ и въ дѣятельности позднѣйшаго пророчества. Священство было само весьма не твердо въ законѣ. Священники спотыкались отъ крѣпкихъ напитковъ, побѣждены бывали виномъ, обезумѣвали отъ сикеры (Иса. 28, 2); они не говорили: гдѣ Господь? учителя закона не знали Бога, пастыри отпали отъ Него (Иерем. 2, 8). Врачуютъ раны народа они легкомысленно, говоря: миръ! миръ! а мира нѣтъ. Стыдятся-ли они, дѣлая мерзости? нѣтъ, нисколько не стыдятся и не краснѣютъ (Иерем. 6, 13—15; 8, 11—12). Забывался законъ о левитской нечистотѣ, о субботѣ (Иезек. 22, 26), о начаткахъ и десятинахъ; священники обкрадывали Бога (Малах. 3, 8), оскверняли святыни и вообще пошிரали законъ (Софон. 3, 4). Да и самый законъ лукавая трость книжниковъ,

какъ и всегда, и вездѣ, обращала въ ложь (Іерем. 8, 8). Народъ забывалъ свою религію и обращался къ чужимъ культамъ. Въ исторіи религіозной жизни народа выступило явленіе, въ исторіи религій извѣстное подъ названіемъ синкретизма или теократіи, а въ политической жизни стали имѣть мѣсто союзы съ языческими народами. Противъ такого-то отступленія отъ Бога и даннаго Имъ закона постоянно боролись пророки, постоянно охраняли народъ отъ забвенія закона; они были стражами дома Израилева. Черезъ пророка вывелъ Господь Израиля изъ Египта, и черезъ пророка Онъ охранялъ его (Ос. 12, 13). Пророки обличаютъ каждое отступленіе отъ закона общее и частное. Пророкъ обличаетъ Венадара, который пощадилъ заклятаго (3 Цар. 20, 35—43). Илія обличаетъ царя Охозію, посланнаго спросить Веельзевула, божество Аккаронское (4 Царствъ 1, 2—4). Илія и былъ назначенъ на обличеніе въ свои времена (Сирах. 48, 10), онъ былъ какъ огонь, и слово его горѣло, какъ свѣтильникъ (Сирах. 48, 1). Іеремія поставленъ былъ укрѣпленнымъ городомъ и желѣзнымъ столбомъ и мѣдною стѣною противъ царей Іуды, противъ князей его, противъ священниковъ его и противъ народа земли (Іерем. 1, 18). Пророкъ оправдывалъ свое назначеніе. Онъ обличаетъ идолопоклонство, напоминаетъ о завѣтѣхъ (Іерем. 12, 2—8), ратуетъ за соблюденіе субботы (Іерем. 17, 21—27), проповѣдуетъ священникамъ и старѣйшинамъ въ долиніи сыновъ Елнумовыхъ (Іерем. 19, 1—13) и во дворѣ дома Господня (19, 14—15). Пророкъ возвѣщаетъ горе тѣмъ, которые идутъ въ Египетъ за помощью (Иса. 31, 1). Пророки возвѣщаютъ горе и пастырямъ народа (Іерем. 23, 1—2. Іезек. 3, 17), зовутъ ихъ къ суду съ Богомъ (Исх. 5, 3. Іезек. 19, 30; 34, 2—31. Мих. 6, 1—2. Ос. 5, 1) за то, что они опустошили виноградникъ Божій (Иса. 3, 14. Іерем. 2, 9), грозятъ имъ проклятіемъ Божиимъ, если они не приложатъ сердца своего къ тому, что слышатъ (Малах. 2, 1—2). Іезекіиль почти буквально повторяетъ нѣкоторые законы, очевидно, основательно забытые священниками (Іезек. 44, 9—46. 20). Если пророки обличаютъ священниковъ, грозятъ имъ судомъ и осужденіемъ, то очевидно, что пророчество—высшій институтъ, который былъ какъ-бы постояннымъ ревизоромъ или контролеромъ, смотрѣвшимъ за исполненіемъ закона. Народъ жилъ по закону и въ этой жизни возглавлялся священствомъ, но иногда и народъ, и священство уклонялись отъ путей закона. Тогда Богъ вразумлялъ народъ чрезъ Своихъ предста-

вителей—пророковъ. Эти земные представители Иеговы, естественно, были выше народныхъ представителей—священниковъ; инициатива и руководство въ религіозномъ завѣтѣ должны принадлежать Богу. Богъ далъ законъ; Онъ же возбуждаетъ людей и къ исполненію этого закона, возбуждаетъ увѣщаніями и угрозами. Какъ законъ былъ данъ чрезъ пророчество, такъ чрезъ пророчество Богъ и заботился о томъ, чтобы народъ исполнялъ этотъ законъ себѣ на благо. Въ этомъ отношеніи дѣятельность пророковъ была доведена до совершеннаго конца воплотившимся Сыномъ Божиимъ, въ дѣлѣ котораго старинныя догматики выдѣляли между прочимъ и «пророческое служеніе».

Но поддержаніемъ закона не ограничивалось отношеніе пророчества къ закону. Въ законѣ была изложена норма отношеній Бога и Израиля. Возвышенныя религіозно-нравственныя истины въ законѣ даны были въ доступной народному пониманію внѣшней формѣ. Въ законѣ былъ развитъ чисто внѣшній формализмъ. Этому формализму законному служило священство. Но законный формализмъ долженъ былъ служить только средствомъ для воспитанія народа и его внутренняго обновленія. Необходимо было уяснить духъ всей законной формальности и обрядности, указать духъ законной буквы, внутреннюю истину во внѣшней формѣ. Истинный смыслъ закона не могъ скоро и сразу сдѣлаться достояніемъ народа; воспитаніе народа и проясненіе въ его сознаніе внутренняго смысла закона могли идти только медленно и постепенно, но должны были идти. Пророчество и служило этой высокой цѣли закона. Задачей пророчества было развитіе религіозно-нравственнаго сознанія народа въ связи съ закономъ (Второзак. 12. 2—4) путемъ постепенно раскрытія чистыхъ истинъ закона. Задача пророчества въ отношеніи къ народу, имѣвшему уже у себя законъ и такъ или иначе исполнявшему его, была нравственно-педагогической; она состояла «въ религіозно-нравственномъ воспитаніи, въ оживотвореніи мертваго формализма закона и раскрытіи его духовнаго смысла въ примѣненіи къ обстоятельствамъ народной жизни. Ветхозавѣтное пророчество было духомъ, оживлявшимъ законный формализмъ» (Вержболовичъ) ¹⁾. Въ своемъ внутреннемъ уразумѣніи закона пророки возвыша-

¹⁾ См. подробно въ статьѣ: „Отношеніе пророковъ къ обрядовому закону Моисея“. Чтенія въ обществѣ любителей Духовнаго Просвѣщенія. 1889, I, 217--257.

лись до понятій почти новозавѣтныхъ. Пророки были и въ этомъ отношеніи предшественниками Христа, который и Самъ приходилъ именно *исполнить* законъ (Матѳ. 5, 17), показать его идею, намѣреніе, довести его до полного конца. Моральное толкованіе пророками закона открываетъ въ этомъ законѣ высокія нравственныя понятія. Пророкъ Исаія вооружается противъ господствовавшаго номизма; все заповѣдь на заповѣдь, правило на правило, тутъ немного и тамъ немного (Иса. 28, 10, 13). Возмущаетъ пророка и исключительно внѣшнее богопочитаніе, по которому народъ приближается къ Богу, а сердце его отстоитъ далеко отъ Бога (Иса. 29, 13). Къ чему мнѣ множество жертвъ вашихъ? говоритъ Господь. Я пресыщенъ всесоженіями овновъ и тукомъ откормленнаго скота; и крови тельцовъ и агнцевъ, и козловъ не хочу. Кто требуетъ отъ васъ, чтобы вы топтали дворы Мои (Иса. 1, 11—12)? Можно-ли угодить Господу тысячами овновъ или неисчислимыми потоками елея (Мих. 6, 7)? Богъ хочетъ милости, а не жертвы, боговѣдѣнія болѣе нежели всесоженій (Ес. 6, 6). А потому пророки говорятъ о другой, высшей жертвѣ Богу. О человѣкъ! сказано тебѣ, что добро и чего требуетъ отъ тебя Господь: дѣйствовать справедливо, любить дѣла милосердія и смиренномудренно ходить предъ Богомъ твоимъ (Мих. 6, 8). Научитесь дѣлать добро; ищите правды; спасайте угнетеннаго; защищайте сироту; вступайтесь за вдову (Иса. 1, 17); производите судъ справедливыи, оказывайте милость и состраданіе каждый къ брату своему—*et ahiv* (Захар. 7, 9; но *ah* (братъ) равно-ли здѣсь—*ben-ab* или *ben-em*, т. е. сынъ отца или сынъ матери?). Въмѣсто потоковъ елея, пусть, какъ вода, течетъ судъ, и правда, какъ сильный потокъ (Амос. 6, 24). Понятіе *kadosch* въ смыслѣ левитской нечистоты у пророковъ получаетъ высшій этический смыслъ. Омойтесь, очиститесь; удалите злыя дѣянія ваши отъ очей Моихъ; перестаньте дѣлать зло (Иса. 1, 16). Иногда пророки понимаютъ чистоту и святость въ совершенно евангельскомъ значеніи. Такъ Захарія говоритъ: зла другъ противъ друга *не мыслите въ сердцахъ вашихъ* (Захар. 7, 10. Срвн. Матѳ. 5, 28). Столь же высокій смыслъ придають пророки и посту, совершенно такой же, какой придаетъ ему известная великопостная стихира, и составленная изъ выраженій пророческихъ. Когда спрашивали у священниковъ, постились-ли? пророкъ Захарія отъ лица Божія говоритъ: для Меня-ли вы постились? для Меня-ли? И когда вы ѣдите, и

когда ѡете, не для себя-ли вы ѡдите, не для себя-ли ѡете? Не тѣ-же слова провозглашалъ Господь чрезъ прежнихъ пророковъ (Захар. 7, 5—7)? А что именно провозглашалъ Господь чрезъ прежнихъ пророковъ? Вотъ вы поститесь для ссоры и распрей. Таковъ-ли тотъ постъ, который Я избралъ? Вотъ постъ, который Я избралъ: разрѣши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенныхъ отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо. Раздѣли съ голоднымъ хлѣбъ твой, и скитающихся бѣдныхъ введи въ домъ; когда увидишь нагого, одѣнь его, и отъ однократнаго твоего не укрывайся. Тогда откроется, какъ заря, свѣтъ твой, и исцѣленіе твое скоро возрастетъ, и правда твоя пойдетъ предъ тобою, и слава Господня будетъ сопровождать тебя (Иса. 58, 4—9). Такимъ образомъ, въ устахъ пророковъ сухія кости закона получали не только плоть и жилы, но и духъ. Этотъ духъ и старались пророки поставить на мѣсто помизма и строгости закона; они возвѣщаютъ горе тѣмъ, кто поставляетъ несправедливые законы и пишутъ жестокія рѣшенія (Иса. 10, 1). Въ такомъ-то одухотвореніи закона и лежало, главнымъ образомъ, религіозное творчество пророковъ. Священникъ долженъ былъ исполнять законъ такъ, какъ онъ написанъ; отъ него большаго не требуется, но пророкъ уразумѣваетъ духъ и намѣреніе закона. Если священникъ былъ учителемъ народа, то пророкъ могъ быть учителемъ и священства.

Пророки не ограничивались только ученіемъ и проповѣдью; они и организовывали вокругъ себя жизнь на чисто религіозныхъ началахъ. Вокругъ пророковъ собирались ревнители вѣры, и пророки руководили ихъ жизнью. Мы разумѣемъ такъ называемыя *пророческія школы*. Употребляя этотъ терминъ, не слѣдуетъ забывать замѣчанія митрополита Филарета, что онъ выдуманъ нѣмцами, которые полагаютъ, будто лучше ихъ университетовъ и нѣтъ ничего. Говоря о пророческихъ *школахъ*, слѣдуетъ совершенно отрѣшиться отъ современныхъ представлений о школахъ. Пророческія школы, называемыя сонмами пророческими (1 Царствъ 10, 5. 10; 19, 19—24) и сынами пророческими (4 Царствъ гл. 4, 6 и др.), можно представлять только религіозными учебно-воспитательными институтами, имѣвшими какъ-бы монастырскій распорядокъ общей жизни ¹⁾.

¹⁾ Подробно см. *Владимира Троицкаго*: Ветхозавѣтныя пророческія школы. Вѣра и Разумъ, 1908, № 18, стр. 727—740; № 19, стр. 9—20; № 20, стр. 188—201.

Дѣятельность пророковъ въ отношеніи этихъ пророческихъ школъ можно представлять такъ. Люди, благочестиво настроенные, ревнители закона собирались вокругъ пророковъ, составляли болѣе тѣсный кругъ учениковъ. Въ этомъ кружкѣ члены вели особенную религіозную жизнь. Пророкъ стоялъ во главѣ этихъ сонмовъ, руководилъ религіознымъ образованіемъ и воспитаніемъ и всегда самъ былъ мудрымъ наставникомъ въ религіозно-нравственной жизни. Пророки собирали вокругъ себя лучшую часть народа, и сыны пророческіе могли быть наставниками другихъ, религіозно-нравственной опорой своего времени. Собирая вокругъ себя религіозныхъ людей и развивая ихъ въ религіозно-нравственномъ направленіи, пророки достигали того, что нѣкоторые изъ сыновъ пророческихъ сами удостоивались откровеній и могли быть помощниками пророковъ въ дѣлѣ ихъ служенія. Библия и сохранила одинъ случай, когда Елисей пророкъ призвалъ одного изъ сыновъ пророческихъ и сказалъ ему: опояшъ чресла свои, и возьми сей сосудъ съ елеемъ въ руку свою, и пойди въ Рамоѣ Галаадскій, помажь Ііуя, сына Іосафатова, сына Намессіева въ царя надъ Израилемъ (4 Царствъ 9, 1—10). Такимъ образомъ, пророки не только сами были опорой своего времени, но они и собирали вокругъ себя людей доброй воли. Пророки поэтому и были колесницей Израиля и конницей его. Когда умеръ Елисей, то пришелъ къ нему Іоасъ, царь Израильскій, и плакалъ надъ нимъ, и говорилъ: отецъ мой! отецъ мой! колесница Израилева и конница его (4 Царствъ 13, 14)! И двѣнадцать пророковъ—да процвѣтутъ кости ихъ отъ мѣста своего! спасали Іакова вѣрною надеждою (Сирах. 49, 12).

Такова была дѣятельность Божественныхъ посланниковъ-пророковъ. Они всегда стояли на высотѣ своего положенія и призванія. Падалъ народъ, падали и священники, но пророки всегда были духовными вождями народа; ихъ голосъ всегда и неизмѣнно раздавался, какъ громъ, и заставлялъ людей опомниться и исправиться. Отступавшій отъ Бога народъ часто хотѣлъ видѣть въ пророкѣ только забавнаго пѣвца съ пріятнымъ голосомъ (Іезек. 33, 32), хотѣлъ слышать только то, что усыпляло дремлющую совѣсть. Если какой пророкъ предсказывалъ миръ, то тогда только признавали его за пророка (Іерем. 28, 9). Отъ пророка требовали, чтобы они не пророчествовали правды, а говорили только лестное: сойдите съ дороги, уклонитесь отъ путей, устраните отъ глазъ нашихъ Святаго Израилева (Иса. 30,

10—11). Такія требованія соединялись съ утрезами; напр., мужи изъ Анаѳоа говорили: не пророчествуй во имя Господа, чтобы не умереть тебѣ отъ рукъ нашихъ (Іерем. 11, 21). Шемаіа Хехеламитянинъ писалъ во Іерусалимъ: почему не запретишь Іереміи Анаѳоескому пророчествовать у васъ (Іерем. 29, 25—32). Пророковъ и подвергали гоненіямъ. Пасхортъ, сынъ Еммеровъ, священникъ, онъ же и надзиратель въ домъ Господнемъ... ударилъ Іеремію и посадилъ его въ колоду (*mareshet*—2 Паралип. 16, 10), которая была у верхнихъ воротъ Веніаминovýchъ (Іерем. 20, 1—2); того же пророка Седекія заключалъ во дворъ стражи (Іерем. 32, 2); священники и пророки и весь народъ послѣ одной рѣчи Іереміи схватили его и сказали: ты долженъ умереть! требовали для пророка смертнаго приговора (Іерем. 26, 7—9. 11). Тяжела была жизнь пророка (Іерем. 20, 14—18), но ничто не заставляло пророка измѣнить своему призванію; онъ всегда былъ, какъ огонь, и слово его всегда горѣло, какъ свѣтильникъ (Сирах. 48, 1). Священники, какъ мы отмѣчали уже, нерѣдко совершенно подчинялись государственной власти, участвовали въ политической борьбѣ династїи и партїи. Не то представляло пророчество. Пророчество участвовало только въ борьбѣ между добромъ и зломъ. О пророчествѣ вообще можно сказать, что Сирахъ говоритъ о пророкѣ Елисеѣ: онъ не трепеталъ предъ княземъ, ничто не одолѣло его (48, 13—14), а также и то, что Господь говоритъ объ Іереміи: будутъ ратовать противъ тебя, но не превозмогутъ тебя (Іерем. 1, 18—19)!

Уже изъ самаго понятія пророчества слѣдуетъ, что пророкомъ не можетъ быть названъ тотъ, кто этого недостойнъ. Названія «ложный пророкъ» или «недостойный пророкъ» совершенно не понятны. Ложный пророкъ, это—*contradictio in adjecto*; ложный, слѣдовательно, не пророкъ, не посланный Богомъ, и если пророкъ допустить обольстить себя, и «скажетъ слово такъ какъ-бы Я, Господь, научилъ этого пророка, то Я простру на него руку Мою, и истреблю его изъ народа Моего Израили,—говорилъ Іегова» (Іезек. 14, 9). Ложный пророкъ не есть пророкъ, недостойнъ своего имени и званія, онъ самозванецъ, обманщикъ, имитация. Потому-то въ Библии даютъ ея признаки, по которымъ имитацию можно отличить отъ дѣйствительнаго пророчества. Такихъ признаковъ два: 1) пророчество ложнаго пророка не исполняется, и 2) онъ говоритъ отъ имени иныхъ боговъ. Оба эти признака должны быть на лицо вмѣстѣ: истинный про-

рокъ долженъ и говорить отъ лица Иеговы, и пророчество его должно исполняться. Какъ мы узнаемъ слово, которое не Господь говорилъ? Если пророкъ скажетъ именемъ Господа, по слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорилъ сіе слово, но говорилъ сіе пророкъ по дерзости своей,—не бойся его (Второзак. 18, 21—22). Господь дѣлаетъ ничтожнымъ знаменіе лжепророковъ и обнаруживаетъ безуміе волшебниковъ; утверждаетъ же слово раба Своего, и приводитъ въ исполненіе изреченіе Своихъ посланниковъ (Иса. 44, 25—26). Указанный критерій былъ общеупотребительнымъ (Иса. 5, 19; Иерем. 17, 15; 28, 9. Иезек. 12, 22; 33, 33). Все, что ни скажетъ, сбывается—это явный признакъ истинности пророка (1 Цар. 3, 19; 9, 6). Сами прорки указывали на то, что ихъ пророчества сбываются (3 Царствъ 22, 28; Захар. 1, 6. Срви. Іоан. 10, 37—38; 15, 24). Истинный пророкъ говоритъ именемъ одного Иеговы; кто же говоритъ отъ имени иныхъ боговъ, тотъ не пророкъ, хотя-бы слово его случайно и сбылось. Если пророкъ представить тебѣ знаменіе или чудо и сбудется то знаменіе или чудо, но если онъ скажетъ притомъ: пойдѣмъ вслѣдъ боговъ иныхъ, которыхъ ты не знаешь, и будемъ служить имъ, то не слушай словъ пророка сего (Второзак. 13, 1—3), такого пророка предайте смерти (Второзак. 18, 20), ибо что общаго у мякины съ чистымъ зерномъ (Иерем. 13, 28). Какъ можно видѣть изъ этихъ признаковъ, пророчество можетъ быть только истиннымъ, остальное же только самозванное подражаніе, которое слѣдуетъ разоблачать. Священникъ остается священникомъ, хотя-бы онъ былъ и недостойнъ своего званія; онъ дѣлается священникомъ по самому своему рожденію отъ потомка Аарона. Пророкъ же, если онъ недостойнъ, уже не пророкъ; пророчества никто самъ на себя взять не можетъ, но только особый «званный отъ Бога».

З а к л ю ч е н і е.

Въ заключеніе обобщимъ все сказанное о принципахъ ветхозавѣтнаго священства и пророчества.—Священникъ есть народный представитель и предстатель въ религіозной жизни; пророкъ.—Божественный посланникъ и руководитель народа. Священникъ—исполнитель закона, а чрезъ пророчество Богъ устанавливаетъ этотъ законъ и одухотворяетъ его. Религіозное творчество принадлежитъ пророчеству, а священство переживаетъ

вмѣстѣ съ народомъ результаты этого творчества. Если обратить вниманіе на взаимоотношеніе пророчества и священства, то нельзя считать одного института добавленіемъ къ другому, нельзя на пророчество смотрѣть, какъ на одну, далеко не первую, изъ іерархическихъ степеней. Нѣтъ, пророчество и священство—самостоятельные и отдѣльные институты, каждый со своими принципами. Напрашивается слѣдующее краткое опредѣленіе принципиальнаго взаимоотношенія священства и пророчества: священство—носитель и олицетвореніе религіознаго быта; пророчество—носитель религіозныхъ идеаловъ. Идеалы небесны, а бытъ всегда бываетъ земнымъ. Идеалы всегда далеко опережаютъ бытъ; бытъ всегда отстаютъ отъ идеаловъ. Но идеалы могутъ осуществляться только чрезъ бытъ; безъ идеаловъ же бытъ не можетъ развиваться. Когда отлетаютъ отъ земли идеалы, тогда замираетъ всякая жизнь, тогда Богъ оставляетъ или забываетъ землю. Такимъ наказаніемъ Божіимъ для земли и считаетъ Библия лишеніе пророчества. За грѣхи народа пророки не сподобляются видѣній (Плачь Іереміи 2, 9; 4, 13). О тѣхъ временахъ, когда запечатаны будутъ видѣнія и пророчество (Дан. 9. 24), пророки говорятъ, какъ о временахъ наказанія,—такихъ временахъ, когда Богъ отвращаетъ лицо Свое (Іезек. 7, 22): бѣда пойдетъ за бѣдою, и будутъ просить у пророка видѣнія, и не станутъ совѣта у старцевъ. Поступлю, говоритъ Господь, съ ними по путямъ ихъ, и по судамъ ихъ буду судить ихъ (Іезек. 7, 26—27). Время, когда нѣтъ пророка, хотя есть священство, это—мрачное время, тогда люди остаются безъ небеснаго водительства, въ которомъ нуждается и священство. А потому и говорится въ псалмѣ: для чего, Боже, отринуть насъ навсегда; возгорѣлся гнѣвъ Твой на овецъ пажити Твоей. Знаменій нашихъ не видимъ, нѣтъ уже пророка, и нѣтъ съ нами, кто зналъ-бы, доколѣ это будетъ (Псал. 73, 1. 9). И была великая скорбь въ Израилѣ, какой не было съ того времени, какъ не видно стало у нихъ пророка (1 Маккав. 9, 27).

Владиміръ Троицкій.

Евангельское ученіе о любви къ ближнимъ.

(По поводу современныхъ ложныхъ толкованій этой заповѣди Спасителя).

I.

Не такъ еще давно мы пережили страшное время смуты, извѣстное подъ именемъ «освободительнаго движенія». Русь обливалась кровью, оглашалась стопами жертвъ революціи и освѣщалась заревомъ пожаровъ. Русь подѣлилась на множество политическихъ партій, которыя вступили между собою въ борьбу, продолжаютъ враждовать и понынѣ, страшно ослабляя государство. Въ то же время многоразличныя сектанты и прямо безбожники, воспользовавшись закономъ 17 апрѣля «о свободѣ совѣсти», въ трогательномъ единодушій ополчились на православную церковь, стараются соблазнить и расхитить ея вѣрныхъ чадъ, потрясти до основанія Православную вѣру—этотъ главный устой нашей исторической жизни. Всѣ эти въ высшей степени печальныя явленія, переживаемыя нами и нынѣ, бесспорно, свидѣтельствуютъ объ упадкѣ среди людей христіанской любви, какъ объединяющаго нравственнаго начала, и о пробужденіи среди нихъ чувства вражды, злобы, крайняго эгоизма. Но, надо замѣтить, никогда на Руси не раздавалась такъ громко, такъ настойчиво проповѣдь о любви къ ближнимъ, какъ во время смуты и въ настоящее время! И замѣчательно: проповѣдь эта раздается не только изъ устъ пастырей церкви, призванныхъ своимъ служеніемъ проповѣдывать «временне и безвременне» эту заповѣдь Спасителя, не только изъ устъ христіанъ, но о любви къ ближнимъ во Имя Христа стали говорить тѣ, кто давно забылъ Христа, отпалъ отъ Церкви, кто совершенно не вѣритъ въ Бога. Не такъ еще давно послѣдователи явнаго врага церкви Л. Толстого по поводу его юбилея съ негодованіемъ

вспоминали объ отлученіи его отъ Церкви и обливали грязью въ газетахъ извѣстнаго направленія тѣхъ пастырей церкви, которые заявили протестъ противъ чествованія Толстого; за это ихъ обозвали человѣконенавистниками. Во имя любви къ ближнимъ сектанты требуютъ подъ видомъ свободы совѣсти права пропаганды своего лжеученія и упрекаютъ тѣхъ, кто требуетъ сграпиченія ихъ въ этомъ дѣлѣ, т. е. упрекаютъ въ забвеніи заповѣди Христа о любви къ ближнимъ. Во имя любви Христа инородцы требуютъ автономіи, а евреи полного равноправія. О любви къ ближнимъ, требуя отмѣны смертной казни, вопіютъ революціонеры, сами изобрѣтая адскія способы убійства неугодныхъ имъ лицъ.

О любви къ ближнимъ кричали и иные «освободители», рукоплескавшіе при извѣстіи объ убійствѣ Дубасова, (къ счастью ложномъ). Во имя любви къ ближнимъ наши либералы, поддерживаемые иностранцами и революціонерами, требовали прекращенія войны съ Японцами въ то время, когда Россія, собравъ свои силы, надѣялась послѣднимъ мощнымъ ударомъ сломить врага и возвратитъ свою былую славу и могущество. Эта своеобразная проповѣдь о любви къ ближнимъ, эти назойливые упреки въ отсутствіи у насъ любви, въ человѣконенавистничествѣ, направленные по адресу правительства, церкви православной и ея пастырей, породили такой самбуръ въ умахъ нашего общества, что даже вѣрные сыны церкви приходятъ въ смущеніе и не знаютъ, кто правъ, кто виноватъ. Болѣе чѣмъ благо- временно разобратся въ этомъ вопросѣ и предложить уяснить эту заповѣдь Спасителя, согласно ученію православной Церкви.

II.

Приведемъ подлинныя слова Спасителя о любви къ ближнимъ. На вопросъ одного законника, какая наибольшая заповѣдь въ законѣ, Иисусъ Христосъ сказалъ: «возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душой твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ; сія первая и наибольшая заповѣдь; вторая же подобна ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждаются законъ и пророки».

Въ прощальной бесѣдѣ послѣ тайной Вечери, Иисусъ Христосъ завѣщалъ въ лицѣ Своихъ учениковъ всѣмъ своимъ послѣдователямъ: «Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга. Какъ

Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. Потому узнаютъ, что вы Мои ученики, если вы будете имѣть любовь между собою (Іоан. 13, 34, 35). Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ». Съ особенной же подробностью и глубиной раскрылъ Господь свое ученіе о любви къ ближнимъ въ нагорной проповѣди: «Вы слышали, что сказано древнимъ: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вамъ, любите враговъ вашихъ, благославляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ и молитесь за обидѣвшихъ васъ и гонящихъ васъ; да будете сынами Отца вашего небеснаго, ибо Онъ повелѣваетъ солнцу Своему всходить надъ злыми и добрыми, посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Итакъ, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не такъ ли поступаютъ и язычники? И такъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный (Мѡ. 5. 43—48).

Со времени Христа въ христіанскомъ мірѣ всякій поступокъ пріобрѣтаетъ нравственную цѣнность сообразно тому, насколько онъ проникнутъ любовью христіанскою. «Мы знаемъ», говоритъ Іоаннъ Богословъ, «что мы перешли отъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ; не любящій брата пребываетъ въ смерти. Любящій брата своего во свѣтѣ пребываетъ и соблазна въ немъ нѣтъ, а ненавидящій брата своего во тьмѣ ходитъ и не знаетъ, куда идетъ, потому что тьма слѣпастъ очи его» (Іоан. 11—10—11).

Съ особой энергіей эту мысль развиваетъ апостолъ Павелъ: «Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣлъ звенящая или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны и имѣю всякое познание и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы» (1 кор. XIII, 1—3).

Таково возвышенное Евангельское ученіе о любви къ ближнимъ. Это ученіе явилось поистинѣ новою заповѣдью по своей возвышенности, глубинѣ и всеобщности. Заповѣдь эта освѣтила всю глубину человѣческой души, которая по природѣ христіанка, но была заражена и осквернена грѣхомъ. Подобно яркому солнцу возсіяло это новое ученіе Спасителя надъ грѣшнымъ из-

страдавшимъ человѣчествомъ и указало ему путь къ безграничному нравственному совершенству. Но еще праведный Симеонъ, принявши въ свои объятія младенца Іисуса, предсказалъ: «Сей лежитъ на паденіе и на возстаніе многихъ во Израилѣ и въ предметъ пререканій» (Лук. 2. 34).

Двадцать вѣковъ уже прошло со времени рожденія Христа, а Его Божественное ученіе является и понынѣ предметомъ пререканій. Возвышенное ученіе Спасителя о любви къ ближнимъ особенно въ послѣднее время является предметомъ пререканій для многихъ. Русскіе моралисты, послѣдователи Толстого, преслѣдующіе извѣстныя политическія цѣли, съ особой настойчивостью стараются привить русскимъ людямъ ложное ученіе о томъ, что а) любовь къ ближнимъ и даже врагамъ въ практической жизни должна осуществляться полнымъ непротивленіемъ злу, б) что любить всѣхъ надо одинаково, такъ какъ предпочтительная любовь однихъ предъ другими не соотвѣтствуетъ ученію Спасителя о любви къ ближнимъ и носить въ себѣ зачатки человѣконенавистничества: в) что война и смертная казнь категорически запрещается этимъ ученіемъ, и Церковь православная, не осуждая рѣшительно въ нѣкоторыхъ случаяхъ этихъ явленій въ жизни общества и государства, тѣмъ самымъ погрѣшаетъ противъ христіанскаго ученія о любви къ ближнимъ. Справедливы-ли эти мнѣнія толстовцевъ? Нѣтъ.

Вышеупомянутыя толкованія толстовцами ученія Спасителя о любви къ ближнимъ отличаются крайней односторонностью и вытекаютъ изъ неправильнаго пониманія ими: а) источника христіанской любви, б) законовъ ея развитія и воспитанія въ сердцахъ вѣрующихъ и г) отношенія этого возвышеннаго христіанскаго ученія къ государственному законодательству, или что то же—отношенія церкви къ государству.

III.

Любовь христіанская коренится въ богоподобной сущности души человѣческой, созданной по образу и подобию Божію. Богъ, по апостолу, есть любовь, и Богъ отражается въ душѣ человѣка, какъ любовь ко всему возвышенному, чистому, благородному, прекрасному, и прежде всего къ Богу, какъ своему Творцу и идеалу и затѣмъ ко всѣмъ живымъ разумнымъ существамъ, отражающимъ въ себѣ богоподобныя свойства. Богъ

есть любовь и всякій любящій рожденъ отъ Бога. (1 Ин. 4. 7 и 8), говоритъ Иоаннъ Богословъ. Любовь къ Богу должна заполнить всю душу человѣка, его умъ, сердце и волю, такъ чтобы «ни тѣснота, ни гоненія, ни голодъ, ни нагота, ни бѣда, ни мечъ, ни смерть и прочее не могли насъ разлучить отъ любви Божіей (Рим. 35—39).

Любовь насъ связываетъ съ Идеаломъ любви—есть—отображеніе Первообраза, связываетъ насъ также съ ближними, изъ коихъ каждый носитъ въ себѣ образъ *вѣчной любви*. Безъ любви къ Богу невозможно истинная христіанская любовь къ ближнимъ. Отъ любви къ Богу, какъ отъ источника, рождается въ душѣ человека любовь къ ближнимъ и эта послѣдняя получаетъ свои характерныя черты отъ своего источника *любви—къ Богу*. Богъ есть жизнь, дѣятельность: «Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю», говорилъ Христосъ, посему и любовь христіанская должна быть дѣятельною любовью, а не пассивнымъ только благодушнымъ и благожелательнымъ отношеніемъ къ ближнимъ... «Не любите словомъ, или языкомъ, но дѣломъ и истинной», учитъ насъ Христосъ. Она коренится въ области воли, а не только одного чувства. Богъ есть абсолютная истина, свѣтъ, добро, а между истиной и ложью, свѣтомъ и тьмой, добромъ и зломъ не можетъ быть никакого общенія; и наоборотъ, самая упорная, неослабѣвающая, энергичная *борьба!* А потому и христіанская любовь отнюдь не можетъ быть пассивнымъ чувствомъ безразличнаго отношенія къ проявленію зла, какъ этого требуютъ отъ насъ современные моралисты Толстовцы, а наоборотъ, она то должна побуждать насъ къ *борьбѣ* съ ложью и зломъ, во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, и эта любовь сообщаетъ борьбѣ непоколебимую энергію, мужество и стойкость до смерти. Вотъ почему и союзъ людей, объединенныхъ такою *истинною христіанскою любовью*, называется Церковью *воинствующей*, и каждый членъ этой Церкви надѣется получить рѣнецъ отъ Господа въ жизни загробной, какъ борецъ, *воинъ Христовъ* и *побѣдитель зла* въ этомъ мірѣ, а не какъ равнодушный созерцатель зла. Истинный христіанинъ, дѣйствительно любящій Бога, долженъ горѣть ревностью Иліи къ славѣ Божіей, къ славѣ Его Святой Церкви, и если онъ видитъ оскорбленіе своихъ священнѣйшихъ чувствъ любви къ Богу и матери своей церкви, онъ отнюдь не долженъ быть равнодушнымъ, пассивнымъ зрителемъ поруганія его святины, какъ этого требуютъ

сть насъ непротивленцы, а напротивъ, со всей энергіей возмущеннаго чувства, горя благороднымъ негодованіемъ, онъ долженъ выступить на защиту своихъ святынь, на борьбу съ кощунниками, хулителями Духа Святого. Конечно, мѣры этой борьбы со зломъ должны соответствовать духу Божественной христіанской любви: онѣ должны быть чужды злобы, мстительности, вражды, но въ то же время чужды дряблой сентиментальности, чувства ложной гуманности. Когда христіане видятъ, какъ во имя «пресловутой свободы слова» начинаютъ кощунствовать надъ ихъ святынями, какъ въ возмутительно циничныхъ выраженіяхъ высмѣиваютъ истины Св. Евангелія, какъ уже на сцену выводятъ Евангельскихъ лицъ на потѣху праздно и развращенной толпы, христіане со всей силою оскорбленнаго религіознаго чувства должны заявить свой протестъ. Огнемъ ревности къ Славѣ Божіей должны горѣть прежде всего пастыри церкви. Какъ громъ небесный должна гремѣть ихъ рѣчь, обличая кощунниковъ и безбожниковъ, кто бы они ни были. Они должны, не боясь оскорбить фарисейскій слухъ современныхъ мнимыхъ моралистовъ, заклеить предъ всѣмъ народомъ поступки кощунниковъ настоящимъ ихъ именемъ. Пастыри должны въ этомъ случаѣ изрекать не одни благословенія, но и «горе» беззаконникамъ по примѣру Христа. Спаситель былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, но Онъ горѣлъ Божественнымъ негодованіемъ противъ фарисеевъ, лицемѣровъ и изрѣкалъ имъ горе въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. «Горе вамъ книжники и фарисеи, лицемѣры, что унодобляетесь окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты... Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что строите гробницы пророкамъ и украшаете памятники праведниковъ и говорите: если бы мы были во дни отцовъ нашихъ, то не были бы сообщниками ихъ въ пролитіи крови пророковъ... Зміи, порожденія ехидны! какъ убѣжите вы отъ осужденія въ геенну?... Да придетъ на васъ вся кровь праведная, пролитая на землѣ отъ крови Авеля праведнаго, до крови Захаріи, сына Варахїина, котораго вы убили между храмомъ и жертвенникомъ»... Пусть не забываютъ этихъ словъ Спасителя наши либеральные моралисты, проповѣдующіе подъ видомъ христіанской любви, дряблую маниловщину.

Христосъ дѣйствительно прощалъ невѣжественныхъ іудеевъ, причинявшихъ лично Ему обиды и оскорбленія, и молился за

нихъ на крестѣ: «Отче! прости имъ, не вѣдять бо что творять». Но тотъ же Христосъ, видя поруганія святыни Храма—«дома Отца Своего», сдѣлалъ бичъ изъ веревокъ, выгналъ изъ двора храма всѣхъ продажныхъ жертвенныхъ животныхъ и опрокинулъ столы денежныхъ мѣняль. (Ин. 2, 15). Какъ въ этомъ случаѣ Евангельскій Христосъ далекъ отъ Христа, созданнаго сентиментальнымъ воображеніемъ современныхъ моралистовъ—непротивленцевъ! И пастыри церкви, подражая Христу въ Его ревности о славѣ Отца Небеснаго, должны извергать отъ ограды Церкви всѣхъ отъявленныхъ безбожниковъ, кощунниковъ, хулителей Духа Святого, подобныхъ Толстому, согласно заповѣди Спасителя: «Если и Церковь преслушаетъ, да будетъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь» (Мѡ. 18, 17). Намъ могутъ возразить: вы забываете о мирѣ, который проповѣдуетъ Евангеліе, вы своимъ ученіемъ можете внести раздоръ и раздѣленіе. На это возраженіе мы отвѣтимъ словами приснопамятнаго Святителя Амвросія «Надъ умами нашихъ образованныхъ людей тяготѣетъ ложное мнѣніе о мирѣ мнимо христіанскомъ, объ осторожности относительно иновѣрцевъ и сектантовъ (и т. г. интеллигентовъ-безбожниковъ, прибавимъ мы отъ себя) изъ опасенія раздражать умы, и страха произвести въ обществѣ смуту и безпорядки. Здѣсь смѣшеніе двухъ понятій христіанскихъ: о мирѣ внѣшнемъ и духовной ревности по вѣрѣ православной. Относительно внѣшняго мира апостоль Павелъ говоритъ: «если возможно съ своей стороны, будьте въ мирѣ со всѣми людьми (Рим. 12, 18). А относительно ревности по вѣрѣ Самъ Господь сказалъ: «Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ (Мѡ. 10, 13). Огонь Я пришелъ низвести на землю; и какъ Я желалъ бы, чтобы Онъ уже возгорѣлся (Мѡ. 12, 25). Этотъ мечъ духовный есть огонь ревности и борьбы вѣрующаго за Божественную истину съ человѣческими заблужденіями... Эта борьба простирается не только на всѣ христіанскія общества, но и на семейства. «Я пришелъ», говоритъ Господь: «раздѣлить человѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью ея и враги человѣку домашніе его» (Мѡ. 10, 35, 36).—Исторія Церкви представляетъ намъ многочисленныя примѣры того, какъ ученіе христіанское внесло явное раздѣленіе въ общества и семьи. Дѣти, дѣйствительно возставали на своихъ родителей, отецъ предавалъ на добровольныя муки свое родное дитя изъ-за религіозныхъ убѣжденій (Св. Варвара Великомученица).

Но что же?—апостолы и первые проповѣдники развѣ прекращали свою проповѣдь, видя раздѣленіе общества, семействъ, видя, что ихъ послѣдователи подвергаются такимъ мукамъ за Имя Христова, о которыхъ мы не можемъ теперь вспомнить безъ ужаса? Нѣтъ! съ воодушевленіемъ продолжали они дѣло проповѣди, укрѣпляли своихъ послѣдователей, благославляли ихъ идти на муки, но отшодь не измѣняли своимъ убѣжденіямъ.

Современные проповѣдники дряблой маниловщины подъ видомъ христіанской любви и мира, назовутъ подобныя явленія жестокостью, бездушнымъ ригоризмомъ. О! они готовы сами каждый день мѣнять свои убѣжденія «страха ради іудейска» и то же самое совѣтовать своимъ послѣдователямъ. Но пусть же они не лицемѣрятъ и не прикрываютъ именемъ христіанской любви свою теплохладность, которая противна въ очахъ Господнихъ!

Любовь къ Богу и *нераздѣльная съ ней ревность къ Его Сла- вѣ* должна побуждать христіанъ заботиться о распространеніи, укрѣпленіи истинной вѣры и объ охранѣ драгоценнѣйшаго достоянія Божія—Его Святой Церкви—отъ расхищенія Ея чадъ хищными волками въ овечьихъ кожахъ. И должны помнить христіане, что духовное убійство—небреженіе о малыхъ сихъ—преступленіе убійства тѣлеснаго. «Не убойтесь», говоритъ Христосъ, «убивающихъ тѣло. Бойтесь того, кто по убіеніи можетъ свергнуть душу въ геенну огненную». (Лук. 12, 4).

Отсюда понятно, могутъ ли христіане не противиться злу, смотрѣть равнодушно на то, какъ сектанты, на прим., толстовцы безбожники, порнографы—эти духовные убійцы—соблазняютъ «малыхъ сихъ», питающихся еще молокомъ духовнымъ? Конечно, нѣтъ. Они явились бы въ такомъ случаѣ тягчайшими преступниками противъ заповѣди Спасителя о малыхъ сихъ, противъ заповѣди о любви къ ближнимъ. Равнодушіе, теплохладность къ дѣлу Господню есть величайшее преступленіе, осужденное Господомъ. Вотъ что говоритъ Господь непротивленцу, ангелу Лаодикійской Церкви: «Знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ. О, если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но такъ какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ» (Ап. 3. 15—16). Поэтому, когда Церковь Божию расхищаютъ многочисленныя сектанты и безбожники, христіане—прежде всего пастыри, а потомъ міряне—должны выступить на защиту своей вѣры, и на духовную борьбу съ духовными убійцами.

Мѣрами этой борьбы должны быть прежде всего вдохновенное слово, затѣмъ примѣръ собственной, истинно-христіанской жизни, а упорнымъ грѣшникамъ-хулителямъ Духа Святаго— грозная анаѣема. Но и гражданская власть, если только она— власть христіанская, если она искренно вѣритъ, что только православная церковь одна содержитъ истину, если только власть не прониклась религіознымъ индифферентизмомъ,—теплохладностью,—отнюдь не должна равнодушно взирать на то, какъ духовные убійцы губятъ души не окрѣпшихъ въ вѣру. Гражданскими узаконеніями она должна ограничить свободу пропаганды лжеученій. И это отнюдь не будетъ противорѣчіемъ христіанской любви и свободѣ совѣсти, о которой теперь такъ много кричатъ. Надо строго различать свободу совѣсти отъ свободы пропаганды. Христіанская любовь должна съ терпимостью относиться къ заблужденію ближнихъ и молиться за нихъ. Пусть заблудшій братъ вѣритъ, какъ ему угодно, пусть молится, какъ ему угодно. Преслѣдовать его за убѣжденія будетъ великимъ грѣхомъ противъ христіанской любви; долгъ же христіанина—заботиться объ его обращеніи на путь истины. Но позволить заблудшему распространять свои лжеученія, проявить свою злую волю ко вреду «малыхъ сихъ»—нельзя. Это было бы попустительствомъ злу, это явилось бы дѣйствіемъ, противнымъ любви къ истинѣ и къ ближнимъ. Проявленію воли злого человѣка, или заблудшаго, долженъ быть положенъ предѣлъ. И объ этомъ подъ страхомъ отвѣтственности предъ Богомъ, извергающимъ изъ устъ своихъ теплохладныхъ, должна помнить христіанская власть. Справедливо по этому поводу рассуждалъ приснопамятный святитель Амвросій: «согласно съ истиннымъ ученіемъ о любви и свободѣ совѣсти и начальники христіанскіе не должны смотрѣть, сложа руки, на распространеніе у насъ сектъ, а мѣрами, дозволенными закономъ, по слову апостола, должны «вразумлять безчинныхъ» (1 Сол. 5, 14), «заграждать уста пустослововъ» (Тим. 6, 10, 11), «удалять смущающихъ Церковь Божию» (Гал. 1, 7)... Ни одинъ благоразумный отецъ не позволитъ во имя свободы совѣсти, развращать своихъ дѣтей, прививать имъ идеи, которыя онъ считаетъ вредными. Онъ не станетъ въ присутствіи дѣтей вступать въ дебаты со всякимъ проходивцемъ, который бы сталъ сбивать съ толку его дѣтей, и укажетъ ему на дверь. Не такъ-ли должна поступать и христіанская гражданская власть, когда видитъ, что лжеучители вся-

каго рода развращаютъ нашъ простой народъ, этихъ «малыхъ сихъ», питающихся еще млекоуъ духовнымъ»!

Ни одна мысль не возбуждаетъ такихъ яростныхъ нападокъ со стороны сторонниковъ ложной «свободы совѣсти», какъ мысль объ ограниченіи свободы пронаганды ихъ ученій гражданскимъ законодательствомъ. Это они считаютъ насиліемъ надъ свободой: насиліе же говорятъ современные моралисты—непротивленцы, для христіанна безусловно недопустимо, хотя бы въ качествѣ сружія противъ зла, такъ какъ всякое насиліе противоположно любви, которая составляетъ законъ христіанской жизни. Однако, внимательное разсмотрѣніе этого вопроса, приводитъ всякаго безпристрастнаго человѣка къ заключенію, совершенно противоположному тому, что утверждаютъ толстовцы. Насиліе бываетъ правда, противоположно любви, *но не всегда*. Все зависитъ отъ того, во имя какихъ побужденій и къѣмъ оно совершается. Насиліе надъ свободой неразумнаго ребенка для огражденія его отъ явной опасности, очевидно, не противорѣчитъ любви; съ этимъ соглашается даже и Толстой.

Обузданіе *злой воли* есть дѣйствіе не только не противное любви къ ближнимъ, но напротивъ—требуемое любовью, какъ къ людямъ страдающимъ отъ злой воли, такъ и къ человѣку, проявляющему злую волю. Любовь къ ближнимъ обязываетъ насъ всячески способствовать благу ближнихъ и ограждать ихъ отъ зла. Это существенное требованіе *дѣятельной* любви. Можно ли въ такомъ случаѣ смотрѣть равнодушно на то, какъ злодѣй причиняетъ вредъ нашимъ ближнимъ? Можно ли не противиться злодѣю, не употребить надъ нимъ насилія, если мы видимъ, что онъ занесъ ножъ надъ нашимъ ближнимъ? Это можетъ допустить нелюбящій ближняго и бездушный эгоистъ!

Какъ же можетъ христіанская власть равнодушно смотрѣть на то, какъ духовные убійцы убиваютъ «малыхъ сихъ»? Это было бы съ ея стороны преступленіемъ противъ любви къ ближнимъ и заповѣди Спасителя о «малыхъ сихъ». Мы можемъ еще снести насиліе, обиду, вредъ, причиняемый *намъ лично*, но относиться равнодушно къ дѣйствію, причиняющему вредъ нашимъ ближнимъ, мы не имѣемъ нравственнаго права. Ссылка непротивленцевъ на слова Спасителя «не противься злему», не выдерживаетъ критики. Эти слова Христа легко уясняются контекстомъ рѣчи. Христосъ говоритъ: «Вы слышали, что сказано: око за око, зубъ за зубъ. А Я говорю вамъ: не противься злему,

но кто ударить тебя въ правую щеку, обрати ему и другую» (Матѣ. 5, 38—39). Здѣсь заповѣдь непротивленія сопоставляется съ ветхозавѣтнымъ допущеніемъ мести. Местъ истекаетъ всегда изъ гнѣвнаго настроенія обиженнаго и составляетъ естественную реакцію съ его стороны на обиду. Вотъ объ этомъ то настроеніи и говоритъ Христосъ. Гнѣвному, враждебному чувству и дѣйствию Онъ и противопоставляетъ идеаль христіанской настроенности—кротость и незлобіе при обидахъ и оскорбленіяхъ, которыя касаются при томъ нашей личности. «Непротивься»,—въ этомъ случаѣ значитъ: будь терпѣливъ, снисходителенъ, мягокъ къ своимъ ближнимъ и не давай мѣста въ своемъ сердцѣ мстительному чувству. Что именно такъ надо понимать эти слова Спасителя, а *не буквально*—это подтверждаетъ самъ Спаситель своимъ примѣромъ. Когда на судѣ первосвященника, Юдо ударилъ архіерейскій слуга въ щеку, то Онъ не подставилъ другой щеки, а съ *укоромъ* сказалъ: «за что ты Меня бьешь? Если Я сказалъ худо, покажи, что худо. А если Я сказалъ хорошо, за что ты Меня бьешь»? При томъ нужно замѣтить, что слова Спасителя о непривлеченіи злему относятся къ *личнымъ обидамъ*, наносимымъ намъ, а не нашимъ ближнимъ. Въ Евангеліи нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы говорилось, что мы равнодушно должны относиться къ вреду, наносимому нашимъ ближнимъ. Напротивъ, выраженіе Спасителя: «больше этой любви никто не можетъ имѣть, если кто душу положитъ за други своя» указываетъ ясно на обязанность нашу защищать нашего ближняго отъ зла и эта защита должна достигать высшей степени напряженности:—готовности отдать жизнь *въ борьбѣ со зломъ* за благо своего ближняго. Противники ограниченія свободы пропаганды гражданскими узаконеніями ссылаются на первыя времена христіанства, когда власть не поддерживала христіанъ и они боролись только словомъ и возвышеннымъ примѣромъ своей жизни. Но ссылка эта неудачна. Въ первыя времена христіанства гражданская власть, дѣйствительно, не оказывала защиты Церкви, но потому, что власть тогда была языческая, и она преслѣдовала христіанъ. Апостолы же охраняли чистоту вѣры и нравственности христіанской общины не однимъ только словомъ, но и мѣрами, которыя для современныхъ лжеморалистовъ не должны казаться жестокими. Анакія и Саффира, которые своими пагубными примѣрами могли внести соблазнъ въ среду юной церкви, были наказаны Богомъ смертию.

Когда же христіанство окрѣло и на престолѣ появляется христіанскій Императоръ, онъ издаетъ цѣлый рядъ законодательствъ къ огражденію христіанства и подавленію язычества. И этотъ Императоръ разумомъ Вселенской церкви нареченъ равноапостольнымъ. Пусть же непротивленцы и современные либеральные моралисты, возстающіе противъ ограниченія свободы лжеученій закономъ, называя это насиліемъ, обосновываютъ свое мнѣніе на чемъ угодно, но отнюдь не на ученіи Спасителя о любви къ ближнимъ.

Любовь разумная требуетъ ограниченія злой воли, а нѣтъ на землѣ большаго зла, какъ духовное убійство—соблазнъ, совращеніе «малыхъ сихъ» отъ истины и вовлеченіе въ тьму заблужденій и пороковъ. И пусть правители слѣдуютъ примѣру тѣхъ носителей власти, отъ Бога имъ данной, которыхъ Церковь нарекла равноапостольными!

IV.

Требую отъ насъ непротивленія злу, моралисты—толстовцы, ссылаясь на Евангеліе, проповѣдуютъ въ то же время ко всѣмъ равную, одинаковую любовь. Всѣхъ людей и близкихъ намъ по плоти, и дальнихъ, и вѣрующихъ и невѣрующихъ, и добрыхъ и злыхъ, всѣхъ, говорятъ они, мы должны любить одинаково. Полагая въ основу общественной и государственной жизни законъ равной ко всѣмъ любви, современные лжеморалисты требуютъ отъ русскихъ равныхъ правъ для тѣхъ народностей, которыя въ Россіи такими правами еще не пользуются. И эта чисто политическая тенденція является главной причиной того, что они о любви къ ближнимъ въ послѣднее время заговорили съ особой настойчивостью, и почему несогласныхъ съ такимъ толкованіемъ евангельскаго ученія о любви къ ближнимъ современные борцы за «свободу слова» обзываютъ чловѣконенавистниками. Но какъ бы насъ не обозвали моралисты-непротивленцы, мы не можемъ согласиться съ ученіемъ о равной любви ко всѣмъ людямъ. Проповѣдники такой любви требуютъ отъ людей невозможнаго, неестественнаго въ этомъ мірѣ и впадаютъ въ явное заблужденіе, потому что непонимаютъ законовъ развитія, воспитанія любви христіанской въ душѣ чловѣка. Любовь къ ближнимъ, о которой говоритъ Христосъ въ нагорной проповѣди, есть высочайшій идеалъ, и мы прибавимъ,—

идеаль, осуществляемый лишь *постепенно*, какъ въ этой, такъ и въ будущей жизни. Никогда человѣкъ,—съ этимъ спорить никто не станетъ,—не будетъ совершенъ такъ, какъ совершенъ Отецъ нашъ Небесный. Но несмотря на неосуществимость этого идеала въ нашей жизни, онъ безусловно для насъ обязателенъ, но не какъ формальное правило, а именно, какъ идеаль, къ осуществленію котораго мы должны стремиться неустанно, не останавливаясь ни на одной ступени въ своемъ постепенномъ нравственномъ развитіи. Какъ путеводная звѣзда долженъ блистать предъ нами этотъ идеаль, указывая путь къ безграничному нравственному совершенству. Но каждая ступень въ достиженіи этого идеала достигается человѣку съ большимъ трудомъ. «Царство Божіе нудится», говоритъ Спаситель. Царство Божіе подобно зерну горчишному, которое, будучи маленькимъ зернышкомъ, *постепенно* разрастается въ большое дерево, которое укрываетъ подъ своими вѣтвями и птицъ и звѣрей полевыхъ. Такъ точно и любовь христіанская *постепенно* развивается подъ вліяніемъ благодати Божіей. Но благодать Божія не извращаетъ и не насилуетъ естественныхъ силъ и способностей человѣка и ихъ естественнаго хода развитія. Благодать Божія только очищаетъ естественныя силы души отъ грѣховной заразы, укрѣпляетъ ихъ, возвышаетъ. Поэтому и любовь христіанская развивается естественно, т. е. *постепенно и въ предѣлахъ естественныхъ условій, указанныхъ природою*. Любовь къ другимъ людямъ зарождается и воспитывается, прежде всего, въ семьѣ, въ условіяхъ семейной жизни. Вотъ почему и законъ Божій объ обязанностяхъ нашихъ къ другимъ людямъ, къ ближнимъ, прежде всего направляетъ наше вниманіе и чувство *на самыхъ близкихъ* намъ лицъ—членомъ семьи: отца, мать. Воспитанная въ условіяхъ семейной жизни любовь къ ближнимъ постепенно укрѣпляется, усиливается, расширяется и переносится на другихъ ближнихъ,—присныхъ по вѣрѣ, потомъ иновѣрцевъ, потомъ даже и на враговъ нашихъ,—расширяется, такъ сказать, концентрическимъ кругомъ. Таковъ естественный ходъ развитія христіанской любви, въ сердцѣ человѣка, не измѣняемый благодатью Божіей, а только усиливаемый и возвышаемый. Такимъ образомъ, любовь христіанская въ своемъ постепенномъ развитіи, какъ реальная сила, (а только въ такомъ случаѣ она и собощаетъ нравственную цѣнность нашимъ поступкамъ), а не

какъ отвлеченный идеаль, непременно, предпочитаетъ однихъ передъ другими. Это явленіе естественное и подтверждается Словомъ Божіимъ. Апостоль Павель говоритъ къ Галатамъ: «будемъ дѣлать добро всѣмъ, а *наипаче* своимъ по вѣрѣ». (Гал. 6, 10), и еще энергичнѣе отъвѣняетъ ту же мысль къ Тимоѳею: «Кто о своихъ и *особенно* о *домашнихъ* не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго» (1 Тим. 5, 8). Тотъ кто не воспиталъ въ себѣ любви къ своимъ близкимъ роднымъ и приснымъ вообще по крови и вѣрѣ—тотъ безусловно не можетъ любить ближнихъ и потому хуже невѣрнаго. Любовь равная ко всѣмъ, это не любовь реальная, а абстракція, головное измышленіе людей съ бездушнымъ холоднымъ сердцемъ. «Каждый согласится», говоритъ проф. Гусевъ», съ тѣмъ, что, кто одинаково смотритъ на всѣ предметы, не отдавая ни одному изъ нихъ никакого *предпочтенія*, тотъ очевидно равнодушенъ ко всѣмъ имъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и касательно говорящаго, что онъ одинаково относится ко всѣмъ людямъ, не питаетъ какого нибудь *предпочтительнаго* расположенія ни къ одному изъ нихъ. Очевидно, онъ совершенно равнодушенъ къ людямъ и вовсе не любитъ ихъ».

Спаситель долженъ быть для насъ примѣромъ любви къ ближнимъ, но и Его любовь предпочитаетъ однихъ другимъ. Съ особой нѣжностью Онъ относится къ своей Матери; Онъ исполняетъ Ея просьбу на бракъ въ Канѣ Галилейской и творитъ чудо на радость бѣдныхъ людей. На крестѣ въ предсмертныхъ мукахъ Онъ исполняетъ свой сыновій долгъ любви къ матери. Изъ множества людей, слушавшихъ Его божественное учение, любовь Его предпочитаетъ и избираетъ двѣнадцать апостоловъ; изъ среды этихъ двѣнадцати, любовь Его предпочитаетъ троихъ—Петра, Іакова и Іоанна, и изъ среды этихъ предпочитаетъ Іоанна Богослова, который одинъ возлежалъ во время тайной вечери на Его персяхъ. Посылая въ первый разъ учениковъ на проповѣдь, Онъ повелѣваетъ возвѣщать радостную вѣсть о спасеніи *прежде всего* «погибшимъ овцамъ дома Израилева»—приснымъ по крови и вѣрѣ. Даже въ жизни загробной, гдѣ у Отца Небеснаго обители многи суть, любовь Его не всѣмъ воздаетъ равное блаженство, а каждому по дѣламъ Его.

Выраженіе Спасителя: «Отецъ Мой сіяетъ солнце на добрыхъ и злыхъ, дождитъ на праведныхъ и неправедныхъ» отнюдь нельзя понимать, какъ буквальное требованіе отъ насъ *равной* любви

уже по одному тому, что Отецъ Небесный не только сіяетъ солнце на злыхъ, но Онъ же злыхъ наказываетъ всемірнымъ потопомъ, разверзаетъ подъ ними пропасти (Садомъ и Гомора) земныя, скрываетъ въ пучинѣ морской (Фараонъ) и уготовляетъ нераскаяннымъ грѣшникамъ вѣчныя муки въ гееннѣ огненной. Слова эти должно понимать, какъ идеаль долготерпѣнія къ заблудшимъ, отъ которыхъ Отецъ Небесный ожидаетъ покаянія—что, какъ идеаль предлагается и намъ; но любить злодѣя обарившаго руки въ крови ближняго нашего равнымъ образомъ съ добрымъ человѣкомъ—нельзя; это противостоитъ естеству, и Господь требовать отъ насъ этого не можетъ.

Выраженіе Спасителя, что мать, братья и сестры Его тѣ, кто исполняетъ волю Отца Небеснаго, отнюдь не отрицаетъ предпочтительной любви, а учитъ насъ лишь тому, что для христіанна особая сердечная близость къ нѣкоторымъ людямъ должна условливаться не одними кровными, но и *духовными* отношеніями; и эти послѣднія должны служить основаніемъ для предпочтительной любви и къ совершенно чужимъ для насъ людямъ. Кто исполняетъ волю Отца Небеснаго, законъ Христовъ, тотъ намъ близокъ, какъ мать и братья. Но отсюда—прямой логическій выводъ: кто не исполняетъ воли Отца Небеснаго, тотъ и не можетъ быть къ намъ такъ близокъ.

Существенное проявленіе любви—это стремленіе любящихъ къ общенію. Чистая христіанская любовь побуждаетъ любящаго стремиться къ общенію съ добрымъ человѣкомъ и это общеніе доставляетъ ему радость, восполняетъ ему жизнь. Но къ общенію съ злымъ человѣкомъ христіанинъ не можетъ стремиться (естественно) и не долженъ. «Блаженъ мужъ, иже не идетъ на совѣтъ нечестивыхъ», не напрасно же напоминаетъ намъ Церковь. «Какое общеніе можетъ быть между свѣтомъ и тьмою», говоритъ Слово Божіе.

Не преклоняйтесь подъ чужое ярмо съ невѣрными, ибо какое общеніе праведности съ беззаконіемъ? Что общаго у свѣта съ тьмою? Какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ? Или какое соучастіе вѣрнаго съ невѣрнымъ? говоритъ Ап. Павелъ (2 Кор. Гл. 6, 14—15).

Злого человѣка христіанинъ можетъ только глубоко сожалѣть, желать его исправленія и заботиться объ этомъ. И только съ этою цѣлью могутъ имѣть общеніе съ злыми людьми тѣ, кто призванъ къ тому служеніемъ (пастыри церкви), или христіане

сильные духомъ, укрѣпившіеся въ вѣрѣ и добрѣ, но и то съ большою осторожностью.

Поэтому христіанинъ и практически проявлять любовь можетъ не одинаково къ тѣмъ или другимъ людямъ, а сообразно съ ихъ нравственными качествами; онъ будетъ всѣми мѣрами помогать добрымъ людямъ проявить ихъ добрую волю и тѣмъ способствовать наибольшой суммѣ блага, и наоборотъ, будетъ стремиться къ исправленію злой воли злыхъ людей, будетъ ставить ей ограниченія, ограждающія благо ближняго.

Такимъ образомъ, христіанская религія требуетъ отъ насъ любви ко всѣмъ людямъ. Чувство вражды, мстительности, должно быть чуждо христіанскому сердцу. Это вѣрно. Но степени этой любви по отношенію къ различнымъ лицамъ могутъ быть не одинаковы. Христіанская любовь предпочитаетъ однихъ другимъ.

Также и проявленіе этой любви къ различнымъ людямъ можетъ быть неодинаково, сообразно нравственнымъ качествамъ любимыхъ лицъ.

А потому политиканы, добивающіеся всякихъ равноправій, напрасно приплетаютъ евангельское учение къ политикѣ. Строгое соблюденіе этой заповѣди со стороны христіанскихъ властей должно привести ихъ къ мѣрамъ, которыя не понравятся сторонникамъ равноправій. Христіанская власть обязана ограничивать волю, какъ частныхъ лицъ, такъ и подчиненныхъ народовъ, если убѣждена, что воля ихъ можетъ причинить вредъ приснымъ по крови и по вѣрѣ.

V.

Наконецъ, переходимъ къ освѣщенію самыхъ ягучихъ вопросовъ современности—вопросовъ о войнѣ и смертной казни. Въ послѣднее время православная церковь подверглась самымъ рѣзкимъ нападкамъ со стороны современныхъ лжеморалистовъ за то, что она не выступаетъ съ рѣшительнымъ осужденіемъ этихъ печальныхъ явленій въ жизни государства, а напротивъ учитъ, что «не есть законопреступное убійство, когда, по требованію государственной власти, напр., убиваютъ непріятеля на войнѣ за царя и отечество, когда наказываютъ смертью преступника по закону правосудія». Такъ учили о войнѣ впродолженіи столѣтій пастыри церкви и только въ недавнее время подъ влія-

нѣмъ «освободительнаго движенія» многіе и даже нѣкоторые пастыри отrekliсь отъ этого ученія. войну и смертную казнь стали отождествлять съ убійствомъ и заявлять открыто свой протестъ. Мы же не отрекаемся отъ общепринятаго и традиціоннаго ученія о войнѣ и смертной казни и думаемъ, что стоимъ на твердой почвѣ. Принципіальные противники войны и смертной казни, какъ явленій будто бы противорѣчащихъ христіанской любви, очевидно, не ясно себѣ представляютъ отношеніе христіанскаго ученія къ государственному законодательству и вообще къ явленіямъ жизни государственной.

Христосъ, положивъ въ основаніе нравственной дѣятельности возвышеннѣйшую заповѣдь о любви къ ближнимъ, зоветъ все человѣчество къ осуществленію этой заповѣди, къ осуществленію царства Божія на землѣ, о которомъ предсказывали еще ветхозавѣтные пророки,—царства, въ которомъ раскуютъ мечи на орала и волкъ будетъ мирно лежать рядомъ съ ягненкомъ. Это тотъ идеалъ, къ которому должно стремиться все человѣчество. Но достигнуть этого идеала человѣчество не можетъ сразу, а только путемъ упорнаго труда надъ своимъ самоусовершенствованіемъ. путемъ долгаго историческаго процесса, переживая различныя ступени въ осуществленіи христіанскаго идеала. Христіанство, проповѣдуя возвышеннѣйшее нравственное ученіе, конечно, не чуждается жизни и есть ея соль и кваска. Оно должно проникать всю жизнь не частную только, но общественную и государственную, и не можетъ быть двухъ нормъ. Но, однако, никакое государство не можетъ дать намъ готовыхъ идеальныхъ нормъ жизни, соціальныхъ и гражданскихъ, а даетъ лишь тѣ ближайшія нормы, которыя потомъ должны помогать намъ въ строеніи не только личной жизни, но и общественной и государственной; изъ этихъ нормъ лишь постепенно, чрезъ сопоставленіе ихъ съ условіями и цѣлями *извѣстнаго историческаго момента*, мы можемъ выводить понятія о лучшихъ соціальныхъ и государственныхъ формахъ и постепенно осуществлять ихъ въ жизни. Сообразно постепенному нравственному совершенствованію христіанскихъ народовъ, сообразно тому, насколько они проникнутся чувствомъ христіанской любви, и будутъ улучшаться (смягчаться) ихъ нравы и законодательство. Какъ частный человѣкъ, такъ точно и общество и государства, должны переживать различныя ступени въ

своёмъ приближеніи къ идеалу христіанства. И церковь, какъ нѣжная мать, проповѣдуя возвышеннѣйшее нравственное учене, можетъ относиться съ осужденіемъ (какъ это дѣлаютъ современные моралисты) лишь къ народу, который не пришелъ еще въ мѣру возраста совершенна, который стоитъ еще на низшей ступени нравственнаго развитія, сравнительно съ тѣмъ возвышеннѣйшимъ идеаломъ, какой проповѣдуетъ Церковь. Церковь благославляетъ тотъ успѣхъ, котораго достигаетъ тотъ, или другой народъ въ своемъ религіозно-нравственномъ развитіи, *и ту долю любви*, которую онъ осуществляетъ въ своей жизни, нравахъ и законодательствѣ. Когда всѣ народы усвоятъ чистыя понятія объ истинѣ и правдѣ, воплотятъ въ себѣ чувства любви и самоотверженія, какія намъ заповѣдуетъ евангеліе,—достигнутъ того нравственнаго совершенства, той высоты духа, на которой человѣкъ становится способнымъ мирно разрѣшать недоразумѣнія, предпочитая благо ближняго своимъ личнымъ выгодамъ,—войны само собой прекратятся и люди раскуютъ мечи на орала и копья на серпы. Но теперь?.. Можетъ ли Церковь категорически осудить вынужденную войну и потребовать отъ государства, чтобы оно расковало мечи свои на орала и предалось мирной идиліи, съ полной готовностью слѣдовать ученію о непротивленіи злу. Можетъ ли Русское государство, несомнѣнно, христіанское, сдѣлать это, когда оно окружено завидующими народами, изъ коихъ одни лишь называются христіанами, но насквозь проникнуты своекорыстіемъ, жестокостью, другіе прямо исповѣдуютъ языческую религію и не отрѣшились отъ эгоистическихъ инстинктовъ, третьи заражены фанатизмомъ; когда при этомъ всѣ народы, одинъ передъ другимъ, соперничаютъ въ изобрѣтеніи адскихъ орудій убійства и разрушенія, тратятъ громадныя суммы отнюдь не на орала и серпы, а на мечи и другія орудія смерти?! Какъ любящая мать церковь этого сдѣлать не можетъ. Этого можетъ требовать только бездушный теоретикъ, готовый отдать свое отечество на расхищеніе и въ рабство враждебнымъ народамъ. Для христіанскаго государства, окруженнаго своекорыстными народами, *для самозащиты война представляется и теперь ближайшимъ средствомъ*, и отмѣнить эту, правда, печальную мѣру, церковь не можетъ въ грѣшномъ родѣ человѣческомъ. Войны предсказывалъ и самъ Христосъ и даже усиленіе ихъ при концѣ міра. Въ ветхомъ завѣтѣ война была дозволена самимъ Богомъ, а Богъ

вчера, днесъ и во вѣки тотъ же. Корни войны скрываются въ грѣховной природѣ человѣческой, а не въ Богѣ. Христосъ сказалъ, что Онъ не пришелъ разорить ветхозавѣтный законъ, а восполнить, т. е. освободить отъ временныхъ формъ то вѣчное содержаніе которое въ нихъ заключалось. Ветхій зав.—начало: новый—его продолженіе. Все то, что въ новомъ завѣтѣ не отмѣнено прямо и фактически (какъ обрядовый законъ), или же не измѣнено по духу, то христіанинъ можетъ брать въ свое руководство и изъ Ветх. Зав. Война въ Нов.Зав. прямо, рѣшительно, безспорно въ особомъ повелѣніи или заповѣди не запрещена, а въ Ветх. Зав. была дозволена при извѣстныхъ условіяхъ. Самъ Господь неоднократно чрезъ пророковъ повелѣвалъ евреямъ вести войну противъ тѣхъ или другихъ народовъ. И если бы война была безусловнымъ зломъ, то Богъ не могъ бы повелѣвать никакой войны. Онъ не можетъ требовать отъ человѣка безусловнаго зла, а всегда требуетъ наибольшаго добра, возможнаго для человѣка при извѣстныхъ условіяхъ. Спаситель имѣлъ много поводовъ осудить войну и воинское званіе, если бы Онъ считалъ войну безусловнымъ зломъ, но Онъ этого не сдѣлалъ. Спаситель не требовалъ отъ лицъ воинскаго званія отреченія отъ ихъ службы, не отвергалъ и государства, какъ учрежденія, которое не можетъ существовать безъ войны и воиска, а повелѣлъ воздавать Божіе Богови, а Кесарю Кесарево. Спаситель исполняетъ просьбу Капернаумскаго сотника, хвалитъ его вѣру, которую, очевидно, не оскверняло его воинское званіе. Апостоль Петръ креститъ Корнелія Сотника и не требуетъ отреченія отъ воинскаго званія, которое современнымъ непротивленцамъ кажется такимъ зазорнымъ. Апостоль Павелъ повелѣваетъ новообращеннымъ христіанамъ каждому «оставаться въ своемъ званіи», въ которомъ призванъ и не дѣлаетъ исключенія для воинскаго званія. И мы знаемъ, что первые христіане служили въ войскахъ даже языческихъ императоровъ, а громоносный легионъ Марка Аврелія своей чудесной молитвой низводитъ благодатный дождь, спасающій армию отъ гибели. Отцы церкви строго различали убіеніе на брани отъ самочиннаго убійства, чего не хотятъ понять современные сантиментальные лжеморалисты, и воиновъ отцы церкви называли «поборниками благоразумія и благочестія». Святой Афанасій Великій прямо говоритъ: «не позволительно убивать, но убивать на полѣ брани и законно и похвалы достойно». Можетъ-ли служба воина почитаться по-

чтенною и служба брани славною? спрашиваетъ приснопам. св. Амвросій. и можетъ-ли война быть справедливою? И отвѣчаетъ: «Можетъ: иначе Богъ не называлъ бы Себя Богомъ воинствъ и не обѣщаль-бы побѣды войнамъ и народамъ достойнымъ ихъ»... и войну для христіанъ Святитель признаетъ допустимой 1) для защиты религіи отъ враговъ оскорбляющихъ ее и вредящихъ ей. 2) для защиты свободы народа и безопасности отечества. 3) для защиты народовъ христіанскихъ, порабощенныхъ варварами. 4) етъ защиту честныхъ и вѣрныхъ союзниковъ. содѣйствующихъ намъ въ достиженіи благихъ цѣлей. 5) для защиты чести отечества, когда эта честь понимается не въ смыслѣ оскорбленнаго самолюбія, а въ смыслѣ нравственной обязанности народа сохранить между народами уваженіе къ своему достоинству, къ славѣ и величію своего Государя.

Мы не можемъ не вспомнить также великаго подвижника Земли Русской Св. Сергія Радонежскаго, который благословилъ на битву съ Мамаемъ великаго князя Дмитрія Донскаго и далъ ему въ сподвижники двухъ иноковъ Пересвѣта и Ослябу, которые и пали героями на Куликовской битвѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что отношеніе Спасителя, апостоловъ. св. отцевъ къ войнѣ и лицамъ воинскаго званія было совсѣмъ не то, какое мы видимъ со стороны современныхъ непротивленцевъ, о большинствѣ которыхъ можно сказать словами блаж. Августина, что у нихъ «абсолютное осужденіе войны возникаетъ не изъ религіозныхъ мотивовъ, а по трусости». Церковь православная молится о мирѣ всего міра, но въ то же время, признавая неизбежность войны, молить Господа, чтобы Онъ покорилъ Государю нашему подъ ноги всякаго врага и супостата, и далъ побѣду на сопротивныя, «покорилъ ему вся варварскія языки, брани хотяція, и даровалъ ему глубокой и неотъемлемый миръ».

А разъ церковь молится о дарованіи побѣды надъ врагами государю, то она и обязана воспитать государю и государству воиновъ, которые не перебѣгали бы въ плѣнъ ко врагу, а твердо и непоколебимо защищали государя и отечество. Церковь должна воспитать въ нихъ благородный мужественный духъ, очистивъ его отъ вражды, злобы и мстительности и въ то же время внушить стойкость въ борьбѣ и готовность съ радостью отдать жизнь за отечество согласно словамъ Спасителя: «больше сея любви никто-же имать, да кто душу свою положитъ за други своя».

VI.

Переходимъ къ вопросу о смертной казни. Вопросъ этотъ въ послѣднее время принялъ острый характеръ. Въ Государственной Думѣ 103 челоуѣка подали заявленіе объ отмѣнѣ смертной казни. На страницахъ лѣвыхъ газетъ неустанно толкуютъ о смертной казни, какъ о пережиткѣ варварства. Слышно—въ Россіи организуется Лига противъ смертной казни. Появляются нерѣдко статьи о смертной казни также на страницахъ духовныхъ журналовъ и правыхъ газетъ. Словомъ, вопросъ этотъ всесторонне разработанъ въ печати, и мы потому подробно на немъ останавливаться не будемъ. Мы рассмотримъ лишь существеннѣйшее возраженіе противъ смертной казни, имѣющее ближайшее отношеніе къ нашей темѣ.

Говорятъ: Смертная казнь противорѣчитъ духу евангельскаго ученія о любви къ ближнему и потому въ христіанскомъ государствѣ должна быть отмѣнена, и церковь должна прежде всего требовать отмѣны этого жестокаго наказанія. Какъ смотрѣть на это требованіе противниковъ смертной казни? Прямо и откровенно говоримъ: мы не согласны съ этимъ мнѣніемъ противниковъ смертной казни и съ сыновнею покорностью раздѣляемъ ученіе нашей матери Церкви, которая учитъ, «что не можетъ почитаться законопреступнымъ лишеніе жизни преступника по суду». Тѣ, кто говорятъ о полной непримиримости смертной казни съ христіанскимъ ученіемъ, очевидно, считаютъ это ученіе не благоутоднымъ Богу, а обыкновеннымъ челоуѣческимъ ученіемъ, неимѣющимъ ни малѣйшаго отношенія къ ученію Ветх. Завѣта. Мы уже указали, что евангельская любовь своимъ источникомъ имѣетъ любовь къ Богу. Богъ есть любовь и какъ любовь, онъ отражается въ душѣ челоуѣка, и все то, что противно Богу, то противно и несогласно съ любовью христіанскою. Но какъ же можно говорить о полной непримиримости смертной казни съ христіанскою любовью, когда мы знаемъ, что самъ Богъ—совершеннѣйшая любовь, *узаконилъ* смертную казнь за убійство челоуѣка? «Если кто съ намѣреніемъ умертвить челоуѣка коварно и прибѣжить къ жертвеннику, то и отъ жертвенника Моего бери его на смерть», (Исх. 20, 14), говоритъ Господь. Вѣдь Богъ—абсолютная любовь; Онъ не измѣняемъ, вчера, днесъ и во вѣки Онъ тотъ-же.

Но намъ могутъ замѣтить, что такъ было въ Ветхомъ Заветѣ, теперь не должно быть этого. Но почему же?

Христосъ, пришедшій «не разорить законъ, но исполнить», смертной казни не отмѣнилъ и нигдѣ не говорилъ противъ смертной казни, хотя Ему представлялось очень много къ тому поводовъ. Вотъ два наиболѣе характерныхъ случая: «пришли нѣкоторые и рассказали Ему о галилеянахъ, которыхъ кровь Пилать смѣшалъ съ жертвами ихъ. Иисусъ сказалъ имъ на это: думаете ли вы, что эти галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ также погибните». Смыслъ вопроса, предложеннаго Христу, очевидно, таковъ: «ты проповѣдникъ любви и милосердія. Какъ же ты смотришь на казнь, которой предавъ Иродъ Галилеянъ». Какой въ этомъ случаѣ прекрасный поводъ для Спасителя осудить смертную казнь. Но мы видимъ, что Христосъ ни слова не говоритъ въ осужденіе казни, а говоритъ: если не покаетесь—то всѣ такъ погибните, т. е. если вы не возвыситесь нравственно, не проникнитесь Моимъ ученіемъ, то такія печальныя явленія въ вашей жизни—неизбѣжны.

Другой случай: Спаситель на судѣ Пилата. На вопросъ Пилата: «откуда Ты? Иисусъ Хрисосъ не далъ отвѣта. Пилать говоритъ тогда Иисусу Христу: Мнѣ-ли не отвѣчаешь? Не знаешь-ли, что я имѣю власть *распяты* Тебя и власть имѣю отпустить Тебя?» Какой опять удобный случай Спасителю—не только принципиально осудить смертную казнь, но и указать Пилату, что онъ, какъ человѣкъ, не можетъ лишить другого человѣка жизни?

Но что-же Христосъ?—Ты не имѣлъ-бы надо мною никакой власти, если-бы не было дано тебѣ свыше, кротко отвѣчаетъ Христосъ гордому римлянину.

Мы видимъ, что Христосъ не только не осудилъ смертную казнь, но призналъ право за высшей властью предавать смертной казни, и это право по Его словамъ—дано власти свыше, т. е. отъ Бога.

Ссылки противниковъ смертной казни на слова Спасителя въ нагорной проповѣди: «не убивай, кто же убьетъ, подлежитъ суду», крайне неудачны и обнаруживаютъ либо полное невѣжество противниковъ смертной казни, ссылающихся на эти слова, либо ихъ не добросовѣстность. Въ вышеприведенныхъ словахъ Спаситель осуждаетъ убійство—преступленіе, а не

убійство—казнь по суду. Это понятія совершенно противоположныя и отождествлять ихъ не станетъ и ребенокъ. Спаситель же, давая болѣе полное толкованіе шестой заповѣди Зак. Моисеева, прямо говорить, что кто самочинно убиваетъ, *подлежитъ суду*—т. е. смертной казни, и Онъ при этомъ не только своимъ толкованіемъ не ослабляетъ строгости этой заповѣди, что такъ любятъ дѣлать современные лжеморалисты, а напротивъ усиливаетъ строгость этой заповѣди. Подтверждая своимъ авторитетомъ законъ Моисеевъ, Спаситель даже учитъ, что гнѣвающійся на брата своего и оскорбляющій его словомъ напрасно не можетъ почитаться невиннымъ въ очахъ Правосуднаго Господа.

Въ разсужденіяхъ противниковъ смертной казни, когда они ссылаются на евангеліе, замѣчается одна поразительная особенность: съ особой настойчивостью они требуютъ любви къ *преступникамъ*, забывая о мирныхъ, честныхъ людяхъ, на которыхъ вѣдь тоже распространяется эта заповѣдь Спасителя. При исполненіи заповѣди Спасителя о любви къ ближнимъ надо имѣть въ виду интересы тѣхъ и другихъ.

Любовь чистая и совершенная можетъ воцариться лишь тогда, когда не будетъ злыхъ. Когда люди проникнутся христіанскою любовью, когда прекратятся преступленія, караемая смертной казнью, и смертная казнь станетъ излишней.

Но до тѣхъ поръ пока земля будетъ обогрѣваться кровью невинныхъ, пока будутъ звѣри-люди вырѣзывать цѣлыя семьи и на глазахъ матери убивать дѣтей, до тѣхъ поръ общество мирныхъ людей, приведенное въ ужасъ подобными преступленіями, будетъ требовать смертной казни въ цѣляхъ лишь самозащиты и справедливаго возмездія, и власть, удовлетворяя въ этомъ случаѣ требованіе общества, поступаетъ мудро и предупреждаетъ большее зло. Если бы она, поддаваясь чувству ложной гуманности, пошла бы въ разрѣзъ съ возмущенной народной совѣстью, народное негодованіе противъ преступниковъ разразилось бы незаконнымъ самосудомъ. Когда нѣкоторые наши суды стали оправдывать убійцъ и, будто бы несчастныхъ воровъ, крестьяне во многихъ мѣстахъ стали отвѣчать на это самосудомъ—избивать преступниковъ. Но впрочемъ эти факты для противниковъ смертной казни неубидительны. Они самосудъ въ Россіи объясняютъ «режимомъ». Въ такомъ случаѣ, пусть же они задумаются надъ тѣмъ, что произошло въ самое недавнее время во Франціи. Подъ вліяніемъ непротивленцевъ, такихъ же какіе за

велись и у насъ, президентъ не сталъ утверждать приговоровъ къ смертной казни. Чѣмъ же отвѣтило общественно мнѣніе Франціи—самой передовой страны въ мірѣ? Оно настоячиво потребовало возстановленія смертной казни и президентъ долженъ былъ уступить. Когда въ одинъ изъ городковъ явился палачъ привести въ исполненіе смертный приговоръ, то былъ встрѣченъ съ такимъ триумфомъ, съ какимъ не всегда встрѣчаютъ и президента республики.

Появленіе въ обществѣ преступленій, караемыхъ смертной казнью, свидѣтельствуетъ о пониженіи нравственнаго уровня общества. И церковь, конечно, не можетъ оставаться равнодушной къ такому состоянію общества. Представители ея должны мужественно и безъ всякаго лицепріятія обнажать язвы общества, выяснять причины такого печальнаго состоянія общества и направить всю силу своего вліянія къ поднятію нравственнаго уровня насомыхъ, къ устраненію причинъ, вызывающихъ преступленія. Измѣненіе законодательства явится само собою результатомъ подъема нравственнаго уровня общества, а не наоборотъ. Безъ внутренняго перерожденія членовъ государства, внѣшнія регламентаціи не будутъ имѣть силы. Противники смертной казни, посылая упреки правительству и Церкви, направляютъ ихъ не по адресу: если они дѣйствительно воодушевлены христіанскою любовью къ ближнимъ, если имъ дѣйствительно такъ противна смертная казнь, они всю силу своего слова должны обратить по адресу преступниковъ; пусть они попробуютъ размягнуть ихъ огрубѣлыя сердца, наставить ихъ на путь правды и добра. Они въ этомъ случаѣ явятся желанными помощниками Церкви; и когда совмѣстными усиліями они достигнутъ цѣли, когда прекратятся звѣрскія преступленія—тогда будетъ отмѣнена и смертная казнь, и Церковь благословитъ этотъ день, какъ счастливѣйшій въ своей жизни.

Священникъ Петръ Скубачевскій.

ВОЗДЕРЖАНІЕ, КАКЪ ОСНОВА ПРАКТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ХРИСТІАНИНА *).

Обращаясь къ вамъ, благочестивые слушатели, съ настоящей бесѣдой, я останавливаю ваше вниманіе на мысли о значеніи воздержанія вообще и подвига пощенія въ особенности въ нарочитые дни въ дѣлѣ нашего спасенія.

Какъ вы знаете, Православная Церковь предлагаетъ своимъ послѣдователямъ и то и другое. Съ этой цѣлью она учредила посты какъ въ теченіе всего года (среду и пятницу), такъ и въ извѣстные періоды года. Призывая къ воздержанію вообще, она усиливаетъ призываніе къ воздержанію въ дни поста и заповѣдуетъ особенные духовные подвиги. Такъ въ дни четырехдесятиницы, она почти за каждымъ богослуженіемъ призываетъ вѣрующихъ къ посту тѣлесному и душевному. А между тѣмъ въ настоящее время не только со стороны иновѣрцевъ, но и со стороны многихъ, считающихъ себя православными, приходится слышать, что постовъ, какъ времени воздержанія, не нужно, какъ не нужно воздержанія и вообще. То и другое утверждаютъ безъ всякихъ разумныхъ основаній. Постная пища, говорятъ они, не введетъ въ царство небесное,—такія слова приходится выслушивать теперь не только тѣмъ, которые сами могутъ защитить все установленіе своей церкви, но и тѣмъ, которые этого сдѣлать не могутъ; и на нихъ—то, этихъ послѣднихъ, подобныя разсужденія производятъ сильное впечатлѣніе, а многихъ, можетъ быть, и соблазняютъ. Вѣдь сколько совершенно простыхъ православныхъ людей живетъ среди иновѣрцевъ, отвергающихъ посты, и сколько православныхъ людей живетъ въ качествѣ прислугъ у нихъ, и сколько и какъ часто приходится

*) Бесѣда, произнесенная на внѣбослужебномъ собесѣдованіи въ Рязскомъ Каѳедральномъ Соборѣ.

выслушивать кощунственныхъ разсужденій противъ воздержанія вообще и противъ постовъ въ частности.—Наша бесѣда и направлена къ усиленному разъясненію и защитѣ этого установленія православной церкви.

Если говорятъ, что воздержаніе не нужно и будто нужно жить ни въ чемъ себѣ не отказывая, то эта мысль не только совершенно невѣрная, но и въ высшей степени пагубная. Воздержаніе необходимо не только для дѣла нашего спасенія, но и для лучшаго устройства нашей здѣшней земной жизни.

Вредъ невоздержной жизни для каждаго бываетъ, вполнѣ очевиденъ. Невоздержность въ ѣдѣ, въ питьѣ, въ развлеченияхъ, въ большинствѣ случаевъ ведетъ къ разстройству нашей тѣлесной жизни, влечетъ развитіе болѣзней, задержку въ нашихъ дѣлахъ. Послѣ слишкомъ веселаго проведеннаго вечера часто мы не въ состояніи начать наши занятія такъ рано и съ такой свѣжей энергіей, какъ это бываетъ необходимо. Да и начавши, мы долгое время не можемъ сосредоточиться на дѣлѣ. У насъ тяжела голова и мысли идутъ въ разные стороны. И дѣло, которое нужно было сдѣлать, оказывается недодѣланнымъ или вовсе неисполненнымъ. И сожалѣемъ мы послѣ, что такъ случилось; но сдѣланнаго воротить нельзя. Бѣда была бы неволика, если бы ошибка случилась однажды. Но худо въ этомъ случаѣ то, что отъ невоздержности слабѣетъ воля. Одна ошибка влечетъ за собой другую, потому что у насъ нѣтъ уже силъ воздержаться. А при подобномъ направленіи нашей воли, всѣ наши дѣла и вся наша жизнь окончательно разстраиваются. Изъ жизни достаточной люди впадаютъ тогда въ жизнь бѣдную и неимѣютъ силъ вновь подняться. И сколько есть примѣровъ того, какъ богатые, не воздержные, испытываютъ большія затрудненія въ своихъ домашнихъ дѣлахъ. А сколько приходится слышать о томъ, какъ невоздержность доводитъ людей до крайней нищеты.

Совершенно иное видимъ мы при воздержаніи. Воздержаніе является истинной созидательницей и утвердительницей земного благополучія. Да оно и вполнѣ понятно. Постоянно воздержный человекъ никогда и ни въ чемъ не допускаетъ излишествъ. Отъ этого онъ всегда во-время становится на свое дѣло и всегда имѣетъ возможность совершить его хорошо. Правда, жизнь такихъ людей не всегда такъ весела, какъ жизнь людей невоздержныхъ. Но за то воздержные люди сохраняютъ свои силы и тогда, когда у невоздержныхъ людей онѣ уже растрачены и

отъ слѣпой привязанности къ земному; и приучить ихъ къ духовному воздержанію, къ господству надъ собой, надъ своими низменными стремленіями, надъ своими страстями. Давно замѣчено, что постная пища менѣе обременяетъ насъ, чѣмъ пища скоромная. Вотъ почему и святая Церковь наша, желая развить нашъ вкусъ къ духовному, заповѣдуетъ намъ въ извѣстные дни постную пищу вмѣсто скоромной.

Хорошо уже и то, что хотя въ нарочитые дни поста, постящіеся не питаются мясомъ животныхъ, иногда, можетъ быть, не прожившихъ и нѣсколькихъ дней. И такимъ образомъ хотя въ это время люди, не убиваютъ животныхъ, которыя такъ же, какъ мы, хотѣли бы жить и жизнью наслаждаться. Далѣе, когда церковь призываетъ насъ къ посту и воздержанію, то предлагаетъ намъ не одно только плотское воздержаніе въ пищу. Говоря намъ «постимся тѣлесне», она говоритъ «постимся и духовно». Что разумѣется подъ постомъ духовнымъ, она это далѣе и поясняетъ: «Введемъ въ дома неимѣющихъ крова, напоимъ жаждущаго, голоднаго накормимъ». Она хочетъ, чтобы во время поста мы заложили въ себѣ навыки любви, состраданія и милосердія къ близкимъ, и этимъ хотя отчасти подготовили себя къ царству небесному.

«Да не смущается сердце ваше, ниже устрашаетъ», говорилъ Христосъ своимъ ученикамъ, идя на страданія, а ихъ покидая среди враговъ. Не смущайтесь тѣмъ, что васъ послѣдователей Моихъ немного, и не устрашайтесь, что враговъ Моихъ и вашихъ дѣлать тысячи. «Печаль вамъ ваша въ радость будетъ», утѣшалъ ихъ Христосъ; потому что Онъ предвидѣлъ, какъ они обрадуются, когда Онъ явится предъ ними воскресшимъ. Слова эти могутъ прийти на мысль, когда представимъ, какъ могутъ смущаться сердца тѣхъ, которые и хотѣли бы поститься, хотѣли бы воздержаться, а имъ со всѣхъ сторонъ говорятъ: не постись, не воздерживайся; теперь мало кто дѣлаетъ это. И у нихъ въ сердцѣ невольно можетъ возникнуть сомнѣніе: и въ самомъ дѣлѣ можетъ быть, ненужно уже воздержанія, къ чему дѣлать то, что почти никто не дѣлаетъ? Такимъ людямъ надобно напомнить слова Спасителя: «да не смущается сердце ваше». — Вы не одни. Самъ Христосъ съ вами. Онъ самъ сказалъ: «гдѣ двѣ или три собраны во Имя Мое, тамъ и Я посреди нихъ»; Да и не одни вы; много людей воздерживающихся и въ настоящее время, только о нихъ мы не знаемъ. А если бы теперь даже и мало было постя-

щихся, мало воздерживающихся, мало стремящихся къ подвижнической жизни, то раньше такихъ были цѣлыя сонмы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить содержаніе одного апостольскаго чтенія. Ап. Павелъ въ своемъ посланіи къ евреямъ имѣлъ надобность обратиться съ увѣщаніемъ—утѣщеніемъ къ іерусалимскимъ христіанамъ. Повидимому, іерусалимскіе христіане стали ослабѣвать въ своихъ подвигахъ и въ воздержаніи. Въ своемъ посланіи онъ и напоминаетъ имъ объ ихъ раннѣйшихъ подвигахъ. А потомъ и напоминаетъ имъ и о томъ, что до нихъ уже существовало весьма много вѣрующихъ, вся жизнь которыхъ протекла въ однихъ непрерывныхъ духовныхъ подвигахъ, въ одномъ непрерывномъ воздержаніи. Какіе же это были люди? Въ чемъ состояли ихъ подвиги? Въ виду того, что Ап. Павелъ свое посланіе написалъ къ іерусалимскимъ христіанамъ изъ евреевъ, то онъ и останавливаетъ ихъ вниманіе на еврейскихъ праведникахъ. Прежде всего онъ указываетъ на великаго вождя еврейскаго народа—прор. Моисея. Какъ вы знаете, пишетъ онъ, Моисей былъ усыновленъ дочерью египетскаго царя и былъ воспитанъ, какъ царскій сынъ. Ему предстояла жизнь въ столицѣ, при дворѣ царя, среди роскоши и нѣги. Но, говоритъ Ап. Павелъ, Моисей «отказался называться сыномъ дочери Фараона». Почему? Потому, что онъ «захотѣлъ лучше страдать съ народомъ Божиимъ!» (Евр. XI, 25). Моисей хотя и воспитанъ былъ, какъ египтянинъ, но онъ помнилъ о своемъ евр. происхожденіи; зналъ онъ и то, что евреи смотрятъ на себя, какъ на Богомъ избранный народъ, отъ котораго должно произойти «спасеніе» всѣмъ людямъ. Все это онъ зналъ, всему этому повѣрилъ, а поэтому и рѣшилъ лучше страдать и быть вмѣстѣ съ народомъ своимъ, чтобы потомъ сдѣлаться участникомъ въ исполненіи Божественнаго промысленія о людяхъ. «Поношеніе Христово» почелъ для себя большимъ богатствомъ» (Евр. XI, 26) и ради него рѣшился страдать въ земной жизни. Укрѣпившись въ этой мысли, онъ бросаетъ богатство и роскошь и сѣдлетъ въ пустыню, сначала чтобы скрыться отъ преслѣдованій, а потомъ чтобы вывести народъ свой въ землю Обѣтованную. Вся его жизнь такимъ образомъ была однимъ непрерывнымъ подвигомъ воздержанія.

Сказавъ о Моисей, ап. Павелъ дальше продолжаетъ такъ: «не достанетъ мнѣ времени, чтобы повѣствовать о Гедеонѣ, о Варакѣ, о Самсонѣ, объ Іеффаѣ, о Давидѣ и Соломонѣ». (Евр. XI,

32). Они «вѣрою побѣждали царства, творили правду, получали обѣтованія, заграждали уста львовъ, угашали силу огня, избѣгали острія меча, укрѣплялись въ немощи, были крѣпкими на войнѣ, обращали въ бѣгство долги непріятелей» (Евр. XI, 33—34). По человѣческому суду, всѣ эти и имъ подобныя великіе люди должны быть прославлены, должны были стать богатыми и знатными. А между тѣмъ только Давидъ и Соломонъ достигли царскихъ вѣнцовъ, прочіе же во всю свою жизнь оставались скромными и незамѣтными; выдвигались только во время общей опасности; въ мирное же время оставались въ тиши и неизвѣстности. Они служили не людямъ, а Богу и отъ Него ждали себѣ награды не здѣсь, а въ царствѣ Сына Божія, грядущаго Христа.

Но были, говоритъ далѣе апостолъ, и еще болѣе удивительныя люди. Среди сонма вѣрующихъ были такіе, которыхъ цѣлый міръ, взятый во всей цѣлости, недостойнъ былъ (Евр. XI, 38). Всѣ они были достойнѣе всего міра. А между тѣмъ вся жизнь ихъ состояла не только изъ непрерывныхъ подвиговъ, но изъ непрерывныхъ бѣдствій. Несмотря, на то, что міръ не былъ ихъ достойнъ, они на этой землѣ не имѣли себѣ пристанища. Но какъ какіе то изверги скитались по пустынямъ, горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли. Скитались въ козьихъ кожахъ, терпя всевозможныя недостатки, скорби и лишенія. Другіе же испытывали поруганія и побои, узы и темницы. Иные же побиваемые были, какъ преступники, камнями, перепиливаемы, подвергаемы пыткамъ и умирали подъ ударами мечей (Евр. XI, 36—38). Все это испытывали тѣ, которые были безконечно славнѣе всего земного и даже самой земли. И ради чего? Ради того, чтобы приготовить себя къ грядущей жизни, ради того, чтобы быть совершенными, какъ Отецъ Небесный совершенъ есть».

Приводя столько примѣровъ, не только воздержанія, но и великихъ подвиговъ, ап. Павелъ такъ заканчиваетъ свою рѣчь: «посему и мы, имѣя вокругъ себя такое облако свидѣтелей, свергнемъ съ себя всякое бремя и запинаящій насъ грѣхъ и съ терпѣніемъ будемъ проходить подлежащее намъ поприще» (Евр. XII, 1).

Эти слова Ап. Павла какъ разъ подходятъ къ тѣмъ, которые смущаются, что теперь только люди простые постятся, только они воздерживаются, только они ищутъ духовныхъ подвиговъ. Какъ видите, истинные христіане не одни. Какъ въ облакѣ много капель воды, такъ много было истинно вѣрующихъ, которые

прославились воздержаніемъ, несли духовныя подвиги не временно, но во всю свою жизнь; и не только несли подвиги, но съ радостью шли на страданія и смерть, чтобы только достойно подготовиться къ грядущей жизни.

Таковъ высокій идеалъ христіанской жизни. И для осуществленія своего онъ потребуетъ отъ насъ всего напряженія нашихъ духовныхъ силъ. Но не забудемъ, что ничто великое и въ жизни общественной, и въ жизни нравственной не совершается безъ напряженія духовныхъ силъ. Воздержаніе есть первая ступень къ духовнымъ подвигамъ.

Д. Брянцевъ.

ГОГОЛЬ, КАКЪ РЕЛИГИОЗНАЯ ЛИЧНОСТЬ.

I.

Отношеніе читающей публики и критики къ Н. В. Гоголю, какъ къ художнику-писателю и человѣку.

Россія только что отпраздновала великій культурный праздникъ—столѣтнюю годовщину со дня рожденія великаго юмориста, безсмертнаго художника-писателя, отца русской реальной литературной школы, Николая Васильевича Гоголя.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Москва открыла ему памятникъ. А въ наши дни усиленно издаются сочиненія Гоголя, производятся различныя изысканія о его жизни и творествѣ, собираются въ огромные томы всевозможные матеріалы для біографіи Гоголя, пишутся статьи, гдѣ творчество его разбирается со всевозможныхъ сторонъ, вездѣ торжественно поминалось имя его въ учебныхъ заведеніяхъ, въ учрежденіяхъ, обществахъ, читались лекціи, рефераты. Но, по обыкновенію, въ такихъ торжествахъ людьми свѣтской критики всегда почти проходитъ молчаніемъ религиозный элементъ въ творествѣ художника. Н. В. Гоголя, какъ прежде, такъ и теперь знаютъ только, какъ величайшаго художника въ области слова, получившаго право на безсмертіе не только высокими достоинствами своихъ произведеній, но также рѣшительнымъ вліяніемъ на весь ходъ послѣдующаго развитія русской литературы вплоть до нашихъ дней, знаютъ его, какъ виновника господствующаго донинѣ реальнаго направленія въ литературѣ. Для большинства читающихъ людей Гоголь—это гений-писатель, мастерски обличавшій и «горькимъ смѣхомъ сквозь слѣзы» смѣявшійся надъ недостатками современнаго ему русскаго общества да и вообще надъ недостатками и уродствами жизни людей. И рѣдко, рѣдко кто поинтересуется Гоголемъ, какъ человѣкомъ, жившимъ извѣстными убѣжденіями, извѣстнымъ міровоззрѣніемъ. Весьма немногихъ зани-

мають тѣ сокровенныя и прекрасныя мысли и чувства, которыя жили и таились въ его душѣ, какой вѣрующій и убѣжденный христіанинъ постепенно созрѣвалъ въ Гоголѣ художникѣ—геніи.

Если для большинства читающей интеллигентной публики Гоголь-человѣкъ съ его завѣтными думами совершенно заслоняетъ Гоголемъ—великимъ юмористомъ и сатирикомъ, то, какъ это ни странно, и большинство критиковъ и серьезныхъ комментаторовъ въ послѣднихъ годахъ жизни Гоголя, когда онъ выступилъ предъ читающей Россіей со своими убѣжденіями, какъ человѣкъ, какъ моралистъ, видятъ постепенное увяданіе генія Гоголя, видятъ «картину медленнаго и тяжелаго, упорнаго процесса физическаго разрушенія наряду съ явнымъ упадкомъ таланта и болѣзненнымъ напряженіемъ религіознаго экстаза»¹⁾.

И совсѣмъ недавно еще то время, когда Гоголя, послѣ обнаруженія имъ «избранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» и «Исповѣди», называли сумасшедшимъ, религіознымъ маіакомъ, ханжой, проповѣдникомъ гнута, апостоломъ невѣжества, поборникомъ обскурантизма и мракобѣсія, пантегиристомъ татарскихъ правъ²⁾ и прочихъ чудовищныхъ призраковъ. Да и для большинства современныхъ критиковъ, которые могутъ теперь взглянуть на дѣло безпристрастнѣе, такъ какъ *живое* вліяніе Гоголя нѣсколько прошло, совсѣмъ все-таки непонятнымъ кажется тотъ повидимому радикальный кризисъ, который произошелъ въ творчествѣ Гоголя въ послѣднее дѣсятилѣтіе его жизни, когда онъ, признавъ всѣ почти свои предыдущія произведенія бесполезными и даже вредными, хотѣлъ «изобразить» образъ совершеннаго человѣка, но за неимѣніемъ силъ и возможности этого сдѣлать, издалъ только «Избранныя мѣста» и «Авторскую исповѣдь», гдѣ предъ русскимъ читающимъ обществомъ онъ выступилъ въ качествѣ обличителя-моралиста и убѣжденнаго православнаго христіанина и сына Церкви.—

Чѣмъ объяснить этотъ кризисъ въ Гоголѣ? А объяснить его необходимо для того, чтобы имѣть ясное представленіе о Гоголѣ, какъ о личности, чтобы узнать именно міровоззрѣніе самого Гоголя, прослѣдить его развитіе и увидѣть тѣ факторы, которые созидали это развитіе.

1) Шеврокъ. Мат. для біограф. Гоголя. Москва 98 г. т. IV, стр. 3.

2) Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю.

II.

Психологическое объясненіе кризиса, происшедшаго въ творествѣ Гоголя

Теперь уже, конечно, оставлена, какъ нелѣпость, басня о сумасшествіи Гоголя при концѣ его жизни, которымъ будто-бы объясняется перемѣна въ творествѣ Гоголя. Конечно, для психіатровъ, въ родѣ Шарко и Ламброзо, Гоголь—несомнѣнный религіозный маниакъ и экстазь, въ которомъ, вслѣдствіе болѣзней, развилась болѣзнь танатофобія, боязнь смерти, вслѣдствіе чего Гоголь сталъ думать усиленно о смертномъ часѣ и спасеніи своей души, такъ что обращеніе его къ религіи и къ христіанству объясняется чисто внѣшними причинами: близостью смерти, болѣзнями, терзаніями и неудачами въ жизни.

Но для насъ такое объясненіе не должно имѣть особеннаго смысла, потому что если судить такимъ образомъ о людяхъ, тогда бы навѣрное нужно было, подобно Діогену, днемъ съ фонаремъ искать среди людей *нормальнаго* человѣка! Да и по свидѣтельству родныхъ и близко знакомыхъ Гоголь до конца своей жизни остался *нормальнымъ* человѣкомъ, такъ что причинъ перемѣны въ Гоголѣ нужно искать въ чемъ-нибудь другомъ. Единственно вѣрнымъ объясненіемъ ея можетъ быть только психологическое объясненіе: эта перемѣна произошла въ Гоголѣ путемъ постепеннаго развитія религіознаго чувства въ немъ и самымъ именно характеромъ творчества Гоголя, какъ сатирика.

Религіозное чувство Гоголя получило свое начало и жизненную силу еще въ раннемъ дѣтствѣ. Въ своемъ письмѣ отъ 20-го октября 1833-го года къ матери онъ пишетъ: «Я помню: я ничего сильно не чувствовалъ, глядѣлъ на все, какъ на вещи созданныя для того, чтобы угождать мнѣ... Я ходилъ въ Церковь потому, что мнѣ приказывали или носили меня... Я крестился потому, что видѣлъ, что всѣ крестятся. Но одинъ разъ, я живо, какъ теперь, помню этотъ случай: Я просилъ васъ разсказать о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ за добродѣтельную жизнь, и такъ разительны и страшно описали вѣчныя муки грѣшниковъ, что это меня *потрясло* и *разбудило* во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли». Эта

идея будущей жизни рано стала въ умѣ впечатлительнаго мальчика живой мыслью, создавшей въ Гоголѣ то пламенное отношеніе къ религіи, которое можно постоянно видѣть въ его перепискѣ съ матерью изъ Нѣжинна и изъ Петербурга, и изъ-за границы, и изъ Москвы, отовсюду и во всякомъ возрастѣ.

Кромѣ того, Гоголя постоянно одушевляла живая вѣра въ Бога и въ его Промыслъ надъ собой. Въ одномъ изъ писемъ къ матери въ 1829 году, когда Гоголю было уже 20 лѣтъ, онъ пишетъ: «я чувствую налешую на меня десницу Всевышняго... и въ умиленіи признаю невидимую десницу, пекущуюся о мнѣ, и благословляю дивно назначаемый путь мнѣ».

Что именно религіозное лишь чувство было дѣломъ всей личной жизни Гоголя, это видно изъ одного мѣста изъ «Авторской исповѣди», гдѣ Гоголь говоритъ о единствѣ направленія его духовной жизни: «отъ ранней юности у меня была *одна* дорога, по которой я иду. Я былъ только скрытенъ, потому что не былъ глупъ: вотъ и все».

Именно вотъ эта религіозная идея, эта постоянная мысль о Богѣ и о человѣкѣ, и о его назначеніи въ мірѣ, о будущей жизни и подготовила тотъ переломъ въ творчествѣ Гоголя, который вызвалъ такую бурю въ читающей Россіи.

Но былъ еще одинъ серьезный факторъ, который обусловилъ собой и создалъ кризисъ въ жизни Гоголя: это характеръ его творчества, его сатиризмъ, юморизмъ.

Для многихъ, навѣрное, покажется странной мысль, что Л. Н. Толстой и Н. В. Гоголь въ процессѣ своего литературнаго творчества прошли совершенно одинаковыя стадіи развитія. Мы беремъ на себя смѣлость утверждать что Гоголь и Толстой—это двѣ психологическія параллели, что они тотъ и другой въ силу *психологической настроенности* должны были придти къ тому, за что ихъ одни критики хвалятъ, а другіе чрезмѣрно порицаютъ и въ чемъ видятъ унадокъ поэтическаго творчества.

Дѣло все въ томъ, что какъ Толстой, такъ и Гоголь въ своихъ произведеніяхъ являются прежде всего сатириками. Въ чемъ заключается сущность творчества всякаго сатирика? Онъ осмѣиваетъ уродливыя стороны и формы человѣческой жизни и природы, бичуетъ своимъ горькимъ смѣхомъ пороки, выставляетъ во всей неприкрашенной наготѣ всю низость и пошлость человѣка, онъ строго осуждаетъ то, что недостойно человѣка и его человѣческой высокой цѣнности, какъ разумной и нравствен-

ной личности, — словомъ каждый сатирикъ необходимо является *критикомъ* жизни, обличителемъ прежде всего современныхъ ему людей, ближе всего соотечественниковъ, а потомъ его сатира, обличеніе можетъ простирается и на всѣхъ людей вообще, на несовершенства вообще человѣческой природы и жизни.

Самымъ характеромъ своего творчества сатирикъ обязанъ обращать вниманіе единственно лишь на *отрицательныя* стороны и явленія человѣческой жизни. Постоянная вдумчивость въ эти явленія, да и вообще во всю жизнь, глубокое изученіе этой жизни подъ точкой зрѣнія нравственнаго сознанія и идеала раскрываютъ умственному взору сатирика ужасную, страшную картину *безсмыслія* той человѣческой жизни, которую ведетъ большинство людей, всю ея пошлость и ненормальность. И у сатирика на устахъ замираетъ его, быть можетъ, легкомысленный *смѣхъ надъ человекомъ*, и предъ сознаніемъ прежняго *насмѣшника* надъ людьми встаетъ страшная *трагедія* человѣческой жизни, ему станетъ *страшно за человека*, и онъ, наконецъ поставитъ предъ собой безотвѣтный вопросъ *о тайнѣ своего бытія*: зачѣмъ, для чего эта безсмысленная жизнь? Что такое человекъ? Въ чемъ цѣль его бытія и жизни? И стремленіе разрѣшить всѣ эти роковыя проблемы необходимо приведутъ человека къ религіи, которая одна именно и рѣшаетъ безусловно эти вопросы.

Размышляя надъ фактами своей и общечеловѣческой жизни, Л. Н. Толстой нашель, что эта жизнь «не то», что она глупа, пошла, бессмысленна, а разумъ и совѣсть въ человекѣ требуютъ истинной, должной жизни. И Левъ Николаевичъ постарался охарактеризовать ее и онъ нашель эту жизнь въ своеобразномъ толкованіи общечеловѣческой любви, всепрощенія, заповѣданномъ людямъ Христомъ.

Проповѣдь этой любви и сдѣлалась предметомъ своеобразнаго творчества Толстого, часто неимѣющаго ничего общаго съ подлиннымъ христіанствомъ. И тотчасъ-же онъ, подобно Гоголю, былъ враждебно всѣми встрѣченъ и былъ прославленъ «плохимъ» мыслителемъ, но благодаря тому, что ему еще осталась возможность, сообразно его природному писательскому таланту, воплощать свои идеи въ рамкахъ *романа, повѣсти и разсказа, драмы*, онъ доселѣ еще остается великимъ писателемъ, но интересуется всетаки онъ Россію да и вообще все читающее челове-

ство лишь какъ художникъ, а во всякомъ случаѣ не какъ философъ и моралистъ, и хотя разумѣется немало находится людей, которые увлекаются идеями Толстого, но для большинства читающаго люда Толстой прежде всего романистъ, интересный писатель, великій художникъ.

Идейныя страницы въ романахъ Толстого, если и не пропускаются, то читаются безъ интереса, съ кислымъ выраженіемъ скуки и недовольства на лицѣ читателя. Можно сказать, что въ послѣднее время Толстой обращаетъ на себя вниманіе только своими антицерковными и антиправительственными брошюрами, которыя во множествѣ распространяются и у насъ и за границею его почитателями и которыя такъ нравятся разнаго рода современнымъ «освободителямъ». Нѣчто подобное случилось и съ Гоголемъ.

Одно изъ величайшихъ преимуществъ творческаго генія Гоголя заключалось въ искусствѣ художника вникать въ окружающую жизнь и глубоко въ душу изображаемыхъ героевъ. Для этого нужно было изучать и людей и себя самого. И это изученіе необходимо раскрыло предъ сознаніемъ Гоголя опять таки всю пошлость, всю неистинность наличной жизни человѣка, и, естественно, Гоголь начинаетъ искать эту истину и находить ее въ христіанствѣ, въ его ученіи о любви и будущей жизни.

Изученіе самого себя и открыло Гоголю—высокое человѣческое достоинство по природѣ и несоотвѣтствіе этой природѣ наличной жизни людей. Если Гоголь умѣлъ заставить читателей почувствовать въ пестрой смѣнѣ ежедневныхъ впечатлѣній, съ виду ничтожныхъ и мелкиихъ, потрясающую картину повседневной пошлости и глубокую нравственную убожество, значитъ въ основѣ всего творчества Гоголя лежала великая религіозная идея совершенства человѣка, его великаго достоинства и вѣчнаго назначенія въ мірѣ. Гоголь смотрѣлъ на жизнь серьезно и вдумчиво и былъ одаренъ дивною способностью «вызывать наружу все, что ежеминутно предъ очами», но чего не зрять равнодушныя очи.

Рано началъ онъ задумываться надъ задачей собственной жизни и тайной земного назначенія человѣка, и во всѣ возраста, начиная съ отрочества, стремился къ нравственному совершенству. И естественно въ творествѣ его произошелъ кризисъ. Гоголь, сначала безпечно смѣявшійся надъ недостатками жизни

людей, засмѣялся потомъ сквозь слезы и, наконецъ, переставъ смѣяться, ужаснулся трагедіи человѣческой жизни,—безпечности людской по отношенію къ выполненію истиннаго назначенія человѣка въ мірѣ и обратился въ проповѣдника морали. Смѣхъ надъ людскою жизнью уже заранѣе предполагалъ въ Гоголѣ идеалиста, считавшаго человѣка великимъ, разумнымъ существомъ, достойнымъ иной, болѣе лучшей жизни, чѣмъ та, которую человѣкъ фактически ведетъ. Но эта наличная жизнь необходимо дѣлала идеалиста Гоголя *пессимистомъ*, такъ какъ она не соответствовала тому идеалу, который предносился уму и воображенію великаго писателя. И кромѣ того, пессимистъ необходимо обращался въ безпощаднаго *критика жизни*, такъ какъ не могъ же онъ отказаться отъ тѣхъ идеаловъ, которыми жила живая душа Гоголя.

Только именно этими психологическими явленіями и объясняется весь процессъ творчества Гоголя, а наряду съ нимъ и Толстого, только благодаря этому становятся понятными «кризисы и передомы» въ творествѣ того и другого. Оба они нашли успокоеніе и удовлетвореніе въ религіи, именно въ христіанствѣ—въ его ученіи любви, только Толстой отвергъ вѣроученіе христіанства, а Гоголь его цѣликомъ принялъ такъ, какъ даетъ его Церковь, особенно—ученіе о будущей жизни.

Психологическое объясненіе процесса творчества Гоголя даетъ возможность стать на единственно правильную точку зрѣнія для объясненія тайны жизни Гоголя, его отказъ отъ своихъ сатирическихъ произведеній, даетъ возможность понять все міровоззрѣніе великаго писателя земли русской, какъ чисто религіозное, христіанское. Съ *положительнымъ* выраженіемъ этого міровоззрѣнія Гоголь, какъ, извѣстно, выступилъ въ «Избранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» и въ «Авторской исповѣди».—И, какъ извѣстно, Гоголь былъ встрѣченъ градомъ упрековъ, подозрѣній, картечью язвительныхъ сарказмовъ, цѣлой тучей тяжелой, удушливой вражды. На голову несчастнаго человѣка, осмѣлившася людямъ сказать прямо, безъ обиняковъ, въ лицо страшную истину, обрушились всѣ и присяжные критики, вродѣ Бѣлинскаго, и обыкновенные смертные, друзья и враги. Чѣмъ объяснить это странное явленіе? Кто здѣсь виноватъ: Гоголь-ли, или его читатели, критики и цѣнители?

III.

Причины неудачи „Избранныхъ мѣстъ“.

Въ «Избранныхъ мѣстахъ» Гоголь является въ качествѣ суроваго обличителя современнаго ему русскаго общества въ безрелигіозности, въ нравственной безпринципности, въ равнодушии къ предметамъ религіознаго почитанія, въ оторванности русской интеллигенціи отъ религіозной жизни въ Церкви, въ общеніи съ православными пастырями, какъ руководителями духовной жизни. Все это—не только великія и справедливыя мысли, но именно сама голая жизнь. И будить сознание русскаго общества въ этомъ направленіи—великая задача. Но дѣло все въ томъ, что нужно *умѣть* будить это сознание, подбирая подходящія для этого средства и обладая для этого достаточнымъ запасомъ и времени и энергіи, и нравственной подготовки, и образованія; между тѣмъ какъ у Гоголя всего этого весьма не доставало, и прежде всего у него не доставало образованія.

Чтобы быть моралистомъ—проповѣдникомъ въ наше время, нужно быть высоко и глубоко образованнымъ человѣкомъ, нужно осмыслить себѣ весь кругъ своихъ жизненныхъ вопросовъ, нужно имѣть уже твердыя, непоколебимыя убѣжденія, между тѣмъ какъ Гоголь, по собственному его признанію, еще «учился» самъ, самъ искалъ разрѣшенія своихъ вопросовъ¹⁾. Именно въ міровоззрѣніи Гоголя нѣтъ ясности, опредѣленности, недаромъ Чернышевскій укорялъ Гоголя въ туманности и мистицизмѣ. Затѣмъ, Гоголь выбралъ очень неподходящее къ дѣлу средство—изданіе писемъ. Цѣлая серія писемъ, гдѣ безъ всякой системы, связи, послѣдовательности трактуется съ незаконными повтореніями о разныхъ религіозно-моральныхъ вопросахъ—всегда производитъ удручающее впечатлѣніе на всякаго, даже самаго снисходительнаго читателя.

Кромѣ этого, нужно быть справедливымъ: самый тонъ «писемъ» прямо невозможенъ, рѣзкій, заносчивый, бранчивый, безпокойный... Недаромъ укоряли за это Гоголя!

Далѣе, нужно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: Гоголь по характеру своего творчества вовсе не былъ моралистомъ-обличителемъ, онъ былъ великій художникъ-писа-

1) Соч. Гоголя Изд. Тихонр. т. V, стр. 245. „Письмо къ Россети“.

тель, устѣвнѣй гениально изобразить живыхъ людей и живую жизнь и притомъ именно отрицательныя ея стороны: потому-то обаяніе Гоголя—художника и исчезло, лишь только онъ взялся не за свое дѣло, за *отвлеченную, положительную мораль*. Конечно, великая задача внушить людямъ истину ихъ жизни, но Гоголь при всемъ пламенномъ желаніи не могъ этого сдѣлать, во-первыхъ, потому, что дни его были уже сочтены, силы надорваны, и онъ, что смогъ, то и сдѣлалъ, только онъ ошибся въ расчетѣ: онъ думалъ, что его «Письма» сразу раскроютъ предъ умственнымъ взоромъ людей всю истину. Однако въ дѣйствительности это вовсе не такъ легко дѣлается. Люди очень черствы, сухи и мелочны, чтобы откликаться на всякую проповѣдь. Необходимы жизни Златоустовъ, чтобы заставить людей хотя нѣсколько задуматься надъ жизнью! И намъ кажется, что одной изъ причинъ неудачи «Избранныхъ мѣста» является именно эта неотзывчивость людей къ вопросамъ религіозно-нравственнымъ, религіозный индефферентизмъ, равнодушіе и холодность къ предметамъ религіи, вѣры. А если обратить вниманіе на то время, когда издалъ Гоголь эти «Избранныя мѣста», то и всѣмъ станетъ понятной ихъ неудача.

То было время всеобщаго увлеченія политическими и социальными вопросами, время именно религіознаго какого-то особеннаго, охватившаго всю почти, такъ называемую, интеллигенцію русскую, индефферентизма и нигилизма. Гоголь со своими «письмами» явился тогда такимъ рѣзкимъ диссонирующимъ звукомъ, что отъ него постарались всѣ поскорѣе зажать свои уши изъ-за боязни, какъ-бы не лопнула перепонка ихъ любимыхъ, излюбленныхъ, надуманныхъ фантазій и умственныхъ бредней...

И Гоголь естественно остался почти одинъ «гласомъ вопіющаго въ пустынь». Между тѣмъ «избранныя мѣста» заслуживаютъ серьезнаго изученія не столько изъ-за того, что рисуютъ предъ нами *религіозно-нравственные идеалы Гоголя*, но въ нихъ—*загадка жизни нашей и возможное объясненіе оной*, по словамъ Вяземскаго¹⁾.

Каковы же эти идеалы, какова загадка и каково объясненіе оной?

¹⁾ «СПБург. Вѣдомости» 1847 г. № № 90—91., въ Сборникѣ Зелинскаго.

IV.

Религіозно-нравственные идеи и идеалы Н. В. Гоголя

Осмѣивая своимъ «горькимъ смѣхомъ» отрицательныя стороны современной и общечеловѣческой жизни, ея уродливости и злу, которое скрывается подъ покровомъ внѣшнихъ приличныхъ формъ общежитія, Гоголь обращался къ познанію своей собственной души, и это познаніе открыло Гоголю то, что всего нужнѣе для человѣка—это Бога—Человѣколюбца и Серцевѣда—Христа. «О, какъ глубже предъ тобой раскрывается это познаніе, когда начнешь дѣло съ собственной своей души! На этомъ пути поневолѣ ближе встрѣтишься съ Тѣмъ, Который Одинъ изъ всѣхъ, доселѣ бывшихъ на землѣ, показалъ въ Себѣ полное познаніе души человѣческой» ¹⁾. Познаніе жизни, ея темныхъ сторонъ раскрыло предъ сознаніемъ Гоголя всю трагедию ²⁾ ~~человѣческаго~~ земного существованія и необходимость того, чтобы жизнь освѣщалась принципами христіанской любви и самоотверженія, только тогда въ ней и можетъ быть какой-нибудь разумный смыслъ.

«Предметъ у меня,—писалъ Гоголь,—былъ всегда одинъ и тотъ-же: предметъ у меня былъ—*жизнь*, а не что другое. Жизнь я преслѣдовалъ въ ея дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія, и пришелъ къ Тому, Кто есть Источникъ жизни. Отъ малыхъ лѣтъ была во мнѣ страсть замѣчать за человѣкомъ, ловить душу его въ малѣйшихъ чертахъ и движеніяхъ его, которыя пропускаются безъ вниманія людьми—и я пришелъ къ Тому, Который Одинъ полный вѣдатель души и отъ Кого Одно-го я могъ только полнѣе узнать душу» ²⁾.

Прежде всего это познаніе открыло Гоголю необходимость для человѣка нравственнаго совершенства. Убѣжденіе въ этой необходимости и подвигнуло Гоголя на общественную проповѣдь. «Я не считалъ вреднымъ ни для кого открыть публично,—писалъ онъ,—что я стараюсь быть лучше, чѣмъ есмь. Я не нахожу соблазнительнымъ томиться и стараться явно, въ виду всѣхъ, желаніемъ совершенства, если сходилъ за тѣмъ Самъ Божій, чтобы сказать намъ всѣмъ: «Будьте совершенны такъ, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный» ³⁾.

¹⁾ Соч. Гоголя. Изд. Тихофанова т. V, 311.

²⁾ Т. V, стр. 281.

³⁾ „Авт. Исповѣдь“. стр. 278. т. V.

Всматриваясь въ современную ему жизнь людей, Гоголь ясно увидѣлъ, что люди вовсе не занимаются главнымъ дѣломъ своей жизни, все вниманіе ихъ поглащено стараніемъ—какъ бы лучше и выгоднѣе устроить свое земное благополучіе и довольство. Эту цѣль преслѣдуютъ и въ своей внѣшней культурѣ и въ прогрессѣ... Зачѣмъ эта скорость сообщеній? спрашиваетъ Гоголь, «что выиграло человѣчество чрезъ эти желѣзныя и всякія дороги, что приобрѣло оно во всѣхъ родахъ своего развитія?»¹⁾

Затѣмъ, въ современномъ Гоголю состояніи русскаго общества его болѣе всего поражаетъ упадокъ христіанской любви, прикрытый утонченными формами общежитія. У насъ всегда, даже въ тотъ день, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, когда всѣ люди призываются «обнять другъ друга», подъ внѣшней формѣ христіанской любви и всепрощенія остается тотъ же холодный эгоизмъ и гордость, которымъ разлѣдается обыденная жизнь наша²⁾. Главный порокъ настоящаго времени—это духовная гордость, страшная, чудовищная гордость не физическою силою и превосходствомъ, ни знатностью или богатствомъ, но гордость своею мнимою нравственною чистотою, презрѣніе къ падшему брату. «Увы!» восклицаетъ Гоголь, «позабылъ человѣкъ девятнадцатаго вѣка, что онъ самъ можетъ на каждомъ шагу сдѣлать то-же подлое дѣло, хотя въ другомъ только видѣ... Позабыто имъ то, что, можетъ быть, оттого развелось такъ много подлыхъ и презрѣнныхъ людей, что сурово и безчеловѣчно оттолкнули ихъ лучшіе и прекраснѣйшіе люди и тѣмъ заставили еще пуще ожесточиться»³⁾.

Затѣмъ, Гоголь видитъ, что современный человѣкъ насквозь пропитанъ еще гордостью *ума* своего. Современный человѣкъ все можетъ простить, но одного онъ никакъ не проститъ—это сомнѣнія въ умѣ своемъ. «Умъ для него святыня. Ничему и ни во что онъ не *върнть*; только *върнть* въ одинъ умъ свой: чего не видитъ его умъ, того для него нѣтъ. И тѣмъ христіанскаго смиренія не можетъ къ нему прикоснуться изъ-за гордыни его ума»⁴⁾. Эта *въра* человѣка въ одинъ только свой умъ и создала все зло, весь трагизмъ жизни современныхъ людей; та ужасная тоска и уныніе, которыя царятъ въ сердцахъ современныхъ людей—прямые послѣдствія—безрелигіозности, лжедѣи, безвѣріе во все святое, идеальное.

1) Томъ V, стр. 166. Пис. XXVIII. 2) Оч. Гоголя т. V, стр. 236—237.

3) Ibid. 237.

4) Ib. 239.

«Ни одного дня не хочется провести по христіански челоуѣкъ XIX вѣка. И непонятною тоскою уже загорѣлась земля, черствѣе и черствѣе становится жизнь; все мельчаетъ и мелѣетъ, и возрастаетъ только въ виду всѣхъ одинъ исполинскій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могила повсюду! Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мѣрѣ!»¹⁾

Кто можетъ сказать, что Гоголь говоритъ неправду о современной жизни, что у него краски вышли слишкомъ мрачны и густы? Стоитъ приглядѣться попристальнѣе къ современной намъ жизни людей, и слова Гоголя окажутся чистѣйшей правдой по отношенію къ ней.

Быстрое распространеніе философіи пессимизма, чрезвычайная популярность мрачныхъ и эгоистическихъ идей Ницше, Штирнера, антагонизмъ науки и религіи и, наконецъ, успѣхъ декадентства, порнографіи—все это прекрасно можетъ иллюстрировать мрачную картину печальнаго состоянія современнаго общества, въ своей сущности вѣрно подмѣченную художественнымъ чутьемъ Гоголя еще тогда, когда показывались только первые признаки этого состоянія.

Главная цѣль жизни христіанина должна заключаться не въ приобрѣтеніи массы познаній, часто совсѣмъ не нужныхъ, а въ развитіи въ себѣ мудрости—стремленія къ безконечному лучезарному идеалу святости. Если эта мудрость вступитъ въ сердце челоуѣка, «тогда начнется для него небесная жизнь. Все становится для христіанина учителемъ; весь мѣръ для него учитель: ничтожнѣйшій изъ людей и тотъ можетъ быть для него учитель. Стремленіе къ этой святой мудрости вливаетъ въ истиннаго христіанина силы постоянно *идти впередъ*. Предъ нимъ всегда открывается лучезарная даль, вѣчно свѣтитъ, какъ солнце, лучезарный идеалъ безконечной святости»²⁾. Оттого истинный христіанинъ всегда «идетъ впередъ», всегда чувствуетъ энергію и стремится къ идеалу. Оттого его энергія никогда не угасаетъ, запасъ его жизненной силы никогда не изсякаетъ. Разумъ, наука и философія никогда не могутъ дать челоуѣку такого запаса силъ безконечной энергіи. «По обыкновенному, естественному ходу,—говоритъ Гоголь,—челоуѣкъ достигаетъ полнаго развитія ума своего въ 30 лѣтъ... Самые способные и самые даровитые

1) Стр. 213.

2) Письмо XII. стр. 60—61. „Христось идетъ впередъ“.

изъ людей, перевалаясь за сорокалѣтній возрастъ, тупѣютъ, устаютъ и слабѣютъ. Перебери всѣхъ философовъ и первѣйшихъ всесвѣтныхъ гениевъ: лучшая пора ихъ была только во время ихъ полного мужества; потомъ они уже понемногу выживали изъ своего ума, а въ старости впадали даже въ младенчество. Вспомни о Кантѣ, который въ послѣдній періодъ своей жизни обезпамятѣлъ вовсе и умеръ, какъ ребенокъ. Но пересмотри жизнь всѣхъ святыхъ: ты увидишь, что они крѣпли въ разумѣ и силахъ духовныхъ по мѣрѣ того, какъ приближались къ дряхлости и смерти... Отчего же это? Оттого... что предъ христіаниномъ сіяетъ вѣчно даль, и видятся вѣчные подвиги» ¹⁾. Только стремленіе къ идеалу, указанному людямъ Христомъ, раскрываетъ человѣку познаніе тайны жизни. «Жизнь для него уже не загадка, ибо Христосъ объяснилъ, что такое жизнь» ²⁾.

Такимъ образомъ, въ пробужденіи и развитіи религіознаго чувства Гоголь находитъ единственное спасеніе отъ всѣхъ нестроевнй и золь современной жизни. Онъ убѣжденъ, что это чувство еще не умерло совсѣмъ въ человѣкѣ, особенно оно живо въ русскомъ сердцѣ, гдѣ всегда тлѣетъ и не погасаетъ эта искра Божія, которая при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ вспыхнуть въ немъ яркимъ пламенемъ, обновить и очистить его. «Не умереть,—пишетъ Гоголь,—изъ нашей страны ни одно зерно того, что въ ней есть истинно-русскаго и что освящено Самимъ Христомъ. Есть въ природѣ нашей то, что намъ пророчить это» ³⁾.

Способность русскаго человѣка къ религіозному чувству Гоголь видитъ во многихъ природныхъ свойствахъ русскаго человѣка: въ его склонности къ дружбѣ, въ стремленіи къ нравственному возрожденію, къ самоотверженнымъ подвигамъ. Русскій человѣкъ отзывчивъ къ проповѣди смиренія и всепрощенія. «Въ природѣ человѣка, а особенно русскаго, пишетъ Гоголь, есть чудное свойство: какъ только замѣтитъ онъ, что другой сколько-нибудь къ нему наклоняется и показываетъ снисхожденіе, онъ самъ уже готовъ чуть не просить прощенія» ⁴⁾. «Въ народѣ нашелъ, въ одномъ изъ всѣхъ народовъ, укоренилась и живетъ чисто христіанская мысль, что нѣтъ человѣка праваго и что правъ одинъ Богъ... Русскій человѣкъ совершенно здраво разсуждаетъ, что если разобрать каждое изъ дѣлъ нашихъ, то

¹⁾ Ibid. Письмо XII.

²⁾ Стр. 299.

³⁾ Письмо XX, стр. 109.

⁴⁾ Стр. 109 Письмо XX.

всѣ будутъ виноваты»¹⁾). Врожденное русскому стремленіе къ безконечному идеалу, чуткость ко всему великому и прекрасному Гоголь видитъ и въ широтѣ и величавости русской натуры²⁾). Слѣдовательно, развитіе этихъ высокихъ христіанскихъ чувствъ, глубоко заложенныхъ въ душу русскаго народа—вотъ задача нашей жизни, вотъ нашъ истинный идеалъ, путеводная звѣзда и цѣль, къ которой должна сводиться вся наша дѣятельность, во всѣхъ многообразныхъ формахъ и проявленіяхъ, въ поэзіи, искусствѣ, вообще во всей дѣятельности каждаго человѣка! Съ этой точки зрѣнія онъ оцѣниваетъ и свою дѣятельность, какъ писателя. Писатель долженъ, по убѣжденію Гоголя, исполнять тотъ долгъ, для котораго онъ призванъ, для котораго ему даны способности и силы,—именно—учить людей. Владѣя картинной живописью въ словѣ, орлиной силой своего взгляда, поражающимъ сарказмомъ, онъ долженъ не только клеймить пороки, но и представить идеалъ людей, потребныхъ въ современную эпоху, одѣвъ его портретною живописью, которая дѣлаетъ то, что представленный образъ преслѣдуетъ васъ повсюду такъ, что нельзя и оторваться. Онъ долженъ говорить съ обществомъ, *вмѣсто разсужденій, живыми образами*, которые, какъ полные хозяева, входятъ въ души людей. Тогда, разумѣется, кто можетъ нынѣ дѣйствовать сильнѣе такого писателя, и кто можетъ быть болѣе его нуженъ нынѣшней эпохѣ»³⁾). Къ сожалѣнію, Гоголь самъ забылъ это и выступилъ именно съ разсужденіями, а не съ образами, и потому потерпѣлъ полное фіаско. Впрочемъ, онъ сознавалъ все-таки это, что видно изъ его желанія создать «Второй томъ Мертвыхъ душъ», гдѣ ему хотѣлось изобразить положительные типы и идеалъ человѣка представить не отрицательнымъ путемъ, а именно положительнымъ, но это Гоголю не удалось по очень простой причинѣ: не таковъ былъ его геній, Гоголь былъ юмористомъ и сатирикомъ, а ничуть не моралистомъ. Гоголь могъ быть имъ, но только не положительнымъ путемъ, а отрицательнымъ, изображая въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ различные типы такъ, чтобы въ лицѣ ихъ преслѣдовать и предавать злой насмѣшкѣ всѣ дурныя свойства и дѣянія людей. Онъ самъ сознавался, что онъ надѣлялъ своихъ героевъ «сверхъ ихъ собствен-

¹⁾ Стр. 154. Письмо XXV.

²⁾ Стр. 186.

³⁾ „Авт. Исп.“ Стр. 294.

ной гадости, своей собственной дрянью; и старался преслѣдовать ихъ, какъ своихъ смертельныхъ враговъ» ¹⁾).

Гоголю нужно было воспользоваться этой своей собственностью, но впрочемъ онъ не имѣлъ подъ конецъ, вслѣдствіе болѣзней и истощенія силъ, даже возможности сдѣлать этого. Онъ всеже сдѣлалъ, что могъ, что имѣлъ.

Это нужно имѣть всегда въ виду при оцѣнкѣ «Избранныхъ мѣстъ». Въ нихъ, въ этихъ письмахъ мы должны видѣть искреннюю исповѣдь человѣка, пришедшаго къ познанію истиннаго смысла и цѣли жизни, среди самыхъ скорбей и болѣзней нашедшаго отраду и свое призваніе. Здѣсь, Гоголь всѣхъ призываетъ къ дружной совмѣстной работѣ надъ своимъ исправленіемъ и совершенствомъ. И бодрящимъ, освѣжающимъ чувствомъ вѣетъ отъ его вдохновенной проповѣди, и свѣтелъ, полонъ надежды его взоръ на будущія судьбы дорогого отечества, полонъ онъ вѣры въ возможность воскресить, поднять падшаго брата. Всѣхъ призывая на трудъ, всѣхъ призывая на борьбу со зломъ, Гоголь требуетъ мужества и энергіи для этой борьбы, указывая на будущую жизнь и великую награду на небѣ. «Призваны мы въ міръ, говоритъ онъ, вовсе не для праздниковъ и пированій, а на битву мы сюда призваны; праздновать же побѣду мы будемъ тамъ» ²⁾).

Призывъ къ нравственной борьбѣ и возрожденію—вотъ въ чемъ сущность вдохновенной проповѣди Гоголя!

В. Таланкинъ.

Моральный прогрессъ и регрессъ по библейскимъ даннымъ (Пятокнижію).

Книга Бытія повѣствуетъ намъ, что человѣкъ когда-то былъ въ невинномъ состояніи и находился подъ непосредственнымъ водительствомъ Бога; именно въ раю. Но вотъ онъ палъ. И замѣчательно, что первымъ моментомъ паденія и, слѣдовательно, всякаго моральнаго непорядка, было искаженіе идеи Бога въ сознаніи перваго человѣка. Діаволь, согласно исторіи паденія, именно *напираетъ* на этотъ пунктъ и старается наклеветать на Бога: «подлинно ли сказалъ Богъ: не ѣшьте ни отъ какого дерева въ раю?»—вотъ первые слова діавола, которыми онъ несмѣло накидываетъ на Бога легкую тѣнь. Но вотъ далѣе клевета становится уже открытою. Онъ говоритъ женѣ въ отвѣтъ на ея опасеніе смерти, какъ наказаніе за вкушеніе плодовъ добра и зла: «нѣтъ, не умрете; но знаетъ Богъ, что въ день, въ который вы вкусите ихъ, откроются глаза ваши, и вы будете, какъ боги, знающіе добро и зло». Здѣсь Богъ уже представляется деспотическимъ эгоистомъ, скрывающимъ отъ людей невидимое еще для нихъ благо познанія. Если же, напротивъ, въ сознаніи первыхъ людей продолжала бы господствовать идея о Богѣ, какъ Онъ имъ открывался, т. е., какъ о любящемъ отцѣ, то едва-ли было бы возможно возстаніе противъ Бога и паденіе, какъ невозможно непослушаніе и недовѣріе со стороны дитяти къ отцу, который въ его умѣ представляется, какъ любящій покровитель и благожелатель. Итакъ, искаженіе идеи Бога было первымъ толчкомъ къ паденію.

Но паденіе невозможно по самому своему понятію, если нѣтъ силы, влекущей внизъ, хотя бы въ потенціи. Объ этой силѣ, противоположной Богу и добру, говорится въ 3, 6: «и увидѣла жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно пріятно! для глазъ и

вождедѣнно, потому что даетъ знаніе»—это то, что впоследствии ап. Іоаннъ назвалъ «похотью плоти, похотью очесъ и гордостью житейскою» (1 Іоан. 2, 16), а ап. Павелъ назвалъ «плотью» вообще. Вотъ эта то плоть стала дѣйствовать, согласно кн. Бытія, когда было устранено сдерживающее начало—чистая идея о Богѣ. Въ состояніи невинности «плоть» была лишь въ потенціи, какъ свойство земной природы человѣка, и вообще состояніе человѣка въ это время должно назвать гармоническимъ или, такъ сказать, устойчивымъ равновѣсіемъ, ибо здѣсь было господствующее начало—идея Бога, центръ духовности и добра. По паденіи «плоть» переходитъ уже въ состояніе дѣятельное и представляетъ изъ себя самостоятельный агентъ. Такимъ образомъ, въ состояніи паденія, о которомъ мы и будемъ говорить, въ человѣкѣ дѣйствуютъ два фактора: духъ, сконцентрированный въ идеѣ Бога, и плоть. Эти два фактора моральной жизни и образуютъ, вѣрнѣе, обуславливаютъ то неустойчивое равновѣсіе человѣческой воли и нравственности, которое характеризуетъ всю міровую человѣческую исторію. Но это лишь факторы, а не причины, ибо человѣческая воля свободна, какъ это видно изъ безчисленныхъ данныхъ Библии, въ частности, и пятюнжія. каковыя изслѣдовать сейчасъ не входитъ въ нашу задачу.

Исторія паденія—это ключъ къ пониманію нравственной жизни человѣка, въ частности къ пониманію моральнаго прогресса и регресса.

Мы видимъ, прежде всего, съ одной стороны, что паденіе было обусловлено дѣйствіемъ «плоти». Точно также, и въ дальнѣйшее время, въ частности, въ допотопное время, «плоть»—это основа моральной деградации. Допотопное человечество подъ вліяніемъ плоти настолько пало, что заслуживало только истребленія. Типичнымъ въ данномъ случаѣ является паденіе части сенитовъ, о которомъ говорится въ Б. 6, 1—6. Здѣсь, въ частности, причиною моральнаго регресса была плоть въ узкомъ значеніи слова, какъ развратъ.

Но, съ другой стороны, въ первобытномъ человечествѣ этотъ регрессъ совершился и благодаря ослабленію идеи Бога: «Духъ Божій былъ пренебрегаемъ сими человѣками». Тамъ же, гдѣ «Духъ Божій» дѣйствовалъ, регрессъ нравственности былъ невозможенъ, слѣд., должно было быть прогрессированіе, ибо моральное состояніе падшаго человѣка, какъ мы говорили, есть

неустойчивое равновѣсіе, борьба, а не статика, и, слѣд., когда человѣкъ не падаетъ, онъ поднимается. И дѣйствительно, тамъ, гдѣ мы видимъ сохраненіе «Духа Божія», тамъ видимъ и сохраненіе нравственности, моральный прогрессъ. Это—рядъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, начиная съ Еноса, сына Сиеова, призывавшаго имя Господне, и кончая Іаковомъ, отцомъ Израильскаго народа, и его вождемъ, Моисеемъ. Они то, сохранившіе правую вѣру въ Бога, сохранили и чистую нравственность, насколько она была возможна въ В. Завѣтѣ.

Теперь анализируемъ эту вѣру въ Бога и постараемся понять ее, какъ условіе нравственнаго развитія.

Вѣра, какъ теоретическій принципъ, т. е. какъ просто признаніе высшаго принципа бытія—Бога, не имѣетъ моральнаго значенія никакого. Она получаетъ таковое, когда она заключаетъ въ себѣ тоже моральные элементы, сознается нами морально, т. е. когда мы приписываемъ Богу предикаты нравственности и способность дѣйствовать. А приписываемъ мы Ему, какъ высшему принципу всего, высшее добро и нравственную чистоту и высшее могущество. Понятно, эти представленія измѣняются смотря по мѣсту, времени и національности, но общая тенденція здѣсь остается одна и та же..

Такъ и въ В. Завѣтѣ Богъ представляется правдивымъ и всемогущимъ, отсюда и вѣра въ ея моральномъ значеніи равнялась «страху Божію», ибо человѣкъ съ момента паденія сознавалъ уже себя грѣховнымъ, о чемъ свидѣлствуютъ жертвы. Что вѣра, сознаваемая, именно, какъ страхъ Божій, служила основою нравственности и всякаго моральнаго прогресса,—это можно доказать многими ссылками. Исх. 19, 12: «проведи, говоритъ Господь Моисею, для народа черту со всѣхъ сторонъ и скажи: берегитесь восходить на гору и прикасаться къ подошвѣ ея: всякій, кто прикоснется къ горѣ, преданъ будетъ смерти». Здѣсь—выраженіе всей ветхозавѣтной вѣры, какъ страха Божія: если человѣкъ долженъ трепетать горы, на которой присутствуетъ Богъ, то, тѣмъ болѣе, онъ долженъ трепетать всесвятаго Бога. И это приведенное приказаніе Моисею дается Господомъ наканунѣ дарованія нравственнаго закона и во время его дарованія, т. е. считается необходимою психологическою основою для принятія и удержанія этого закона. Или, напр. въ Исх. 20, 20 Моисей говоритъ: «Богъ (къ вамъ) пришелъ, чтобы испытать васъ и чтобы страхъ Его былъ предъ лицомъ вашимъ,

дабы вы не грѣшили». Если обратиться къ до-законному времени, то тамъ найдемъ то же самое. Многие праведники того времени выражали тѣ же мысли. Такъ Авраамъ говоритъ въ отвѣтъ Авимелеху Герарскому: «я подумалъ, что нѣтъ на мѣстѣ семь страха Божія, и убьютъ меня за, жену мою» (Быт. 20. 11), т. е. злодѣйство и вообще моральное сознаніе онъ ставитъ въ зависимость отъ страха Божія. Важны также слова Иосифа: «вотъ что сдѣлайте и останетесь живы, ибо я боюсь Бога» (Быт. 42, 18), также Быт. 50, 19. О повивальныхъ бабкахъ еврейкахъ говорится въ Исх. 1, 18, что они не умерщвляли младенцевъ мальчиковъ по приказанію Фараона, а оставляли въ живыхъ, ибо они «боялись Бога». То же выражаетъ Іоѳоръ въ Исх. 18, 21; Втор. 10, 16—18. Къ этому страху за свою общую грѣховность и за свои поступки, какъ наказанію, присоединяется и надежда «какъ стимулъ къ добродѣтели», на награду, но она, впрочемъ, играетъ второстепенную роль. Такое сочетаніе мы видимъ въ Лев. 26 и Втор. 28.

Отсюда, нравственные заповѣди начинаются словами: «Я Господь, Богъ твой (Исх. 20, 2; Втор. 5, 2—8), съ напоминанія о справедливомъ теократическомъ Владыкѣ. Вотъ почему слово «Богъ» не сходитъ съ языка Моисея, когда онъ говоритъ къ народу. О томъ, какъ цѣнилась богобоязненная вѣра и послушаніе Богу, какъ основы моральнаго созиданія, видно изъ той жестокости, съ какою Моисей уничтожалъ отступавшихъ отъ Іеговы, напр. Исх. 32, 25—30. Сюда же относятся Исх. 19, 3—8 о послушаніи Іеговѣ. Напротивъ, невѣріе въ Іегову и презрѣніе къ Его словамъ «есть корень, произрастающій ядъ и полынь», Втор. 30, 18. Поэтому, первое нарушеніе нравственнаго закона—отверженіе Іеговы: Втор. 28, 14. Такимъ образомъ вѣра—начало нравственности, отсюда добродѣтель иногда называется «хожденіемъ предъ Богомъ», дѣланіемъ «предъ очами Бога», напр. Быт. 6, 9; Втор. 6, 18: «и дѣлай справедливое и доброе предъ очами Господа, Бога твоего».

Итакъ, вѣра, частіе, страхъ Божій—это базисъ нравственной жизни. Отсюда и понятно, что лучшіе періоды въ народной жизни, моральный прогрессъ, падаютъ на время наибольшаго развитія религіи. Таково, напр., время Моисея, которое наложило на народную жизнь и характеръ даже и въ послѣдующее время свой глубокой религіозно-нравственный отпечатокъ.

Такимъ образомъ, моральный прогрессъ понимался, насколько мы судимъ пока по пятокнижію, какъ приближеніе къ Богу, а регрессъ удаленіе отъ Него.

То, о чемъ мы говорили, до сихъ поръ, можно назвать внутренними основами моральной динамики. Но вѣдь есть еще внѣшнія условія въ жизни человѣка и народа, которыя, также, глубоко вліяютъ на психику и на всѣ ея проявленія. Какіе же внѣшніе факторы играли роль, согласно книгамъ Моисея, въ моральномъ прогрессѣ или регрессѣ народа Божія? Эти факторы, главныя: а) общеніе съ падшимъ язычествомъ, б) вся религіозная внѣшность, в) чисто матеріальныя условія жизни.

Общеніе съ язычниками—отрицательная величина для нравственнаго развитія израильтянъ, и вотъ почему. Какъ мы видѣли, вѣра въ единого Бога—опора нравственности и прогресса, а невѣріе въ Іегову—«корень, произращающій ядъ и полынь», т. е. всякое зло. Понятно, что язычники, отступившіе отъ единого Бога, должны были пасть въ нравственномъ отношеніи. Самое язычество, т. е. поклоненіе ложнымъ богамъ, на языкѣ пятокнижія именуется «блудодѣйствомъ», «развращеніемъ» (Исх. 32, 7; Втор. 4, 16, 19; Лев. 20, 5). Правда, этотъ терминъ, преимущественно, толкуется въ томъ смыслѣ, что язычники, отпавшіе отъ единого Бога, своего повелителя, какъ бы уподобились женѣ, оставившей своего мужа, и въ этомъ смыслѣ «блудодѣйствовали вслѣдъ боговъ иныхъ»,—но этотъ терминъ, основываясь роковымъ совпаденіи языческой вѣры и нравственнаго разврата, какъ это видно изъ многихъ свидѣтельствъ пятокнижія, можно толковать и въ смыслѣ, именно, нравственнаго паденія. Вотъ потому-то Моисей такъ настойчиво внушаетъ израильтянамъ избѣгать общенія съ язычниками и даже истреблять ихъ; онъ горячо убѣждаетъ: «не ходитъ вслѣдъ боговъ язычниковъ, чтобы не научиться дѣлать такія же мерзости, какія они дѣлаютъ для боговъ своихъ» (Втор. 20, 18); также вся 13 гл. Втор.; Втор. 7, 24, 16; Исх. 23, 32—33. Послѣднее мѣсто читается такъ: «не должны они (язычники) жить въ землѣ твоей, чтобы они не ввели тебя въ грѣхъ противъ Меня; ибо если ты будешь служить богамъ ихъ, то это будетъ тебѣ сѣтью». Такою сѣтью и были, дѣйствительно, язычники; и общеніе съ ними было одною изъ главныхъ причинъ моральнаго упадка. Израиля, особенно послѣ того, какъ онъ, пройдя пустыню, основался въ Палестинѣ среди языческихъ Хананейскихъ племенъ. Яр-

кимъ примѣромъ такого вліянія язычниковъ на Израиля въ нравственномъ отношеніи еще во время ихъ путешествія является паденіе его отъ Моава, описанное въ 25 гл. Числъ.

Итакъ чрезъ посредство внѣшней среды ложная религія оказывала пагубное вліяніе на нравственное состояніе еврейскаго народа. Но, въ противовѣсъ этому, также внѣшнимъ путемъ воздѣйствовала и истинная религія Іеговы. Какъ и всѣ прочія, она имѣла своихъ служителей, свой культъ. Отсюда, служители ея и вся религіозная внѣшность были положительными факторами для Израильскаго народа въ его нравственномъ развитіи. Изъ служителей Іеговы самымъ великимъ былъ, конечно, Моисей. Онъ былъ «пророкомъ, какого не было болѣе у Израиля», который велъ народъ, насколько то было возможно, къ нравственному совершенству. Законъ, понимаемый внѣшне, т. е. какъ книга закона, данный имъ, былъ какъ бы закрѣпленіемъ религіи и морали, внѣшнимъ символомъ ихъ и напоминаніемъ, и потому тоже былъ однимъ изъ камней въ моральномъ созиданіи. Далѣе, такое же значеніе имѣли скинія, гдѣ присутствовала Іегова, празднества и вообще весь ритуаль. Наконецъ, можно указать на массу религіозно-обрядовыхъ предписаній, которыя окружали еврея на каждомъ шагу и постоянно напоминали ему о чистотѣ жизни. Правда, все это есть простой выводъ изъ того, что религія была для Израиля основою моральнаго развитія, но разсужденію объ этомъ внѣшнемъ вліяніи религіозныхъ предписаній мы отводимъ особое мѣсто, ибо если гдѣ, то именно у еврейскаго народа была такъ сильно развита религіозно-обрядовая сторона, и потому могла быть серьезнымъ факторомъ въ жизни этого теократическаго народа.

Наконецъ, эта внѣшняя среда признается въ пятокнижьи, какъ факторъ нравственнаго подъема или упадка и въ смыслѣ самомъ матеріальномъ, т. е. какъ внѣшнее благоденствіе или внѣшнее несчастіе. Этому фактору удѣляется Моисеемъ даже значительное мѣсто, какъ это видно изъ частыхъ напоминаній о немъ. Понятно, почему этотъ внѣшній факторъ играетъ вообще въ жизни Израиля большую роль. Вѣдь Израиль, по свидѣтельству Моисея, былъ народъ жестоковѣрный, плотской, матеріальный, отсюда и матеріальное въ его жизни являлось важнымъ, вліятельнымъ. Внѣшняя матеріальная среда проявлялась, какъ мы сказали, двояко: какъ благоденствіе и какъ неблагополучіе, бѣдствіе.

Первое дѣйствуетъ, преимущественно, развращающимъ образомъ. «Берегись, чтобы ты не забылъ Господа, Бога твоего...; когда будешь вѣсть и насыщаться, и построишь хорошіе дома и будешь жить въ нихъ, и когда будетъ у тебя много крупнаго и мелкаго рогатаго скота, и будетъ много серебра и золота, и всего у тебя будетъ много, то смотри, чтобы не надмилось сердце твое и не забылъ ты Господа, Бога твоего, который вывелъ тебя изъ земли Египетской, изъ дома рабства»: Втор. 8, 11—14; также Втор. 8, 11—12; 4, 25. Внѣшнее благоденствіе заключаетъ въ себѣ опасность «утучненія» и «разжирѣнія» народа (Втор. 31, 20; 32, 15—16), который въ такомъ состояніи, какъ выразился впоследствии Исаія, «огрубѣваетъ сердцемъ и ушами, съ трудомъ слышитъ и очи свои смыкаетъ» (Ис. 6, 10), чтобы не разумѣть закона жизни, даннаго Богомъ. Вообще, это утучнѣніе можно понимать какъ символъ духовнаго, въ частности, моральнаго упадка.

Напротивъ, внѣшнія бѣдствія, возраждающимъ образомъ дѣйствуютъ на нравственное состояніе Израиля. Съ одной стороны, бѣдствія, какъ наказанія, напоминаютъ о Іеговѣ, владыкѣ народа, о его справедливой власти, и такимъ образомъ покоряютъ ихъ сердце къ слушанію Его слова, напоминающаго имъ о домѣ. Напр. Втор. 30, 1—3: разсѣянный Израиль «обратится къ Господу, Богу своему и послушаетъ гласа Его... отъ всею сердца своего и отъ всей души своей»; такого же характера исправленіе послѣ наказанія ядовитыми змѣями—Числ. 21, 7; еще Лев. 26, 39—41.

Но, съ другой стороны, внѣшнія бѣдствія воздѣйствуютъ и иначе. Они напоминаютъ народу о тлѣнности и непрочности матеріальнаго счастья и, такимъ образомъ, отвращаютъ отъ матеріи къ духу и, этимъ путемъ, ведутъ къ совершенству. Прекрасно говоритъ объ этомъ слѣдующее мѣсто, приведенное впоследствии и Спасителемъ: «Онъ (Господь) смирялъ тебя (въ пустынѣ), томилъ тебя голодомъ и питалъ тебя манною, которой не зналъ ты и отцы твои, дабы показать тебѣ, что не однимъ хлѣбомъ живетъ человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Господа живетъ человѣкъ»—живетъ духомъ—Втор. 8, 3. А жить духомъ—это цѣль нравственнаго совершенствованія. Отсюда понятна цѣнность вліянія такихъ этицизирующихъ внѣшнихъ несчастій.

Впрочемъ, нужно сказать, что матеріальное счастье и бѣдствія имѣютъ и другое нравственное вліяніе. Такъ матеріальный успѣхъ или благоденствіе, если соединяется съ идеею Бога, религіей, имѣетъ не развращающее, а этизирующее значеніе, какъ благодарность за благодѣяніе Іеговы, и въ этомъ видѣ становится стимуломъ къ добродѣтели. Особенное значеніе для Израиля имѣетъ великое благодѣяніе Іеговы—избавленіе отъ рабства Египетскаго и введеніе въ землю обѣтованную, «текущую молокомъ и медомъ» и приносящую плоды, которыхъ Израиль не сажалъ, (Втор. 6, 21—24). Поэтому то, такъ часто и говорится о Іеговѣ, какъ Богѣ, выведшемъ Израиля изъ рабства Египетскаго и вселившаго его въ землю Ханаанскую.

Точно также, иное вліяніе имѣютъ и бѣдствія, если идея справедливаго Іеговы ступовываается въ сознаніи народа. Тогда внѣшнія несчастія теряютъ свою цѣнность и вызываютъ лишь ропотъ, какъ это часто бывало съ Израилемъ въ пустынѣ. Ропотъ же заключаетъ въ себѣ идею о несправедливости, вторгающейся въ міровой порядокъ, что подрываетъ уже прямо моральныя основы.

Всѣ эти три проявленія внѣшней среды, главныя ея стороны, т. е. вліяніе язычества, религіозная внѣшность и, наконецъ, матеріальный успѣхъ или неуспѣхъ,—всѣ они, какъ мы видимъ, *получаютъ свое значеніе для нравственной жизни отъ религіозной основы*, теряя которую онѣ не только ничего не значатъ, но, даже, приобрѣтаютъ отрицательный характеръ.

Такимъ образомъ, нравственная жизнь въ значительной степени зависитъ, какъ съ непосредственно внутренней стороны, такъ и съ внѣшней,—отъ религіи истинной, конечно, а не ложной, и моральный прогрессъ и регрессъ, поэтому, понимается въ пятокнижии, какъ прогрессъ или регрессъ религіозный. Хотя мы не могли во всѣхъ подробностяхъ разработать взглядъ пятокнижія на нравственное значеніе и его жизнь и не указали всѣхъ выставленныхъ тамъ величинъ, играющихъ роль въ моральной динамикѣ, но, какъ намъ кажется, мы опредѣлили, согласно этому взгляду, основной характеръ моральнаго прогресса или регресса и тѣ факторы, которые имѣютъ въ этихъ процессахъ наибольшее вліяніе.

МЕТОДЪ ИСТИННАГО ПОЗНАНІЯ.

Въ полнотѣ своего содержанія нашъ вопросъ можно представить въ слѣдующей краткой формулѣ: гдѣ мы должны искать критерій познанія истины? Чтобы не вводить въ заблужденіе читателя и не вызывать излишнихъ недоразумѣній, считаю необходимымъ прежде всего установить точное значеніе тѣхъ понятій, которыя обозначаю словами «критерій познанія истины». Подъ *познаніемъ* я разумѣю не одно только формально-логическое знаніе признаковъ извѣстнаго предмета, а постиженіе умомъ самаго качества вещи, ея цѣнности, или значимости. Подъ *истинами* у насъ принято разумѣть рядъ научныхъ положеній, которыя выражаютъ собой неизмѣнную связь фактовъ и явленій природы въ цѣпи дѣйствующихъ причинъ, но не указываютъ на смысловое значеніе этихъ связей. Таковы, напр., истины математическія и естественно-научныя. Но міръ со всѣми его явленіями, фактами можно разсматривать и съ другой стороны. Въ немъ можно искать не одной только связи дѣйствующихъ причинъ, а также относительно цѣли смысла существованія вещей. Въ этомъ видѣ истина является выраженіемъ подлиннаго смысла и подлинныхъ цѣлей міровой жизни. Въ приложеніи къ человѣку истина должна служить выраженіемъ подлиннаго смысла его жизни и дѣятельности. Подъ познаніемъ истины, такимъ образомъ, мы разумѣемъ пониманіе и оцѣнку событій и явленій жизни съ ихъ смысловой стороны, съ точки зрѣнія ихъ значенія для идеально-практической дѣятельности человѣка. Короче: познаніе истины есть познаніе смысла жизни, какъ въ общемъ ея ходѣ, такъ и въ частныхъ отображеніяхъ.

Итакъ, гдѣ критерій познанія истины, гдѣ ручательство за разумность нашихъ убѣжденій, гдѣ залогъ того, что мы познали настоящую истину, а не прельстились собственной фан-

тазіей? Думается, что рѣшеніе этихъ вопросовъ не только полезно, но и существенно необходимо для того, чтобы можно было осмысленно жить и убѣжденно мыслить.

Самый распространенный взглядъ на принципъ познанія истины, который очень часто и къ мѣсту и не къ мѣсту приводится, какъ специалистами философовъ, такъ и простыми шарлатанами мысли, заключается въ *наблюденіи и логикѣ*. Факты и логика, логика и факты—вотъ альфа и омега этого общераспространеннаго взгляда. Факты здѣсь разумѣются точные, научно достовѣрные, непоколебимые, и логика разумѣется правильно отточенная, безъ всякихъ *relitio principii* или *contradictio in adjecto*. Представители, такъ называемыхъ, положительныхъ наукъ одно время почему то усиленно считали этотъ методъ своей неотъемлемой собственностью. Но въ настоящее время за него крѣпко держится вообще всякая наука, не желающая витать въ безплодной атмосферѣ пустыхъ фантазій собственнаго производства. Въ этомъ пунктѣ сошлись даже такія противоположности, какъ Геккель съ «Міровыми загадками» и Несмѣловъ съ «Метафизикой жизни».

Всѣ это хорошо и на первыхъ порахъ даже весьма убѣдительно. Ясное дѣло, что факты безъ логики никуда не годны и ни къ чему не примѣнимы. Равно и съ обратной стороны: логика безъ фактовъ представляетъ изъ себя не болѣе какъ пустую забаву, похожую на игру съ мыльнымъ пузыремъ. Но бѣда заключается въ томъ, что еще не было такихъ примѣровъ, когда бы при однихъ и тѣхъ же фактахъ два ученыхъ мыслителя обладали одинаковой логикой и дѣлали вполнѣ тождественные другъ съ другомъ выводы о цѣлнностяхъ жизни. Относительно рабскихъ подражаній это еще можно утверждать, но относительно продуктовъ самостоятельнаго творчества мы осмѣливаемся утверждать противное. Ни согласія, ни объективности—на этомъ пути нѣтъ, да, по правдѣ сказать, и быть не можетъ. Не пытайтесь указывать въ опроверженіе на данныя, такъ называемой, положительной науки. Не говорите, что добытыя и провѣренныя наукой положенія представляютъ изъ себя непоколебимую истину, которую опровергать можетъ только тотъ, кто заранѣе хочетъ расписаться въ собственномъ невѣжествѣ.

Положимъ химія на основаніи самыхъ точныхъ наблюденій утверждаетъ, что фосфоръ обладаетъ свойствомъ поглощать у воздуха кислородъ или—что воздухъ при пониженіи темпера-

туры на 1° теряет $\frac{1}{273}$ часть своего объема, такъ что при пониженіи температуры до 273° отъ воздуха не должно остаться никакого объема. Согласенъ, что въ этомъ положеніи мы никакъ не можемъ сомнѣваться; да если у насъ, сверхъ всякихъ ожиданій, возникнетъ такое сомнѣніе, то его легко можно будетъ устранить посредствомъ простого повторенія опыта. При соответствующихъ условіяхъ опытъ долженъ произойти вновь, и его истинность можетъ быть поставлена выше всякихъ пререканій. Или напр., взять извѣстный эмбриологическій законъ, по которому въ началѣ зародышеваго развитія живыхъ существъ у нихъ нѣтъ ни глазъ, ни ушей, ни др. органовъ чувствъ, обонянія и вкуса. Согласенъ, что всё это провѣрено и доказано неопровержимо. Кто хочетъ самъ убѣдиться въ этомъ, тотъ посредствомъ соответствующихъ аппаратовъ всегда можетъ провѣрить правоту научнаго вывода. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно положеній прочихъ наукъ. Знаю, что никто изъ насъ, находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, не сталъ бы серьезно доказывать, что солнце движется вокругъ земли, что звѣздное небо представляетъ изъ себя лазоревый куполъ, на которомъ развѣшаны милліоны блестящихъ фонариковъ, что громъ происходитъ отъ ѣзды Зевса или Ильи пророка и т. д. Согласенъ съ тѣмъ, что существуетъ въ наукѣ рядъ такихъ положеній, въ достовѣрности которыхъ мы не имѣемъ никакого права сомнѣваться, потому что при желаніи ихъ можно сто разъ провѣрить на опытѣ. Кромѣ того, прибавлю еще, что существуетъ цѣлая область математики, которая всѣ свои положенія строитъ изъ аксіомъ, въ достовѣрности и точности которыхъ мы не можемъ сомнѣваться даже при самомъ придирчивомъ скептицизмѣ. Кажется, объективная состоятельность научнаго метода познанія доказана какъ нельзя лучше. Съ точки зрѣнія поборниковъ этого метода иного пути къ отысканію истины и не слѣдуетъ искать. Но если вмыслиться въ эту объективность поглубже, то вполне возможно, что отъ нея кромѣ ярлыковъ ничего не останется.

Положительныя науки устанавливають связь дѣйствующихъ причинъ и явленій, открываютъ законы и соотношенія наличныхъ силъ природы, но сущности и внутренняго смысла жизни онѣ не открываютъ. Это—съ одной стороны; а съ другой—нужно принять во вниманіе и то обстоятельство, что въ основныхъ точкахъ своихъ построеній всѣ онѣ опираются на недоказанныя

предположенія. Возмите самую точную изъ естественныхъ наукъ, химию, которая любое изъ своихъ положеній можетъ выразить простой математической формулой. И что же? Въ числѣ ея основъ вы найдете атомистическую теорію, безъ которой химія обойтись не можетъ, но доказать которую она не въ силахъ. Вы можете указать на математику, гдѣ точность выводовъ доведена до высшей степени точности и непоколебимости. Но и здѣсь, на самыхъ высшихъ ступеняхъ чисто математическаго мысленія вы встрѣтите, такъ называемую, теорію мнимыхъ величинъ, безъ которой невозможно рѣшеніе многихъ математическихъ задачъ, но которая въ существѣ дѣла представляетъ изъ себя явную нелѣпость. А что скажете относительно, такъ называемаго, четвертаго измѣренія, которое начинаетъ играть довольно значительную роль въ математическихъ выкладкахъ?

Почти двѣ съ половиной тысячи лѣтъ человечество довольствовалось Евклидовой математикой, и думало, что дальше въ этой области и идти некуда. А явился Лобачевскій, и сталъ доказывать, что прежняя математика недостаточна, что 2 параллельныхъ линіи могутъ сойтись, что сумма угловъ треугольника можетъ равняться и не двумъ прямымъ. Да вѣдь мало того, что Лобачевскій опубликовалъ свои изысканія,—у него нашлись и послѣдователи, да не случайные прихвостни послѣднихъ словъ науки, а весьма солидные ученые Россіи и Запада (Перфирьевъ, Гауссъ, Бетталини, Бельтрами и др.). А кто знаетъ, можетъ быть въ будущемъ еще появится десятокъ такихъ Лобачевскихъ. Вотъ вамъ и точность математики и ея объективность. Что же послѣ этого говорить о другихъ положительныхъ наукахъ?

Наконецъ, въ дѣлѣ познанія истины на одну математику и естествознаніе нельзя опереться и потому, что математика, какъ объективной истинѣ имѣетъ такъ же мало отношенія, какъ сумма угловъ треугольника къ вопросу о смыслѣ жизни. Положительная наука, въ точныхъ своихъ предѣлахъ, какъ мы уже имѣли случай упомянуть выше, имѣетъ дѣло исключительно съ послѣдовательнымъ ходомъ внѣшнихъ явленій жизни и потому можетъ не имѣть рѣшительнаго значенія въ построеніи идеаловъ жизни. Говоря словами Вл. Соловьева, мы вправе спросить: «Если-бы на вѣчный вопросъ, что есть истина, кто-нибудь отвѣтилъ: истина есть то, что сумма угловъ треугольника равняется двумъ прямымъ, или что соединеніе водорода

съ кислородомъ образуетъ воду—не было ли бы это плохою шуткой» (I, 316 стр.). Выходитъ, что объективность естествознанія и математики имѣетъ мѣсто только въ узкой сферѣ своихъ спеціальныхъ дисциплинъ, но въ отношеніи къ гуманитарнымъ вопросамъ объ истинѣ жизни, о назначеніи человѣка, о смыслѣ его дѣятельныхъ отношеній къ міру и т. п. положительная наука такъ же неустойчива, какъ и всякая другая наука. Научная объективность сохраняется только до тѣхъ поръ, пока ученые въ своихъ изслѣдованіяхъ не затрагиваютъ коренныхъ проблемъ человѣческаго духа. До этого пункта одинаковыхъ воззрѣній могутъ держаться Булгаковъ и Геккель, Соловьевъ и матеріалистическіе атомисты, Челпановъ и Гольмгольцъ etc. Но такая одинаковость воззрѣній идетъ параллельно и мирно только до первой размолвки на почвѣ кровныхъ убѣжденій каждаго мыслителя. Объективность сохраняется только до выводовъ, а тамъ начинается безконечное разнообразіе мнѣній, сужденій, всевозможныхъ взглядовъ, гипотезъ и всякаго рода философскихъ умозданій. Въ конечномъ результатѣ получается такая разногласица, что будь ты хоть семи пядей во лбу, обладай феноменальными познаніями и логикой, а никакъ не опредѣлишь рационально, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ. Посмотришь на математиковъ: Спиноза, пользуясь математическимъ методомъ, силится доказать несвободу воли, а Хомяковъ по средствомъ того же метода защищаетъ идеалы вселенскаго православія и братство славянскихъ народовъ. Посмотришь на людей, занимавшихся естествознаніемъ, и видишь то же самое. Метерлинкъ, одинъ изъ наиболѣе популярныхъ философовъ—беллетристовъ современности, «въ приспособленіи цвѣтовъ къ перекрестному оплодотворенію ихъ посредствомъ насѣкомыхъ видитъ доказательство существованія у нихъ ума, подобнаго человѣческому, отсюда заключаетъ, что природа человѣческая, сходная съ остальной природой, есть только частица послѣдней и что человѣкъ есть существо, черезъ которое проходятъ и черезъ которое всего сильнѣе обнаруживаются сильныя воли и сильныя пожеланія мірозданія».—словомъ, приходитъ къ частному пантеизму и признанію безсмертія. Между тѣмъ Мечниковъ, основываясь на тѣхъ же фактахъ естествознанія, въ критикѣ мистическихъ тенденцій Метерлинка приходитъ къ мысли, что послѣднія «составляютъ (не болѣе какъ) плодъ воображенія лицъ, почему-либо не удовлетворяющихся положительнымъ

знаніемъ» (Мечниковъ «Этюды о природѣ человѣка» VIII—IX). Л. Толстой, котораго ужъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать недоумкомъ, указывая на безсиліе наукъ въ рѣшеніи труднѣйшихъ задачъ жизни, считаетъ ихъ «попытками обмануть нравственныя, естественныя и физическія требованія человѣческой природы», признаетъ ихъ «праздной и вредной забавой» (ib. 157). А. Мечниковъ въ естественныхъ наукахъ видитъ панацею всѣхъ золъ человѣческой жизни. О гуманитарныхъ наукахъ здѣсь и говорить не приходится. Тутъ всюду слышна разноглаголица. Взять къ примѣру исторію: Бокль и Хомяковъ, Ключевскій и Дорсаковъ, Погодинъ и Благовидовъ. Ни одного изъ нихъ нельзя упрекнуть въ узости фактическихъ познаній, но ни одного изъ нихъ нельзя свести на другого. Что ни авторъ, то новое освѣщеніе и новая логика.

При желаніи можно бы было перечислять безкончныя ряды параллельныхъ типовъ мышленія у людей, стоящихъ на одинаковой ступени научнаго образованія. Кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ? Попробуйте, вооружившись фактами и логикой, изъ всей этой смѣси создать себѣ какое-нибудь опредѣленное и притомъ сознательно провѣренное убѣжденіе. И я увѣренъ, что мы не только не будемъ въ состояніи обмыслить всѣ доводы своихъ ученыхъ оппонентовъ, но даже не въ состояніи будемъ перебрать ихъ всѣ въ своей памяти. Гдѣ же тутъ безпристрастіе и объективность научнаго мышленія о человѣкѣ? Гдѣ критерій того, что мы не пропустили ни одного довода безъ надлежащей оцѣнки? Если мы вздумаемъ остановиться на какомъ-нибудь отдѣльномъ міровоззрѣніи или изъ ряда разобранныхъ нами системъ пожелаемъ выработать свой взглядъ на истину, то что можетъ для насъ служить ручательствомъ за разумность сдѣланныхъ нами выводовъ? Запасись циркулемъ или химической ретортой, и съ ними искать свѣта—предпріятіе, что называется, не стоитъ свѣчъ. Обоснованіе живого міровоззрѣнія на однихъ только научныхъ данныхъ и на чисто головной работѣ есть не болѣе какъ фикція самообольщеннаго воображенія, пустая авантюра, не стоящая усиленныхъ затратъ ума и воли. Объективной науки, которая бы сама по себѣ дала истинное познаніе о жизни и задачахъ человѣческой дѣятельности, нѣтъ и быть не можетъ. Значитъ, критерій познанія истины посредствомъ статистики фактовъ и утонченной діалектики является весьма ненадежной опорой исканія идеаловъ жизни. И если

этотъ методъ остается у человѣка единственнымъ орудіемъ познанія, то людямъ нечего и думать объ отысканіи объективной истины. На ихъ долю въ такомъ случаѣ остается одинъ только словесный спортъ, да бессмысленная гимнастика ума. Даже въ томъ случаѣ, если кто-нибудь изъ нихъ случайно наткнется на истину и будетъ содержать её въ качествѣ безсознательнаго вѣрованія или унаслѣдованнаго предразсудка, у него не будетъ возможности рационально убѣдиться въ достовѣрности содержимой имъ истины.

На этомъ основаніи другая часть искателей истины, отвергнувъ въ теоріи познанія исключительное господство логики и фактовъ, стала искать критерія истины въ чувствѣ. *Философы чувства* основываютъ свои положенія на томъ совершенно справедливомъ соображеніи, что одно упражненіе въ діалектикѣ и перемалываніи фактовъ не даетъ никакого познанія истины, что въ результатѣ всѣхъ изысканій умствующаго разсудка появляется масса варяковъ и недоумѣній, а вопросъ зачѣмъ слѣдуетъ человѣку жить остается столь же запутаннымъ, какъ до начала изысканій. Очевидно съ однимъ умствованіемъ никакого убѣжденія создать невозможно, что каждый легко можетъ провѣрить на собственномъ опытѣ. Допустимъ, вы держитесь такого то опредѣленнаго взгляда на жизнь. Если вы стоите на почвѣ голаго рационализма и формальныхъ фактовъ, то вамъ всякій вправѣ будетъ задать вопросъ: на основаніи чего именно вы держитесь такого, а не иного, убѣжденія? Чѣмъ вы докажете, что вы правы? Въ отвѣтъ вы, можетъ быть, приведете весьма солидные основанія для содержимыхъ вами убѣжденій, будете сыпать фактами и силлогизмами,—словомъ, утвердите свои основанія съ непоколебимой очевидностью. Но не позволительно ли будетъ потребовать основаній для самыхъ основаній то вашихъ? Не потребуеъ ли всякое, даже свиду самое основательное основаніе, метрическаго свидѣтельства о своемъ законномъ рожденіи? Не будетъ ли это нескончаемая сказка про бѣлаго бычка? Не придется ли вамъ подводить одно основаніе подъ другое до тѣхъ поръ, пока вы не придете къ полнѣйшему абсурду, къ признанію своего полного банкротства въ дѣлѣ отысканія истины. Кстати весьма прекрасный примѣръ подобнаго умствованія и подобныхъ результатовъ можно видѣть въ сочиненіи Фихте «Назначеніе человѣка».

Итакъ, одно умствованіе, хотя бы и скрѣпленное фактами, истины не даетъ; это—разъ. А во вторыхъ, разсуждаютъ философы чувства, мы часто видимъ, что люди, не обладающіе большой силой разсудочнаго мышленія, нисколько не меньше понимаютъ жизнь, чѣмъ какой-нибудь Кантъ или Гегель. Возьмите, напр., художниковъ слова. Что же? Достоевскій и Толстой, ничего не создавшіе въ области отвлеченнаго или научнаго мышленія, развѣ менѣе постигли истину и смыслъ жизни, посредствомъ своего художественнаго чутья, чѣмъ какой-нибудь Юмъ, Декартъ или Спиноза? Кто болѣе постигъ истину, кто лучше понялъ цѣнности добра и зла—Дарвинъ ли съ Мечниковымъ или Л. Андреевъ? Я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ насъ рѣшился утверждать, что Канты, Гегели, Геккели, Сѣчиновы etc, непремѣнно опознали болѣе истины, чѣмъ, напр., Достоевскій, Толстой или Ницше? Возьмите же доказательство свободы воли въ трудахъ Московскаго Психологическаго Общества, да возьмите его у Достоевскаго въ «Запискахъ изъ подполья» и выйдеть, что у Достоевскаго гораздо доказательнѣе, чѣмъ у ученыхъ психологовъ, хотя Достоевскій постигаетъ правду исключительно художественнымъ чутьемъ. И вообще мы знаемъ законъ, по которому чѣмъ менѣе въ процессѣ художественнаго творчества бываетъ процентъ лично-разсудочнаго рефлекса, чѣмъ болѣе непосредственнаго отношенія къ жизненнымъ явленіямъ, тѣмъ созданіе художественнаго таланта бываетъ геніальнѣе и правдивѣе.

При томъ же роль чувствъ въ дѣлѣ познанія истины не ограничивается однимъ художественнымъ творчествомъ; она распространяется и на другія стороны жизни. Для примѣра возьмите самую простую жизнь обыкновеннаго маленькаго человѣка, сидящаго за переписываніемъ канцелярскихъ бумагъ, и поставьте рядомъ съ нимъ цѣлую серію свѣтилъ науки, ученыхъ, философовъ, мыслителей. Неужели маленькій человѣчекъ непремѣнно хуже понимаетъ жизнь, самъ переживавъ ея невзгоды и радости, чѣмъ всѣ эти люди великаго ума? Возьмемъ еще болѣе конкретный примѣръ. Какой-нибудь специалистъ по социальнo-экономическимъ наукамъ или какой-нибудь профессоръ біологіи на основаніи долготѣлней кропотливой работы дѣлаеть осторожный выводъ, что человѣкъ, человеку не долженъ быть волкомъ, что люди по смыслу своего существованія должны быть солидарны между собой, а въ то же время малень-

кій человѣчекъ въ силу непосредственнаго чувства человѣчности, имъ самимъ даже незамѣчаемой, помогаетъ людямъ въ ихъ несчастіяхъ и эту помощь считаетъ естественной нормой человѣческихъ отношеній. Кто же изъ нихъ, спрашивается, побилъ рекордъ въ познаніи смысла жизни—большіе или маленькіе люди, логика и ученость или непосредственное чувство?..

Такимъ образомъ, по опредѣленію *философовъ чувства*, если ужъ искать истину, то не къ чему залетать въ сомнительную область ученыхъ изысканій, а достаточно руководствоваться непосредственнымъ чутьемъ, такъ сказать, инстинктомъ истины. По ихъ мнѣнію выходитъ, что критерій истины лежитъ въ чувствѣ, а не въ разсудкѣ. Разсудокъ лишь анализируетъ то, что познано чувствомъ. Такова философія чувства, съ виду весьма убѣдительная, но на самомъ дѣлѣ мало устойчивая.

Критерій познанія истины нужно искать въ чувствѣ, въ непосредственномъ инстинктѣ, или чутья истины—вотъ ея конечный выводъ. Однако стоитъ лишь немного поближе всмотрѣться въ этотъ критерій, какъ его состоятельность окажется весьма несостоятельной. Дѣло въ томъ, что чувство по самой своей природѣ субъективно и болѣе всего подвержено невольнымъ ошибкамъ, такъ что выставлать его въ качествѣ критерія истины такъ же не основательно, какъ неосновательно приписывать въ дѣлѣ познанія исключительное мѣсто логистикѣ. Всѣмъ извѣстенъ фактъ, что чувства по своимъ качествамъ бываютъ крайне разнообразны, даже нерѣдко до полного противорѣчія другъ другу. Все это ясно говоритъ за то, что чувство само по себѣ не служитъ выраженіемъ объективной истины. Разнообразіе качественнаго содержанія чувствъ очень часто зависитъ отъ совершенно случайныхъ причинъ, въ ряду которыхъ не послѣднее мѣсто занимаютъ чисто физиологическія отправления организма. Такъ установленъ фактъ, что онанисты нерѣдко становятся меланхоликами, а меланхолія въ переводѣ на теорію даетъ пессимизмъ. Ощущеніе счастья и связанное съ нимъ оптимистическое возрѣніе на жизнь, по словамъ специалистовъ, часто служитъ признакомъ прогрессивнаго паралича. Одинъ французскій врачъ такимъ образомъ описываетъ это характерное явленіе психо-физическаго міра «Больной доволенъ собой, онъ восхищается своимъ сложеніемъ и положеніемъ. Онъ постоянно хвастается своимъ здоровьемъ, силой своихъ мускуловъ, свѣжимъ цвѣтомъ своего лица, своей неутомимостью и

т. д. Его одежда великолѣпна; его жилище роскошно. На дальнѣйшей ступени преувеличеніе достигаетъ крайности: одинъ дуновеніемъ своимъ опрокидываетъ стѣны; другой утверждаетъ, что можетъ поднять сто киллограммовъ; этотъ въ состояніи выпить цѣлую бочку, другого—ничто не можетъ утомить. Наконецъ, наступаетъ манія величія, и больные въ изобиліи приписываютъ себѣ титулы, власть и богатство. Они—депутаты, графы, князья, генералы, цари, императоры, папы, Богъ» (Мечн. 82). Мы приведеннымъ фактомъ не хотимъ сказать, что оптимизмъ доступенъ однимъ только параличнымъ, а хотимъ только показать, какъ нерѣдко чувство бываетъ неустойчиво въ своемъ происхожденіи. Психофизиологія свидѣтельствуешь, что мрачныя и свѣтлыя чувства, лежащія въ основѣ оптимистическаго и пессимистическаго міровоззрѣній, нерѣдко бываютъ зависимы отъ состоянія физическихъ силъ чатовѣка. Извѣстно, что молодые люди вообще болѣе склонны къ пессимизму, нежели старые. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательно, что наиболѣе рѣдкія системы пессимизма явились въ умахъ молодыхъ мыслителей, а наиболѣе жизнерадостныя возникли въ умахъ стариковъ. Такъ Шопенгауэръ написалъ свою систему пессимизма въ возрастѣ 31 года, а Гартманъ объявилъ существованіе зломъ, будучи всего только 26-ти лѣтъ. Между тѣмъ Дюрингъ, авторъ извѣстнаго сочиненія «Цѣнность жизни», формулировалъ свое оптимистическое міровоззрѣніе, уже будучи слѣпымъ, а Леббокъ напечаталъ свое сочиненіе «Счастье бытія» 53-хъ лѣтъ. Медицина знаетъ тысячи случаевъ, когда люди, вслѣдствіе болѣзни или вообще вслѣдствіе невозможности пользоваться жизнью, становились меланхоликами и пессимистами, послѣ, вылѣчившись, снова возвращались къ розовымъ очкамъ и черезъ нихъ смотрѣли на міръ. Ну, словомъ, воздѣйствіе физиологическихъ условій на чувствованія не подлежитъ сомнѣнію, а, слѣдовательно, съ той же несомнѣнностью можетъ быть доказана неустойчивость чувствованій въ дѣлѣ познанія истины. Помимо чисто физиологическихъ условій на чувство, можетъ оказывать давленіе масса другихъ дѣятелей.

Тутъ могутъ дѣйствовать и общественное мнѣніе, и духъ времени, и унаслѣдованныя преданія быта и вѣры, и просто случайныя событія жизни. Каждое событіе жизни и каждое случайное стеченіе обстоятельствъ производитъ особое чувствованіе,

непохожее на другое. Эстетическое наслажденіе музыкой создаетъ совершенно иныя движенія сердца, чѣмъ семейная неурядица или хорошая баня. Равнымъ образомъ впечатлѣніе, полученное отъ Канта, совершенно не походитъ на впечатлѣніе, полученное отъ вкуснаго обѣда или отъ чтенія молитвы Ефрема Сирина. Иногда бываетъ достаточно самой незначительной переменѣ въ обстановкѣ жизни, чтобы строй сердечныхъ волненій принялъ совершенно новое направленіе. Любовь неожиданно смѣняется ненавистью, благодушное спокойствіе гнѣвомъ, смиреніе гордостью, развратное настроеніе аскетическимъ и т. д.

Если изъ всѣхъ этихъ фактовъ сдѣлать соответствующій выводъ, то окажется, что искать объективнаго критерія истины въ расплывчатомъ разнообразіи чувствъ прямо-таки нелѣзно. Чувства нерѣдко бываютъ настолько случайны и хаотичны, что сами нуждаются въ критеріи для опредѣленія ихъ истинной цѣнности. Отсюда легко можно видѣть, какова объективная состоятельность навѣянныхъ чувствами разсужденій и выводовъ. Какъ мы можемъ искать критерій истины въ чувствахъ, когда мы во всякое время можемъ убѣдиться въ томъ, что разныя чувства производятъ различныя размышленія и заставляютъ дѣлать различныя выводы и рѣшенія. Взять къ примѣру романтическую любовь. Говорятъ, самые мрачные по своимъ убѣжденіямъ люди, влюбившись, забываютъ свои «проклятые вопросы» и считаютъ жизнь за благо. И наоборотъ, бываетъ такъ, что самый жизнерадостный оптимистъ, нарѣзавшись въ любви, самъ того не замѣчая, начинаетъ гнуть свою философію въ сторону Будды. Религіозный экстазъ христіанскаго мученика заставляетъ его, презирая пытку и смерть, идти на костеръ, а благодушная привязанность къ тишинѣ и спокойствію заставляетъ иныхъ довольствоваться одними «жвачными идеалами». Горе настраиваетъ мысль на минорный ладъ, радость—наоборотъ. Скупость заставляетъ строить теорію эгоизма, а широкая гуманность ищетъ теоретическаго обоснованія альтруизма и т. д. безъ конца.

Спрашивается, въ какомъ чувствѣ слѣдуетъ искать критерія истины? Что истиннѣе—мистицизмъ ли Сведенборга и Штиллинга или философія Якоби и Шлейермахера?—и то и другое основано на непосредственномъ чувствѣ. Кто правъ—Руссо съ его идеаломъ сельской простоты или массоны, проповѣдующіе таинственное единеніе съ Первоначаломъ? А можетъ быть, съ этой

точки зрѣнія всѣхъ правѣе окажутся хлысты съ ихъ радѣніями или какая нибудь духоборческая секта? Ясное дѣло, что само по себѣ чувство не даетъ никакого критерія истины. Оно можетъ быть неотразимо убѣдительно для самого чувствующаго субъекта, но отнюдь не убѣдительно и тѣмъ болѣе не обязательно для другого. И, если бы самъ чувствующій субъектъ вздумалъ провѣрить цѣнность своихъ убѣжденій, то, обратившись къ чувству, не нашелъ бы тамъ никакого отвѣта.

Итакъ, съ вопросомъ о чувствѣ мы можемъ со спокойной совѣстью покончить. Но гдѣ же критерій истины?

Указывать *на волю* и инстинктъ, ставить «я хочу» или такъ называемую «волю жизни» началомъ и концомъ всякаго познанія не значитъ ли, вовсе отказаться отъ всякихъ гносеологическихъ изысканій? Я хочу, ты хочешь, онъ хочетъ,—кто же изъ насъ лучше хочетъ, чье хотѣніе истиннѣе? Мое или Штирнеровское? Чьи инстинкты законнѣе—толстовскіе или ницшеанскіе? Мѣрки для ихъ оцѣнки въ самихъ инстинктахъ неимѣется. Инстинкты не всегда бывають вѣрны даже у животныхъ, а у человѣка, всю свою жизнь проводящаго въ искусственныхъ условіяхъ жизни, тѣмъ болѣе нельзя искать неизвращенныхъ инстинктовъ.

Обращаться къ такъ называемому *здравому смыслу*, мнѣ думается, также нѣтъ необходимости, потому что всякій человѣкъ бываетъ здравъ по своему. Съ точки зрѣнія здраваго смысла весь міръ легко можетъ оказаться огромной психіатрической больницей, гдѣ, каждый, сумасшедшій, считаетъ себя нормальнымъ, а другихъ свихнувшимися съ ума.

Итакъ, ни логическая обработка фактовъ, ни чувства, ни движенія воли, ни здравый смыслъ не даютъ сами по себѣ истины. Послѣ всѣхъ прежнихъ разсужденій мы вправѣ спросить: да гдѣ же путь къ познанію истины? Какъ и куда нужно направить свой недоумѣвающий умъ? Неужели мы должны довольствоваться одними жвачными идеалами и жить минутнымъ существованіемъ насѣкомыхъ? Конечно, вопроса объ истинѣ жизни можно было бы не поднимать, если бы мы вздумали удовлетвориться существованіемъ свиньи или осла, но такъ какъ мы всетаки считаемся людьми и не можемъ жить исключительно жвачными интересами, то, не смотря на пенальную судьбу предшествовавшихъ опытовъ рѣшенія затронутаго вопроса, мы не можемъ отказаться отъ новыхъ попытокъ къ обоснованію

критерія истины. Главнымъ побужденіемъ къ такому, можетъ быть и не совсѣмъ успѣшному предпріятію является настойчивая необходимость осмыслить свою жизнь и осмыслить непременно сейчасъ. Что пользы, если черезъ 2—3 тысячи лѣтъ ученые откроютъ всѣ законы человѣческаго существованія и со временемъ всѣ неясныя страницы человѣческой исторіи сдѣлаются ясными. Для насъ этого совсѣмъ недостаточно. Намъ нужно знать, зачѣмъ мы то живемъ, куда намъ нужно идти, къ какой цѣли стремиться, зачѣмъ страдать? И сколько бы насъ ни утѣшали счастьемъ будущихъ поколѣній, мы никогда не будемъ въ состояніи удовлетвориться наличной дѣйствительностью и поставить крестъ надъ своими исканіями. Съ точки зрѣнія матеріалиста и скептика смѣшно даже и говорить объ истинѣ, не то что искать ея, и, конечно, ихъ вкусовъ логикой не переубѣдишь. Но мы оставляемъ имъ ихъ скепсисъ и пытаемся одѣлать шагъ впередъ.

Теперь мы переходимъ къ положительному рѣшенію поставленнаго вопроса. Правда, рѣшеніе это довольно проблемматично и далеко не точно, но намъ пока оно кажется наиболѣе вѣроятнымъ.

Прежде всего мы вооружаемся противъ искусственнаго дѣленія познавательнаго процесса на голую логику, познаніе чувства и т. д. Какъ чистое отвлеченіе, такое чувство еще допустимо въ ученыхъ трактатахъ по психологіи, но оно совершенно ложно въ приложеніи къ живому процессу познанія. Жизнь души носитъ цѣльный характеръ. Въ ней нѣтъ особыхъ перегородокъ, которыя бы держали рассудокъ, волю и чувство въ одиочномъ заключеніи. Всякій рассудочный процессъ непременно сопровождается волевыми и сердечными движеніями, а также и наоборотъ: волевые и сердечные процессы въ нормальномъ человѣкѣ всегда срастворяются съ умомъ. Это фактъ безспорный. Иное представленіе о душевной жизни такъ же нелѣпо, какъ нелѣпо было бы въ духѣ Гегеля мыслить человѣка одной логической машиной, однимъ комкомъ чувствительныхъ нервовъ или сплошной гентліозной клѣткой.

Въ душевной жизни нѣтъ ни одной, хотя бы и мелкой, черты, которая бы существовала отдѣльно, внѣ связи съ цѣльнымъ строемъ психики извѣстнаго лица. Здѣсь все разнообразно и колоритно, но въ то же время все связано цѣльно и организовано. Поэтому всякое дробленіе душевной жизни на отдѣльные

процессы является лишь искусственнымъ отвлеченіемъ, необходимымъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой искусному зоологу бываетъ необходимо тщательно изучить отдѣльную кость какого-нибудь допотопнаго чудища, чтобы приблизительно возстановить его цѣльный остовъ. Довольствоваться же однимъ дробнымъ изученіемъ душевной жизни, значить не болѣе, какъ выйти на роскошное поле, рассмотреть тамъ каждую пылинку, каждый цвѣтокъ и травку, и уйти не видѣвъ цѣльной картины. Итакъ *цѣльность и связность душевной жизни является первымъ тезисомъ нашей постановки вопроса.* Въ приложеніи къ вопросу о познаніи это будетъ означать, что критерій истины нельзя искать только въ логикѣ, только въ чувствѣ или въ волѣ. Добытая стина непремѣнно должна удовлетворить связную совокупность всѣхъ потребностей человѣческаго духа. Въ противномъ случаѣ она не будетъ истиной, потому что истина всегда цѣльна. Такъ называемыя математическія аксіомы несомнѣнны для ума, но скудны для чувства и воли, слѣдовательно, истина не въ нихъ. То же самое слѣдуетъ сказать о волевыхъ движеніяхъ и чувствахъ: если они не удовлетворяютъ умственныхъ запросовъ, то ихъ значеніе для истины одностороннее и непрочно.

Во вторыхъ, мы протестуемъ противъ возможности познанія чувствомъ или устремленіемъ воли. Познать можно только умомъ. Познаніе чувствомъ противоестественно и нелѣпо, — такъ же нелѣпо, какъ нелѣпо слышать глазами и видѣть ушами. Желаніе и чувство бывають расплывчаты и хаотичны до тѣхъ поръ, пока сознательная работа мысли не придастъ имъ опредѣленный обликъ. Поэтому, только умъ можно назвать тѣмъ глазомъ душевнаго организма, посредствомъ котораго мы получаемъ возможность знать и себя и природу. Въ ума нѣтъ и не можетъ быть никакого познанія. Вся сумма знанія, какой обладаетъ человѣчество въ лицѣ своей философіи и науки, есть несомнѣнное произведеніе ума. Даже въ поэзіи и искусствахъ, гдѣ познаніе красоты и изящества формъ, кажется, всецѣло зависитъ отъ простаго и чистаго созерцанія, процессъ осмысливанія всецѣло принадлежитъ уму, а не чувству. Поэтому совершенно ложны утвержденія нѣкоторыхъ мистиковъ, вродѣ Штиглицга иди Якоби, которые фантазируютъ относительно особаго брѣвна познанія посредствомъ чувства. Желать и чувствоваль можно что угодно, но ни одно желаніе и чувство не можетъ назваться познаніемъ. Такимъ образомъ, *вторымъ тезисомъ нашего изслѣ-*

дованія мы выставляемъ то положеніе, что органомъ познанія является только умъ.

Если послѣднее положеніе сопоставить съ первымъ тезисомъ, то окажется, что умъ, представляющій собою органъ познанія, не можетъ дѣйствовать особнякомъ отъ остальной психики, потому въ душевной жизни всё имѣетъ органическую связь и взаимодѣйствіе. Значитъ, умъ по самой природѣ своего организованнаго существованія можетъ дѣйствовать только въ связи съ цѣльнымъ строемъ душевной жизни человѣка. Отсюда вытекаетъ вполне естественное слѣдствіе, что въ области философской чистаго познанія, т. е. такого познанія, которое бы стояло внѣ связи съ волей и чувствомъ субъекта, не существуетъ и не можетъ существовать, такъ какъ процессъ философскаго познанія всегда бываетъ органическимъ, связнымъ и цѣльнымъ, или, выражаясь по ученому, синтетическимъ. Въ этомъ фокусѣ мы и пытаемся утвердить возможность нашего построенаго теоріи познанія. Совокупность и согласіе движеній ума, воли и чувства мы считаемъ исходнымъ пунктомъ и основнымъ ядромъ цѣльнаго знанія истины. Всякая односторонность лжива и потому для отысканія истины не годна.

Итакъ, органомъ познанія является умъ, дѣйствующій въ связи съ прочими силами человѣческаго духа. Спрашивается, каковы настоящіе границы самостоятельной дѣятельности самаго ума. Изъ предыдущаго изслѣдованія мы видѣли, что объективная самостоятельность весьма сомнительна, потому что результаты разсужденій различныхъ мыслителей доходятъ до крайняго разнообразія и противорѣчивости. Фактъ этотъ объясняется тѣмъ, что умъ совсѣмъ не можетъ работать отрѣшенно отъ общаго строя психической жизни и если берется за это, то сейчасъ же измѣняетъ себѣ и взаимѣнъ сознательнаго соотношенія съ прочими силами души, поддается бессознательно и слѣпо тому или иному инстинкту или предубѣжденію.

И не мудрено,—вѣдь человѣкъ уже рождается съ опредѣленными физиологическими и психическими, предрасположенностями, которыя развиваются и видоизмѣняются сообразно съ условіями воспитанія и роста субъекта. Здѣсь могутъ имѣть значеніе и воздухъ, и температура, и питаніе, а также окружающая обстановка, климатъ, лица, среди которыхъ ребенку приходится вращаться, кругъ интересовъ и запросовъ среды, ея бытовья и культурныя особенности и т. д. Словомъ, безконечное количе-

ство мелкихъ вліяній, которыя можно уподобить тѣмъ невѣсомымъ силамъ природы, которыя на самомъ дѣлѣ являются самыми мощными двигателями физической жизни *).

*) Для доказательства высказаннаго положенія достаточно привести 2 характерныхъ примѣра, свидѣтельствующихъ объ условности и полной ограниченности нашего умственного аппарата. Въ медицинско-практикѣ известны случаи такъ называемой „цвѣтной слѣпоты“, когда у пациента теряется способность различать какіе бы то ни было цвѣта. Для такихъ лицъ вся природа со всей роскошью и колоритомъ своихъ красокъ является сѣрымъ силуэтомъ. Представьте себѣ, что такой субъектъ начинаетъ разсуждать съ вами о природѣ,—насколько будутъ состоятельны его выводы, можете судить сами. Между тѣмъ такихъ и подобныхъ аномалій у каждаго человѣка немало. Галстонъ, напр., утверждаетъ, что древніе греки совсѣмъ не знали голубого цвѣта (Мигевъ физиолог. психологія стр. 81); а современная физиологія свидѣлствуетъ, что „мы всѣ страдаемъ цвѣтной слѣпотой въ периферическихъ частяхъ сѣтчатки, и становимся слѣпыми на цвѣта, если цвѣтные предметы очень удалены отъ насъ“. (ib. 81) Возьмемъ и другой примѣръ. Всѣ мы думаемъ, что съ малолѣтства научаемся *властвовать* языкомъ, пользоваться имъ, какъ своимъ послушнымъ орудіемъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Фактически не мы владемъ языкомъ, а языкъ нами. Дѣло въ томъ, что народный языкъ, съ которымъ мы срастаемся съ самаго дѣтства, совсѣмъ не представляетъ изъ себя механическаго орудія для передачи нашихъ мыслей. Каждое слово языка непрѣменно живетъ и мыслитъ, потому что въ скрытомъ видѣ всегда заключаетъ извѣстное понятіе или мысль, которая въ свою очередь можетъ имѣть значеніе лишь постольку, поскольку она гармонируетъ съ общимъ строемъ народной рѣчи. Народный языкъ въ сложно-закрытомъ видѣ всегда заключаетъ въ себѣ тысячелѣтній духовный опытъ народа, богатство его многовѣковой мысли. Его грамматика является раскрытіемъ понятій, а синтаксисъ раскрытіемъ строя народной мысли. Поэтому чѣмъ богаче бываетъ народъ, чѣмъ шире область его духовныхъ интересовъ, тѣмъ богаче его языкъ, и наоборотъ—чѣмъ скуднѣе духовное достоинство народа, тѣмъ бѣднѣе его языкъ. У нѣкоторыхъ народовъ, говорятъ, употребляется не болѣе 300 словъ. Извѣстно, что Канта и Гегеля до сихъ поръ не могутъ удовлетворительно перевести на французскій языкъ просто по недостатку въ этомъ языкѣ соответствующихъ словъ и понятій. Или извѣстно, что въ англійскомъ языкѣ не существуетъ слова дѣйствительность; оно замѣняется словомъ реальность, такъ что во всей англійской философіи отсутствуетъ понятіе потенциальной дѣйствительности и признается только одна вѣщная дѣйствительность. Отсюда, изъ отрицанія невещественной дѣйствительности, у англичанъ является крупный недостатокъ въ философской терминологіи. У нихъ, напр., нѣтъ слова ничто, вѣчто, что-ниб., никто, нѣкто, а есть только никакая вещь, нѣкоторая вещь, никакое тѣло, нѣкоторое тѣло. Или извѣстно, что въ нѣмецкомъ языкѣ нѣтъ слова умъ, а есть слово разумъ—*vernunft* и разсудокъ—*verstand*—понятія, обозначающія не столько цѣльную способность ума, сколько ея антицидескую, судящую часть. Вообще нужно сказать, что такихъ недостатковъ въ языкѣ много. Выходить—знай мы одинъ англійскій языкъ, ну насъ не было бы яснаго мышленія о невещественной, умопостигаемой дѣйствительности. Знай одинъ французскій языкъ, мы бы смѣшляли понятіе духъ и умъ (*esprit*), сущность и

Вотъ почему направленіе умственной работы человѣка, а слѣдовательно, и ея скрытый результатъ всегда покоится не на твердыхъ основаніяхъ логики и фактовъ, а коренится въ темной области предрасположенностей, унаслѣдованныхъ инстинктовъ, приобрѣтенныхъ навыковъ, вкусовъ, симпатій и т. д. Словомъ, *мысленіе человека всегда бываетъ таково, каково онъ весь въ своей цѣлостности, или какова его личность*. При такихъ способахъ познанія, какими обладаетъ человѣкъ, реальной истины у него остается одинъ порывъ, одно идеальное устремленіе къ истинѣ. Уму и опыту принадлежатъ провѣрка и выводъ, а самое ядро истины даетъ чистота сердечныхъ побужденій и высота цѣльнаго подъема всѣхъ духовныхъ силъ личности.

Отсюда ядѣлаю такой выводъ: чѣмъ цѣльнѣе и чище бываетъ личность, тѣмъ глубже и совершеннѣе ея познаніе. Слѣдовательно, единственный путь къ реальному познанію истины есть путь совершенствованія, всей личности человѣка. Въ этомъ *смыслѣ задача истиннаго познанія является дѣломъ жизни; иными словами, задача познанія должна стать нравственной, этической задачей, т. е. познаніе и жизнь должны сдѣлаться нераздѣльными*. Чтобы мысль эта не показалась слишкомъ смѣлой считаю умѣстнымъ напомнить, что она была извѣстна еще въ древности, въ философіи Платона, а въ нашу эпоху она сродна и Шеллингу, и Ульриху, и Кирѣевскому, и Соловьеву, и Толстому.

А. Л.

бытіе (être), сознание и совѣсть (conscience) и т. д. (Солов. Вл. I, 275). Отсюда ясно, что въ существѣ дѣла не мы владѣемъ языкомъ, а языкъ владѣетъ нашей мыслью. Думаемъ, что настоящихъ фактовъ и примѣровъ, выставленныхъ въ началѣ реферата, вполне достаточно, чтобы показать, насколько не велики наши самостоятельныя познанія о мірѣ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Мая № 9—10 1909 года.

Содержаніе. I. Высочайшія награды.—Высочайшія Приказы.—Списокъ лицамъ духовнаго званія, кои Святѣйшимъ Синодомъ удостоены награжденія, за заслуги по духовному вѣдомству, ко дню Рожденія Его Императорскаго Величества.—Приказъ Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора.—Епархіальныя извѣщенія.—Присоединеніе къ православію.—Празднованіе двадцатипятилѣтія церковно-приходскихъ школъ.—Воззваніе отъ комитета по сооруженію памятника И. К. Айвазовскому.—Воззванія.

I

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

I.

Государь Императоръ, во вниманіе къ отлично-усердному служенію нижепоименованныхъ лицъ, Всемилостивѣйше соизволилъ, къ 6-му мая 1909 года—высокоторжественному дню Рожденія Его Императорскаго Величества, причислить къ орденамъ: св. Владиміра 3-й степени: викарія харьковской епархіи, епископа сумскаго **Евгенія**;—св. Анны 1-й степени: протоіереевъ церквей: Александро-Невской, что при харьковской 1-й мужской гимназій, Павла Солнцева, и харьковской кладбищенской Иоанно-Успенской **Іоанна Пичету**.

Св. Владиміра 4-й степени: архимандритъ **Афанасій**; св. Анны 2-й степени: гор. Харькова, Крестовоздвиженской церкви протоіерей **Николай Любарскій**; гор. Богодухова, соборной Успенской церкви протоіерей **Алексій Станиславскій**; гор. Старобѣльска, Покровской соборной церкви протоіерей **Василій Аристоръ**; св. Анны 3-й степени: Харьковскаго Покровскаго монастыря архимандритъ **Арнадій**; Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря, Харьковскаго уѣзда, священникъ **Митрофанъ Красинъ**.

В Ы С О Ч А Й Ш І Я П Р И К А З Ы .

По гражданскому вѣдомству 6 мая 1909 года.

По вѣдомству православнаго исповѣданія.

Награждаются орденами: св. Анны 2-й степени: учителя Харьковскаго духовнаго училища: Иванъ Евецкій и Василій Пономаревъ и секретарь Харьковской духовной консисторіи Иванъ Самойловичъ.

Св. Анны 3-й степени: преподаватель Харьковской духовной семинаріи, Павелъ Кратировъ.

Св. Станислава 3-й степени: учитель Сумскаго духовнаго училища Александръ Дьяковъ.

С П И С О К Ъ

лицамъ духовнаго званія, кои Святѣйшимъ Синодомъ удостоены награжденія, за заслуги по духовному вѣдомству, ко дню Рожденія Его Императорскаго Величества.

По Харьковской епархіи: а) палицею—Благовѣщенской церкви гор. Харькова протоіерей Василій Поповъ; б) саномъ протоіерея—Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища инспекторъ классовъ и запопучитель священникъ Іоаннъ Котовъ; гор. Харькова, кафедральнаго Успенскаго собора священникъ Григорій Виноградовъ; церкви слободы Ново-Ольшаной, Бупинскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ Макаровскій; Покровской церкви гор. Лебедина священникъ Петръ Чудновскій; соборной троицкой церкви гор. Волчанска священникъ Георгій Хижняковъ; Пророко-Ильинской церкви запатпаго гор. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, священникъ Максимъ Подлуцкій; в) наперстнымъ крестомъ отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ—Харьковскаго Покровскаго монастыря іеромонахъ Евстратій; Спасова мужскаго монастыря іеромонахъ Нифонтъ; Высочинскаго казанскаго монастыря іеромонахъ Моисей; Мирносницкой церкви гор. Волчанска священникъ Василій Насѣдникъ; церкви села Козинки, Волчанскаго уѣзда, священникъ Павелъ Булгановъ; церкви села Соколова, Зміевского уѣзда, священникъ Іоаннъ Стеллецкій; Крестовоздвиженской церкви гор. Изюма священникъ Владиміръ Григоровичъ; церкви села Маякъ, Изюмскаго уѣзда, священникъ Григорій Понировскій; Троицкой церкви гор. Сумъ священникъ Алексій Мигулинъ; церкви села Кальченково, Сумскаго уѣзда, священникъ Маркъ Веселовскій; Покровской соборной церкви гор. Старобѣльска священникъ Дмитрій Баженовъ; церкви села Марковки, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ Кузнецовъ; церкви села Евсуга, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ Давидовичъ; церкви Лимаревскаго конскаго завода, Старобѣльскаго уѣз-

да, священникъ **Георгій Федоровъ**; Преображенской церкви гор. Харькова священникъ **Сергій Уманцевъ**; Христорождественской церкви того же города священникъ **Константинъ Дьяковъ**; Воскресенской церкви того же города священникъ **Юаннъ Гораинъ**; Александро-Невской церкви того же города священникъ **Алексій Жадановскій**; Свято-Духовской церкви того же города священникъ **Андрей Жадановскій**; Озерянской церкви того же города священникъ **Михаилъ Юшковъ**; церкви слободы Буть, Харьковскаго уѣзда, священникъ **Петръ Шебатинскій**; г) **камилавкою**—Георгіевской церкви гор. Ахтырки священникъ **Леонидъ Прядкинъ**; церкви слободы Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, священникъ **Стефанъ Артемьевъ**; церкви села Бакировки, того же уѣзда, священникъ **Іаковъ Лисенко**; церкви села Каменки, того же уѣзда, священникъ **Іаковъ Павловъ**; церкви слободы Боромли, того же уѣзда, священникъ **Алексій Стаховскій**; церкви села Лютовки, Богодуховскаго уѣзда, священникъ **Павелъ Вертеловскій**; церкви села Гниловки, того же уѣзда, священникъ **Григорій Назаревскій**; церкви села Коломака, Волчанскаго уѣзда, священникъ **Ілія Бондаревъ**; Покровской церкви заштатнаго гор. Чугуева, Зміевскаго уѣзда, священникъ **Феофанъ Дейнеховскій**; той же церкви священникъ **Николай Красинъ**; церкви села Пришиба, Зміевскаго уѣзда, священникъ **Михаилъ Жуковскій**; церкви слободы Савинець, Изюмскаго уѣзда, священникъ **Михаилъ Воскобойниковъ**; церкви села Прелестнаго, Изюмскаго уѣзда, священникъ **Николай Никулищевъ**; церкви села Шабельковки, Изюмскаго уѣзда, священникъ **Александръ Кирилловъ**; церкви слободы Юрьевки, Бупянскаго уѣзда, священникъ **Михаилъ Орловъ**; Покровской церкви заштатнаго города Недригайлова, Лебедизскаго уѣзда, священникъ **Василій Петрусенко**; церкви слободы Алексѣевки, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ **Николай Веселовскій**; церкви слободы Бѣлявки, того же уѣзда, священникъ **Василій Торанскій**; Серафимовской церкви гор. Харькова, священникъ **Николай Загоровскій**; Трехсвятительской церкви при 3-й гимназій гор. Харькова священникъ **Петръ Кушталовъ**; Осіе-Андреевской церкви при реальномъ училищѣ гор. Харькова священникъ **Іоаннъ Дмитревскій**; Успенско-Серафимовскаго женскаго монастыря, Бупянскаго уѣзда, священникъ **Іосифъ Васютинъ**; церкви села Василевки, Лебедизскаго уѣзда, священ. **Федоръ Заводовскій**; церкви слоб. Рудовки, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ **Іаковъ Любарскій**; церкви села Николаевки, Сумскаго уѣзда, священникъ **Петръ Ставровскій**; Преображенской церкви гор. Харькова священникъ **Михаилъ Знеидовъ**; д) **благословеніемъ Святѣйшаго Синода, съ грамотами**—настоятельница богодуховскаго свято-троицкаго монастыря игуменія **Херувима**; Николаевской церкви гор. Харькова протоіерей **Панкратій Ивановъ**; церкви села Одринки, Валков-

скаго уѣзда, священникъ Николай Сильванскій; е) благословеніемъ Святѣйшаго Синода, безъ грамотъ—церкви села Кабанья, Купянскаго уѣзда, священникъ Никита Жуковъ; церкви села Хотомли, Волчанскаго уѣзда, священникъ Симеонъ Краснокутскій; церкви села Голубовки, Лебедипскаго уѣзда, священникъ Іосифъ Крохатскій.

ПРИКАЗЪ Г. СИНОДАЛЬНАГО ОБЕРЪ-ПРОКУРОРА.

Приказомъ г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 27 апр., за № 3258 Помощникъ инспектора Харьковской семинаріи Николай Воскресенскій перемѣщенъ 8 апрѣля 1909 г. на должность учителя русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ Законноспасское духовное училище въ Москвѣ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ:

1. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служ. должности.

а) Заштатный священникъ Андрей Романовъ опредѣленъ вторымъ священникомъ къ церкви сл. Ново-Осиновой, Купянскаго уѣзда.

б) Діаконъ церкви слободы Николаевки, Изюмскаго уѣзда, Андрей Настѣдинъ опредѣленъ 13 мая на священническое мѣсто при церкви села Ново-Александровки, Старобѣльскаго уѣзда.

в) Священникъ церкви села Голофеевки, Бирюченскаго уѣзда, Воронежской губерніи, Андрей Лукинъ опредѣленъ 13 мая на священническое мѣсто при церкви слоб. Ковяги, Валковскаго уѣзда.

г) Діаконъ-псаломщикъ церкви села Мохначей, Зміевскаго уѣзда, Стефанъ Крыжановскій опредѣленъ 13 мая на діаконское мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, слоб. Алексѣевки, Сумскаго уѣзда.

д) Бывшій псаломщикъ Акакій Власовскій опредѣленъ 1 мая и. д. псаломщика при церкви слоб. Масловки, Зміевскаго уѣзда.

е) Крестьянинъ Иванъ Бѣдило опредѣленъ 1 мая и. д. псаломщика къ Покровской церкви, слоб. Большой Писаревки Богодуховскаго уѣзда.

ж) Крестьянинъ Петръ Дзюба опредѣленъ 1 мая и. д. псаломщика къ Георгіевской церкви, слоб. Голой Долины, Изюмскаго уѣзда.

з) Бывшій псаломщикъ Купянскаго Покровскаго собора Михайлъ Кирилловъ опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви села Райгородскаго, Купянскаго уѣзда, 1 мая.

2. О перемѣщеніи духовенства:

а) Священникъ церкви села Ново-Александровки, Старобѣльскаго уѣзда, Александръ **Ведоровъ** перемѣщенъ 28 апр. на священническое мѣсто при церкви сл. Вербовки, Зміевскаго уѣзда.

б) Священникъ Успенской церкви, сл. Бѣло-Куракиной, Старобѣльскаго уѣзда, Максимъ **Грековъ** переведенъ 27 апрѣля къ церкви сл. Шулкиной, Старобѣльскаго уѣзда.

в) Священники сл. Старовѣрови, Купянскаго уѣзда, Платонъ **Кутеповъ** и села Пашкова, Изюмскаго уѣзда, Павелъ **Полницкій** перемѣщены одинъ на мѣсто другого 30 апрѣля.

г) Священники сл. Брусовки, Старобѣльскаго уѣзда, Георгій **Ведоровъ** и Лимаревскаго конскаго завода, того же уѣзда, Георгій **Ведоровъ** перемѣщены одинъ на мѣсто другого 4 мая.

д) Псаломщикъ Георгіевской церкви, слоб. Голой Долины, Изюмскаго уѣзда, Тимошей **Бондаренко** переведенъ 1 мая къ церкви слоб. Бѣловода, Сумскаго уѣзда.

Объ увольненіи за штатъ:

а) Священникъ Преображенской церкви, слободы Вербовки, Зміевскаго уѣзда, Тимошей **Ведоровъ** уволенъ, согласно его прошенію, за штатъ 28 апрѣля.

б) Священникъ церкви слоб. Мѣловатки, Купянскаго уѣзда, Василій **Зеленскій** уволенъ, согласно прошенію, отъ мѣста.

в) Псаломщикъ Кирилло-Меѳодіевской церкви, села Райгородскаго, Купянскаго уѣзда, Алексѣй **Бойковъ** уволенъ 21 апрѣля за штатъ.

г) Псаломщикъ церкви сл. Кисельскихъ Хуторовъ, Зміевскаго уѣзда, Георгій **Павловскій** уволенъ 13 мая отъ должности псаломщика.

д) И. д. псаломщика Вознесенской церкви, слободы Старосалтѣва, Волчанскаго уѣзда, Александръ **Дикаревъ** удаленъ отъ мѣста 13 мая за недержаніе псалом. экзамена.

4. О смерти духовенства.

а) Священникъ Георгіевской церкви, слоб. Дерновой, Ахтырскаго уѣзда, Алексѣй **Краснокутскій** умеръ 23 апрѣля.

б) Священникъ Николаевской церкви, села Сычевки, Старобѣльскаго уѣзда, Павелъ **Чефрановъ** умеръ 26 апрѣля.

в) Діаконъ Димитріевской церкви, слободы Булавишовки, Старобѣльскаго уѣзда, Василій **Лядскій** умеръ 22 апрѣля.

5. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ

- а) Къ церкви слободы Пархомовки, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 27 апрѣля старостою купецъ **Петръ Кузнецовъ**.
- б) Къ Георгіевской церкви, слоб. Бѣловода, Сумскаго уѣзда, утвержденъ 25 апрѣля старостою кр. **Матвѣй Ушкаловъ**.
- в) Къ Дмитріевской церкви, слободы Стецковки, Сумскаго уѣзда, утвержденъ 25 апрѣля старостою крестьянинъ **Иванъ Чугай**.
- г) Къ церкви сл. Александровки, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 1 мая старостою крестьянинъ **Стефанъ Литовченко**.
- д) Къ Архангело-Михайловской церкви, села Ольховаго Рога, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 27 апрѣля старостою крестьянинъ **Василій Слоня**.
- е) Къ Рождество-Богородичной церкви, гор. Чугуева, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 1 мая старостою крестьянинъ **Григорій Воминь**.
- ж) Къ Пророко-Ильинской церкви села Березоваго, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 1 мая старостою кр. **Федоръ Костяница**.
- з) Къ Дмитріевской церкви, города Харькова, утвержденъ 27 апрѣля старостою купецъ **Григорій Бочаровъ**.
- и) Къ церкви сл. Бишкниа, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 1 мая старостою крестьянинъ **Климентій Блоха**.
- к) Къ Озерянской церкви, города Харькова, утвержденъ 30 апрѣля старостою мѣщанинъ **Діонисій Ивченко**.
- л) Къ церкви села Гамольши, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 2 мая старостою кр. **Яковъ Комирь**.
- м) Къ Архангело-Михайловской церкви, слободы Волосской Бадаклейки, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 29 апрѣля старостою кр. **Іосифъ Гетьманъ**.
- н) Къ церкви слободы Асѣвки, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 12 мая старостою кр. **Михаилъ Ефремовъ**.
- о) Къ церкви слободы Коробочки, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 14 мая старостою крестьянинъ **Трофимъ Левашевъ**.
- п) Къ Христо-рождественской церкви, села Пятницкаго, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 7 мая старостою крестьянинъ **Наумъ Маховицкій**.
- р) Къ церкви села Черемушнаго, Валковскаго уѣзда, утвержденъ 1 мая старостою кр. **Павель Евдошенко**.
- с) Къ Покровской церкви, слободы Большой Бабки, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 7 мая старостою крестьянинъ **Филиппъ Берпуховъ**.
- т) Къ церкви села Новаго, Валковскаго уѣзда, утвержденъ 1 мая старостою кр. **Маркъ Зубъ**.
- у) Къ Успенской церкви, слободы Алексѣевки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 5 мая старостою крестьянинъ **Андрей Пересѣчанъ**.

у) Къ церкви села Станичнаго, Валковскаго уѣзда, утвержденъ 1 мая старостою кр. Терентій **Абдула**.

ф) Къ церкви села Княжанаго, Валковскаго уѣзда, утвержденъ 1 мая старостою кр. Потапъ **Мотыка**.

х) Къ Александро-Невской церкви с. Татарки, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 5 мая старостою крестьянинъ Адрианъ **Водолажскій**.

ц) Къ церкви сл. Сороковна Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 6 мая старостою крестьянинъ Евфимъ **Голоскубовъ**.

ч) Къ церкви слободы Рубельной, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 11 мая старостою мѣщанинъ Данилъ **Суначевъ**.

ш) Къ церкви сл. Поповки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 13 мая старостою кр. Михаилъ **Сомковъ**.

щ) Къ церкви Изюмскаго Реальнаго училища утвержденъ 13 мая старостою дворянинъ Сергій **Севастьяновичъ**.

ъ) Къ церкви села Люджи, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 14 мая старостою крестьянинъ Михаилъ **Лучаниновъ**.

6. О награжденіи священниковъ:

Харьковскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ удостоены награжденія въ семь 1909 году слѣдующіе священники: а) **скуфьею** священникъ церкви села Каменецкаго, Ахтырскаго уѣзда, Іоаннъ **Краснопольскій**, священникъ Николаевской церкви, с. Самогеевки, того же уѣзда, Петръ **Люминарскій**, свящ. церкви сл. Ново-Бурлудка, Волчанскаго уѣзда, Александръ **Ястремскій**, свящ. церкви сл. Великаго Бурука, того же уѣзда, Алексій **Червонецкій**, свящ. церкви с. Борового, Зміевскаго уѣзда, Іоаннъ **Колосовскій**, свящ. церкви села Брадова, того же уѣзда, Елисей **Поповъ**, свящ. церкви сл. Цареборисовой, Изюмскаго уѣзда, Викторъ **Краснокутскій**, свящ. церкви слоб. Ново-Георгиевска, Николай **Оглоблинъ**, свящ. церкви сл. Мѣловатки, того же уѣзда, Антоній **Быковъ**, свящ. церкви села Пашкова, Изюмскаго уѣзда, Платонъ **Кутеповъ**, свящ. церкви сл. Двурѣчной, Бупянскаго уѣзда, Астерій **Лукашевъ**, свящ. Троицкой церкви, слободы Повровска, того же уѣзда, Михаилъ **Феневъ**, свящ. церкви слободы Араповки, Бупянскаго уѣзда, Петръ **Заводовскій**, свящ. церкви слоб. Каменки, того же уѣзда, Григорій **Чебенно**, законоучитель Мужской и женской гимназій гор. Лебедина, свящ. Алексій **Солофенно**, свящ. церкви слободы Луцыковки, Лебединскаго уѣзда, Василий **Огинскій**, свящ. церкви села Гальченкова, Сумскаго уѣзда, Михаилъ **Слосаревъ**, свящ. церкви слободы Никольской, Старобѣльскаго уѣзда, Павелъ **Щелоковскій**, Старобѣльскій уѣздный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ и

школь грамоты, свящ. Павелъ **Мухинъ**, свящ. церкви Хорошевскаго Вознесенскаго женскаго монастыря **Димитрій Вербицкій**, свящ. церкви хутора Татарки, Харьковскаго уѣзда, **Димитрій Курской**, священникъ Николаевской церкви, слободы Дергачей, того же уѣзда **Іоаннъ Кудрявцевъ**, свящ. Христорождественской церкви, слободы Липецъ, того же уѣзда, **Алексій Левандовскій**, свящ. церкви села Малой Алексѣевки, того же уѣзда, **Федоръ Никольскій**, свящ. Николаевской церкви, гор. Золочева, того же уѣзда, **Григорій Шокотовъ**, священникъ Троицкой Единобърческой церкви, города Харькова, **Самсонъ Холоповъ**; и б) **набредренникомъ**: священникъ церкви с. Лутинъ, Ахтырскаго уѣзда, **Петръ Подлуцкій**, свящ. церкви села Полянаго, того же уѣзда, **Іаковъ Мартиновичъ**, свящ. церкви села Верхо-Пажни, того же уѣзда, **Сергій Николаевскій**, свящ. Покровской церкви, слободы Большой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда, **Іаковъ Роменскій**, свящ. церкви села Молодоваго, Волчанскаго уѣзда, **Аванасій Бѣлоусовъ**, свящ. церкви села Отрадной, того же уѣзда, **Михаилъ Николаевскій**, свящ. церкви слоб. Врючковъ, Изюмскаго уѣзда, **Сергій Александровъ**, свящ. церкви слоб. Дементѣевки, Харьковскаго уѣзда, **Гавріилъ Сукачевъ**, свящ. Вознесенской церкви слободы Свинецъ, Изюмскаго уѣзда, **Іоаннъ Линицкій**, свящ. церкви села Райгородка, того же уѣзда, **Антоній Поповъ**, свящ. церкви слободы Христища, того же уѣзда, **Іоаннъ Заводовскій**, свящ. церкви села Невскаго, Купянскаго уѣзда, **Александръ Колесниковъ**, свящ. Троицкой церкви, слободы Кременной, того же уѣзда, **Митрофанъ Смирнскій**, свящ. церкви слободы Влѣзокъ, Лебединскаго уѣзда, **Іоаннъ Любицкій**, свящ. церкви с. Гудимовки, того же уѣзда, **Андрей Эннатскій**, свящ. церкви слободы Кургана, Лебединскаго уѣзда, **Константинъ Николаевъ**, свящ. Покровской церкви, слободы Терпентъ, того же уѣзда, **Андрей Паниратьевъ**, свящ. церкви села Деркачевки, того же уѣзда, **Симеонъ Подольскій**, свящ. церкви слободы Проруба, Сумскаго уѣзда, **Савва Доброницкій**, свящ. церкви села Анненскаго, того же уѣзда, **Наритовъ Сербиновъ**, свящ. церкви слободы Басовки, того же уѣзда, **Георгій Стуканевъ**, свящ. церкви села Кочина, Старобѣльскаго уѣзда, **Алексій Воскобойниковъ**, свящ. церкви слободы Александровки, того же уѣзда, **Василій Христіановскій**, свящ. церкви слободы Пантюхиной, того же уѣзда, **Константинъ Косьминъ**, свящ. церкви слоб. Городища, того же уѣзда, **Михаилъ Рудневъ**, свящ. церкви слободы Боровской, того же уѣзда, **Августій Яновскій**, свящ. церкви села Васящева, Харьковскаго уѣзда, **Левъ Булгаковъ**, свящ. Покровской церкви, слободы Ольшаной, того же уѣзда, **Георгій Владыковъ**, свящ. Вознесенской церкви, города Золочева, того же уѣзда, **Гавріилъ Ковалевскій** и свящ. церкви села Борщоваго, того же уѣзда, **Іоаннъ Алексѣевъ**.

7. Обь утвержденіи должностныхъ лицъ.

Священникъ Рождество-Богородичной церкви, села Кальченкова, Сумскаго уѣзда, Маркъ **Веселовскій** утвержденъ 21 апрѣля духовникомъ 2-й половины 20 округа Сумскаго уѣзда.

8. Обь утвержденіи И. д. псаломщиковъ въ должности.

а) И. д. псаломщика церкви слободы Демьяновки, Старобѣльскаго уѣзда, Даниль **Годженко** утвержденъ 14 апрѣля въ должности псаломщика.

б) И. д. псаломщика села Макортетина, Старобѣльскаго уѣзда, Григорій **Поликарповъ**, утвержденъ 14 апрѣля въ должности псаломщика.

в) И. д. псаломщика церкви слободы Куземовки, Купянскаго уѣзда, Иванъ **Литовка**, утвержденъ 15 апрѣля въ должности псаломщика.

9. О б ъ я в л е н і е.

Въ отношеніи Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, отъ 2 мая сего года, за № 3506 изложено слѣдующее: Государю Императору на всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ объ изъясненныхъ въ отношеніи Вашего преосвященства, отъ 22 минушаго апрѣля за № 197, вѣрноподданическихъ чувствахъ членовъ Замостьскаго, въ Зміевскомъ уѣздѣ, отдѣла Харьковскаго союза русскаго народа, въ 1-й день текущаго мая, благоугодно было Собственноручно начертать: «Прочель съ удовольствіемъ».

О таковой Всемилостивѣйшей резолюціи имѣю честь сообщить Вашему Преосвященству для объявленія о семъ членамъ названнаго отдѣла Харьковскаго Союза русскаго народа.

10. В а к а н т н ы я м ѣ с т а:

а) Священническія.

При Вознесенскомъ единовѣрческомъ молитв. домѣ, х. Брязовки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Захарьевской церкви, села Калтакузова, Валковскаго уѣзда.

— Николаевской церкви, с. Олчачки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Иоанно-Предтечѣвской церкви, с. Литовки, Богодухов. уѣзда.

— Иоанно-Предтечѣвской церкви, слободы Мѣловатки, Купянск. уѣзда.

б) Діаконскія.

При Николаевской церкви, слоб. Николаевки, Изюмскаго уѣзда.

— Митрофаніевской церкви, слоб. Даниловки, Изюмскаго уѣзда.

и др. и в) Подомшныя мѣста

При церкви села Мохначей, Зміевск. уѣзда.

— Космо-Даміановской церкви, слоб. Кисельскихъ хут., Зміевск. у.

— Вознесенской церкви, слоб. Старо-Салтова, Волчанскаго уѣзда.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КЪ ПРАВОСЛАВІЮ.

Священникомъ Троицкой церкви сл. Кременной, Купянскаго уѣзда, Митрофаномъ Смирнскимъ 19 апр. с. г. присоединены къ православной церкви сектанты «новоизраильтяне» супруги Афанасій Ивановъ и Анна Васильева Цыгановы.

ПРАЗДНОВАНИЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ ШКОЛЬ.

По благословенію Святейшаго Синода, «Училищный Совѣтъ при Святейшемъ Синодѣ 13-го іюня 1909 года будетъ праздновать двадцатипятилѣтіе со дня утвержденія въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ III проекта правилъ о церковно-приходскихъ школахъ. Въ сей день, послѣ литургіи и молебствія, которыя будутъ отслужены Первенствующимъ Членомъ Святейшаго Синода, Высокопреосвященнымъ митрополитомъ Антоніемъ, при участіи другихъ архипастырей и духовенства, въ Александро-Невской церкви Училищнаго Совѣта (Кабинетская, 13) состоится въ залѣ Совѣта торжественный актъ.

ВОЗЗВАНІЕ ОТЪ КОМИТЕТА ПО СООРУЖЕНІЮ ПАМЯТНИКА И. К. АЙВАЗОВСКОМУ.

Одессійскому Городскому Общественному Управленію Высочайше разрѣшено открыть всероссійскую подписку для сбора пожертвованій на сооруженіе въ гор. Одессіи памятника профессору И. К. Айвазовскому. Имя И. К. Айвазовскаго и его заслуги, какъ художника мариниста, извѣстны всему образованному русскому обществу, а въ особенности тѣмъ, кто интересуется отечественнымъ искусствомъ. Иванъ Константиновичъ Айвазовскій родился въ 1817 г. и выросъ у моря. Потому море и было такъ близко и понятно ему, потому его художественная кисть и воспевала южное море со всеми его прелестями—отъ гнѣвно-величественныхъ движеній во время бури, до чуть слышныхъ чарующихъ звуковъ музыки во время штиля. Уроженецъ г. Одессіи Ив. Константиновичъ почти всю жизнь свою провелъ въ родномъ городѣ. Здѣсь же имъ проведены и послѣднія минуты его жизни... Скопчался великій маринистъ въ 1900 году

и похороненъ въ г. Θεодосіи при Армяно-Григоріанской церкви. Въ исторіи г. Θεодосіи дѣятельность перваго почетнаго гражданина представляеть одну изъ самыхъ лучшихъ и наиболѣе важныхъ страницъ ея. Но не это стяжало всемірную извѣстность И. К. Айвазовскому. Своей славой, которою онъ заслуженно пользовался еще при жизни, онъ всецѣло обязанъ талантливой кисти. И если велики заслуги Ивана Константиновича какъ общественнаго дѣятеля въ жизни гор. Θεодосіи, то неизмѣримо выше его заслуги въ области русскаго искусства. Избранный при жизни профессоромъ Академіи Художествъ, онъ и до сихъ поръ остается дѣйствительнымъ профессоромъ русскаго искусства. Благодарные памяти своего перваго почетнаго гражданина граждане г. Θεодосіи въ лицѣ своего общественнаго управленія исходатайствовали разрѣшеніе на всероссійскій сборъ пожертвованій для сооруженія памятника профессору И. К. Айвазовскому въ г. Θεодосіи. Комитетъ, которому поручена организація сбора пожертвованій, рассылая по всей Россіи подписные листы, надеется, что все образованное русское общество, всѣ тѣ, коимъ дорого развитіе роднаго искусства, примутъ участіе въ сооруженіи памятника одному изъ славныхъ труженниковъ, тому, кто 60-лѣтней художественною непрерывной дѣятельностью до самаго конца, до послѣдняго вздоха высоко держалъ знамя русскаго искусства. Предс. Комит., Предвод. Двор. Кам.-юнк. Двора Его Императорскаго Величества В. А. Княжевичъ. Секретарь М. Синайскій.

В О З В А Н І Я.

I.

Въ 1904-мъ году началась постройка новаго каменнаго храма во имя Св. Архистратига Михаила въ селѣ Маломъ-Исторопѣ (тожъ Романовка) Лебединскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Новый храмъ строится на мѣсто ветхаго малопомѣстительнаго деревяннаго храма, простоявшаго 150 лѣтъ. Приходъ, состоящій изъ села Малаго-Исторопа, одинъ изъ бѣднѣйшихъ и малолюднѣйшихъ приходовъ въ епархіи. Въ настоящее время постройка сего храма не закончена вчерствѣ за недостаткомъ средствъ, хотя прихожане всѣ мѣры принимаютъ къ этому, занявши у разныхъ лицъ на окончаніе сей церкви болѣе пяти тысячъ рублей. Погасить этотъ долгъ выше силъ прихода. Въ столѣ затруднительномъ положеніи по устройству означенной церкви строительный комитетъ находитъ необходимымъ обратиться съ покорнѣйшею и усерднѣйшею просьбой къ милосердію и благотворительности людей, любящихъ благомѣше дома Божія, придти на помощь нашему святому дѣлу и нашей бѣдности въ по-

стройкѣ храма Божія во имя Св. Архистратига Михаила. Помогите намъ, добрые люди, своими посильными жертвами! Ваша жертва утолитъ духовную жажду имѣть домъ молитвы и вызоветъ у насъ благодарныя чувства и потребность возносить за васъ молитвы у Престола Всевышняго. Имена жертвователей будутъ вписаны въ особую книгу для поминовенія при Богослуженіяхъ. Св. Архистратигъ Михаилъ своимъ представительствомъ у Милосерднаго Господа не оставитъ васъ, милостивые благодотворители, своею великою милостію. Пожертвованія просимъ высылать по адресу: чрезъ городъ Лебединъ, Харьковской губерніи, въ село Малый-Исторощъ, строительному комитету по постройкѣ новой каменной церкви во имя Св. Архистратига Михаила.

Предсѣдатель Комитета: Священникъ Петръ Кузнецовъ, члены его: церковный староста Г. И. Мигалевъ, П. П. Ромашко, С. А. Колтунъ, П. А. Лазаренко, Г. Ф. Виниченко, Д. П. Ступакъ, Е. Ворожка.

СВЯТЫМЪ ПРАВОСЛАВНЫМЪ ХРИСТІАНАМЪ
 КОМИТЕТЪ ПО ПОСТРОЙКѢ ЦЕРКВИ

Православные христіане! Въ июль 1906 года, во время бывшего въ городѣ Алатырь опустошительнаго пожара, сгорѣли всѣ строения древнѣйшаго въ Симбирской губерніи Алатырскаго Свято-Троицкаго монастыря, кромѣ одного, чудесно сохранившагося отъ огня пещернаго храма, — мѣста покоя подвижника Божія схимонаха Вассіана, въ давно минувшее время подвизавшагося въ сей обители. вмѣстѣ съ монастырскими зданіями сгорѣло все убогое имущество монашествующей братіи, которая до настоящаго времени не можетъ оправиться отъ постигшаго бѣдствія. Благодаря пожертвованіямъ добрыхъ людей, нѣкоторыя разрушенныя зданія уже возстановлены, но многое остается еще не возстановленнымъ; особенную же печаль и заботу монастыря составляетъ возстановленіе соборнаго храма, отъ котораго безпощадный пожаръ оставилъ однѣ обгорѣлыя стѣны: нѣтъ въ немъ ни вида, ни доброты.

Православные христіане! жертвуйте на дѣло Божіе, кто что можетъ. Вѣрите, что всякій, внесшій лепту, будетъ записанъ въ лѣтописи монастыря, какъ участникъ возстановленія храма Пресвятой Троицы, въ которомъ на вѣчныя времена, вмѣстѣ съ молитвою подвижника Божія схимонаха Вассіана, будетъ возносима о немъ молитва къ престолу Божественной Троицы: Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Адресъ: Г. Алатырь, Симбирской губерніи, Свято-Троицкій мужской монастырь, настоятелю архимандриту Гавріилу.

II.

Содержаніе. Слово произнесенное въ день перенесенія Озерянской Чудотворной иконы Божіей Матери. *Священника Іоанна Котова*.—Простая рѣчь священника къ народу, о прославленіи и жизни прелодобной княгини-инокини Анны Кашинской. *Священника П. Корсуна*.—Пять лѣтъ ученія въской духовной семинаріи. *І. Н.*—Основное начало христіанской нравственности. *Священника 201 пѣхотнаго резервнаго Лебединскаго полка Іустина Пилулевскаго*.—Рѣчь депутата отъ Харьковской губ. *Протоіерея А. Отаниславскаго*.—Миссіонерскій ластокъ. По поводу открытія миссіонерскаго кружка во имя св. Николая въ с. Знаменскомъ, Изюмскаго уѣзда, въ день торжества православія. *Священника Михаила Бялева*.—Открытіе миссіонерскаго кружка въ с. Привольѣ, Изюмскаго уѣзда. *Св. А. К.*—Епархіальная хроника.—Храмовой праздникъ въ Харьковскомъ училищѣ славныхъ дѣтей.—Изъ воспоминаній о высокочтимомъ протоіерей, о. Іоаннѣ Сергіевѣ Кровштадтскомъ, къ полугодовому лѣту его смерти.—Памяти вдовы священника Р. Гр. Буткевичъ.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Архіепископъ Волынскій Антоній.—О воспрещеніи мірянамъ входить въ алтарь и сидѣть тамъ во время совершенія божественной литургіи.—Общество трудящихся женщинъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Печать и Св. Синодъ.—Борьба съ визженными инстинктами.—О новомъ католицизмѣ.—Секта іоаннитовъ.—Полтава.—Самоубійство толстовца.—Объявленія.

С Л О В О

произнесенное въ день перенесенія Озерянской Чудотворной иконы Божіей Матери изъ г. Харькова въ Куряжскій Преображенскій монастырь.

Иисусъ, видѣвъ Матерь и ученика, ево же любяще, глагола Матери Своей: „Жено, се сынъ Твой!“ и ученику: „се Мати твоя!“

(Іоанн. XXI, 26—27).

Съ высоты креста, на которомъ принесена безпримѣрная жертва Богочеловѣка за грѣхи міра, изречено усыновленіе рода христіанскаго Царицѣ небесной, Богородицѣ: «видѣвъ Иисусъ Матерь и ученика стояща (при крестѣ), глагола Матери своей: Жено, се сынъ твой,—и ученику: се Мати твоя».

И такъ, мы, вѣрующіе во Христа, можемъ считать Матерію своею Пресвятую Богородицу, усыновившую насъ при крестѣ Божественнаго Сына своего.

Священна и въ высшей степени благотворна обязанность матери. Нѣтъ на свѣтѣ существа ближе и священнѣе для человѣка, какъ мать. Нѣтъ любви выше, чище и неизмѣннѣе любви матери. Мать—это лучшій другъ своего дитяти. То, что дитя не рѣшится высказать даже отцу, смѣло и довѣрчиво высказы-

вается одной матери: страшная тайна, которая скрывается отъ лучшаго друга, свободно можетъ быть открыта одной только матери. И всегда у нея найдется для своего дитяти и ласка, и слово утѣшенія, и слеза состраданія, въ чемъ весьма часто отказываютъ наилучшіе друзья.

Вотъ какова мать!

Что-же? Такова-ли къ намъ, усыновившая насъ при крестѣ Богочеловѣка, Матерь Божія?

Мало сказать, братіе, что Она—мать намъ по своимъ чисто-материнскимъ попеченіямъ и заботамъ о насъ,—нѣтъ! Она выше всякой земной матери, какъ могущество сильнѣе слабости, полнота обильнѣе пустоты, совершенство выше недостатковъ! Каждый христіанинъ, лишь только принимаетъ святое имя Христа, уже поступаетъ подъ неусыпное, истово-материнское попеченіе Божіей Матери. Кто этого не знаетъ? Кто въ своей жизни, исполненной много-различныхъ скорбныхъ обстояній, не имѣлъ хоть одного такого случая, въ которомъ-бы ясно не выразилась материнская забота о немъ Богоматери? Кто, изнуряемый болѣзнію, не получалъ отъ Нея исцѣленія? Кому въ горести и печали не посылала Она утѣшенія свыше? Кого, угнетаемаго тяжкими испытаніями житейскими, не облегчала Она охотно и скоро?... И все это, братіе, Она дѣлаетъ для насъ часто безъ всякой заслуги съ нашей стороны. Христіанинъ свободно и непринужденно, съ дѣтскою откровенностью привыкаетъ изливать въ молитвѣ свои нужды и горести, тяготы и печали предъ Царицею Небесною, и не бываетъ оставленъ Ея милостію. Самыя тяжкія преступленія небоязненно раскрываются предъ Нею,—и Она не караетъ за нихъ, а ходатайствуетъ намъ прощеніе у царя небснаго и посылаетъ намъ успокоеніе совѣсти, какъ родная мать не караетъ преступнаго сына, а проливаетъ сердечную слезу о его преступленіи и вымаливаетъ ему прощеніе у царя земного! Видимымъ знаменіемъ своей истинно-материнской заботливости о благѣ нашемъ Она благоволила даровать намъ свое святое изображеніе. Но тотъ-ли это самый ликъ Ея на иконѣ, какой видали люди, когда Она жила на землѣ? Тотъ самый, братіе. Прошло около двухъ тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Она отошла на небо, а наша Св. Православная Церковь не забыла Ея лика. До сихъ поръ у насъ хранится икона, которая списана съ лика Богоматери Св. Евангелистомъ Лукою въ то время, когда Она жила еще на землѣ. Эта величай-

ная святыня стоитъ по лѣвую сторону царскихъ вратъ въ древнѣйшемъ русскомъ храмѣ—Московскомъ Успенскомъ Соборѣ. Св. икона эта хранилась сначала въ Греціи; потомъ, когда Русь просвѣтилась христіанствомъ, ее перенесли въ Кіевъ, затѣмъ князь Андрей Боголюбскій перенесъ ее во Владиміръ. Отсюда, за пятьсотъ лѣтъ до нашего времени, она перенесена была въ Москву, когда грозный татаринъ съ своими несмѣтными полчищами приближался къ столицѣ. При самомъ перенесеніи она показала чудо для всего русскаго народа, которое онъ никогда не забудетъ. Царица Небесная, явившись съ воинствомъ ангельскимъ грозному завоевателю, устрасила его и отогнала отъ Москвы. Вотъ эта-то чудотворная икона Божіей Матери, написанная Ев. Лукою, и послужила образцомъ для всѣхъ иконъ Богоматери, какія находятся у насъ вездѣ въ храмахъ.

Уже одинъ видъ Богоматери на иконѣ даетъ намъ разумѣть высокое достоинство, величіе и славу Ея. Она одна удостоилась родить Христа Бога, носить Его въ своихъ объятіяхъ, когда Онъ былъ младенцемъ и возрастить Его. Она одна изъ всѣхъ людей доставила роду человѣческому, погибавшему отъ грѣховъ, радость спасенія.

Итакъ, первая икона Богородицы, еще до успенія ея, была написана Св. Евангелистомъ Лукою; при этомъ Богоматерь изрекла слѣдующія любвеобильныя слова: «благодать моя да будетъ съ иконою сею». Съ тѣхъ поръ иконы Богородицы пишутся въ безчисленномъ множествѣ. Многія изъ нихъ исполняются особенной Ея благодати и дѣлаются чрезъ это чудотворными. Одна изъ таковыхъ чудотворныхъ иконъ Богородицы, въ честь которой совершается нынѣшній праздникъ съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ, есть наша мѣстная великая святыня, икона Матери Божьей Озерянской.

Вотъ краткая исторія явленія сей великой святыни. По преданію народа, икона обрѣтена была во время татарскихъ набѣговъ въ пустынь, именуемой Озерянской, однимъ изъ ея жителей, который, кося за лѣсомъ траву, за однимъ взмахомъ косы слышалъ стонъ, какъ-бы человѣческій, и при этомъ увидѣлъ половину священнаго изображенія на оконечности косы, а другую половину образа и предъ нею горящую свѣчу при корнѣ дерева, здѣсь-же росшатаго.

Косарь этотъ, взявши обѣ половины этого образа, внесъ въ свою хижину и, сложивши ихъ, поставилъ свое обрѣтеніе въ

приличномъ мѣстѣ и усердно ему молился, оставя работу. На другой день рано поутру онъ обрѣтенной имъ святыни въ хижинѣ своей не видѣлъ, ибо она была на мѣстѣ обрѣтенія имъ святыни *исцѣлѣна*, т. е. опять чудесно сдѣлалась цѣлою. Близъ мѣста сего явленія вскорѣ была выстроена Церковь, а на самомъ мѣстѣ святомъ тутъ-же заструился ключъ чистой воды. Икона писана на холстѣ кистью древняго малороссійскаго художника и въ изгибахъ, замѣтныхъ на ней, видны слѣды упомянутого выше исцѣленія. Съ давнихъ поръ св. икона стала извѣстна по чудеснымъ благотвореніямъ, въ изобиліи изливаемымъ отъ нея.

До упраздненія Озерянской пустыни, въ 1787 г., чудотворный образъ этотъ находился тамъ-же; а съ этого года перенесенъ въ Куряжскій монастырь, гдѣ, впрочемъ, оставался недолго, такъ какъ въ 1788 г. и этотъ монастырь былъ закрытъ. Тогда-же св. образъ перенесенъ въ Харьковъ, въ Покровскій монастырь. Девять лѣтъ сряду, до 1797 г., чудотворный образъ Озерянской Божіей Матери находился здѣсь, привлекая богомольцевъ не только со всей Харьковской губерніи, но и изъ отдаленныхъ мѣстъ. Когда-же Куряжскій монастырь снова былъ открытъ, св. икона въ 1797 г. была обратно перенесена въ Куряжскій монастырь.

Этотъ монастырь, какъ вы знаете, находится въ 8 верстахъ отъ Харькова, по дорогѣ въ Полтаву и Кіевъ, въ самой живописной мѣстности. На значительной возвышенности, окруженной садомъ и лѣсомъ, красуется Куряжскій монастырь, одаренный съ избыткомъ родниками и ключами, бьющими холодною, прекрасною водою. Вотъ здѣсь-то сорокъ шесть лѣтъ сряду затѣмъ находился чудотворный образъ. И въ радости, и въ горѣ Харьковцы спѣшили лѣтомъ на поклоненіе чудотворному образу. Да одни-ли только Харьковцы? Но въ осеннее и зимнее время трудно было ѣздить въ монастырь, особенно съ семействомъ, для слушанія Богослуженія, тѣмъ болѣе еще, что въ монастырѣ не было удобныхъ помѣщеній; въ виду этого граждане г. Харькова въ 1843 г. просили Св. Синодъ, чтобы чудотворный образъ приносился къ 1 октября въ Харьковъ и здѣсь стоялъ всю зиму въ Покровскомъ монастырѣ, съ тѣмъ, чтобы можно было брать его усердствующимъ къ себѣ на домъ. Ходатайство увѣнчалось полнѣйшимъ успѣхомъ. Въ 1843 г. Государь Императоръ Высочайше утвердить соизволилъ опредѣленіе

Св. Синода о перенесеніи на зиму иконы въ Харьковъ торжественнымъ крестнымъ ходомъ.

И съ тѣхъ поръ вотъ уже почти 70 лѣтъ каждый годъ совершаются у насъ два торжественныхъ крестныхъ хода: осенью, когда икону Озерянской Божіей Матери приносятъ въ Харьковъ, и весною, когда её несутъ обратно въ Куряжъ.

Нынѣшній нашъ праздникъ принадлежитъ къ числу мѣстно-народныхъ. Здѣсь не церковная только святыня, но и народная, здѣсь не церковь только празднуетъ, но и народъ.

Всѣ населеніе мѣстное и окрестное и даже отдаленное толпами, какъ волнами, прибываетъ, чтобы взглянуть на Матушку, Заступницу. Жители разныхъ городовъ и весей оставляютъ свои дома, хозяйство и семейство и съ черствымъ кускомъ хлѣба, подъ зноемъ или дождемъ идутъ сюда, несутъ свои трудовыя лепты или скудныя домашнія издѣлія рукъ своихъ, чтобы по усердію своему положить ихъ къ подножію почитаемой Святыни. Здѣсь ключемъ бьетъ спасительная жизнь вѣры и упованія на благодатную помощь свыше черезъ ходатайство Пресвятой Богородицы. Она наша скорая помощница. Она можетъ утишить нашу бурю душевную; она можетъ утѣшить насъ въ нашихъ несчастіяхъ. Она поддержитъ въ отчаяніи и дастъ силу и мужество преодолѣть наши жизненныя затрудненія и побороетъ наши страсти душевныя. Свою любовь къ роду человѣческому Божія Матерь постоянно проявляетъ въ безчисленныхъ чудесахъ, источаемыхъ Ею чрезъ Ея святыя иконы. Сколько слѣпыхъ прозрѣло, сколько больныхъ тяжелыми болѣзнями выздоровѣло, сколько хромыхъ и безногихъ начали ходить и безсильные получили силу единственно лишь послѣ прикосновенія съ вѣрою къ Ея изображенію, и, конечно, важно не только самое изображеніе, но еще болѣе изволеніе Божіей Матери проявить свою силу и свою благодать.

Вотъ какъ милостива къ намъ Матерь Божія, усыновившая насъ при Крестѣ Сына Своего! Она истинно Мать намъ грѣшнымъ, по своимъ чисто-материнскимъ попеченіямъ о благѣ нашемъ. А мы, усыновленные дѣти Ея, такъ-ли относимся къ Ней, какъ подобаетъ дѣтямъ къ нѣжно любящей матери? Любимъ-ли мы Ее какъ мать? Повинуемся-ли Ей? Угождаемъ-ли мы Ея, какъ нѣжной матери. Стараемся-ли мы всѣми мѣрами заслужить Ея любовь къ намъ, ея попеченіе о благѣ нашемъ? Не скорѣе-ли мы на неусыпныя материнскія попеченія о насъ Богоро-

дицы отвѣчаемъ недостойною неблагодарностью? Не оплачиваемъ-ли мы Ей невнимательностью и непослушаніемъ, и, вмѣсто любви и преданности, холодностью? Но, братіе, къ чему могутъ привести насъ подобныя поступки въ отношеніи Царицы небесной? Увы, какъ ни много Она любитъ насъ, усыновленныхъ чадъ своихъ, мѣра Ея долготерпѣнія можетъ истощиться и Она, отречется отъ насъ, какъ отъ чуждыхъ Ей! Аминь глаголю вамъ, въ вѣмъ васъ, можетъ сказать Она и намъ словами Божественнаго Сына своего, если мы не будемъ относиться къ ней съ дѣтскою любовію и преданностію.... Что убо сотворимъ?

Се сотворимъ. «Отче, воскликнулъ блудный сынъ.—согрѣшихъ на небо и предъ Тобою и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой,—сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ!» Мати Небесная! воскликнемъ, братіе, изъ глубины кающихся сердець, не достойны мы называться чадами твоими, сотвори ны яко единаго отъ наемникъ твоихъ! О, будь намъ всегда Матерію, Пресвятая Богородице! Всѣ нужды наши и всѣ скорбныя обстоянія прими материнскимъ сердцемъ, покрой и облегчи материнскими заботами! И на грѣхи наши, частые и тяжкіе, воззри материнскимъ милосерднымъ окомъ! Накажи насъ за нихъ, накажи больно и строго,—только не отрицайся насъ, не отвергай насъ навсегда! Что же мы будемъ, если ты, Мати преблагая, отвергнешь насъ? Погибшія дѣти, покинутыя сироты... О, Пресвятая Богомати! Помилуй и защити насъ, какъ дѣтей своихъ! и во всѣхъ нашихъ скорбяхъ, тѣлесныхъ, а наче душевныхъ, будь намъ радостью и утѣшеніемъ! И въ скорбныхъ путяхъ житейскихъ будь намъ путеводительницею къ жилищу небесному! Да не напрасно будетъ всыновленіе наше Тебѣ! Аминь.

Инспекторъ классовъ и законоучитель Харьк. Епарх. Училища,
Священникъ Іоаннъ Котовъ.

ПРОСТАЯ РѢЧЬ СВЯЩЕННИКА КЪ НАРОДУ О ПРОСЛАВЛЕНІИ И ЖИЗНИ ПРЕПОДОБНОЙ КНЯГИНИ-ИНОКИНИ АННЫ КАШИНСКОЙ.

Братіе христіане! Великое церковное торжество будетъ совершено 12 іюня н. г. въ Тверской губерніи, въ гор. Кашинѣ. Тамъ, съ давнихъ временъ почиваютъ мощи св. княгини-монахини Анны и множество дивныхъ бываетъ исцѣленій больныхъ различными болѣзнями, прибѣгающихъ съ вѣрою къ св. мощамъ и

молящихся угодницѣ Божіей. Къ лику Святыхъ Божіихъ угодниковъ она была давно причислена очень многими и ей, какъ святой, пѣли молебны, въ честь ея даже освящали храмы, а потомъ настало такое время, когда прекратили служить ей молебны и въ честь ея не освящали храмовъ. Это время продолжалось до нынѣшняго 1909 года.

Почему жетакъ вышло?—спросите вы, братья христіане. А вотъ почему. Хотя мощи княгини Анны обазались нетлѣнными и многіе православные люди глубоко вѣрили въ ея святость, а богомольцы шли къ мощамъ ея со всѣхъ сторонъ, но о жизни св. Анны не было подробныхъ и точныхъ извѣстій, ея чудеса не были строго провѣрены, доказаны и опредѣлены, и высшая церковная власть поэтому рѣшила остановить каноническое, т. е. всеобщее почитаніе ея, пока выяснится все. пока ничего не останется неизвѣстнаго и неяснаго.

Прошли долгіе годы, и выяснилось все. И всѣ за это долгое время единогласно признали, что благовѣрная княгиня Анна— святая угодница Божія, что она расточаетъ благодатную помощь свою всѣмъ прибѣгающимъ къ ней съ вѣрою и любовію. А въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она жила, и гдѣ мощи ея почиваютъ, благочестивые люди почитали ее какъ святую всегда и никогда не переставали умолять ее какъ праведницу.

Жители города Кашина особенно почитаютъ святую княгиню Анну, считая ее своею небесною заступницею. И вѣра эта истинна. Святая Анна невидимо защищала, и защищала городъ этотъ отъ несчастій въ награду за вѣру благочестивыхъ гражданъ.

Въ прошломъ 1908 году, въ г. Кіевѣ былъ съѣздъ миссіонеровъ: архіереевъ, священниковъ, монаховъ и мірянъ. Граждане Кашинскіе просили съѣздъ ходатайствовать, чтобы Св. Синодъ разрѣшилъ по всей Россіи почитать княгиню Анну святою, угодницею Божіею. И вотъ теперь, когда и святая жизнь, и чудеса святой княгини Анны тщательно разслѣдованы и удостовѣрены и никакому сомнѣнію и никакому спору не подлежатъ, высшая церковная власть опредѣлила объявить княгиню Анну святою праведницею и съ 12 іюня торжественно начать почитаніе ея и служеніе молебновъ ей, какъ святой. Такъ Богу угодно, прославить Свою угодницу, дабы весь міръ православный поминалъ ее въ молитвахъ и обращался къ ней за помощію.

Такъ вотъ какое совершится торжество 12 іюня въ городѣ Кашинѣ. Жизнь княгини Анны была поистинѣ святая, а потому прославлена многочисленными чудесами.

Благовѣрная и святая княгиня жила въ то время, когда на нашей матушкѣ святой Руси жизнь была горше смерти. Въ то время нашу землю владѣли татары. Много зла дѣлали они. Не стало у насъ никакого порядка, все было разорено. Объ этомъ времени сохранились записи и вотъ что въ нихъ читаемъ мы: «Храбрѣйшіе князья русскіе пали въ битвахъ, другіе скитались въ земляхъ чужихъ; искали заступничества между невѣрными и не находили; славились прежде богатствомъ и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, предъ ихъ глазами растоптанныхъ конями татарскими, дѣвы о своей невинности, живые завидовали спокойствію мертвыхъ». — Вотъ какое было то время.

Въ ту тяжкую пору прожила святая княгиня весь свой вѣкъ. И не видѣла она ни одного счастливаго дня на Руси, и самая жизнь ея горькая была. Одно утѣшеніе ея было—молитва. Родилась она въ городѣ Ростовѣ, гдѣ отецъ ея былъ княземъ. Тогда на Руси не было одного государя, а была наша земля раздроблена и раздѣлена на много княжествъ. Одна только православная Церковь, вѣра въ Бога и надежда на Бога и опасала князей и народъ. И не будь этой вѣры и надежды, Богъ знаетъ, что было бы съ нашей землею.

Съ младенческихъ лѣтъ, святая Анна воспитана была въ благочестіи; знала, что такое вѣра въ Бога, надежда на Него и горячая любовь къ Нему. На глазахъ у нея были добрые примѣры родителей и другихъ близкихъ къ нимъ благочестивыхъ людей. Воспитателями княжескихъ дѣтей были тогда по большей части духовныя лица.

Воспитанная въ законѣ Божіемъ, святая Анна, когда ей исполнилось 20 лѣтъ, вышла замужъ за тверскаго князя Михаила, такъ же, какъ она, воспитаннаго въ благочестіи, и тоже, какъ она, прославившагося святостью жизни.

Прискорбна была семейная жизнь святой Анны. Въ то время князья ѣздили на поклонъ къ татарскому хану въ его царство, которое называлось Ордою. «Князья ѣздили въ Орду какъ на Страшный Судъ». Такъ говорили люди въ то время. И правда, многихъ князей убивали татары.

Князя Михаила оклеветалъ передъ ханомъ родной племянникъ. Ханъ потребовалъ Михаила на судъ. Зналъ Михаилъ, что не вернется уже живымъ и простившись со всѣми, поѣхалъ въ Орду. Княгиня Анна далеко провожала его и утѣшала.

«Не бойся мученій, будь вѣренъ Господу до смерти»,—такъ говорила она.

И князь Михаилъ твердо встрѣтилъ смерть. Его замучили татары, а Богъ принялъ праведную душу Михаила и тѣло его прославилъ чудесами. Князь Михаилъ причтенъ къ лику святыхъ. Могицы его почиваютъ теперь въ Твери, въ городскомъ соборѣ.

Спустя 10 мѣсяцевъ послѣ мученической смерти, тѣло святого князя было привезено въ родной его городъ. Оно оказалось нетлѣннымъ. Съ великимъ плачемъ встрѣтили его народъ, духовенство и княгиня съ дѣтьми.

Святой князь Михаилъ предъ смертью завѣщалъ свое княжество княгинѣ Аннѣ, но она не захотѣла заниматься мірскими дѣлами. Много горя испытала она на своемъ вѣку и, желая теперь посвятить себя Богу, ушла въ женскій Софійскій монастырь, бывшій въ томъ же городѣ Твери. Въ этомъ монастырѣ была монахиней ея свекровь, княгиня Ксеенія. Здѣсь и святая княгиня Анна нашла себѣ пріютъ. Въ монашествѣ ей дано было другое имя—Софія.

Всю свою жизнь въ монастырѣ святая княгиня провела въ молитвѣ, постѣ и добрыхъ дѣлахъ. Она много помогала бѣднымъ. Сама страдавшая много, она понимала людское несчастіе и помогала всѣмъ, чѣмъ только могла.

Но и въ монастырѣ не спаслась она отъ горя. При ней умерли всѣ ея сыновья. Старшій сынъ, Димитрій, поѣхалъ одинъ разъ въ Орду и тамъ увидѣлъ Московскаго князя, убійцу своего отца, святого князя Михаила, бросился на него и тутъ же убилъ на мѣстѣ. Зато и самъ поплатился жизнью. Спустя 10 мѣсяцевъ послѣ этого, его снова потребовали въ Орду и тамъ убили. Черезъ годъ потребовали татары и другого сына святой княгини, Александра, и тамъ тоже убили его и маленькаго сына его Θεодора. Скоро послѣ того умеръ третій сынъ святой княгини Константинъ, а четвертый сынъ Василій умеръ вмѣстѣ съ нею въ одномъ году. Такъ святая княгиня потеряла при жизни своей всѣхъ четырехъ сыновей своихъ и внука.

Послѣ смерти третьяго сына ея Константина, княжество Тверское запусгло. Святая княгиня переселилась въ гор.

Кашинъ. Этотъ городъ былъ ея собственный, ей достался отъ отца и въ немъ княземъ былъ четвертый сынъ ея Василий. Онъ выстроилъ въ Кашинѣ женскій монастырь въ честь Успенія Божіей Матери и въ этомъ монастырѣ стала жить святая княгиня. Передъ смертью, за нѣсколько времени, она приняла полное постриженіе монашеское—схиму. При этомъ, по закону монашескому, опять перемѣняется имя. Святой княгинѣ, по ея желанію, дано было ея прежнее имя—Анна.

Недолго послѣ этого прожила она. Имѣя болѣе 90 лѣтъ отъ роду, она скончалась въ 1368 году 2 октября, на другой день Покрова Пресвятыя Богородицы.

Таковы въ общихъ чертахъ извѣстія о жизни и дѣятельности св. Анны. Люди, которые жили въ одно время съ нею и записали ея жизнь, назвали ее «многоскорбная», конечно, за то, что такъ много вытерпѣла несчастій.

Жители города Кашина горячо любили княгиню Анну, когда она была жива, и по смерти приходили къ ея гробу (она была погребена въ соборѣ) и просили защиты у нея, какъ у живой. И молитва ихъ всегда была услышана. Стали совершаться у могилы чудеса, болѣзни исцѣлялись, останавливались засуха, моръ, голодъ и проч. Но вотъ прошли времена татарской неволи, наступили новыя бѣды на Русскую землю. Пришли и завладѣли нашею землею поляки. Были они и въ Кашинѣ; но только одинъ разъ, а потомъ какъ-то невидимая сила отводила ихъ отъ города. Жители Кашина увидѣли теперь ясно, что ихъ кто-то охраняетъ, но кто, не догадывались, пока не открылась имъ сама св. Анна. Она явилась во снѣ больному соборному пономарю Герасиму и объяснила, что она охраняетъ городъ. При этомъ она сказала, чтобы надъ могилою ея зажгли лампаду и почтили ее этимъ. Два раза было такое явленіе Герасиму, и когда онъ объявилъ объ этомъ духовенству соборному, болѣзнь его прошла.

Черезъ нѣсколько лѣтъ мощи св. кн. Анны были открыты, и въ своей мѣстности она причтена была къ лику святыхъ. Самъ царь Алексій Михайловичъ ѣздилъ въ Кашинъ на поклоненіе ея мощамъ и повелѣлъ построить новый каменный соборъ во имя Успенія Божіей Матери съ придѣломъ въ немъ во имя святой княгини Анны, а пока былъ выстроенъ этотъ соборъ, мощи ея были перенесены изъ стараго собора въ приходскую церковь. Это было 12 іюня 1650 г.

Прошло еще 28 лѣтъ. Собрался соборъ духовныхъ лицъ, чтобы провѣрить житіе и чудеса кн. Анны, и этотъ соборъ опредѣлилъ престолъ въ честь ея посвятить во имя всѣхъ Святыхъ. Такъ было до нынѣшняго 1909 года. А съ 12 іюня этого года по всей Россіи устанавливается почитаніе княгини Анны, какъ канонизованной святой угодницы Божіей.

Вознесемъ и мы братья христіане, усердную молитву ей, помолимся, чтобы она сохранила и насъ отъ всякихъ несчастій. Она сама перенесла много скорбей въ своей жизни и наши житейскія скорби понятны ей любящему и отзывчивому сердцу.

Членъ Кіевскаго IV миссіонерскаго съѣзда,

Священникъ Г. Корсунъ.

ПЯТЬ ЛѢТЪ УЧЕНЬЯ ВЪСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

(Съ 188^{6/7} по 18^{90/1} учебный годъ).

Да будутъ эти личные воспоминанія слабымъ выраженіемъ глубокой признательности всему педагогическому персоналу Семинаріи.

Восьмидесятые годы истекшаго столѣтія—время наибольшаго господства въ гимназіяхъ М. Н. П. «классической» системы гр. Д. А. Толстого, отягченной строгимъ режимомъ гр. Делянова. Двадцать уже лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ всѣ невзгоды этого режима переживались; однако и теперь еще пережитое вспоминается съ жгучей болью. Вѣдь это былъ режимъ зазубриванія безъ яснаго пониманія и безъ всякаго разумнаго основанія—не только всѣхъ прелестей латино-греческихъ этимологій и синтаксиса, но даже и содержанія такихъ предметовъ, какъ исторія и словесность. Гимназисты того времени рѣдко слышали живое слово, не только при изученіи «мертвыхъ языковъ, но даже и всѣхъ прочихъ предметовъ¹⁾. Задавалось «отселева-доселева» и долбилось все, начиная съ Закона Божія и кончая исторіей литературы. Вотъ факты изъ жизни, впрочемъ, той гимназіи, въ которой я учился: новый учитель словесности свой первый урокъ въ пятомъ классѣ началъ съ откровеннаго признанія, что «больше того, что содержится въ этой

¹⁾ Ср. Аф. Петрищевъ, Замѣтки учителя. СПб. 1905 г.

книгѣ (теорія словесности Савицкаго) я дать *не могу*, поэтому слушайте, что я вамъ буду читать»; въ шестомъ-же классѣ этотъ достойный мужъ, вмѣсто объясненія, читалъ намъ по книгѣ исторію русской литературы Смирновскаго, а когда, по необходимости, вызывался къ живому слову (при чтеніи памятниковъ древней литературы), то говорилъ такія несообразности, что весь классъ не могъ ударжаться отъ невольнаго смѣха, и у нѣкоторыхъ учениковъ составились цѣлыя тетради его «мудрыхъ» изреченій. Другой учитель того же предмета въ томъ же шестомъ классѣ не шель дальше передачи своими словами содержанія учебника исторіи русской литературы Орлова, повторяя ошибки послѣдняго и смѣшивая вмѣстѣ съ нимъ такія, напримѣръ, понятія, какъ исторія литературы и исторія культуры. Конечно, и въ средѣ гимназическихъ педагоговъ того времени, какъ единичныя исключенія, бывали и свѣтлыя личности. Въ рѣчи у могилы одного незабвеннаго учителя исторіи, умершаго въ 1895 году, я отмѣтилъ—въ качествѣ особаго достоинства покойнаго—его потребность путемъ живого слова дѣлиться съ учениками своимъ богатымъ душевнымъ содержаніемъ; не могу также умолчать и о необыкновенно отрадномъ отношеніи гимназистовъ третьяго класса къ учителю греческаго языка (изъ семинаристовъ): послѣ 9 мая—дня Ангела этого учителя—каедрa въ его уроки украшалась ландышами. И за что же? За то, что, стремясь возможно облегчить для насъ изученіе особенностей спряженія греческихъ нѣмыхъ и плавныхъ глаголовъ, онъ знакомилъ насъ съ законами филологіи и этимъ путемъ вносилъ въ эту темную для насъ область элементъ сознательности, чѣмъ, конечно, вполне достигалась поставленная имъ благородная цѣль. Но вѣдь такіе учителя были оазисами въ пустынѣ; общій же тонъ картины гимназической жизни въ восьмидесятые годы былъ крайне мраченъ. Для доказательства этой мысли, укажу здѣсь, между прочимъ, на тотъ фактъ, что за время моего двухлѣтняго сидѣнія въ шестомъ гимназическомъ классѣ переходила въ седьмой классъ едва половина учениковъ; остальные—частью оставлялись на повторительный курсъ въ томъ же классѣ, частью же совсѣмъ выбрасывались за бортъ гимназіи... Тяжело было проводить въ этой атмосферѣ лучшіе юношескіе годы—годы порывовъ къ свѣту и исканія всяческихъ идеаловъ. Разочарованія преслѣдовали на каждомъ шагу, причемъ, конечно, эти разочарованія въ свѣжей юности не прохо-

дили для нея безслѣдно, а болѣзненно отражались на ней, выражаясь у однихъ изъ насъ постоянно пригнетеннымъ состояніемъ духа и переходя въ озлобленіе у другихъ. Плохо поставлено было воспитаніе начальствомъ; неваженъ былъ педагогическій персоналъ; немудрено, что подъ такими вліяніями деморализировались также и ученики. Уже тогда начался въ гимназіяхъ походъ противъ «кухаркиныхъ сыновей». Въ жизни выразился онъ въ такой, на примѣръ, возмутительно уродливой формѣ, что лучшія стипендіи отнимались у бѣдняковъ и давались вовсе не нуждающимся въ нихъ ученикамъ, дѣтямъ состоятельныхъ родителей (напр., присяжныхъ повѣренныхъ), которыя тратили ихъ на духи, пудру и перчатки. Мы—юноши—возмущались этимъ и проникались ненавистью какъ къ тѣмъ, кто такъ несправедливо раздавалъ стипендіи, такъ и къ тѣмъ, кто безъ душевнаго смущенія ихъ принималъ и неразборчиво расходовалъ. Если прибавить къ этому, что инспекторомъ въ гимназіи въ мое время былъ человекъ крайне сухой, позволявшій себѣ расписывать мѣломъ фізіономіи неособенно понятливыхъ гимназистовъ, или чертить фигуры мѣломъ по лбу ихъ, то состояніе моей гимназической *almae matris* будетъ охарактеризовано, кажется, достаточно рельефно, какъ съ учебной, такъ и съ воспитательной стороны. Но расскажу фактъ изъ моей гимназической жизни.

Мнѣ, перешедшему изъ пятого въ шестой классъ въ первомъ пяткѣ, суждено было выйти изъ гимназіи «по малоуспѣшности» послѣ двухгодичнаго пребыванія въ шестомъ классѣ. За что же меня, уже девятнадцатилѣтняго юношу, постигла столь жестокая кара? Конечно, не за «малоуспѣшность», а за то, что, по свойственной юности непосредственности и горячности, я не могъ уважать учителя русскаго языка, не умѣвшаго отличать формъ мѣстоименія «вы» отъ формъ глагола «вѣдѣти» (по поводу фразы изъ «Слова о полку Игоревѣ»—«а *Въ опутаевѣ соколка красною дъвицею*»—вопросъ учителя: «какая это форма отъ глагола вѣдѣти?»); предлагавшаго и другія подобныя этому несуразные вопросы и высказывавшаго при «объясненіяхъ» читавшихся образцовъ древней письменности грубыя ошибки, въ родѣ, на примѣръ, такихъ истолкованій: «аржанница» (ржавая лепешка), по толкованію учителя—«роженица»; «буйная голова»—это голова на длинной шеѣ и т. п.; не могъ также ува-

жать и учителя греческаго языка, вѣчно сбивавшагося на греческихъ склоненіяхъ и спряженіяхъ и, при изученіи Гомера, имѣвшаго греческій текстъ сплетеннымъ съ переводомъ и примѣчаніями т. е. съ объясненіями даже всѣхъ формъ) Веркгаупта, а отъ учениковъ съ неумолимой суровостью требовавшаго самаго точнаго, хотя бы и несознательнаго знанія того, чего самъ учитель не зналъ, не хотѣлъ, да очевидно, не считалъ и нужнымъ знать. На мою долю «малоуспѣшнаго» ученика выпала честь поправлять своихъ достойныхъ учителей, поправлять, конечно, въ формѣ юношески задорнаго выраженія недоумѣнія по поводу высказывавшейся ими ошибки. Нравится имъ это, понятное дѣло, не могло, какъ равнымъ образомъ второму изъ нихъ не могло нравиться и то, что по пути отъ каѳедры, у которой всѣ отвѣчали ему уроки, я не утерплю, бывало, чтобы не поднаться на ципочки и не бросить взгляда на лежащій передъ нимъ на каѳедрѣ греческій текстъ Одиссеи, сплетенный съ переводомъ и объясненіями Веркгаупта. И вотъ эти господа заявляютъ въ педагогическомъ совѣтѣ, что ученикъ VI класса такой-то роняетъ ихъ авторитетъ среди товарищей и потому не можетъ быть терпимъ въ учебномъ заведеніи. Участь моя была рѣшена. Но такъ какъ уволить меня изъ гимназіи по этому мотиву было и неловко, да пожалуй, и не безопасно, въ виду могущихъ послѣдовать жалобъ высшему начальству, то порѣшили расправу со мною отложить до экзаменовъ; что и привели въ исполненіе; причемъ, если за письменныя экзаменаціонныя работы, при всемъ желаніи, нельзя было поставить мнѣ плохого балла, то старались наверстать это всякими правдами и неправдами на устныхъ испытаніяхъ. Цѣли своей они, конечно, достигли. Они не только выпырнули меня изъ гимназіи, но четверкой въ поведеніи въ увольнительномъ изъ гимназіи свидѣтельствѣ, очевидно, имѣли въ виду повредить мнѣ и въ будущемъ. Конечно, я былъ не одинъ такой...

Масса подобныхъ мнѣ гимназистовъ пошла, куда кто могъ: кто въ реальныя училища, кто въ духовныя семинаріи; кто шестымъ классомъ гимназіи закончилъ свое образованіе и, озлобленный, пошелъ «просвѣщать» народъ. Не одинъ изъ моихъ сверстниковъ по гимназіи очутился и въ тюрьмѣ, а другіе, сколько знаю, нѣсколько лѣтъ тому назадъ влачили свои дни въ мѣстахъ весьма отдаленныхъ. Тяжело и грустно вспоминать объ этомъ. Я лично не вижу натяжки въ мысли о томъ, что озло-

бленное отношеніе современной молодежи къ «старому режиму» нашей жизни, нынѣшнее такъ называемое «освободительное движеніе» въ корнѣ и основѣ своей имѣютъ недобрую память о прошлой гимназической педагогіи въ лучшіе годы расцвѣта юношескихъ силъ и добрыхъ порывовъ.

Эти годы, слава Богу, еще не прошли для меня въ то время, когда мнѣ въ числѣ пяти—шести уволенныхъ изъ гимназіи радушно открыла свои двери и объятіяская духовная семинарія.

Начальники и наставники этого духовнаго заведенія въ годы моего обученія въ немъ, слава Богу, и нынѣ еще почти всѣ здравствуютъ и, стало быть, время для оцѣнки ихъ дѣятельности еще не настало. Поэтому *popina eorum erint tacita*, и я признательно вспомню лишь общій характеръ учебно-воспитательнаго строя въ нашей духовной *almae matris* въ годы моего обученія, касаясь частной постановки въ ней учебно-воспитательнаго дѣла лишь настолько, насколько это будетъ нужно для доказательства общаго положенія.

Начальники и наставники этого духовнаго заведенія въ годы моего обученія въ немъ, слава Богу, и нынѣ еще почти всѣ знакомое съ духовно-учебными заведеніями исключительно по «Очеркамъ бурсы» Помяловскаго, но и само духовенство весьма неохотно отдають своихъ дѣтей въ духовную школу. Причинъ на это много, но я не имѣю въ виду касаться ихъ въ этой краткой замѣткѣ... Итакъ, не радостно ѣхалъ я, чтобы вступить въ ряды семинаристовъ. Но уже первый пріемъ въ семинаріи расположилъ меня къ ней тѣмъ вниманіемъ къ моему положенію, которое было выражено гуманнѣйшими представителями ея. На время подготовки къ экзамену я поселился на квартирѣ вмѣстѣ съ семинаристомъ третьяго класса уже въ то время, когда учебный годъ въ семинаріи начался. И что за странность? Семинаристы называютъ себя «студентами», а уроки «лекціями». На первыхъ порахъ эти необычныя наименованія рѣзали мнѣ ухо: однако, присмотрѣвшись еще до вступленія въ ряды семинаристовъ къ тому, что мой сожитель готовитъ уроки не по учебникамъ, а по «лекціямъ», я долженъ былъ сознаться, что въ названіи семинарскихъ уроковъ—«лекціями» есть своя доля правды. Когда же я самъ сталъ семинаристомъ, то, хотя и не называлъ, какъ мой сожитель, себя—«студентомъ», а семинарскихъ уроковъ «лекціями»,—однако былъ преисполненъ горделивымъ сознаніемъ

разницы отношенія ко мнѣ моихъ руководителей въ гимназїи и въ семинаріи. Вотъ факты. Неблагопрїятно настроенный въ отношенїи къ семинаріи, я не рискнулъ сразу же поселиться въ семинарскомъ общежитїи, а устроился на частной квартирѣ, несмотря на ясно сознаваемое преимущество жизни въ зданїи семинаріи въ смыслѣ учебно-воспитательныхъ удобствъ. Но, присмотрѣвшись въ теченїе мѣсяда къ обстановкѣ и условїямъ жизни въ конвктѣ, я заявилъ о своемъ непреклонномъ желанїи поселиться въ зданїи семинаріи большаго ума и необыкновенной доброты старцу-инспектору. Свое участїе ко мнѣ этотъ почтенный человѣкъ простеръ до того, что предостерегалъ меня отъ этого шага, въ предположенїи, что мнѣ не вынести «суровости» семинарскаго режима. Этотъ великодушный старецъ, видѣвшій еще лучшїя, чѣмъ я засталъ, времена процвѣтанїя семинаріи, очевидно, не могъ себѣ представить, что изъ гимназїй въ семинарію насъ собрали перешедшая разумныя границы гуманности гимназическая «дисциплина» и сильный умственный и нравственный гнетъ. Велико же было и его изумленїе, когда онъ убѣдился, что я не только приспособился къ порядкамъ семинарскаго общежитїя, но всею душою прилѣпился къ нимъ, вскорѣ же почувствовалъ себя среди нихъ совершенно свободно. Уважая въ насъ человѣческія личность и достоинство, и—въ силу этого уваженїя—ожидаая отъ насъ честнаго отношенїя къ обязанностямъ, этотъ гуманный человѣкъ достигалъ того, что ему въ исключительныхъ только случаяхъ приходилось прибѣгать къ мѣрамъ дисциплинарнаго воздѣйствїя. Это и сейчасъ авучающее въ моихъ ушахъ: «милостивый государь, что вы себѣ думаете!» дѣйствовало на легкомысленныхъ семинаристовъ сильнѣе всякихъ наказанїй. Понятное дѣло, что духомъ его отношенїя къ ученикамъ проникалась и низшая инспекція—его помощники и классные надзиратели; такими же отношенїями къ семинаристамъ, какъ къ сознательнымъ и благовоспитаннымъ юношамъ, отличался и почти весь достойный уваженїя учительскїй персоналъ нашей *almae matris* такъ же, какъ и ближайшіе сотрудники инспектора, уважавшіе авторитетъ этого почтеннаго мужа. Неудивительно поэтому, что семинаристы моего времени называли себя «студентами». Мнѣ, уже на самомъ дѣлѣ студенту, не разъ вздыхалось по этимъ отношенїямъ моихъ семинарскихъ наставниковъ и воспитателей.

Въ учебномъ семинарскомъ строѣ меня поразило именно «чтеніе лекцій» по всѣмъ почти предметамъ курса, послѣ гимназическаго «объясненія» задаваемаго, за единичными исключеніями, выражавшагося въ лучшемъ случаѣ, если не чтеніемъ по книгѣ, то передачей своими словами содержанія учебника. Въ семинаріи же каждый учитель, являясь вполне самостоятельнымъ въ изученіи и передачѣ преподаваемаго, такой же самостоятельности, конечно, въ мѣру силъ и способностей, требовалъ и отъ учениковъ. Поэтому передача—хотя бы и дословная—учебника исторіи Иловайскаго въ семинаріи оцѣнивалась балломъ не выше четверки; лучшіе же ученики прочитывали къ урокамъ и Вебера и Шлоссера, а иногда отвѣчали урокъ по послѣднимъ въ то время книжкамъ историческихъ журналовъ: о состояніи напр., женскаго образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I нашъ первый ученикъ давалъ отвѣтъ по статьѣ объ этомъ въ журналѣ «Русская Старина». Къ экзамену по исторіи русской литературы наиболѣе способны, семинаристы готовились не по избитому въ теченіе учебнаго года краткому учебнику Галахова, а по капитально научной исторіи русской литературы Порфирьева. Преподаватели этихъ предметовъ не излагая своихъ чтеній на бумагѣ. Но были и такіе, которые снабжали насъ цѣлыми объемастыми литографированными тетрадями своихъ чтеній, чтобы избавить насъ отъ необходимости самимъ изучать предметы по различнымъ пособіямъ. Такія чтенія мы имѣли по догматическому, нравственному и сравнительному богословію, а также по исторіи сектантства; лекціи же по другимъ предметамъ, какъ напримѣръ: педагогикѣ съ дидактикой, записывали, редактировали и затѣмъ издавали въ литографированныхъ оттискахъ на общій классный счетъ мы сами. И я думаю, никто не скажетъ, что такая широкая постановка по исторіи русской литературы наиболѣе способные семинарія вѣдь должна дать возможно законченное образованіе людямъ, призваннымъ быть духовными руководителями общества. Отсюда ея задача дать питомцамъ возможно широкое умственное развитіе и разностороннія знанія по всѣмъ предметамъ, не говоря уже о, специально богословскихъ. Руководимые этой мыслью, мои незабвенные наставники, стоя выше похвалъ въ своемъ отношеніи къ преподаванію, стремились углубить нашу мысль и расширить кругозоръ своихъ учениковъ еще и умѣлымъ подборомъ темъ для письменныхъ работъ, обязатель-

ныхъ въ семинаріи по всѣмъ безъ исключенія предметамъ. И что вы, благосклонный читатель, скажете о захватывающемъ интересѣ, жизненности, умственной и душевной пользѣ размышленій на такія, на примѣръ, темы, какъ «нравственное значеніе трудолюбія», доказываетъ ли исторія ту мысль, что любовь къ отечеству бываетъ источникомъ великихъ дѣяній», «миссіонерское значеніе церковно-приходской школы», «мотивы самосожительства раскольниковъ»? Трактаты на послѣднія двѣ темы по тому времени могли быть, при специальномъ характерѣ затронутыхъ въ нихъ вопросовъ, публицистическими статьями въ толстыхъ журналахъ и передовицами въ газетахъ, — настолько эти вопросы, въ виду недавняго возрожденія церковно-приходской школы и надѣлавшей такъ много шума тираспольской исторіи Ковалева, были въ то время животрепещущими. Размышленія же на темы двухъ первыхъ сочиненій, несомнѣнно, углубляли нашу мысль и оказали самое благотворное вліяніе на наше настроеніе. А сколько пользы вынесено изъ письменнаго изложенія мыслей, основаннаго на тщательномъ изученіи вопросовъ изъ специально богословской области знанія, въ родѣ: «причины происхожденія идолопоклонства», «религіозно-нравственное и политическое состояніе Евреевъ во времена судей», въ какомъ отношеніи ессеи уклонялись отъ ученія богооткровенной іудейской религіи», исторія папства до IX вѣка», «причины происхожденія иконоборческой ереси», «нужна ли философія при существованіи откровеннаго ученія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ», можетъ ли религіозное чувство служить исключительнымъ руководительнымъ началомъ въ религіозно-нравственной жизни» и т. п.?!.

Чтобы дорисовать картину того нескуднаго стола, съ которагоская духовная семинарія любовно старалась угощать умственной пищей своихъ питомцевъ, скажемъ въ заключеніе, что изученіе древнихъ языковъ, мучительное въ гимназіяхъ, въ среднихъ классахъ ея доставляло своего рода умственное удовольствіе и приносило несомнѣнную пользу. Покончивъ въ первыхъ двухъ классахъ съ грамматикой и съ переводами съ древнихъ языковъ, разсчитанными главнымъ образомъ на то, чтобы содѣйствовать сознательному ея усвоенію, семинаристы въ III и IV классахъ переходили къ чтенію серьезнѣйшихъ трактатовъ философовъ древности, причемъ уроки древнихъ языковъ обращались, если можно такъ выразиться, въ филологическое из-

слѣдованіе и изученіе философскихъ понятій и идей. Такимъ образомъ учителя древнихъ языковъ въ нашей семинаріи, давая ученикамъ въ полной мѣрѣ все, относящееся къ области ихъ специальности, оказали несомнѣнное вліяніе на наше общее и философское развитіе. Таковъ въ общихъ чертахъ былъ характеръ учебно-воспитательнаго строя въской духовной семинаріи въ годы нашего обученія въ ней. Это ли не благоприятная почва для пробужденія духа пытливости, для проникновенія высшими научными интересами, почва для всѣхъ тѣхъ благородныхъ стремленій, на отсутствіе которыхъ нынѣ жалуется не только въ среднихъ, но даже и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ?—По моему мнѣнію, въ неправильной постановкѣ воспитанія и обученія надобно искать главный источникъ того, что научный духъ, стремленіе къ свѣту знанія и идеальные порывы гаснутъ и тамъ, гдѣ, казалось бы, имъ болѣе всего было бы прилично процвѣтать, а съ ними гаснетъ и все лучшее въ жизни. I. N.

ОСНОВНОЕ НАЧАЛО ХРИСТИАНСКОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ.

Разумомъ человѣка во всѣ періоды исторической жизни всегда были избираемы и указываемы различныя основанія и разнообразныя принципы нравственности.—Къ несчастію человечества, возгордившагося своимъ слабымъ умомъ и пренебрегшаго указаніями Ума Высочайшаго, эти основанія и принципы были односторонни, темны, неопредѣленны и эгоистичны, а потому переменчивы, неустойчивы и ложны и по своей ошибочности влекли человѣка къ новымъ и новымъ заблужденіямъ, а это, въ свою очередь, всегда заставляло его искать болѣе ясныхъ, точныхъ и общечеловѣческихъ мотивовъ нравственной дѣятельности. И неудивительно, что моралисты во всѣхъ временахъ и народовъ слишкомъ разнились между собою въ опредѣленіи главнаго начала нравственности, такъ какъ одни изъ нихъ искали сего начала внѣ человѣка, т. е. во внѣшнемъ мірѣ и внѣшнихъ временныхъ благахъ, внушая стремленіе къ счастью личной жизни, а въ социальной жизни, или въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, внушали стремленіе къ общему благу, какъ къ средству личнаго благосостоянія. Вначитъ, въ первомъ случаѣ руководительнымъ началомъ и главной цѣлью

жизни человѣка признается личное счастье или удовольствіе. Но этотъ принципъ соотвѣтствуетъ только чувственной природѣ человѣка и долженъ быть признанъ одностороннимъ, неопредѣленнымъ, несомнѣнно эгоистичнымъ и скоропреходящимъ.— Помимо чувственныхъ побужденій, человѣкъ, какъ нравственно-разумное существо, имѣетъ еще иныя потребности и стремленія, болѣе цѣнныя, которыя указываютъ ему высшія цѣли для свободной дѣятельности, далеко не совпадающія съ потребностями чувственными и открывающія ему обязанности къ Богу и ближнему. Если опредѣленіе принципа нравственности должно быть выводимо изъ природы человѣка, то, понятно, здѣсь необходимо имѣетъ общегодное, общедоступное, присущее всѣмъ людямъ и достойное общаго признанія. Вѣдь какъ у всѣхъ людей одна природа, также одинаковъ для всѣхъ долженъ быть и принципъ нравственной дѣятельности. Между тѣмъ, личное счастье никогда не можетъ имѣть общегодности, такъ какъ то, что для одного, смотря по личнымъ убѣжденіямъ и взглядамъ, составляетъ счастье, то же самое другой совершенно не цѣнитъ. Три главные вида, такъ называемаго, матеріалистическаго счастья, состоящаго въ исключительномъ наслажденіи питьемъ, пищею и сладострастіемъ, часто ведутъ только къ преждевременной потерѣ здоровья, разстройству семейнаго счастья, къ бѣдности до нищеты и потерѣ уваженія до презрѣнія. Этотъ ли принципъ можетъ быть положенъ въ основу нравственной жизни людей и собою замѣнить принципъ честнѣйшей и святѣйшей христіанской нравственности?!

Второе положеніе внушаетъ намъ стремиться къ общему благу и всегда дѣлать то, чего требуетъ оно.—Хотя, повидимому, это начало нравственной дѣятельности гораздо выше перваго, нами рассмотрѣннаго уже, но и оно не можетъ имѣть вполне опредѣленнаго и общегоднаго значенія, по причинѣ относительности, случайности и измѣнчивости того, что выражается понятіемъ объ общемъ благе.—Что одинъ можетъ считать полезнымъ для общаго блага, то же самое другой вовсе не признаетъ таковымъ. Еще меньше становится этотъ принципъ обязательнымъ и еще больше роняетъ въ нашихъ глазахъ свое достоинство, когда общее благо признается только лучшимъ средствомъ и болѣе прямымъ путемъ къ достиженію личнаго счастья, т. е. интересы лицъ различнаго образованія и положенія бываютъ тоже всегда

различны и діаметрально противоположны, и тогда понятіе о добродѣтели измѣнялось бы у каждаго, смотря по обстоятельствамъ. Притомъ, принципъ общаго блага, указывая на наши обязанности къ ближнимъ, хотя смутно и неопредѣленно, совсѣмъ игнорируетъ нашими главнѣйшими и важнѣйшими обязанностями въ отношеніи къ Богу, а черезъ это, значить, лишаетъ насъ и надежды на лучшую загробную жизнь, составляющую единственную цѣль нашей земной жизни.

Другіе искали основъ для главнаго начала нравственности въ самомъ человѣкѣ, но и тутъ дѣлали ошибки: не понимая существа человѣка, они указывали начала нравственности, которыя не обнимали всѣхъ духовныхъ его потребностей и всѣхъ сторонъ нравственной его жизни или не совсѣмъ ясно и точно опредѣляли предлагаемыя начала, или показывали только предметъ дѣйствій и то неясно и неопредѣленно, не указывая образа и способа этихъ дѣйствій, или, наоборотъ, опредѣляли образъ и способъ дѣйствій, не указывая предмета. Такъ, напр., совѣтовали стремиться къ истинѣ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ обнаруживать къ ней любовь; другіе совѣтовали поступать согласно съ нашей природой, а философы—раціоналисты внушали своимъ послѣдователямъ поступать такъ, чтобы правило нашей воли всегда и для всѣхъ служило всеобщимъ закономъ.—Признавъ за основу истинной нравственности стремленіе къ истинѣ, мы впадемъ въ большое заблужденіе, т. к. здѣсь слишкомъ неопредѣленъ и неограниченъ какъ самый предметъ нашихъ нравственныхъ стремленій и, слѣдовательно, можетъ быть опредѣляемъ по произволу каждаго индивидуума, такъ, съ другой стороны, въ этомъ началѣ вовсе не указываются средства къ достиженію доброй нравственности, что также даетъ мѣсто господству полнаго произвола. Насколько бываютъ неопредѣленны, односторонни и неустойчивы опредѣленія истины, видно изъ того, что матеріалисты, напр., признаютъ за истину только то, что можетъ быть provato опытомъ, наблюденіемъ собственныхъ пяти чувствъ,—признаютъ, значить, истины опытно доказанныя, составляющія принадлежность опытной науки. Но предметы, которые могутъ быть provato посредствомъ чувствъ, не составляютъ всего того, о чемъ нашъ умъ способенъ мыслить, тѣмъ болѣе, что онъ желаетъ найти и въ своемъ отвлеченномъ мышленіи истину; безъ открытія которой не можетъ оставаться спокойнымъ, т. е. мысль, не имѣя узкихъ рамокъ, ограниченныхъ пятью чув-

ствами, восходить къ идеальному. Поэтому, истина можетъ быть тамъ, гдѣ разрѣшаются всѣ вопросы однимъ отвѣтомъ, сходнымъ съ требованіемъ нашей физической и духовной природы. Но и такое опредѣленіе истины только полно догадокъ и предположеній и оставляетъ собою желать очень и очень многого, гораздо яснѣйшаго. При такой шаткости и неточности понятій о самой истинѣ, очевидно, невозможно положить ее въ основу нравственной дѣятельности человѣчества. Совѣтующимъ же поступать согласно съ нашей природой въ нравственной дѣятельности можно замѣтить, что природа наша искажена, и потому не хороша и не совершенна. Въ самомъ дѣлѣ, природа человѣческая больше способна къ принятію зла, чѣмъ добра. Притомъ, наша природа такова, что, и находясь въ безднѣ зла, можетъ обратиться къ добру; равно какъ и человѣкъ, получившій благодать Духа Святаго и преисполненный небесными дарами, можетъ обратиться ко злу. Слѣдовательно, положиться въ нравственной жизни на нашу природу, искаженную первороднымъ грѣхомъ, не только опасно, но прямо губительно.

Въ то же время очень неосновательно было бы возводить частное правило личной воли съ ея требованіями во всеобщій и обязательный для всѣхъ законъ: тогда сколько существуетъ на землѣ индивидуумовъ, столько было бы и всеобщихъ законовъ, разнообразныхъ между собой до противоположности, и никогда не могущихъ имѣть нравственнаго обязательства для другихъ. Даже правило нашей собственной воли не можетъ само по себѣ мотивировать нашей нравственностью, потому что воля не есть самостоятельная сущность, а не болѣе, какъ заключительное отраженіе внутренняго состоянія души человѣка, обнаруживающееся въ его дѣятельности. Вообще, сама воля наша зависитъ отъ рѣшеній ума и побужденій сердца и представляется не болѣе, какъ зеркаломъ, отражающимъ истинное состояніе души.

Далѣе, нѣкоторые нравоучители говорятъ: живи добродѣтельно такъ, чтобы ты всегда былъ доволенъ самимъ собою и своими дѣйствіями. Этотъ принципъ носить въ себѣ характеръ односторонности всѣхъ выше разсмотрѣнныхъ нами и въ совокупности взятыхъ началъ и потому проникнуть общюю всѣмъ имъ неопредѣленностью, случайностью, относительностью, изменчивостью, неустойчивостью и неточностью понятій о добродѣтели, какія существовали въ разныя времена у разныхъ лицъ или цѣлыхъ народовъ во всѣ фазы ихъ умственнаго раз-

витія. начиная съ самой низшей до самой высшей ступени цивилизаціи. Какъ часто то, что въ одно время у извѣстнаго народа считалось добродѣтельнымъ и вполне угоднымъ Богу дѣломъ, то же самое съ теченіемъ времени и съ поднятіемъ умственнаго развитія того же народа уже подвергалось осмѣянію и порицанію, даже законному преслѣдованію. То же можно сказать и о всякомъ индивидуумѣ; иной взглядъ у человѣка въ дѣтскій возрастъ его физическаго и умственнаго развитія, иной въ юношескій, и совершенно другой въ періодъ физической и умственной зрѣлости. Есть люди которые признаютъ согласными съ требованіями добродѣтели самыя ужасныя преступленія, заставляющія другихъ содрогаться при одной только мысли о нихъ. Поразителенъ въ этомъ случаѣ примѣръ инквизиціи, чудовищнаго изобрѣтенія фанатизма, со всѣми его адскими пытками надъ правыми и неправыми, и, однако, это уродливое произведеніе съ своимъ безсердечнымъ «*ауто-де-фе*» выродилось изъ средневѣковаго понятія о добродѣтели и, несмотря на всю безчеловѣчность своихъ губительныхъ дѣйствій, признавалось въ свое время дѣломъ вполне благороднымъ.

Итакъ, значитъ, ни одно изъ выше разсмотрѣнныхъ нами началъ не можетъ быть общимъ для всѣхъ людей, и самымъ вѣрнымъ критеріумомъ и руководителемъ нравственной дѣятельности человѣчества. Да и могъ ли надшій человѣкъ самъ по себѣ присказать такое универсальное начало нравственности, если бы Христосъ не положилъ въ основу всего Своего Божественнаго ученія, и жизни безграничную любовь къ надшему человечеству и не указалъ намъ истинное начало нравственности въ своей короткой заповѣди: «Люби Бога больше всего, а ближняго какъ самого себя».

Въ самомъ дѣлѣ, важнѣйшимъ жизненнымъ нервомъ духовной организаціи человѣка, главнымъ двигательнымъ стимуломъ всѣхъ нравственныхъ стремленій и дѣйствій, его ихъ контролемъ и единственно-вѣрнымъ руководителемъ во всѣхъ частныхъ случаяхъ жизни, даже самыхъ мелочныхъ, безъ сомнѣнія, должна быть любовь къ Богу, изъ которой, какъ изъ своего корня, истекаетъ любовь къ ближнимъ. Только любовь, какъ главное начало чистѣйшей и святѣйшей нравственности христіанскаго вѣроученія, обнаруживая полную несостоятельность и непригодность къ жизни выше разсмотрѣнныхъ началъ, въ противоположность имъ, поставляетъ центромъ и средоточіемъ

всего бытія и всей дѣятельности нашей Бога, какъ Творца и Промыслителя всего міра, а въ частности нашихъ ближнихъ, украшенныхъ образомъ и подобіемъ Божиимъ. Это начало безконечно ясное и выше всѣхъ прежде отвергнутыхъ нами началъ уже потому, что оно имѣетъ непосредственное примѣненіе къ нашей нравственной дѣятельности, имѣетъ тѣснѣйшую связь съ христіанскимъ вѣроученіемъ и всегда побуждаетъ человѣка стать въ ближайшее отношеніе къ Богу. Въ самомъ дѣлѣ, христіанская любовь, какъ благотворный свѣтъ, способна проникать въ самые глубокіе родники сердца нашего и своими плодотворными лучами согрѣваетъ все наше существо, и куда ни упадетъ искра любви, вездѣ за нею слѣдуетъ свѣтъ, теплота, отрада, радость и счастье, чувство примиренія и успокоенія. И ничто въ мірѣ неспособно такъ сильно, глубоко и такъ долго и благотворно вліять на человѣка и поддерживать его нравственное чувство къ Богу и ближнимъ, какъ любовь, заставляющая трепетать радостью сердце, какъ совсѣмъ разбитое горемъ, такъ и запятнанное ужаснѣйшими преступленіями.

Только одна она способна воодушевить человѣка на подвиги безкорыстнаго самоотверженія, самоотреченія, самообличенія и на самую смерть за одно имя Христа и для блага ближнихъ. А такая-то любовь и положена Господомъ. Нашимъ Исусомъ Христомъ въ основу всего Бго вѣроученія и составляетъ всю сущность христіанства (Матѣ. 22 гл. 37, 39; Лук. 10 гл. 27 ст.). Любовь также, какъ главнѣйшій и высочайшій принципъ христіанской нравственности, всецѣло обнимаетъ собою воѣ общіе и частныя, божескіе и человѣческіе законы, права и обязанности христіанина по отношенію къ Богу и ближнимъ, сообщаетъ всѣмъ нашимъ нравственнымъ стремленіямъ и дѣйствіямъ стройность и единство и потому имѣетъ характеръ общеродности, общедоступности, а слѣдовательно и общезначительности для людей всѣхъ возрастовъ, обою пола, различнаго званія, состоянія и положенія въ обществѣ. Вѣдь этотъ принципъ одинаково приличенъ и доступенъ для мудрецовъ и невѣждъ, философовъ и простецовъ, и одинаково по своей силѣ обязателенъ для простолюдина и знатнаго, богатаго и бѣднаго, начальника и подчиненнаго, для родителей и дѣтей, для женъ и мужей, для праведниковъ и грѣшниковъ. При подобной любви могутъ зародиться, крѣпнуть и совершенствоваться малыя и большія общества и цѣлыя государства, благосостояніе кото-

рыхъ зависитъ отъ взаимной любви отдѣльныхъ членовъ. Любовь одинаково проявляетъ свою мощную силу и одинаково вѣрно руководитъ нами во всѣхъ обстоятельствахъ жизни: счастливыхъ и неблагопріятныхъ, радостныхъ и печальныхъ и она-то раскрываетъ нашему взору полную и единственно-вѣрную картину всевозможныхъ нашихъ отношеній къ Богу, къ ближнимъ и ко всей окружающей природѣ. Имѣя такой общій и всеобъемлющій идеалъ всѣхъ своихъ стремленій и дѣйствій и руководясь имъ, человѣкъ можетъ всегда безъ всякаго затрудненія сознавать свои существенныя обязанности къ Богу и ближнимъ и потому, не нуждаясь въ особенныхъ частныхъ и подробныхъ предписаніяхъ нравственности, можетъ жить вполне добродѣтельно и истинно, такъ какъ по словамъ Спасителя только въ двухъ заповѣдяхъ, т. е. въ любви къ Богу и любви къ ближнимъ, сокращено содержится весь законъ и пророки—все богооткровенное ученіе Ветх. и Нов. Завѣта. Кромѣ того, ни одно начало не отличается такою точностью, ясностью и опредѣленностью, какъ главный принципъ христіанской нравственности, указывающій намъ не только предметъ нашихъ нравственныхъ стремленій, но и способъ достиженія и удовлетворенія ихъ, т. е. онъ не только внушаетъ намъ, что должно намъ, христіанамъ, дѣлать, но и учитъ, какъ должно дѣлать. Именно, побуждаетъ насъ стремиться къ Богу; любить Бога, какъ свой Первообразъ, познавать Его и Ему Единому поклоняться и служить, а затѣмъ любить и ближнихъ нашихъ, какъ подобныхъ намъ носителей образа Божія. Такія требованія этого принципа насколько соразмѣрны съ ограниченными силами человѣка, настолько достойны его назначенія и призванія, какъ существа разумно-нравственнаго и бессмертнаго. Въ этой-то строгой точности, опредѣленности и удобопримѣнимости—преимущество принципа христіанской нравственности; онъ неизмѣримо выше всѣхъ другихъ, одностороннихъ началъ, отличающихся то произволомъ и узкостью, то отвлеченностью и несообразностью съ ограниченными силами человѣка. Изъ всеобъемлющаго, никогда не старѣющагося и вѣчно мощнаго характера любви при ея общегодности, общедоступности и общеобязательности необходимо слѣдуетъ признать ее непоколебимымъ и несомнѣнно истиннымъ принципомъ, подтверждающимъ собою истинность всѣхъ частныхъ стремленій и дѣйствій, для которыхъ она служитъ вѣрной нормой и ручательствомъ. Но не

одни эти отмѣченные нами признаки любви могутъ въ глазахъ нашихъ подтверждать истинность этого начала христіанской нравственности. На сторонѣ ея высочайшій авторитетъ—Самъ Божественный Учитель вѣры Господь Нашъ Іисусъ Христосъ, который на вопросъ книжника: *«кая заповѣдь (принципъ) въ законѣ большію есть?»* Отвѣтилъ: *«возлюбилъ Господа Бога Твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ помышленіемъ твоимъ. Сія есть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюбилъ искренняго твоего, яко самъ себя. Въ сію обою заповѣдью весь законъ и пророцы висятъ»* (Матѣ. 22 г. 37—39; Лук. 10, 27; Марк. 12 гл. 28—31 ст.). Въ самомъ дѣлѣ, только одна безконечная любовь Бога возвела все въ мірѣ изъ небытія въ бытіе, всему указала свою норму, законъ и тяготѣніе къ одному общему началу—Богу. Далѣе, все домостроительство Божіе о человѣческомъ родѣ зиждется на этой же безконечной любви Творца къ своей твари, особенно вся жизнь Господа Нашего Іисуса Христа была единымъ непрерывнымъ подвигомъ безконечной любви Бога къ падшему человечеству. Самое рожденіе Господа во плоти было уже уничтоженіемъ Его Божества или вмѣненіемъ съ *беззаконными* (Исаія 53), а что сказать о незаслуженной Имъ позорной смерти на крестѣ, смерти праведника за неправедныхъ! Поэтому слово Божіе говоритъ: *«Такъ возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣрующій въ оныя не погибнетъ, но имать животъ вѣчный»* (Іоан. 3, 16 ст.). Значитъ Господь Нашъ Іисусъ Христосъ является не олицетвореніемъ только любви, но весь Самъ былъ безконечной любовью Божества къ человечеству и приходилъ на землю искупить и возродить насъ, чтобы черезъ это соединить насъ тѣснѣйшимъ союзомъ любви съ Богомъ и ближними. Вотъ почему Спаситель внушаетъ ученикамъ Своимъ любить другъ друга, какъ Онъ возлюбилъ насъ: *«Заповѣдь новую даю вамъ, да возлюбите другъ друга, яко же возлюбихъ вы»* (Іоан. 13, 34 ст.). Образъ же любви Спасителя есть Его безропотная смерть на крестѣ за весь человѣческій родъ, слѣдовательно, Спаситель сею заповѣдью требовалъ отъ своихъ апостоловъ и послѣдователей такой же самоотверженной любви.

Апостолы вѣрно слѣдовали сей заповѣди своего Божественнаго Учителя и всегда проповѣдывали всѣмъ людямъ вѣру въ Господа Нашего Іисуса Христа непремѣнно любовью споспѣ-

благотворительныя. (*Голоса слѣва: противъ Церкви никто не говорилъ; голоса справа: вѣрно; голоса слѣва: ложь; голоса справа: правда; Покровский 1, съ мѣста: Церковь мы уважаемъ*).

Предсѣдательствующій (звонитъ). Я покорнѣйше просилъ бы сохранить спокойствіе и порядокъ. Выслушавъ разныя мнѣнія многихъ ораторовъ, неужели вы не выслушаете еще двухъ или трехъ?

От. Станиславскій. Я отъ своего слова не отказываюсь, такъ какъ слыхалъ эти упреки. Это, г., и понятно: какого иного отношенія мы можемъ ожидать къ нуждамъ Православной Церкви, при разсмотрѣніи смѣты Святѣйшаго Синода, отъ такихъ ораторовъ, какъ социаль-демократы, этихъ проповѣдниковъ безбожія, невѣрія, анархіи, насилія, экспроприацій, противниковъ порядка и законности. (*Рукоплесканія справа; Покровский 1, съ мѣста: откуда вы это видите?*). Какъ мы можемъ ожидать иного отношенія, коль скоро эта самая Православная Церковь, со всѣми ея учрежденіями, является сильнымъ и несокрушимымъ тормазомъ въ дѣлѣ пропаганды губительныхъ ученій, въ дѣлѣ осуществленія ихъ разрушительныхъ стремленій. (*Голоса справа: вѣрно*). Вотъ почему, г. члены Государственной Думы, намъ очевидна та лживость и предвзятость замѣчаній противниковъ Православной Церкви, ораторовъ слѣва! Вотъ почему намъ такъ видны тѣ гнилыя нитки, которыми спиты всѣ аргументаціи, составляющія не болѣе и не менѣе какъ плодъ слуховъ, съ вѣтра пойманныхъ! Этимъ-то и объясняется, г., то странное и уродливое явленіе въ нашемъ русскомъ православномъ государствѣ, что православные возстаютъ противъ Православной Церкви, какъ въ свое время іудеи противъ Христа. (*Голоса слѣва: никто противъ Церкви не возстаетъ*). Возстаютъ противъ ассигнованія какихъ бы то ни было средствъ на ея нужды и въ то же время замалчиваютъ, когда идетъ рѣчь объ ассигнованіи средствъ на инославныя церкви. Спрашивается, чѣмъ это объяснить? Имѣя своеобразный взглядъ на религію, считая ее частнымъ дѣломъ и на этомъ основаніи отрицая необходимость ассигнованія средствъ на Православную Церковь, они должны бы также вотировать и противъ ассигнованія средствъ на церковь инославную. Но этого нѣтъ! Чѣмъ же это объяснить? А просто тѣмъ, что они въ иновѣріи и въ инославіи видятъ средство борьбы съ православіемъ, а, стало быть, и съ самимъ государствомъ, такъ какъ у насъ церковь и госу-

дарство находятся въ неразрывномъ союзѣ. Церковь есть тотъ прочный фундаментъ государственности, покоясь на которомъ наше отечество и доросло до той силы, и могущества, въ которомъ мы его видимъ въ настоящее время. Я скажу, не вамъ, гг., разорить этотъ фундаментъ, о которомъ сказано: «и врата адовы не одолѣютъ ю»... Но меня не мало удивляетъ бюджетная комиссія, въ составѣ которой находятся лица, выдающіяся и по своему образованію, по опыту и по освѣдомленности, съ большинствомъ въ ней православныхъ. И вотъ, эта комиссія, тѣмъ не менѣе, провела въ своемъ бюджетномъ докладѣ принципъ общаго Государственнаго Контроля и надъ спеціальнымъ церковнымъ имуществомъ, вопреки исторически сложившемуся внутреннему церковному самоуправленію надъ своимъ церковнымъ имуществомъ, вопреки церковнымъ канонамъ. Это удивленіе у меня тѣмъ болѣе усиливается, что я замѣчаю здѣсь и непосредственность: та же самая комиссія въ сужденіяхъ объ ассигнованіи средствъ на церкви инославныя не установила этого принципа, не потребовала этого общаго контроля: а дѣйствуя такъ, комиссія бюджетная принижаетъ достоинство Православной Церкви, роняетъ ее въ ряду другихъ исповѣданій въ нашей странѣ.

Спрашивается: зачѣмъ же бюджетная комиссія принижаетъ достоинство Православной Церкви, отнимая ея право собственнаго управленія церковнымъ имуществомъ, за какую ея провинность? Не за тѣ ли ея историческія заслуги передъ нашимъ отечествомъ, которыя она проявила, выдвигая изъ себя великихъ подвижниковъ вѣры и печальниковъ отечества, каковы были въ свое время Алексій, Сергій, Гермогенъ, Авраамъ Палицынъ? Не за тѣ ли щедрія жертвы изъ своихъ сбереженій, которыя приносила Церковь на алтарь отечества въ години народныхъ несчастій и войнъ, какъ это было въ 1613 г., во время Севастопольской войны, и въ другія времена, когда монастыри и духовенство отдавали всѣ свои богатства, сбереженія для отечества, жертвовали даже церковную дорогую утварь. (Голосъ слѣва: а въ японскую войну)? Такъ вы теперь хотите этимъ пожеланіемъ отнять у Церкви возможность на будущее время приходить также на помощь своему отечеству въ годину несчастій? Такое пожеланіе было бы, говорю, и неослѣдовательно, и неправильно. Мнѣ приходится говорить послѣ такихъ блестящихъ рѣчей, которыя были сказаны и г. Оберъ-Прокуроромъ

Святѣйшаго Синода, и преосвященными епископами, и другими, которые точно, ясно и основательно установили точку зрѣнія правыхъ на всѣ пункты смѣты Святѣйшаго Синода, и потому я не буду утруждать вашего вниманія повтореніемъ тѣхъ доводовъ, но коснусь нѣсколько п. 8 формулы, внесенной бюджетной комиссіей, въ которомъ выражается пожеланіе, чтобы мѣстные средства, получаемыя съ кружечнаго и кошельковаго сбора, обращались на нужды приходскія, а не на нужды сословно-благотворительнаго характера. Это пожеланіе было бы хорошо и правильно, если бы оно было своевременно, но горе въ томъ, что оно совершенно преждевременно, и я постараюсь доказать это. Вамъ извѣстно, что это пожеланіе прошло въ Государственной Думѣ и въ прошломъ году. Нужно вамъ сказать, что большинство, или, по крайней мѣрѣ, значительная часть церковныхъ старостъ придала этому пожеланію смыслъ закона, и вотъ, когда пришлось производить такъ называемые сборы (полугодичные отчеты), на нужды обще-епархіальныя, на духовно-учебныя заведенія, то во многихъ мѣстахъ получались категорическіе отказы церковныхъ старостъ въ этихъ взносахъ со ссылкой ихъ на это пожеланіе, которое теперь выражено въ п. 8 формулы бюджетной комиссіи. (*Голосъ слева*: такъ и нужно). Я самъ исполнялъ обязанности благочиннаго и самъ на себѣ испыталъ весь вредъ отъ этого. Теперь представьте себѣ весь ужасъ положенія духовно-учебныхъ заведеній. Вѣдь духовно-учебныя заведенія и духовныя богадѣльни большею частью содержатся именно на взносы отъ церквей. Что же вы прикажете имъ дѣлать, когда церковные старосты не вносятъ этихъ денегъ? Какъ должны поступать тогда начальства духовныхъ учебныхъ заведеній? По необходимости имъ приходится прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, т. е. или увеличивать плату за учениковъ и этимъ бить по тощому карману духовенства, или неисправныхъ плательщиковъ увольнять, къ великому горю родителей, или держать учениковъ въ черномъ тѣлѣ. Я не думаю, гг., чтобы такой выходъ изъ этого пожеланія понравился вамъ, хотя бы по чувству гуманности и человечности. (*Кузнецовъ, съ мѣста*: у васъ его нѣтъ). Конечно, если бы вы нашли способъ и возможность обезпечить всѣ духовныя учебныя заведенія казеннымъ содержаніемъ, тогда и рѣчи не было бы о томъ, что это пожеланіе преждевременно, и мы всѣ тогда подписались бы съ наслажденіемъ подъ такимъ пожела-

ніемъ, но въ данную пору, какъ я вамъ уже доказалъ фактомъ, это произведетъ извѣстный вредъ, это произведетъ смуту между причтомъ и старостой, а также епархіальнымъ начальствомъ. Слѣдствіемъ такого пожеланія было то, что приходилось прибѣгать къ такимъ крутымъ мѣрамъ, о которыхъ говорилъ здѣсь и въ своей рѣчи депутатъ Каменскій. Говоря о неприемлемости такого пожеланія, я бы просилъ Государственную Думу, чтобы она нѣсколько измѣнила его, хотя бы въ такой редакціи: «Признать желательнымъ постепенную замѣну приходскихъ средствъ, расходуемыхъ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, ассигнованіемъ казенныхъ средствъ, дабы затѣмъ мѣстныя средства были обращаемы на мѣстныя приходскія нужды». Такое пожеланіе, мнѣ кажется, удовлетворяло бы всѣхъ и не производило бы того вреда, котрый на дѣлѣ уже оказался. Депутатъ Опочининъ, трактуюя этотъ самый пунктъ пожеланій, развернулъ передъ вами, гг., картину сборовъ отчетности полугодовой, при чемъ назвалъ вамъ и титулы этой отчетности, перечисливши ихъ такъ: на духовно-учебныя заведенія, духовныя богадѣльни, общество Краснаго Креста, на бѣдныхъ славянъ; въ пользу православныхъ паломниковъ Палестины, миссію, устроеніе бѣдныхъ церквей, на канцелярію благочиннаго, на выписку духовныхъ журналовъ. Вотъ, собственно говоря, тѣ титулы, которые у насъ значатся по отчетности. Пересчитавъ ихъ, онъ заявилъ вамъ и назвалъ нецѣлесообразными тѣ средства, которыя идутъ на эти статьи. Но, мнѣ кажется, каждому изъ васъ чувство справедливости подскажетъ, что эти статьи столь цѣлесообразны въ своемъ расходованіи, что если бы даже пришлось взимать сборы по нимъ при возрожденномъ приходѣ, то и тотъ не отказался-бы производить эти самые расходы. Что касается упрека г. Опочинина въ томъ, что духовное вѣдомство совершенно устранило мірянъ отъ участія ихъ въ церковномъ хозяйствѣ, то это не совсѣмъ вѣрно. Какъ благочинному, мнѣ извѣстно, что существуютъ синодальныя и епархіальныя распоряженія, по которымъ прихожанамъ дозволяется составлять приговоры о желательности произведенія ремонта Церкви или церковныхъ домовъ, вообще крупныхъ расходовъ, при согласіи причта, — это разъ, — а во-вторыхъ, по закону при каждомъ приходѣ существуютъ два представителя отъ прихожанъ, обязанность которыхъ присутствовать при счетѣ суммъ ежемѣсячныхъ высыпокъ, наблюдать за правильностью записи прихода и расхода и под-

писывать самыя книги. Имъ поручается вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать за правильностью расхода. Эти два обстоятельства указываютъ на то, что и въ данное время духовное вѣдомство не лишаетъ мірянъ права участія въ церковномъ хозяйствѣ совместно съ причтомъ. Многіе ораторы съ этой кафедры сегодня дѣлали огульныя обвиненія въ непорядкѣ церковнаго хозяйства духовнаго вѣдомства. Но эти обвиненія большею частью были голословны и если ссылались на газеты, то вѣдь они, во всякомъ случаѣ, не могутъ имѣть характера достовѣрности. Если и бывали отдѣльные случаи, то они вѣдь не могутъ служить основаніемъ для огульнаго обвиненія. Найдите вы такое вѣдомство, гдѣ бы не было какихъ-либо злоупотребленій. И насолницѣ есть пятна и среди апостоловъ былъ Іуда. Всякое злоупотребленіе, которое въ единичномъ видѣ могло происходить въ духовномъ вѣдомствѣ, ничуть не говоритъ за то, что это вѣдомство вообще не умѣетъ распоряжаться своимъ хозяйствомъ, не умѣетъ давать распорядокъ тѣмъ имуществамъ, которыя имѣютъ характеръ спеціально церковныхъ.

Заканчивая свою рѣчь, я повторяю ходатайство о томъ, чтобы и с пожеланіемъ бюджетной комисіи былъ измѣненъ именно въ той формѣ, которую я уже указалъ, т. е., чтобы онъ былъ изложенъ въ смыслѣ желательной замѣны расходованія приходскихъ суммъ на духовно-учебныя заведенія казенными средствами, съ тѣмъ, чтобы приходскія средства тогда были употребляемы уже на чисто приходскія мѣстныя нужды. (*Рукопесканиа справа*).

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ПО ПОВОДУ ОТКРЫТІЯ МИССИОНЕРСКАГО КРУЖКА ВО ИМЯ СВ. НИКОЛАЯ ВЪ С. ЗНАМЕНСКОМЪ, ИЗЮМСКАГО УѢЗДА, ВЪ ДЕНЬ ТОРЖЕСТВА ПРАВОСЛАВІЯ.

„Проповѣдуй слово, настой во время и не во время“ . (II Тим. 4, 2).

Первая недѣля великаго поста, недѣля Православія—день торжества Православной Церкви. Всѣ ухищренія исконнаго врага человѣческаго спасенія, діавола,—никакія ереси и расколы, появившіеся чуть ли не съ первыхъ дней ея основанія и существующія и въ наши дни, не могли поколебать ея прочнаго основанія, не могли опровергнуть и разрушить ея истиннаго ученія, и она, этотъ вѣчный «столпъ и

утвержденіе истины» (I Тим. 3.¹⁵), попрежнему непоколебимо стоятъ, отражая и побѣждая истиной своихъ враговъ. «Создамъ церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея» (Мтѣ. 16.¹⁸) и церковь Христова будетъ жить вѣчно, какъ живъ Христосъ: «она Его тѣло» (Ефес. 1.²²).

Торжествуя свою истинность и непоколебимость, Святая Церковь въ этотъ день благославляетъ вѣрныхъ чадъ своихъ, молитъ Господа о разумленіи блуждающихъ въ поискахъ истины и о возвращеніи ихъ въ стадо Христово, а отчаянныхъ—отпавшихъ, злословящихъ Духа благодати, ругающихся надъ Кровію завѣта и попирающихъ Сына Божія предасть анаемѣ.

Этотъ великій день торжества Православія ознаменованъ особеннымъ торжествомъ и въ нашей Знаменской церкви: мы праздновали открытіе православнаго миссіонерскаго кружка (братства) въ честь Святителя Николая, поборника древнихъ ересей, ревнителя церкви.

Волна потока сектантскаго движенія, разлившаяся по Россіи, захлестнула и въ нашъ, прежде религіозный, богобоязненный, приходъ. Около 500 душъ обоого пола изъ прихода нашей церкви почти безвыездно живутъ на работахъ въ металлургическихъ заводахъ Дружковки, Краматоровки и Константиновки. Здѣсь они входятъ въ общеніе съ лицами разнаго вѣроисповѣданія, религіозно-нравственнаго и политическаго направленія, замѣствуютъ у нихъ взгляды на предметы вѣры, заражаются ихъ лжеученіемъ и, приходя на побывку домой, приносятъ съ собою и духовную заразу. Насажденію и развитію этой заразы, ученія секты штундо-баптистовъ, въ селѣ Знаменскомъ способствовало, кромѣ того, близкое сосѣдство съ д. Петровкѣй, гдѣ штунда существуетъ уже нѣсколько лѣтъ подъ покровительствомъ колонистовъ нѣмцевъ-баптистовъ. Сектанты с. Знаменскаго часто посѣщаютъ своихъ братьевъ по вѣрѣ въ д. Петровкѣй и принимаютъ ихъ у себя; въ такомъ же общеніи они состоятъ и съ сектантами Дружковскими, гдѣ имѣется и пресвитеръ. Усердное общеніе братьевъ способствовало быстрому развитію штундо-баптизма въ Знаменскомъ. О появленіи этого ученія заговорили въ январѣ 1908 года, и въ данное время послѣдователей секты и колеблющихся насчитывается до 30 душъ обоого пола. Между ними первое мѣсто занимаютъ крестьяне Михаилъ Оѣробаба, прежде очень религіозный, уважаемый за свою начитанность и «хорошія бесѣды», прихожанинъ и братья по плоти Исидоръ, Василій, Иванъ, Гавріиль и Осій Ткаченко. Последний, обладая порядочнымъ голосомъ и нѣкоторыми знаніями въ области пѣнія, болѣе 25 лѣтъ состоялъ пѣвчимъ-солистомъ въ приходской нашей церкви. Въ данное время онъ, какъ говорятъ, занимаетъ видную должность регента въ своей общинѣ въ д. Петровкѣй. Это положеніе

нѣ въ общинѣ чуть ли и не есть главная причина, удерживающая его въ штундѣ, причина—удачно разыгрывающая штундовыя мелодіи на струнахъ его честолюбія. Но надо только поговорить съ нимъ и внимательно вѣзмотрѣться въ его лицо во время бесѣды о предметахъ вѣры, чтобы видѣть, какая борьба происходитъ въ его душѣ, борьба честолюбія начитаннаго, уважаемаго сектанта-регента и истины Христовой. Тоскливо какъ-то, какъ похоронный звонъ звучать его слова, горькое разочарованіе въ упованіи и отчаяніе слышны въ нихъ: «вы думаете, говорилъ онъ, мнѣ не жаль своей души? (слѣзы). Не только я, и другіе жалѣютъ обо мнѣ, но... я не вѣрю никому, ни себѣ, ни вамъ; я хотѣлъ бы слышать, какъ будетъ говорить нашъ пресвитеръ и миссіонеръ, тамъ бы истина была очевидна, а такъ я не вѣрю никому и ничему... да, вѣрю Писанію, но и тамъ не разберусь».

Бѣдный человѣкъ! онъ ищетъ истины, уйдя отъ истины, хочетъ вѣрочать и не находитъ предмета вѣры, всюду его умъ видитъ противорѣчіе. Мнѣ кажется, что въ такой борьбѣ онъ можетъ прійти къ заключенію: «все—суета и томленіе духа». (Екл. 1, 14).

Результаты подобной борьбы: мнѣ приходилось видѣть; они въ большинствѣ случаевъ (при отсутствіи благоприятныхъ обстоятельствъ) являются въ формѣ совершеннаго равнодушія къ вопросамъ вѣры. Это болѣзненное равнодушіе къ вопросамъ вѣры ясно сказалось, когда послѣ разгрома храма (1901 г. 16 сентября) въ Павловкѣ былъ назначенъ священникъ-миссіонеръ о. Захарьевъ, который открылъ внѣбогослужебныя бесѣды въ церкви-школѣ. На первой бесѣдѣ присутствовало душъ около 30 слушателей, на второй не болѣе 10, а на третью явились одни пѣвчіе—по обязанности. На этомъ дѣло и кончилось. Врачъ послѣлъ слишкомъ поздно, началась предсмертная агонія, и здѣсь мѣсто чуда, но чуда не видно и понынѣ. Такова участь, мнѣ кажется, всѣхъ приходоу, гдѣ наблюдается массовое движеніе перехода въ ту или другую секту, и единственный выходъ изъ этого положенія, единственный способъ предупредить подобное явленіе—это открытіе въ приходахъ миссіонерскихъ кружковъ; дружная работа пастыря, съ прихожанами, непрестанное проповѣдываніе Слова Божія въ церкви при богослуженіяхъ, на дому при требоухъ, въ школѣ на басѣлахъ. «Проповѣдуй слово, стой во время и не во время... будь бдѣтеленъ во всемъ, совершай дѣло благовѣстника, исполняй служеніе твое». (II Тим. 4, 2—6). Одной церковной проповѣди недостаточно. Народъ привыкъ въ храмѣ слушать, а не вопрошать, да и обстановка не позволяетъ этого, и то, что для проповѣдника ясно и понятно, для него (народа) не всегда бываетъ ясно и даже совершенно непонятно; и выходитъ онъ изъ храма съ неразрѣшеннымъ вопросомъ и толкуетъ его посвоему. Къ вамъ

зайти онъ не рѣшается, а у него вы будете, когда пойдете въ постъ съ молитвой. Вибогослужебная бесѣда и должна имѣть свою цѣлью прежде всего разрѣшеніе интересующихъ народъ вопросовъ, а этихъ вопросовъ наберется много, о, какъ много! Вся религія представляетъ для народа одинъ неразрѣшенный еще вопросъ: онъ видитъ пока одну форму, а духа ея не знаетъ.

Нужны ли миссіонерскія кружки, братства религіозно-просвѣтительныя въ приходяхъ, не зараженныхъ еще лжеученіями и незнакомыхъ съ ними? Не только нужны, а безусловно необходимы. И если нѣтъ здѣсь особенной надобности раскрывать и обличать сектантское лжеученіе, то есть надлежащая необходимость изъяснять положительное ученіе православной церкви; не мѣшаетъ при этомъ коснуться по данному вопросу и ученія сектантовъ. Никакой приходъ не гарантированъ отъ того, что завтра, послѣзавтра явится въ немъ штунда. Вотъ примѣръ. Я знаю одинъ православный приходъ: о штундѣ или другой сектѣ тамъ нѣтъ и рѣчи. Народъ очень религіозный, и всѣ признаки религіозности (наружной) на лицо. Но вотъ случай: крестьяне возвращаются съ крестнаго хода съ хоругвями, украшенными платками и полотенцами, останавливаются для отдыха подъ деревьями, снимаютъ съ хоругвей и крестовъ платки и вымѣниваютъ за нихъ водку. Что это?! Нужна ли здѣсь проповѣдь и миссіонерскій кружокъ? Да, «будь бдителенъ во всемъ» (II Тим. 4, 5) и прочитывай почаще 34 главу пророка Іезекіиля.

Итакъ, религіозно-просвѣтительныя братства и миссіонерскія кружки необходимы. По поводу этого мнѣ пишетъ одинъ батюшка, извѣстный безкорыстный труженникъ на нивѣ Христовой, давно сознавшій необходимость приходской миссіи и наслаждающійся теперь плодами своего труда, о. М. Николаевскій: «дѣло это многопользѣннѣйшее и великое. Давно бы намъ пора прийтись за него, а то перспектива страшна»... И я многиѣ раздѣляю его мысль и вѣрю въ благодѣтельные результаты общаго труда пастыря съ прихожанами. Всѣ эти и другія соображенія побудили и насъ открыть миссіонерскій кружокъ имени Св. Николая въ день торжества Православія. Открытію кружка предшествовала рѣчь миссіонера Г. В. Щелчкова на тему: «ищите прежде Царства Божія и правды Его», а «Царство Божіе внутри васъ». (Мате. 6, 33). По окончаніи рѣчи, которая произвела сильное впечатлѣніе на народъ, служащій священникъ М. Бѣляевъ вышелъ на солею, предшествуемый діакономъ, держа на головѣ Св. Крестъ и икону Св. Николая и трижды осѣнилъ ими народъ. Торжественная минута... душа полна священнаго восторга, слезы подступаютъ и душишатъ горло, и мысль, одна святая мысль: «православіе торжествуетъ, крестъ Христовъ не упраздненъ», написана на лицахъ молящихся; цер-

ковъ полна народа; колыбнопреклоненный, съ зажженными свѣчами. слушаетъ онъ акаѳистъ Страстямъ Христовымъ, гдѣ все говоритъ о Богѣ и Его правдѣ, о чловѣкѣ и его неправдѣ (Инокентій, слово въ страст. Пятницу) и даетъ обѣдъ не оскорблять правды Божіей. По окончаніи молебна священникъ М. Б. обратился съ краткимъ словомъ къ членамъ кружка на тему: «вы приступили къ торжествующему собору и церкви первенцевъ... къ душамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства» и «отнынѣ будете видѣть небо отверстымъ и Ангеловъ Воинъхъ восходящихъ и нисходящихъ къ Сыну Человѣческому» (Евр. 12, 23 и Іоан. 1, 51). Торжество закончилось цѣлованіемъ Св. Креста, Евангелія и иконы Св. Николая. Начало положено, благослови, Господи, святой трудъ!

Священникъ Михаилъ Бляевъ.

ОТКРЫТІЕ МИССИОНЕРСКАГО КРУЖКА ВЪ С. ПРИВОЛЬѢ, ИЗЮМСКАГО УѢЗДА.

Поистинѣ радостенъ и великъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, приносящій вмѣстѣ съ неосызаемымъ внутреннимъ счастьемъ, счастьемъ осязаемымъ только въ душѣ православнаго христіанина, перѣдко и какое-нибудь счастье видимое, проявляемое во внѣ.

Воскресшій Спаситель видимо посѣтилъ своею любовью и нашъ приходъ церкви Архангела Михаила с. Приволья Изюмскаго уѣзда. Въ нашемъ приходѣ на 3-й день Свѣтлаго праздника 31 марта с. г. послѣдовало торжественное открытіе миссіонерскаго кружка. Къ открытію кружка прихожане были нѣсколько подготовлены частными наставленіями и увѣщаніями во дни поста на исповѣди и поученіями въ храмѣ. Заручившись согласіемъ преданныхъ церкви прихожанъ, священникъ въ день торжества сказалъ послѣ литургіи слово приблизительно слѣдующаго содержанія.

Православные христіане! Нынѣ и вчера и позавчера всѣ мы единодушно прославляемъ воскресшаго Спасителя—и въ храмѣ общественною молитвою, и въ домахъ, и на улицахъ, радуясь и передавая другъ другу радость восклицаніемъ: Христосъ воскресъ! Радуйтесь, братіе, и паки реку, радуйтесь Воскресенію Христову, этому поистинѣ великому и самому дорогому для вѣрующаго сердца событію. Воскресе Христосъ, говоритъ Іоаннъ Златоустъ, и радуются Ангелы; воскресъ Христосъ, и падоша демоны; воскресъ Христосъ, и мертвый ни единъ во гробѣ; воскресъ Христосъ, и жизнь жительствуетъ. Какъ же не радоваться тому, чему радуются ангелы съ нами грѣшниками? какъ не радоваться избавленію нашему отъ сѣтей діавола, которыя уничтожены воскресеніемъ Христо-

вымъ? какъ не радоваться православнымъ христіанамъ, которыхъ Воскресеніе Христова возвело изъ мрака къ свѣту, изъ гробовъ грѣха къ общему воскресенію душъ умершихъ въ первородномъ грѣхѣ? Мы были мертвы для добра, мертвы и для спасенія, Адамовъ грѣхъ оковалъ насъ и никто не могъ снять этихъ узъ грѣха, кромѣ Воскресенія Спасителя. Теперь смѣло воскликнемъ съ апостоламъ: «и уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ» (Гал. 2 гл. 20 ст.). Живетъ Христосъ, воскресеніемъ своимъ воскресившій мою душу отъ смерти духовной, смерти, грѣха адова. Мѣсто грѣха адова заняла во мнѣ благодать Христова, которой я черпнулъ въ водѣ крещенія и въ прочихъ таинствахъ церкви; теперь я живу и живетъ братъ мой во Христѣ и оба мы взываемъ съ Іоанномъ Златоустомъ: «воскресе Христосъ, и жизнь жительствуетъ. Видите, братіе, какъ велика сила воскресенія Христова, какъ велико значеніе его. Что же принесемъ, что воздадимъ воскресшему Спасителю мы, грѣшныя,—быть можетъ, недостойно встрѣчающіе празднیکъ, спасенные и нынѣ радующіеся Воскресенію Христову. Да не смущается кто изъ васъ, православные, невѣдѣніемъ, какъ возблагодарить Спасителя. Немногого требуетъ Онъ отъ насъ:—одной вѣры, любви и надежды на спасеніе. Вѣруй, христіанинъ, какъ научили тебя вѣровать Спаситель, апостолы Ефъ и всѣ святые отцы; вѣруй, какъ научили тебя дѣды и родители твои. Вѣруй по чравославному, не отрицайся церкви, которая есть «столпъ и утвержденіе истины» и въ которой обитаетъ Спаситель до скончанія вѣка. Но вѣруй и люби заповѣди Его; дѣлай такъ, какъ великъ тебѣ Христосъ; возлюби Его всѣмъ существомъ твоимъ; возлюби и ближняго своего, помогай ему, какъ малому брату Христа; а самое главное—помогай ему въ вѣрѣ, въ спасеніи, не забывай того, что у тебя есть братья, которые нуждаются въ помощи духовной, колеблются въ вѣрѣ; есть и погибшіе, отдѣлившіеся отъ тебя, заблудившіеся въ лжемудрствованіяхъ, навѣянныхъ чрагами церкви Христовой, не забывай того, что у тебя есть братья штундисты. Они нуждаются въ помощи твоей, ищутъ чего-то и не находятъ ничего, потому что удалились отъ высшей помощи, Спасителя. Говори штундисту, увѣщывай его съ любовью возвратиться въ лоно церкви Христовой. Не говорите, православные, что это не ваше дѣло, а дѣло пастырей церкви, не говорите, ибо прогнѣваете воскресшаго Спасителя. Обратитесь лучше къ Его словамъ и словамъ Апостола и послушайте, что они скажутъ вамъ. А Спаситель говоритъ, чтобы мы обращали заблудшаго брата и наблюдали другъ за другомъ (Лук. 17 гл. 3 ст.), а апостоль подтверждаетъ это: «братья, говоритъ онъ, если кто изъ васъ уклонится отъ истины, и обратитъ кто его, пусть тотъ знаетъ, что обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его, спасетъ душу отъ смерти и по-

кроетъ множество грѣховъ (Іакова 5 гл. 19—20 ст). Правда, пастырь долженъ слѣдить за овцами, но и онъ нуждается въ помощи, когда пасеть стадо, а помощь эту и можете оказать вы, пасомые. Когда оставляетъ пастырь 99 овецъ и идетъ разыскивать одну утерянную, не спрашиваетъ ли онъ по пути у встрѣчныхъ, не видѣли ли они овцы, не оставляетъ ли вмѣсто себя кого-либо на стражѣ у 99 овецъ? Скажите вы, оставляетъ и спрашиваетъ, и когда ему помогаютъ, находятъ. А потому, православные христіане, чтобы найти и возвратить въ церковь Божию отпавшихъ братьевъ своихъ, соединимся любовію вмѣстѣ, станемъ ближе другъ къ другу и будемъ обращать заблудшихъ. Великое дѣло сдѣлаемъ мы и Богу угодное. Ужели, отецъ, ты смотришь безъ слезъ на вскормленнаго и воспитаннаго тобою въ православіи сына, а теперь заблудшаго? такъ же и ты, сынъ, не печалишься ли о заблудшемъ отцѣ твоёмъ? а ты, братъ, гдѣ былъ, когда брата твоего отняли отъ тебя? Ты теперь плачешь, такъ поспѣши-жъ, иди къ пастырю твоему и отыскивайте вмѣстѣ съ нимъ погибшаго брата твоего. Соединимся жъ, православные; и съ Божіею помощью будемъ бороться съ врагами нашей церкви. Вооружимся любовію и надеждой на спасеніе братьевъ своихъ. Намъ помогутъ въ этомъ добромъ дѣлѣ воскресній Спаситель, Архангелъ Михаилъ, нашъ покровитель, и св. Николай, великій поборникъ православія. Соединимся въ кружокъ, который будетъ называться по своей цѣли миссіонерскимъ кружкомъ.

Послѣ проповѣди причтъ и прихожане направились крестнымъ ходомъ въ церковь-приходскую школу. Здѣсь, послѣ молебна св. Николаю, послѣдовало открытіе Миссіонерскаго кружка. Священникъ прочелъ уставъ кружка, разъяснилъ его по пунктамъ, выяснилъ значеніе и цѣль предпринимаемаго дѣла, еще разъ обратился къ народу съ рѣчью, въ которой призывалъ православныхъ вступить въ члены кружка, послѣ чего народъ подходилъ, давалъ торжественное обѣщаніе содѣйствовать дѣлу миссіи, жертвовалъ въ установленную здѣсь же кружку посильную лепту и записывался священникомъ какъ членъ Миссіонерскаго кружка, членовъ котораго оказалось на первое время 35 человекъ. Любительскимъ хоромъ пропѣтъ былъ задостойникъ пасхи, и открытіе кружка было закончено. Кружокъ открывалъ мѣстный священникъ съ причтомъ.

Дѣятельность кружка пока проявляется въ благотворительности. Будемъ надѣяться, что съ Божіею помощью и съ помощью св. Николая, избраннаго покровителя Миссіонерскаго кружка, послѣдній принесетъ дѣлу православной миссіи хоть небольшую пользу.

Св. А. К.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Храмовой праздникъ въ Харьковскомъ училищѣ слѣпыхъ дѣтей.

Въ воскресенье 3 мая, въ недѣлю о слѣпомъ, домовая церковь при Харьковскомъ училищѣ слѣпыхъ дѣтей во имя Христа Спасителя, отвергающаго очи слѣпымъ, особенно торжественно отпраздновала свой храмовой праздникъ: въ ней совершалъ Божественную литургію Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній Владыка во второй разъ посетилъ наше училище. Въ первый разъ онъ былъ въ училищѣ при освященіи нашего храма. Теплое Архипастырское слово, сказанное тогда слѣпымъ, глубоко зашло въ ихъ души. Слова Владыки «слѣпцы, ко мнѣ!» умлели ихъ и дали имъ свѣтлую надежду найти поддержку у Владыки въ трудныя минуты жизни. Такъ и случилось. Слѣпцы, оканчивающіе наше училище, уже не пользуются дальше его помощью за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ: ихъ хватаетъ только на жизнь самого училища. Только немногимъ счастливымъ изъ окончившихъ училище удается устроиться болѣе или менѣе прилично, а большинство обречено на горькую нужду и даже нищету. И вотъ группа слѣпцовъ, окончившихъ училище, организовалась въ хоръ и послала ходяковъ къ Владыкѣ. Владыка принялъ ихъ съ любовью и помогъ имъ устроиться при домовой церкви Николаевской больницы. Теперь тамъ поетъ хоръ слѣпыхъ, окончившихъ наше училище. Вотъ почему слѣпые особенно ждали Владыку на свой храмовой праздникъ и съ особенной любовью разучивали церковныя пѣснопѣнія.

Владыка служилъ съ благочиннымъ протоіереемъ о. Васиіемъ Добровольскимъ, ключаремъ собора протоіереемъ о. Іоанномъ Гончаревскимъ, законоучителемъ 3 гимназій о. Петромъ Купталовымъ, мѣстнымъ настоятелемъ и законоучителемъ о. В. Шаповаловымъ, архидіакономъ кафедральнаго собора о. В. Вѣрбицкимъ и двумя о.о. протодіаконами. На правомъ клиросѣ пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ подъ управленіемъ г. Ведрипскаго, а на лѣвомъ—хоръ слѣпцовъ подъ управленіемъ слѣпого регента Максима Тысячника.

Часы читали съ большимъ чувствомъ и искусствомъ два слѣпыхъ воспитанника.

Благотѣльное служеніе Владыки, какъ всегда, привлекло множество молящихся, переполнившихъ наше небольшой храмъ. За литургіей Влады-

ка сказалъ теплое, задушевное слово. Владыка едва могъ сдерживать слезы жалости къ несчастнымъ слѣпымъ и голосъ его нѣсколько разъ замѣтно дрожалъ отъ сдерживаемыхъ слезъ. Слепые, служившіе и народъ съ напряженнымъ вниманіемъ слушали сердечное слово Архипастыря. Владыка сказалъ приблизительно слѣдующее:

— Поздравляю васъ, братіе, съ храмовымъ праздникомъ! Благодать Господа нашего Иисуса Христа въ сей радостный праздникъ для всѣхъ васъ и особенно для призрѣваемыхъ слѣпыхъ да умудритъ васъ во спасеніе.

Въ сегодняшнемъ евангельскомъ чтеніи вы слышали о великомъ чудѣ: исцѣленія слѣпорожденнаго. Отъ вѣка не слыхано, чтобы было даровано зрѣніе слѣпорожденному. Изъ этого и изъ многихъ другихъ евангельскихъ повѣствованій видно, что особенная любовь Божія простирается на всякаго рода несчастныхъ. Мы видимъ исполненіе словъ Псалмопѣвца: «Господь умудряетъ слѣпцы, Господь возводитъ низверженныя, Господь любить праведники».

Слепые лишены великаго дара Божественнаго: они не видятъ красотъ міра сего. Но помните, слѣпцы, что Господь съ благою, особенною цѣлью лишилъ васъ дара зрѣнія. Онъ чрезъ это сохранилъ васъ отъ многихъ грѣховъ и соблазновъ міра. Вы имѣете даже преимущество передъ другими, если безропотно переносите ваше несчастіе, въ полученіи Царства небснаго. Кромѣ того, извѣстно, что если слѣпцы лишены дара зрѣнія, то у нихъ изощрены другія чувства на счетъ зрѣнія, напримѣръ осязаніе, слухъ, память. При помощи осязанія слѣпые могутъ отлично читать. Мы и сегодня за богослуженіемъ слышали прекрасное чтеніе и пѣніе слѣпцовъ. Осязаніе, слухъ, способности соображенія и памяти особенно развиты у слѣпыхъ. Къ этимъ-то чувствамъ и способностямъ и относятся слова псалмопѣвца «Господь умудряетъ слѣпцовъ». Въ этомъ—особенная забота Бога по отношенію къ слѣпымъ. Кромѣ того, вы, слѣпые, прекрасно сознаете и любовь ближнихъ къ вамъ.

Сколько прилагается попеченій и заботъ, чтобы обезпечить ваше существованіе и сдѣлать вашу жизнь какъ можно счастливѣе! Сегодня во всѣхъ храмахъ проповѣдуется то-же самое, что я сейчасъ говорю вамъ, и производится сборъ пожертвованій на улучшеніе вашей жизни.

Вслѣдствіе такого попеченія о слѣпыхъ—во многихъ мѣстахъ нашего отечества устроены дома для слѣпцовъ и въ нихъ прекрасно устроены храмы съ благоустроенными училищами для слѣпыхъ. Въ нихъ приложено все стараніе для обученія слѣпыхъ и грамотъ и рукодѣліямъ, а такъ какъ «Господь слѣпцовъ умудряетъ»,—даетъ имъ особыя дарованія, то дѣло

ихъ обученія, требующее большого искусства, идетъ съ полнымъ успѣхомъ и преподаваемое усваивается въ совершенствѣ.

Что же послѣ всего этого остается сказать вамъ, слѣпые?—Благодарите Господа Бога за всѣ его благодѣянія и никогда—никогда не ропщите на Бога за то, что Онъ лишилъ васъ зрѣнія.

Благодарите и тѣхъ людей, которые стараются сдѣлать васъ счастливыми.

Мы, зрячіе, съ своей стороны, должны всегда оказывать слѣпымъ горячую любовь и заботливость, должны стараться сдѣлать ихъ жизнь сколько можно счастливѣе.

Послѣ служенія Владыка позвалъ къ себѣ слѣпыхъ и благословилъ ихъ крестиками.

Владыка остался очень доволенъ пѣніемъ и чтеніемъ слѣпыхъ, спрашивалъ пишущаго эти строки объ участіи оканчивающихъ училище слѣпыхъ и выразилъ пожеланіе, чтобы общество пришло имъ на помощь.

Изъ церкви Владыка прошелъ въ учительскую комнату, гдѣ церковнымъ старостой г. Калгушкинымъ былъ предложенъ Владыкѣ и гостямъ завтракъ.

Во время завтрака и при проходахъ Владыки слѣпые воспитанники и воспитанницы пѣли церковныя пѣснопѣнія.

Священникъ В. Шаповаловъ.

Изъ воспоминаній о высокочтимомъ протоіерей, о. Іоаннѣ Сергіевѣ— Кронштадтскомъ, къ полугодовому дню его смерти.

Давно я слышалъ о поразительныхъ подвигахъ и неусыпныхъ трудахъ славнаго и дивнаго молитвенника о. Іоанна, подвизавшагося, не въ пустынѣ, не въ монастырѣ, а въ мірѣ, среди суеты житейской спасавшагося и другихъ спасавшаго. И сталъ онъ для меня предметомъ удивленія и благоговѣнія. Душа моя жаждала увидѣть этого дивнаго служителя Бога и человѣковъ.

Зналъ я, что о. Іоаннъ пріѣзжаетъ иногда въ Харьковъ, а потому просилъ родныхъ моихъ, жившихъ тамъ, уведомить меня о пріѣздѣ о. Іоанна. Въ 1891 г., въ Іюль мѣсяцѣ получаю телеграмму, что Отецъ Іоаннъ въ Харьковѣ, оставляю все и немедленно ѣду на дачу Павла Павловича Рыжова *)—Песочинъ, гдѣ тогда и былъ о. Іоаннъ.

*) Съ П. И. Рыжовымъ и его родителями я давно и хорошо знакомъ, такъ какъ имѣвше яхъ было въ слободѣ, гдѣ я и еще мой отецъ овященствовали—это и дало мнѣ возможность ближе видѣть и познакомиться съ достоцимѣйшимъ о. Іоанномъ.

Жаждавшихъ видѣть отца Іоанна и поѣхавшихъ со мной было 6 душъ: я, жена и дочь мои, жена дворянина Евгенія Николаевича Полуехтова съ сестрой и крестьянинъ Петръ Леонтьевичъ Остроушко.

Когда мы явились въ Песочинъ, то кругомъ дачи П. П. были уже не сотни, а тысячи, имѣвшихъ сильное желаніе видѣть о. Іоанна, а потому вся дача была охраняема усиленнымъ нарядомъ полиціи.

По просьбѣ моей меня и спутниковъ моихъ пропустили къ дому, гдѣ былъ о. Іоаннъ. Оказалось, что онъ съ хозяиномъ дачи пошелъ въ лѣсъ, откуда скоро долженъ былъ возвратиться.

Во мнѣ было сильное любопытство: каковъ о. Іоаннъ и что въ немъ такого, влекущаго къ нему народъ? Съ напряженнымъ вниманіемъ ожидалъ я и думалъ предложить ему нѣсколько вопросовъ о нашей семейной жизни. Какъ вотъ и онъ: вижу идетъ бодро, скоро, весело, помню—въ подрясникѣ; подходитъ и говоритъ: «Здравствуйте, мои милые, здравствуйте о. Іоаннъ!» Произнесеніе моего имени меня смутило, я былъ полонъ удивленія и смотрю на него испытующимъ взоромъ, а онъ цѣлуетъ меня и говоритъ: «Христосъ посреда насъ!» Я отвѣчаю: «и есть и будетъ». Потомъ онъ быстро и прощипательно, взглянувъ на меня и прикоснувшись рукою къ моему плечу, говоритъ: «Сила Божія въ немощи совершается».—Слова эти меня поразили, я узналъ, угадалъ, что это отвѣтъ на мои думы о немъ. Озадаченный этимъ я ничего уже и не спросилъ, о чемъ раньше думалъ, потому что слезы полились изъ моихъ глазъ; жена и дочь, увидѣвъ меня плачущимъ, стали также плакать, а о. Іоаннъ, оставивъ насъ, отошелъ на средину двора, куда начали пропускать весь народъ; туда подошли спутники наши и мы, наплакавшись довольно, подошли ближе къ о. Іоанну, который въ толгѣ народной быстро всѣхъ благословлялъ и отвѣчалъ вопрошавшимъ его; кому давалъ деньги, кому отказывалъ, кому давалъ совѣты и наставленія: «ты боленъ,—не кури, а ты не пьянствуй», нѣкоторыхъ же бралъ за плече и какъ какъ бы встряхивалъ ихъ, видимо касаясь больныхъ мѣстъ. Нашему Остроушку--крестьянину, страдавшему падучею болѣзнію, сказалъ: «ты пріѣдешь ко мнѣ въ Кронштадтъ».

И съ той поры Остроушко постоянно обращался ко мнѣ съ просьбой поѣхать къ о. Іоанну. Внимая желанію человека больного и религіознаго, я поѣхалъ съ имъ въ Кронштадтъ. Тѣмъ болѣе, что и самъ я давно имѣлъ сильное желаніе побывать у великаго молитвенника отца Іоанна. Съ нами поѣхали сестра моей жены, мой сынъ и еще одинъ очень вѣрующій и Богобоязненный прихожанинъ, Петръ Васильевичъ Стрижіусъ.

Пріѣхали мы туда подъ 15 число августа, остановились въ домѣ трудолюбія и немедленно пошли въ Андреевскій соборъ, гдѣ я заявилъ о моемъ

желаніи 15 числа участвовать въ Богослуженіяхъ съ о. Іоанномъ и имѣлъ великое счастье сослужить съ нимъ 15, 16 и 17—мною незабвенныя числа. Много отраднато, утѣшительнато и поучительнато почерпнулъ я въ эти священные и принопамятныя дни.

Многіе писали и много я читалъ о чувствахъ и впечатлѣніяхъ, выносимыхъ участниками сослуженія съ о. Іоанномъ, тоже самое видѣлъ и испытывалъ и я. Во время Божественной Литургіи, сначала какъ бы утомленный, видимо утирающій платкомъ слезы до Пресуществленія Святыхъ Даровъ, потомъ какъ бы оживающій, радостный, лицомъ цвѣтушій, отецъ Іоаннъ, какъ бы преображается и такъ любяще, искренно и пламенно добываетъ Самого Господа въ Св. Агнецъ и Чашъ уже съ живогворящей кровію... И съ этихъ дней и я теперь, по пресуществленія Святыхъ Даровъ, добываю пречистое Тѣло и честную кровь Господа Іисуса Христа во Св. Чашъ, преклоняя свои колѣна....

15-го августа послѣ литургіи о. Іоаннъ обращается ко мнѣ и говоритъ: «сегодня у насъ праздникъ, ийдемъ на обѣдъ къ церковному старостѣ, онъ просилъ»...—Такого радушнаго и внимательнаго приглашенія я не ожидалъ и озадаченный и удивленный иду за о. Іоанномъ. Приходимъ въ домъ къ старостѣ, близко Собора, гдѣ было уже много гостей. Отецъ Іоаннъ подходитъ къ столу, гдѣ была закуска и вино и, поблагословивъ все, паливаетъ себѣ изъ маленькой бутылочки половину маленькой рюмочки вина и, обращаясь ко всѣмъ, такъ весело и жизнерадостно говоритъ, поднявъ рюмку въ верхъ: Ахъ! Да и винцо! пью его за здоровье всѣхъ и съ праздишкомъ поздравляю!»—И, уже пріободренный немного вниманіемъ къ себѣ, пріѣхавшему изъ далека, обращаюсь къ отцу Іоанну и говорю: «позвольте и мнѣ, отецъ Іоаннъ, выпить изъ этой же бутылочки за здоровье Ваше».—«Можно, можно—говоритъ онъ». Черезъ нѣсколько минутъ о. Іоаннъ указываетъ рукою на другой столъ, на которомъ былъ приготовленъ обѣдъ. Садимся за обѣдъ: по обѣ стороны о. Іоанна тамошніе священники, о. ключарь Собора Поповъ и о. Андрей Шальдскій, а за нимъ я. И такое вниманіе ко мнѣ,—гостю съ дальняго юга, меня удивило и радовало. За обѣдомъ говорили о Харьковѣ и нѣкоторыхъ харьковцахъ. О. Іоаннъ говоритъ мало, а ѣсть еще меньше, совершенно подѣтски. За обѣдомъ была получена имъ телеграмма,—приглашали его въ Петербургъ немедленно къ больному.

И удивительно, и ему непостижимо: о. Іоаннъ послѣ обѣда, въ домѣ трудолюбія, служитъ нѣсколько молебновъ, потомъ ѣдетъ въ Петербургъ, правда у него свой пароходъ *), а на завтра уже онъ служитъ раннюю

*) Какъ же о. Іоанну не имѣть своего парохода, когда его часто просятъ, даже требуютъ, безотлагательно для больныхъ, не ожидать же ему общаго парохода?

Литургію въ Андреевскомъ соборѣ, гдѣ и я опять сослужу съ нимъ. Такъ какъ послѣ каждой Литургіи о. Іоаннъ заходитъ въ домъ трудолюбія для молебновъ, то и я просилъ его осчастливить своимъ посѣщеніемъ и мою квартиру въ домъ трудолюбія, гдѣ я и бывшіе со мной родные и знакомые приготовили чай и фрукты для благословенія имъ, чтобы на память о немъ повезть ихъ своимъ домашнимъ, а на другомъ столѣ приготовлена была вода для освященія, записка съ именами всѣхъ насъ и близкихъ нашихъ для поминанія и одинъ рубль денегъ.—Вотъ входитъ о. Іоаннъ, кратко освящаетъ воду и молится о насъ, а потомъ говоритъ, обращаясь ко мнѣ: «это вы положили деньги»?—беретъ ихъ, отдаетъ мнѣ и прибавляетъ: «вамъ надо дать денегъ, у васъ не богатый приходъ, а большое семейство—великая нужда (тогда у меня было 10 душъ живыхъ дѣтей, кромѣ умершихъ),—вынимаетъ изъ подрясника своего деньги и даетъ мнѣ, помню 35 рубл., почти на проѣздъ мой въ оба конца, и спрашиваетъ: «завтра будете участвовать въ служеніи литургіи»?—«буду»—отвѣчаю, «приходите». Затѣмъ я прошу его благословить намъ хлѣбъ, яблоки и груши, а онъ такъ ласково-сердечно, и какъ бы улыбаясь, говоритъ: «ты самъ, о. Іоаннъ, ты самъ благослови!»—«Я желаю и прошу покорнѣйше Васъ, о. Іоаннъ, благословить на память намъ». Онъ благословилъ, сѣлъ къ самовару, разлилъ налитый ему стаканъ чаю въ нѣсколько стакановъ, немного отпилъ чаю и ушелъ отъ насъ дальше по комнатамъ дома трудолюбія.

На другой день я прихожу къ литургіи, о. Іоаннъ подходитъ ко мнѣ и даетъ конвертъ съ надписью 200 руб. Въ то время я очень нуждался въ деньгахъ, расходы семейные были особенно чувствительны, и эти 200 р. были для меня истиннымъ благодѣяніемъ Божиимъ, посланнымъ мнѣ чрезъ раздаятеля милостей Господнихъ, достойнѣйшаго служителя Его отца Іоанна.

Что же касается моего спутника крестьянина П. Острушка, страдавшаго припадками падучей болѣзни, то послѣ говѣнья въ Андреевскомъ Соборѣ, исповѣди и причастія Св. Таинъ изъ рукъ о. Іоанна, больной нашъ поправился и нынѣ здравствуетъ...

Да! Сильна была молитва о. Іоанна на землѣ, а еще сильнѣе и могучѣе она теперь на небѣ; а потому не престанемъ и мы молиться о немъ и этимъ привлекать и его молитву о насъ грѣшныхъ, и чѣмъ больше мы будемъ оплакивать кончину праведника, тѣмъ большее будемъ получать утѣшеніе въ скорбяхъ нашихъ житейскихъ.

Силу молитвы о. Іоанна, при жизни его, я и семейство мое ясно и понятно испытали на продолжительной и тяжелой болѣзни жены моей Татьяны Федоровны, умершей 22 января 1907 г., на 67 г. жизни. Женщина

физически слабая, истощенная домашними хлопотами и семейными трудами, къ удивленію многихъ знавшихъ ее, жила именно молитвами о. Іоанна, къ нему она постоянно обращалась телеграммами и письмами, какъ за себя, такъ и за многихъ и почти всѣхъ болящихъ въ приходѣ нашемъ. Добрые знакомые наши, я и семейство мое видѣли, что благодать и Сила Божія, по молитвамъ о. Іоанна, укрѣпила ее. Совѣты и предписанія многихъ врачей, пользовавшихся ее, кромѣ различныхъ лѣкарствъ.—употреблять питательную мясную пищу и пораньше съ вечера ложиться спать для больной нашей уже потеряли свою силу и значеніе. Бывало, я, или кто изъ семейства проснемся среди ночи, а у ней горитъ предъ Св. образами лампада или свѣча, и она молится Богу, въ послѣднее время даже лежа на постели. Утромъ соберемся къ чаю и начнутъ дѣти убѣждать, уговаривать покойницу: «Мама! всѣ доктора совѣтуютъ вамъ раньше ложиться спать для укрѣпленія вашихъ силъ, да кушать скоромное, а вы не слушаете ихъ, сами себѣ причиняете вредъ, а покойница иногда, бывало, промолчитъ, безъ вниманія оставляя совѣты наши, и только тяжело вздохнетъ; иногда же отвѣтитъ намъ, ласково улыбаясь: «Милые мои! доктора уже отказались и лѣчить меня, а я чувствую себя все лучше и лучше. Покойная Татіана Федоровна въ продолженіе своей жизни много разъ была принуждена лежать по нѣсколькимъ мѣсяцевъ въ постели, такъ что ее переворачивали и переносили на простыняхъ, у нея образовались сильные пролежни и мы всѣ пали духомъ, со дня на день ожидая ея смерти, а она, бывало, зоветъ кого-либо изъ дѣтей и диктуетъ телеграмму или письмо незабвенному нашему великому молитвеннику о. Іоанну и такъ часто и часто. Врачи *) уже не навѣщали больную нашу, отказались, опредѣливъ немедленную и неизбѣжную смерть.

А больная наша не падаетъ духомъ, а все больше и больше укрѣпляется вѣрою въ силу молитвъ о. Іоанна, у котораго и она раньше была въ Кроунштадтѣ **). Смотримъ на поправилась на столько, что собирается въ Харьковъ, а черезъ нѣсколько недѣль имѣла возможность переѣхать туда къ нашему сыну, у котораго и квартира весьма удобная, и церковь почти въ одномъ дворѣ, что доставляло больной великую отраду и утѣшеніе бывать часто въ церкви, сама она ходила по городу и часто отдыхала въ технологическомъ саду, вблизи квартиры сына. Такимъ образомъ наша

*) В. И. Половъ и С. П. Богуславскій.

**) Достоинно вниманія то, что о. Іоаннъ, благословляя нашу больную, когда она была у него, произнесъ: „дождалась, дождалась“. Эти, проникающія въ душу той, которая день и ночь помышляла видѣть его, слова, памятный была ей до гроба и она часто вспоминала и повторяла ихъ.

больная значительно поправилась и больше двухъ лѣтъ прожила въ Харьковѣ, и всѣ мы увѣрены, что она жила бы еще нѣсколько лѣтъ, но два обстоятельства ускорили ея смерть: преждевременная смерть старшаго сына нашего, вдоваго священника Александра, оставившаго двухъ круглыхъ сиротъ малютокъ, а главное, что смущало ее, волновало, даже угнетало духъ ея—это грязь, клевета и издѣвательство въ газетахъ по адресу досточтимѣйшаго и уважаемаго за свою праведность и молитвенную всѣмъ помощь о. Іоанна. Такъ покойная жена моя не могла мириться съ тѣмъ, что досточимаго пастыря упрекали газеты за дорогія рясы, кареты, пароходъ и пр. Но можно ли за это осуждать праведника, не прилагавшаго сердца своего ко всему этому, по наставленію Слова Божія: «Богатство аще течеть, не прилагайте сердца вашею».

Осуждали его и за то, что онъ оставилъ Кронштадтъ во время бунта въ немъ; но онъ, какъ извѣстно, съ своей стороны все сдѣлалъ: уговаривалъ, усовѣщевалъ народъ, и если не пошелъ въ пьяную, разсвирѣпѣвшую толпу, то безусловно потому, что предвидѣлъ, что пользы отъ того не будетъ и что буйная толпа могла не только оскорбить его, но и поругать Святыню. О. Іоаннъ, какъ пророзорливецъ, ясно видѣлъ это, а потому и поступилъ по слову Божию: сказанному Св. Апостоламъ: «Не мечите бисера предъ свиньями и не пометайте святая псомъ или, какъ еще говорится «Если въ какомъ градѣ не послушаютъ благовѣстія вашего, идите оттуда и прахъ отъ ногъ вашихъ отрясите»...

Покойницу Татіану Феодоровну, жившую исключительно вѣрой въ великую праведность о. Іоанна, все это настолько оскорбляло и поражало, что она нерѣдко говорила: «Лучше мнѣ умереть, чѣмъ слышать такія ругательства и оскорбленія, причиняемыя о. Іоаншу». Она съ величайшимъ услажденіемъ нѣсколько разъ перечитывала книги о. Іоанна: «Моя жизнь во Христѣ», «Богопознаніе и Самопознаніе», многія его біографіи, поученія и бесѣды и часто восхищалась тѣмъ, что о. Іоаннъ каждый день совершаетъ божественную Литургію. Видно, говорила она, что отецъ Іоаннъ такъ пламенно любитъ Господа Іисуса Христа, что жаждетъ постоянно жить съ Нимъ и въ Немъ, а потому и сама стала подражать вѣрѣ о. Іоанна и въ послѣднія 8 лѣтъ жизни особенно часто причащалась Святыхъ Христовыхъ Таинъ, что извѣстно духовнымъ ея отцамъ *); и много разъ удостоивалась св. таинства елеосвященія. За такую вѣру въ силу молитвъ великаго праведника отца Іоанна, видно, по молитвамъ его, покойница Т. Ф. и удостоилась погребенія въ Харьковской

*) Священнику о. Ц. Заводовскому, слоб. Араповки; протоіереемъ о. В. Добровольскому и св. о. Н. Липскому—г. Харькова.

Рождество-Богородичной Каплуновской церкви Архіереемъ о чемъ она здри жизни своей не смѣла и помышлять.

Но всему здѣсь мною сказанному объ отцѣ Іоаннѣ остается мнѣ добавить: *Воистину сей человекъ былъ праведенъ, ясновидящъ, прозорливъ и чудотворецъ*. Вотъ кто въ жизни своей въ примѣръ и назиданіе всѣмъ намъ такъ поучительно, такъ убѣдительно и очевидно для насъ осуществилъ слова Евангельскія, хотя и вся жизнь его была по Евангелію: *«Ищите прежде Царствія Божія и правды его, а сія вся приложатся вамъ»*. Мѡ. VI, 33.

Этихъ воспоминаній, столь дорогихъ для меня и такъ близкихъ сердцу моему, я не могу и не хочу уносить съ собою въ могилу.

Купчинскаго уѣзда, слободы Кременной, Преображенской церкви
Священникъ Іоаннъ Смирскій.

ПАМЯТИ

вдовы священника Р. Гр. Буткевичъ.

16-го апрѣля с. г. въ 7 ч. утра тихо и мирно скончалась на 75 году жизни вдова священника Рахиль Григорьевна Буткевичъ, жившая въ г. Харьковѣ у своего сына, протоіерея о. Тимоѡея Буткевича.

По своей природной даровитости, особенно же по характеру своей долгой и доброй жизни почившая, безъ сомнѣнія, выдѣлялась изъ среды матушекъ добраго стараго времени. Поэтому въ назиданіе новаго поколѣнія нельзя не остановиться нѣсколько подробнѣе на ея жизни, начатой скорбями ранняго сиротства и вдовства, продолженной въ неустанныхъ физическихъ и умственныхъ трудахъ и оконченной въ высокихъ и свѣтлыхъ радостяхъ свято исполненнаго материнскаго долга.

Смерть Рахили Григорьевны не была неожиданностью для родныхъ; она давно страдала сильной отдышкой, но чувствовала себя бодрой; въ февр. же мѣсяцѣ с. г. у ней появились признаки серіозной желудочной болѣзни и въ мартѣ она слегла въ постель, съ которой уже не вставала. Въ началѣ болѣзни почившая, какъ бы предчувствуя скорую смерть, начала часто вспоминать своихъ отсутствующихъ сыновей, изъ которыхъ старшій о. Тимоѡей, по обязанностямъ члена Государственнаго Совѣта, проживалъ въ то время въ Петербургѣ, а младшій о. Іоаннъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, гдѣ состоитъ приходскимъ священникомъ. Телеграммами оба горячо любимые ею сына были извѣщены о тяжкомъ состояніи больной, которая перестала уже принимать пищу. По пріѣздѣ, о. Тимоѡей, видя, что мать доживаетъ послѣдніе дни, предложилъ ей приобщиться Св. Тайнъ и принять таинство елеосвященія. Больная съ радостью изъявила согласіе и 22 марта, въ недѣлю Ваій, была напутствована Св. Тайнствами прича-

щенія и слесвященія. Въ этотъ день она почувствовала подъемъ духа и много разговаривала, но пищи все-таки никакой не принимала, кромѣ воды. Любвеобильный Архипастырь Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній, узнавъ о безнадежномъ положеніи больной и передавая чрезъ сына ея, о. Тимоѳея, икону Успенія Божіей Матери, сказалъ: «передайте своей матушкѣ эту икону, она напомнитъ ей о томъ, что сколько бы мы ни жили на землѣ.—всѣмъ намъ надлежитъ умереть. Если Честивѣйшая Херувимъ Царица Небесная не избѣгла общаго жребія—смерти, то тѣмъ болѣе намъ надлежитъ исполнить законъ природы. Это успокоитъ ее». Больная, получивъ икону, благоговѣнно перекрестилась, поцѣловала св. образъ и отъ умиленія прослезилась. По желанію больной, эта икона была положена съ нею во гробъ. Она чувствовала, что ей скоро прійдется разстаться съ этимъ міромъ, и стала готовиться къ смерти, причемъ окружающимъ говорила: «я чувствую, что скоро должна умереть,—да и пора. Слава Богу, я прожила довольно. Господь былъ милостивъ ко мнѣ. Больше жить и незачѣмъ». Дѣйствительно, когда страданія ея отъ тяжелой болѣзни (ракъ желудка) достигли высшей степени, она духомъ порывалась скорѣе отрѣшиться отъ бреннаго тѣла. Всѣ присные молились не объ исцѣленіи страждущей.—его могло дать только чудо,—а объ облегченіи перехода ея въ тотъ лучший міръ, въ который такъ искренно и сильно рвалась душа ея. Утромъ 16-го апрѣля она достигла того міра, унеслась въ него душой своей, и на страдальческомъ лицѣ ея легла печать спокойствія и неземного довольства.

Покойная происходила изъ духовнаго званія, была дочь священника о. Григорія Мухина и родилась въ сл. Штормовой, Старобѣльскаго уѣзда, 10 мая 1834 г. У о. Григорія, насколько мы знаемъ, было четыре дочери и сынъ: Ольга, Екатерина, Рахиль, Марія и Іоаннъ. Три дочери были въ замужествѣ за священниками, средняя Рахиль—за Іоанномъ Буткевичемъ, который священствовалъ въ сл. Малой Рагозянкѣ, Харьковскаго уѣзда, всего 9 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ. Ей Богъ судилъ и въ бракъ вступить въ то время, когда матеря ея не было въ живыхъ, такъ что еще до вдовства она испытала горькую долю сиротства. Оставшись послѣ смерти мужа (28 Сеп. 1861 г.) съ двумя малолѣтними сыновьями, и безъ всякихъ средствъ къ жизни, Р—ль Гр—на поселилась на родинѣ, у своего отца въ сл. Штормовой. Здѣсь вдова съумѣла поставить себя выше скорбей вдовства обыкновеннаго и бодро начала новую жизнь, исполненную труда и заботъ. Счастливыя дарованія, которыми надѣлила ее природа, и рѣдкое усердіе къ труду дали ей возможность не только безбѣдно существовать, но и воспитать своихъ дѣтей. Она день и ночь трудилась, занимаясь шитьемъ бѣлья и платьевъ для семьи богатой и доброй помѣ-

щицы А. Ѳ. Дьяковой, которая цѣнила ея труды, быть можетъ, не разъ орошенные вдовими слезами, и съ рѣдкой любовью приходила на помощь во всѣхъ ея нуждахъ. Такую же работу Р—ль Гр—на брала и у крестьянокъ, которыя особенно уважали и любили ее за ея добрые совѣты, общительность, простоту и сочувствіе къ нимъ во всѣхъ ихъ радостяхъ и печаляхъ. Надо-ли говорить, что всѣ заботы и труды почившей были направлены исключительно къ тому, чтобы дѣти ея не чувствовали особенной матеріальной нужды и тяжелой доли сиротства. Въ то-же время она усердно заботилась и о воспитаніи своихъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ и добрыхъ навыкахъ христіанской жизни. Опредѣливъ ихъ, послѣ домашняго обученія, въ духовное училище, она зорко слѣдила и тамъ за ихъ поведеніемъ и ученіемъ. Когда образованіе дѣтей близилося къ окончанію, и не требовалось особенныхъ матеріальныхъ затратъ на него, Р—ль Гр—на движима христіанскимъ чувствомъ любви къ ближнимъ, рѣшила посвятить свои дарованія и силы на пользу народнаго образованія.

Съ этою цѣлью она стала проводить мысль среди крестьянъ родного села объ открытіи начальной школы. Крестьяне сочувственно отнеслись къ этому, и, по устройствѣ зданія, Старобѣльское земство открыло школу. Р—ль Гр—на, имѣя отъ роду уже около 40 л., выдержала экзаменъ на званіе сельской учительницы и начала работать въ родной, ея заботами открытой, школѣ (1870 г.). Учительствовала она 16 л., при чемъ воспитывала и обучала крестьянскихъ дѣтей такъ же, какъ и своихъ, съ рѣдкимъ усердіемъ и любовью къ великому и святому дѣлу. Мѣстные крестьяне, сознавая пользу, которую Р—ль Гр—на приносила ихъ молодому поколѣнію, въ знакъ признательности и любви къ ней, когда она оставила школу, устроили на свои средства портретъ ея и съ разрѣшенія М. Нар. Пр. поставили его въ созданной ею школѣ. Учебное начальство также цѣнило усердную и полезную службу Р—ли Гр—ны: она неоднократно получала благодарности отъ начальства и была награждена серебряною медалью. Замѣчательно, что когда старшій сынъ почившей, о. Тимошей, имѣлъ полную возможность представить ей всѣ удобства беззаботной и спокойной жизни, она долго не рѣшалась расстаться съ дорогимъ ей дѣтищемъ—школою. Поселившись у о. Тимошея въ 1886 г., Р—ль Гр—на оказалась снова у того дѣла, которое такъ полюбила. Многочисленные внуки ея составили изъ себя настоящую школу, къ которой почившая, какъ усердная труженица и опытный педагогъ, приложила не мало труда и заботъ.

Выносъ останковъ почившей изъ дома протоіерея о. Т. Буткевича въ Каѳедральный соборъ состоялся 17-го апрѣля въ 4 ч. дня, а погребеніе—

на другой день послѣ заупокойной литургіи, которую совершилъ Преосвященный Евгений, Епископъ Сумскій, въ сослуженіи архимандритовъ Покровскаго монастыря о. Іосифа и о. Аркадія, кафедральнаго протоіерея о. С. Любичкаго, свящ. о. Леонида Твердохлѣбова, священника Всѣхсвятской церкви о. А. Луценко и священника Университетской церкви І. Ипчокова. Въ 11½ ч. утра Преосвященнымъ Евгеніемъ совершенъ былъ чинъ погребенія въ сослуженіи двухъ архимандритовъ и 28 протоіереевъ и священниковъ. Предъ погребеніемъ духовникъ почившей и сослуживецъ ея по Штормовской школѣ свящ. о. Іоаннъ Ипчоковъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

Христосъ воскресъ! Хорошо жить, когда жизнь течетъ добрымъ порядкомъ: но такъ какъ конецъ вѣпчаетъ дѣло, то еще лучше—умереть доброю христіанскою кончиною. Кто на порогъ могилы своей можетъ сказать о себѣ со Св. Апостоломъ: теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ, прочее убо готовится мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день оный, Праведный Судія, тотъ, и только тотъ, поистинѣ блаженъ.

Кончина такихъ людей не можетъ не быть скорбною для ихъ близкихъ, потому что разлука съ тѣми, кого мы любимъ и почитаемъ, всегда тяжела для насъ; но въ этой скорби есть и утѣшеніе, такое, которое не только переносится скорбною, но если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно снимаетъ у ней всякую горечь болѣзненнаго чувства и превращаетъ ее въ отрадное воспоминаніе, способное оживлять и улаживать сердце наше во всякое время.

Братіе! Говоря это предъ лежащимъ гробомъ, мы говоримъ то, что внушаетъ намъ примѣромъ жизни и смерти своей покоящаяся въ этомъ гробѣ.

Миръ усопшей! Да не оскорбитъ духовнаго слуха ея похвальное о ней воспоминаніе наше, потому что мы хотимъ указать хотя на нѣкоторыя черты ея доброй жизни, впрочемъ, не столько для похвалы почившей, сколько для собственнаго назиданія нашего.

Богъ даровалъ ей жизнь не совсѣмъ обыкновенную по продолжительности, и не совсѣмъ легкую по разнымъ обстоятельствамъ; но съ Его же помощью, она прошла ее такъ, что, приближаясь къ концу своего поприща, могла безъ страха оглянуться назадъ и безъ смущенія смотрѣть впередъ, предавая духъ свой въ руки Божіи.

Нѣкогда добрая, заботливая супруга, она не долго пользовалась радостями благословенной супружеской жизни; мужъ ея, священникъ, на десятомъ году своей службы умеръ, и для почившей потянулась тяжелая вдовья жизнь. Оставшись съ двумя малолѣтними сыновьями и безъ всякихъ средствъ къ жизни, она поселилась у своего родного отца—вдоваго

священника. Здѣсь христіанская вдова умѣла поставить себя выше скорбей вдовства обыкновеннаго и бодро начала новую жизнь, исполненную труда и заботъ.

Поставляя главною своею материнскою обязанностію воспитаніе дѣтей, она съ примѣрною заботливостію относилась къ нимъ, полагая въ нихъ всю свою надежду и радость. Рано лишившись матери, покойница по опыту знала, какъ тяжела, горька для сиротства для дѣтей. Поэтому, стараясь облегчить горечь сиротства своихъ дѣтей, эта мать, надѣленная отъ природы счастливыми дарованіями, съ рѣдкимъ усердіемъ добывала средства къ жизни и въ то-же время заботилась еще больше о воспитаніи ихъ въ строго религіозно-нравственномъ духѣ, какимъ была проникнута сама и какой составляетъ дѣйствительную силу жизни и корень надежнаго благосостоянія на землѣ. И эта, труднѣйшая для всѣхъ отцовъ и матерей, задача исполнена ею съ благословеннымъ успѣхомъ. Здѣсь мы не можемъ позволить себѣ никакихъ подробностей, потому что рѣчь наша коснулась бы уже не одной почившей, но и живыхъ, о которыхъ никто не далъ намъ права свидѣтельствовать такъ или иначе. Одно можемъ прибавить, не опасаясь оскорбить ни чьей скромности: Богъ далъ почившей вкусить плоды святыхъ своихъ трудовъ, и ея сердце, въ благоговѣйной благодарности къ Богу, обрѣтало радости, какими не многіе изъ родителей наслаждаются въ этомъ мірѣ. Смотри на эту, радующуюся о своихъ чадахъ, справедливо могли назвать ее счастливою, но она сама, съ помощію Божіею, создала это счастье, и не поводъ къ какойнибудь зависти, а прекрасное побужденіе къ подражанію подавалъ такой примѣръ благополучія.

Скромность семейныхъ добродѣтелей не есть однако ихъ ограниченность; напротивъ, нигдѣ такъ не развивается чувство любви христіанской къ ближнимъ, нигдѣ такъ не укрѣпляется воля въ терпѣніи, какъ въ средѣ семейной жизни по духу евангельскому. Въ этомъ убѣждаетъ насъ жизнь почившей. Приучивъ себя къ христіанскому исполненію семейныхъ обязанностей, сердце покойницы было исполнено этой любви. Служеніе ея на пользу народнаго просвѣщенія въ качествѣ пародной учительницы въ родномъ своемъ селѣ — есть лучшее доказательство тому. Она выступила на это поприще, когда ей было около сорока лѣтъ, и 16 лѣтъ трудилась на немъ. Какъ сослуживецъ ея, по справедливости долженъ сказать, что почившая, какъ учительница, болѣе чѣмъ кто нибудь другой, приложила все свое умѣніе и усердіе, чтобы свое малое на взглядъ міра, но великое въ своей сущности, дѣло исполнить какъ можно лучше. Это была неутомимая работница, самая добросовѣстная исполнительница ввѣреннаго ей дѣла. Она совершала свое служеніе, какъ бы священно-

дѣйствиѣ, при постоянно напряженномъ строгомъ вниманіи и съ полнымъ сознаниемъ великой отвѣтственности предъ Богомъ за ввѣренныя ей души дѣтей, и сдѣлала, безъ сомнѣнія, много добра. Родители, сознавая всю ту пользу, какую она приносила ихъ дѣтямъ, воздавали доброй и усердной труженицѣ глубокую признательность, уваженіе и благодарность!

Сколько же горячихъ молитвъ о ней вознесется къ Богу при вѣсти объ ея кончинѣ!

Не можемъ умолчать и объ отношеніяхъ ея къ другимъ вообще: она ни на словахъ, ни на дѣлѣ не позволяла себѣ несправедливости. Когда въ ея присутствіи высказывались о комънибудь несправедливо, она старалась или выставить достоинства осуждаемаго, которыя чаще всего въ подобныхъ случаяхъ забываются, или смягчить по крайней мѣрѣ строгость сужденія. Короче, это была раба Божія прямая, честная, терпѣливая, готовая искренно сочувствовать другимъ и раздѣлять чужую радость и горе; она понимала духъ христіанскаго обращенія съ ближнимъ и вносила этотъ духъ въ окружающее ее общество.

Вамъ бы въ соотвѣтствіе такой свѣтлой жизни, Богъ даровалъ ей истиннѣ христіанскую кончину. Напутствованная Св. Тайнами—Елеосвященія и причащенія, и услышавъ всерадостное **Христосъ воскресъ**, которымъ привѣтствовали ее дѣти, внуки и правнуки, она, послѣ продолжительной болѣзни, тихо и мирно предала духъ свой въ руки Божіи.

Къ вамъ, присные, мы не имѣли бы ни какой нужды обращаться съ словомъ утѣшенія: вамъ лучше, чѣмъ комунибудь, понимать милость и любовь Божію въ настоящемъ событіи вашемъ. Но, можетъ быть, разлука хотя и временная только съ существомъ, столько дорогимъ для васъ, поразивъ ваше сердце, не даетъ вамъ въ эти минуты ясно видѣть то, что не темно и для другихъ.

Не споримъ съ естественнымъ чувствомъ вашей скорби и скажемъ только: не печальтесь, чтобы неумѣренною печалію не оскорбить того благоволенія Божія къ вамъ, которое открылось не только въ жизни, но и въ самой смерти вашей усопшей.

Не отойдемъ и мы, братья, отъ настоящаго гроба безъ урока для собственной жизни: нанечатаемъ глубже въ памяти и сердца нашемъ ту простую, но вмѣстѣ глубоко—благодѣтельную истину, что та только жизнь дѣйствительно хороша, за которою можетъ слѣдовать истинно-христіанская, мирная и непостыдная кончина.

По окончаніи отпѣванія, всѣ участвовавшіе въ немъ проводили прахъ почившей до мѣста вѣчнаго ея упокоенія—на городское Усѣкповенское кладбище.

Миръ праху твоему чадолюбивая мать и усердная труженица на щипѣ народного просвѣщенія!».

Священникъ Іоаннъ Инноковъ.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Архіепископъ Волынской Антоній.

Архіепископъ Волынской Антоній сообщаетъ къ свѣдѣнію духовенства своей епархіи слѣдующее: «Мнѣ стало извѣстно, что одинъ педостойный священникъ, запрещенный за нетрезвую жизнь, вмѣсто того, чтобы мститъ пьяному бѣсу подвигами труда и воздержанія, рѣшился мститъ Епархіальному начальству клеветой. Онъ распространялъ слухи, будто училище Пастырства въ Житомирѣ содержится на средства, предназначенныя на усиленіе жалованья мѣстному духовенству. Спѣшу завѣрить, что никакихъ такихъ назначеній ни въ одной епархіи не было, а на училище Пастырства отпускается всего по 10000 руб. въ годъ изъ общаго синодальнаго фонда. Самое училище основано, какъ образцовое, для устроенія такихъ же училищъ на окраинахъ Россіи, гдѣ нѣтъ кандидатовъ священства; теперь разсматривается въ Учебномъ Комитетѣ дѣло объ обращеніи Благовѣщенской и Якутской Семинаріи въ такія училища».

(«Волын. Еп. Вѣд.» № 8).

О воспрещеніи мірянамъ входить въ алтарь и сидѣть тамъ во время совершенія божественной литургіи.

Въ Полтавѣ епископомъ мѣстнымъ былъ изданъ по епархіи указъ о воспрещеніи мірянамъ входить въ алтарь и сидѣть тамъ во время совершенія божественной литургіи. «Считающія себя привилегированными особы по селамъ и даже городамъ, какъ стало извѣстно, входятъ въ алтарь и тамъ пребываютъ даже во время божественной литургіи, часто безъ разбора важности моментовъ богослуженія, даже возсѣдая тамъ на особо для нихъ поставленныхъ сѣдалищахъ. Священники не рѣшаются или не находятъ нужнымъ замѣтить симъ персонамъ о непристойности таковаго ихъ самочинія: Посему, обращая вниманіе пастырей на правило 19 Лаодик. соб. («едянымъ токмо освященнымъ позволено входить въ алтарь») и прав. 69 VI Всел. соб. («никому изъ всѣхъ, принадлежащихъ къ разряду мірянъ, да не будетъ позволено входить внутрь священнаго алтаря»), напоминаю всѣмъ имъ строго блюсти въ чистотѣ обычай Церкви, указанный въ сихъ правилахъ, и, гдѣ вкралось его нарушеніе, воз-

становить оный во всей его чистотѣ, памятуя, что уступка въ подобныхъ случаяхъ влечетъ неуваженіе въ мірянахъ къ святости и неприкосновенности Божія храма и даже алтаря, по преимуществу служащаго селе-ніемъ славы Божіей». (Кормчій № 8).

Общество трудящихся женщинъ.

Въ селѣ Безсоновкѣ, Пенз. г., пять лѣтъ существуетъ «общество трудящихся женщинъ», которое имѣетъ своею обязанностію поддерживать чистоту въ храмѣ: мыть полы, очищать отъ пыли стѣны и принадлежности храма. Общество состоитъ изъ 100 человекъ, раздѣленныхъ на пять группъ; каждая группа, по очереди, въ праздничные дни, послѣ обѣди производитъ мытье половъ, чистку подсвѣчниковъ, ковровъ, стѣнъ храма, оконъ и т. д. Всемъ членамъ общества ведется списокъ. Въ извѣстное время служится молебенъ съ водосвятиемъ, и труженицы помнаются поимянно за здравіе. Члены общества имѣютъ право носить св. иконы во время крестныхъ ходовъ. Польза отъ общества громадна. Храмъ всегда чистъ и опрятенъ, чего прежде не было и не могло быть при каждодневной службѣ и при многочисленности богомольцевъ и, наконецъ, отъ свойства самой почвы села Безсоновки: неизменное сырое мѣсто. Члены общества—женщины весьма ревниво относятся къ чистотѣ храма: всемъ и каждому напоминаютъ объ опрятности въ храмѣ, чтобы, напр., прихожане въ храмѣ не плевали и не сморкались, что обыкновенно практикуется простолюдинами, а все это продѣлывали бы внѣ храма, при входѣ въ него,—чтобы при входѣ въ храмъ осматривали обувь и очищали ее. И прихожане, видя чистоту въ храмѣ, заботу о немъ, охотно подчиняются требованіямъ членовъ и приучаются къ опрятности. Къ тому же чистота и порядокъ въ храмѣ, въ совокупности съ уставнымъ исполненіемъ богослуженій, съ стройнымъ хоровымъ пѣніемъ, сильно и могущественно вліяютъ на внѣшнія чувства, трогаютъ сердце, паstraиваютъ душу богомольцевъ, укрѣпляютъ въ ихъ сознаніи убѣжденіе, что храмъ Божій есть мѣсто особеннаго присутствія Божія. (Совр. Лѣт.).

Печать и Св. Синодъ.

Оберъ-секретаремъ Св. Синода Исполатовымъ выработанъ и представленъ на утвержденіе Синода проектъ правилъ и докладная записка отно-

сительно церковнаго наблюденія за литературой и произведеніями печати, поскольку въ нихъ затрагиваются интересы православной церкви, вѣдомства православнаго исповѣданія и его высшаго органа—Святѣйшаго Синода.

Проектъ представляетъ собою опытъ кодификаціи всѣхъ дѣйствующихъ и не потерявшихъ еще силу опредѣленій Синода. Въ докладной запискѣ указывается, что съ отмѣной общей и предварительной цензуры и при провозглашеніи свободы слова, создалось такое положеніе, при которомъ православная церковь лишена вѣнпней охраны чистоты ея ученій, а также устранены препятствія для разрушительной силы лжеученій, направившихъ на нее съ этого момента всѣ свои возни. Такое положеніе вынуждаетъ православную власть принять мѣры къ огражденію православной вѣры отъ неправыхъ ученій и толкованій. Съ момента пзданія Выеочайшихъ указовъ, всѣ правила регулируюція церковно-общественную жизнь и дѣятельность въ этой области представителей духовнаго сана, а также законы, охраняющіе интересы церкви ииформировались юбывателями и казались отмѣненными создавшимся новымъ положеніемъ. Этимъ объясняется, что за послѣдніе 3 года, даже въ духовной литературѣ появлялись атеистическія произведенія явно разсчитывающія на дескредитированіе церковной власти и авторитета церкви. Въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи съ инославнымъ населеніемъ появлялись превратныя соблазнительныя толкованія святыхъ и священныхъ событій, порицаніе православной вѣры и обрядности. Издатели безъ разрѣшенія Св. Синода стали печатать, что имъ угодно. Въ періодической печати появлялись безъ разрѣшенія духовной власти не только литературныя произведенія лицъ, посящихъ священныи' санъ, но и самыя изданія стали издавать священно-служители, отдавъ ихъ на службу противъ церкви и испросивъ на это только разрѣшеніе гражданской власти. Единственное стремленіе проекта и цѣль автора—проведеніе законности сверху до низу въ проявленіяхъ церковно-общественной жизни. («Гол. Мос.»).

Борьба съ низменными инстинктами.

Секретарь христіанскаго студенческаго союза, американецъ Моттъ въ одной изъ своихъ лекцій къ учащейся молодежи занялся вопросомъ о томъ, что является труднѣйшею борьбою въ жизни студенчества: борьба ли съ сомнѣніями, тягостными для неокрѣпшихъ умовъ? примиреніе съ неосуществившимися надеждами или же борьба съ матеріальной нуждой?

Матеріальная нужда существуетъ повсюду, даже въ богатѣйшей Америкѣ, гдѣ половина студенчества бѣдняки, вынужденные тяжелымъ трудомъ добывать себѣ средства для дальнѣйшаго образованія.

Нѣтъ, самая жгучая борьба—это борьба съ нашими низменными инстинктами.

Наблюденія доктора во всѣхъ университетахъ Америки и Европы дали ему возможность раздѣлить въ этомъ отношеніи все студенчество на четыре категоріи.

Часть молодежи побѣдоносно ведетъ борьбу съ этими искушеніями, подчиняя слабости тѣла дисциплинированному мышленію и твердой волѣ.

Другіе, не побѣждая, только борются, сознавая, что такая борьба есть залогъ высшаго совершенства. Они достойны всякаго уваженія.

Третьи—просто уносятся общимъ теченіемъ, не заботясь о борьбѣ, считая, что противоестественно не отдаваться всякому влеченію инстинктовъ.

Четвертые—безвольные и слабые люди терпятъ крушеніе за крушеніемъ. Подвертывается случай и они падаютъ безъ малѣйшаго протеста.

Много искушеній на тернистомъ пути юноши: развратъ, пьянство, лицемерное оправданіе пороковъ, непризнаніе запросовъ высшей природы—и самое страшное—гордость.

Какъ направить на лучшій путь гордаго человѣка, который даже не желаетъ и сознать, что нуждается въ совѣтѣ и иномъ образѣ мыслей?

Ужаснѣйшее зло—распутная жизнь двойнымъ гнетомъ ложится не только на человѣка, злоупотребляющаго своими низшими функціями, но и на его потомковъ.

Это старая истина, но послѣднія психологическія изслѣдованія, рука объ руку съ религіозными взглядами, открываютъ новыя ужасныя перспективы.

Даже видъ активныхъ поступковъ нечистыя мысли разрушаютъ физическое здоровье!

Два знаменитыхъ тренера въ Америкѣ, искусные подготовители молодежи для всякаго рода физическаго спорта, люди индифферентные къ религіи, засвидѣтельствовали лектору, что помимо физическаго цѣломудрія они, руководясь опытомъ, требуютъ отъ своихъ учениковъ и возможнаго воздержанія отъ «нечистаго» воображенія.

Ослабляются задерживающіе центры воли, ослабляется и тѣло.

Рисунки, которые мы такъ любимъ разсматривать въ молодости,— пусть даже и не вполне порнографическіе, но имѣющіе опредѣленную тенденцію,—литература, трактующая о низменныхъ страстяхъ, праздные мысли, которыя манятъ воображеніе юноши въ постели, въ часъ между пробужденіемъ и работой—все это виды и проявленія одного и того же зла.

Нѣтъ мысли, которая прошла бы безслѣдно въ нашемъ мозгу, это не гипотеза, а фактъ, установленный наукой.

Мысль, повторенная дважды, сто и тысячу разъ, уже пролагаетъ привычную тропинку въ клѣточной системѣ мозга.

А мозгъ рождаетъ наши поступки.

Бываютъ какъ будто исключенія: несомнѣнно распутные люди, говорятъ, могутъ быть въ минуты опасности героями.

Это заблужденіе, опровергаемое фактами непосредственнаго наблюденія.

Распутство упячтожаетъ, ослабляетъ дисциплину нервовъ, и люди, бывшіе въ сраженіяхъ, категорически утверждаютъ, что именно «гуляки и защитники безирравственности» первые дрожатъ и теряются подъ выстрѣлами.

Защитники распущенности, можетъ быть, безсознательно всю жизнь несутъ свою кару.

Слова Христа «блаженны чистые сердцемъ!»—есть величайшая божественная и человѣческая истина.

Евангеліе признаетъ свободу воли и учитъ, что чистоту сердца можно приобрести разумно направленной волей, дѣятельной борьбой съ нападающимъ зломъ.

Опытъ жизни и знаніе научныхъ, даже чисто-физиологическихъ законовъ, даютъ намъ средства къ борьбѣ съ искушеніями.

Прежде всего надо мгновенно отражать всѣми силами души искушеніе, не давать себѣ времени задумываться надъ его происхожденіемъ. Это битва безъ всякихъ компромиссовъ. Рѣшеніе «побѣдить» должно рождаться сразу, безъ всякихъ откладываній. Нельзя подъ предлогомъ «изученія причинъ» самому приближаться къ искушенію.

Надо бороться, всего лучше въ союзѣ съ единомышленниками, а не въ одиночку,—не только отрицательно, но и положительно.

Мало только побѣждать зло добромъ, но надо и ненавидѣть зло, прикрѣпиться всѣми помыслами къ добру.

Прекрасный совѣтъ даетъ профессоръ Друммондъ.

Не давайте пищи искушенію. Заморите его голодомъ! Сосредоточьте всю дѣятельность вашего воображенія на положительномъ, усиленномъ трудѣ.

Въ минуты, свободныя отъ могущихъ представиться искушеній, «вооружайтесь» для будущей борьбы. Обогащайте свою мысль высокими представленіями—въ нихъ ваше оружіе для будущихъ битвъ.

— Всегда бодрствуйте!—возглашаетъ Христосъ.

(«Свѣтъ»).

О новомъ католикосѣ.

Новый католикосъ родился въ Константинополѣ 12 февраля 1845 года: здѣсь въ армянскихъ школахъ онъ окончилъ образованіе, послѣ чего два года учительствовалъ въ одномъ изъ мѣстныхъ училищъ. Въ 1864 году онъ (въ мѣрѣ Семень Измирлянъ) былъ рукоположенъ въ іеродіаконны, а въ 1869 году возведенъ въ санъ архимандрита. Своей прямолинейностью Измирлянъ снискалъ себѣ симпатію и популярность среди окружающихъ. Въ санѣ архимандрита онъ разновременно управлялъ нѣсколькими епархіями въ Турціи и вездѣ послѣ себя оставлялъ неизгладимыя воспоминанія. Въ Турціи Измирлянъ извѣстенъ, какъ замѣчательно отзывчивый, добрый и вмѣстѣ съ тѣмъ строгій и требовательный пастырь. Въ 1876 году онъ былъ возведенъ въ санъ епископа въ Эчміадзинѣ, католикосомъ Георгіемъ IV.

Большую популярность пріобрѣтаетъ Измирлянъ съ 1894 года, когда армянское національное собраніе въ Константинополѣ избрало его патріархомъ турецкихъ армянъ единогласно. Въ этомъ году, какъ извѣстно, вспыхнуло возстаніе армянъ въ Сассунѣ (Мушъ), а затѣмъ шла грандіозная рѣзня армянъ. Смѣлыя попытки Измиряна остановить рѣзню потерпѣли полную неудачу. Но его смѣлые шаги все же создали ему ореолъ неустрашимаго народнаго печальника.

Въ 1896 году Измирлянъ подалъ въ отставку и вскорѣ за тѣмъ былъ сосланъ султаномъ въ Іерусалимскій монастырь, гдѣ его застали выборы.

Еще во время выборовъ католикоса въ 1892 году, Измирлянъ былъ избранъ вторымъ кандидатомъ; первымъ былъ покойный католикосъ Мкртчъ I. Отнынѣ архіепископъ Измирлянъ будетъ оффиціально именоваться: «верховный патріархъ-католикосъ всѣхъ армянъ Маттеосъ II». Измирлянъ, кромѣ своего роднаго языка, владѣетъ также французскимъ и турецкимъ языками. По-русски не понимаетъ ни слова.

Секта Іоаннитовъ.

Какъ городъ Ковровъ, Влад. губ., такъ равно Меленковскій и Муромскій уѣзды еще съ прошлаго года стали паводняться іоаннитской литературой, разными листовками, брошюрами, въ родѣ сборника стиховъ въ честь о. Іоанна Кронштадтскаго: «Прошло красное лѣто, а въ саду нѣтъ ничего», «Готовы ли мы», «Отповѣдь (іоаннитовъ) епископу вятскому Филарету», «XX вѣкъ, или кончина міра и страшный судъ» и др. Черезъ всѣ эти брошюры красною нитью проходитъ мысль, что о. Іоаннъ—

великій святой, «спаситель тѣла и души, который одинъ только можетъ очищать грѣхи души и тѣла». Въ книжкахъ приводятся мѣста изъ пророческихъ книгъ, а также Евангелія и Апокалипсиса, которыя іоанниты толкуютъ въ приложенія къ себѣ и къ современнымъ событіямъ. Такъ, слова изъ 53 гл. пр. Исаи: «Возвеселися не плоды нерождающая», они относятъ къ женѣ о. Іоанна, бывшей неплодной и «вмѣсто плотскихъ пріобрѣвшею себѣ много духовныхъ дѣтей», т.-е. ихъ, іоаннитовъ. Ангелъ Апокалипсиса, возвѣщающій о близкой кончинѣ міра (гл. 10, ст. 2—5), есть о. Іоаннъ, онъ имѣетъ имя новое, написанное (гл. 19, ст. 12); вѣнецъ на головѣ сидящаго на облакахъ—митра на головѣ о. Іоанна (гл. 14, ст. 14); бракъ Агнца (гл. 19, ст. 7—9)—общая исповѣдь въ Кронштадтѣ; лже-пророкъ—звѣрь, выходящій изъ земли (гл. 13, ст. 11), конечно,—Левъ Толстой.

Въ брошюрѣ «XX вѣкъ» имѣется очень любопытное и очень странное, если не сказать болѣе того, толкованіе пророчества Іезекіиля (гл. 39, ст. 1), гдѣ говорится: «Сынъ человѣческій, изреки пророчество на Гога»... Толкованіе, предложенное въ іоаннитскомъ духѣ, слѣдующее: «Это означаетъ Россію». Подъ сыномъ человѣческимъ разумѣется великій праведникъ о. Іоаннъ Кронштадтскій. Подъ Гогой подразумѣвается «гордое собраніе въ Россіи, въ Петербургѣ» (Государственная Дума). Государственную Думу можно назвать гордымъ собраніемъ или, по прочтству Гогой, потому что въ нее выбрано много инородцевъ.

Въ Муромскомъ уѣздѣ первоначальное появленіе сектантовъ отмѣчено въ двухъ слободахъ уѣзда. Туда еще при жизни о. Іоанна Кронштадтскаго прибыли двѣ инокини, якобы присланныя имъ. Посѣщая дома крестьянъ подъ предлогомъ продажи вѣнчиковъ и украшеній для иконъ, «инокини» проповѣдывали о близости суда Божія, о кончинѣ міра черезъ 15 лѣтъ, доказывали, что «спасеніе возможно только подъ руководствомъ великаго подвижника о. Іоанна, въ которомъ обитаетъ Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, яко Богъ въ образѣ человѣческомъ». Ученіе имѣло нѣкоторый успѣхъ: до 20-ти семействъ, продавъ свое имущество, отправились—было въ Кронштадтъ, чтобы вступить въ іоаннитскую общину. Но недолго, лишь два мѣсяца, прожили тамъ довѣрчивые прозелиты. Скоро разочаровались они въ іоаннитовъ. Благъ, обѣщанныхъ имъ совратителями, они, конечно, не нашли. И нищими возвратились въ свои родныя слободы. Тѣмъ не менѣе, это не разочаровало извѣстную часть населенія въ іоаннитовъ. И то одинъ, то другой скрывается въ іоаннитской сектѣ.

Такъ, скрылся, напр., крестьянинъ села Верхоозерья, Меленковскаго уѣзда, Б., не отыскавшійся и до сихъ поръ. На родинѣ онъ бросилъ жену и дѣтей.

Полтава.—Самоубійство толстовца.

Злоба дня у насъ—это самоубійство популярнаго въ городѣ толстовца Леонтьева. Леонтьевъ поселился въ Полтавѣ лѣтъ 17 тому назадъ простымъ ремесленникомъ. Вскорѣ, однако, стало извѣстно, что онъ принадлежитъ къ аристократической семьѣ, окончилъ пажеескій корпусъ, вращался сначала въ высшемъ свѣтѣ Петербурга.

Само собой разумѣется, что появленіе, напримѣръ, его на базарѣ съ табуретками собственнаго издѣлія для продажи, всегда бывало «событіемъ дня» для мѣстной публики, и толстовецъ Леонтьевъ, пріобрѣталъ все больше и больше поклонниковъ среди мѣстнаго населенія—поклонниковъ его, такъ сказать, личности, но не проповѣдуемыхъ имъ толстовскихъ идей... Его считали человѣкомъ не(отъ міра сего... Прошли года и къ нему привыкли, перестали имъ восхищаться.

Между тѣмъ, непривычный трудъ и крушеніе, какъ много полагаютъ, его идей сдѣлали изъ чуднаго человѣка, добрейшей и честнѣйшей личности Леонтьева—первнаго, извѣрившагося въ свои силы человѣка... И онъ отравился морфіемъ на 46 году своей жизни.

Духовенство отказалось хоронить его. Мотивированъ оффиціально отказъ тѣмъ, что онъ ни разу не говѣлъ въ Полтавѣ, несмотря на то, что прожилъ здѣсь свыше 17 лѣтъ. Хоронила покойнаго группа почитателей. Много было крестьянъ на похоронахъ. Они его считали «святымъ»...
(«Гол. Москвы»).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Т-во ХУДОЖНИКОВЪ

ПРИНИМАЕТЪ ЦЕРКОВНЫЯ РАБОТЫ ПО СВОЕЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ,

КАКЪ-ТО:

живопись Иконная, Картинная, Альфрейная и др.

Адресъ: Харьковъ, Квиткинская ул., № 42. И. Я. Нечесенко.

КАЗАННЯ

Сельск. Пастыря

60 коп.

Адр: Степанковскому, М. Пиковъ Под.

Случайно приобретены и являются библиографическою рѣдкостью нѣсколько экземпляровъ Погодинскаго Сборника подъ заглавіемъ:

„ВѢНОКЪ на МОГИЛУ Высокопреосв. Иннокентія, Архіеп. Таврическаго“.

Книга содержитъ въ себѣ біографическія свѣдѣнія о нашемъ знамени-томъ іерархѣ-философѣ, свѣдѣнія о его профессорской и іерархической дѣятельности и 25 избранныхъ его проповѣдей. Нѣтъ надобности говорить, что Высокопр. Иннокентій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ— среди духовныхъ ораторовъ не только нашего времени и отечества, но и всѣхъ временъ и народовъ.

Книга издана въ 1867 году и въ продажѣ стоила 1 р. Теперь же ее можно приобретать значительно дешевле и даже по взаимному соглашенію въ церковной лавкѣ при Харьковскомъ Покровскомъ Монастырѣ

ПАРОВЫЕ ЛѢСОПИЛЬНЫЕ ЗАВОДЫ И ЛѢСНЫЕ СКЛАДЫ

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА

К. Н. ПОПОВЪ И К^о.

въ г. Алатырѣ, Симбирской губ.

(Станція Московско-Казанской желѣзной дороги).

Лѣсные матеріалы какъ пиленые, такъ и круглые имѣются всевозможныхъ размѣровъ.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

На провозъ матеріаловъ для постройки церквей имѣется отъ станціи Алатырѣ спеціальныи льготныи тарифъ съ значительнымъ пониженіемъ провозной платы.

Прейсъ-куранты и справки высылаются немедленно по востребованію.

ПЕЧАТАЕТСЯ ВТОРЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ

СБОРНИКЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ПѢСНОПѢНІЙ

составленный Минскимъ Каѳедральнымъ Протоіереемъ В. Успенскимъ

Въ составъ сборника входятъ церковныя пѣснопѣнія на всенощномъ бдѣніи и литургіи въ воскресные дни (всѣхъ восьми гласовъ), В. поста—первой и Страстной седмицы,—Пасхи и двенадцатыхъ праздниковъ (стихиря на Господи воззвахъ, на лѣтїи, на стиховны, на хвалитѣхъ, тропари, кондаки, величанія прмсы, аятн-фова, пркнми и др.)—съ переводомъ ихъ на русскій языкъ. Второе издание сборника ц. пѣснопѣній исправлено въ текстѣ перевода ц. пѣснопѣній на русскій языкъ (особено въ прмосахъ), дополнено нѣкоторыми пѣснопѣніями (въ службахъ послѣднихъ дней Страстной седмицы), въ текстѣ ц.-славянскомъ сдѣланы необходимыя уставныя указанія, чтобы яснымъ былъ порядокъ церковныхъ службъ (что зачѣмъ слѣдуетъ). Кроме сего вновь составлены: ц. пѣснопѣнія съ переводомъ ихъ на русскій языкъ изъ службъ въ праздниви святыхъ и Богородичныхъ (празднованій чудотворныхъ иконамъ и нѣкоторыхъ другихъ парочитыхъ праздниковъ), а именно: 1 янв., 11 мая, 24 и 29 іюня, 15 іюля, 29 авг., 26 сент., 1 и 22 окт. и 6 декабря; на всѣ означенные праздники внесено по одной и двѣ—стихирѣ на Господи воззвахъ, на стиховнѣ, тропари, кондаки, величанія и прокнми; кроме сего тропари, кондаки и величанія на 30 янв., 23 апр., 22 іюля, 15 авг., 25 сентября и 8 ноября, тропари и величанія общіе Богородицѣ и святымъ (пророкамъ, апостоламъ, святителямъ, мученикамъ, преподобнымъ) и изъ службъ молебныхъ пѣній: на начало всякаго добраго дѣла, благодарственный молебенъ (съ пѣніемъ «Тебе Богъ хвалимъ»), при началѣ ученія отроковъ, малое водосвященіе, чинъ погребенія (всѣ, между прочимъ, стихиря составленныя Іоанномъ Дамаскинымъ—„Какъ житейская сладость...“ и стихиря при цѣлованіи умершаго), панихида, таинства Крещенія, Брака и Елеосвященія и язъ заупокойной службы (стихиря на Господи воззвахъ, на стиховнѣ и хвалитѣхъ) въ субботу мясопустную. Все это вновь сдѣланное дополненіе составитъ не менѣе 4 печатныхъ листовъ. Въ концѣ Сборника сдѣлано приложеніе—краткія свѣдѣнія о Христіанскомъ Богослуженіи (о всенощномъ бдѣніи и литургіи, о великопостномъ Богослуженіи, особенности Богослуженія Св. Пасхи, Рождества Христова и двенадцатыхъ праздниковъ, съ указаніемъ символическаго значенія всѣхъ обрядовъ) и о таинствахъ, съ краткимъ мѣсяцесловомъ. Весь означенный сборникъ съ приложеніемъ будетъ заключать въ себѣ не менѣе 18 печатныхъ листовъ (до 600 страницъ въ 16 долю печатнаго листа), будетъ изданъ на лучшей бумагѣ сравнительно съ первымъ изданіемъ.

Цена безъ пересылки 50 коп. При требованіи не менѣе 25 экз.—10% уступки (45 к.), при требованіи не менѣе 50 экз.—20% уступки (40 к. экз.); при требованіи же 100 экз. и болѣе—30% уступки (35 к. за экз.); пересылка во всѣхъ случаяхъ за счетъ покупателя. Согласно почтовымъ правиламъ, за пересылку книги подъ баннеролью плата по 2 коп. съ 4 листовъ (книга перваго изданія была въсѣмъ 20 лот.—10 коп., втораго же изданія, какъ на лучшей бумагѣ, не менѣе 35—36 лот.—до 18 или 20 коп., за пересылку посылкою до 2 фун.—25 к., до 7 ф.—45 к., до 12 ф.—60 к. (въ Западную Сибирь—45 к., 85 к., и 1 р. 25 к., въ Восточную Сибирь—65 к., 1 р. 25 к. и 1 р. 55 к.).

Книги высылаются за наличныя и наложеннымъ платежомъ.

Адресъ: Минскому Каѳедральному Протоіерееу В. Успенскому.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религиозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религиозно-правственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“, Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичествому“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихристѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руей“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“ Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“ Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Ляницкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ ИСТОМИНЪ.